

*Р.Д.Голдина,
Т.А.Колобова,
О.А.Казанцева,
А.Е. Митряков,
В.А.Шаталов*

ТАРАСОВСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

**Р. Д. Голдина, Т. А. Колобова, О. А. Казанцева,
А. Е. Митряков, В. А. Шаталов**

**Тарасовское святилище раннего железного века
в Среднем Прикамье**

Материалы и исследования
Камско-Вятской археологической экспедиции

Том 26

Ижевск
2013

ББК 63.442.7(235.553.4) – 427.2
УДК 902 (470.51) «63»
Т191

Рекомендовано к изданию Институтом истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета

Научный редактор – научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук
Л.И. Липина

Рецензенты: доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук Е.М. Черных;
зам. директора по научной работе Института истории, языка и литературы Коми центра УрО РАН, кандидат исторических наук И.О. Васкул

Т191 **Голдина Р. Д., Колобова Т. А., Казанцева О. А., Митряков А. Е., Шаталов В. А.**
Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье.
Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.26. Ижевск, 2013. 184 с.

ISBN 978-5-901304-68-6

В книге проф. Р.Д. Голдиной, к.и.н. Т.А. Колобовой, к.и.н. О.А. Казанцевой, к.и.н. А.Е. Митрякова, к.и.н. В.А. Шаталова исследованы результаты раскопок Тарасовского святилища раннего железного века, раскопанного 1980-1997 гг. в Сарапульском районе Удмуртской Республики Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета. Монография адресована археологам, историкам, этнографам и всем, интересующимся далеким прошлым нашего края.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0006, в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ББК 63.442.7(235.553.4) – 427.2
УДК 902 (470.51) «63»

© Р.Д. Голдина
© Т.А. Колобова
© О.А. Казанцева
© А.Е. Митряков
© В.А. Шаталов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
1. История изучения памятника	6
2. Стратиграфия культурного слоя	11
3. Исследованные объекты	14
4. Классификация материала	31
4.1. Глиняная посуда	31
4.2. Вещевой материал	41
4.3. Глиняная пластика	45
4.4. Датировка, культурная и функциональная оценка Тарасовского святилища.....	46
5. Особенности глиняной пластики Среднего и Верхнего Прикамья	51
5.1. Основные этапы изучения глиняной пластики Евразии.....	51
5.2. История изучения глиняной пластики Среднего и Верхнего Прикамья.....	52
5.3. Сведения о памятниках Среднего и Верхнего Прикамья, содержащих глиняную пластику.....	58
5.4. Общая характеристика и степень сохранности глиняной пластики.....	65
5.5. Методика анализа.....	65
5.6. Морфологическая характеристика предметов глиняной пластики.....	66
5.7. О назначении предметов глиняной пластики и их датировке	80
Вместо заключения	84
Таблицы.....	92
Список использованных источников и литературы	160
Список сокращений	169
Приложение. Казанцева О.А. Гончарство населения Тарасовского святилища.....	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1979 г. в Сарапульском районе Удмуртии при закладке нефтяной скважины был открыт могильник первой половины I тыс. н.э., получивший название по близлежащему селу – Тарасовский. На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством д.и.н., проф. Р.Д. Голдиной были проведены его исследования. В результате выяснилось, что могильник уникален: это крупнейший из известных и раскопанных некрополей финно-угорского населения, содержит 1880 могил, материалы которых отражают полутысячелетнюю (с I по V вв. н.э.) историю населения Среднего Прикамья. Кроме того, он один из редких памятников, функционировавших в так называемое переходное чегандинско-мазунинское время, проблемы изучения которого в приуральской археологии относятся к кругу остро дискуссионных.

Кроме того, в процессе работ выяснилось, что могильник располагался на площадке, ранее, приблизительно в IV–III вв. до н.э., занятой святилищем. Его слой в значительной мере разрушен могильными ямами, траншеями нефтепровода и при обустройстве нефтяной скважины. Но материалы этого памятника настолько уникальны, что их публикация заслуживает отдельного исследования.

Раскопки Тарасовских могильника и святилища потребовали привлечения немалых материальных ресурсов. Основные затраты на полевые работы были произведены Удмуртским государственным университетом (ректоры – проф. Шульга Борис Николаевич и лауреат Государственной премии СССР, д.ф.-м.н., проф. Журавлев Виталий Анатольевич). Кроме того, в 1983–1993 гг. раскопки памятника частично финансировались объединением «Удмуртнефть» (генеральный директор, действительный член Академии технологических наук РФ, Российской Академии естественных наук, Российской инженерной Академии, Международной Академии минеральных ресурсов, д.техн.н., проф. Кудинов Валентин Иванович). Значительную помощь в организации полевых исследований оказали главный экономист объединения «Удмуртнефть» Карчев Аркадий Владимирович и начальник отдела буровых работ Погосян Раймонд Андронникович. Активное участие в работах и частично в финансировании их принимал Музей истории и культуры народов Среднего Прикамья (г. Сарапул) (директор музея Шадрин Виктор Аркадьевич).

Основную тяжесть земляных работ на Тарасовских памятниках вынесли сотни студентов исторического факультета Удмуртского университета, а также учащиеся многих школ и СПТУ гг. Ижевска, Воткинска, Сарапула, с.Вавож и др. Следует отметить, что полевые работы на этом памятнике были очень трудными, так как глинистый грунт под палящим летним солнцем быстро превращался в плотный кирпич, который трудно было копать лопатами и расчищать. Часть памятника была плотно утрамбована проселочной дорогой, по которой многие годы ездили трактора и машины, и справиться с ней удалось только с помощью механического бура, разрыхлявшего верхний слой. Кроме того, на памятнике не было деревьев, кустиков, в тени которых можно было бы спрятаться и отдохнуть от летнего зноя. Но, несмотря на все трудности, раскопки могильника удалось завершить.

Эта книга является лишь небольшой частью той благодарности, которую заслужили участники раскопок и люди, волею обстоятельств способствовавшие им.

В изучении памятника в разные годы принимали участие научные сотрудники и студенты, специализировавшиеся по археологии в Удмуртском университете: Н.М. Алексеева, О.В. Арматынская,

Д.Ю. Баженов, Е.Л. Балахонцева, В.А. Бернц, А.Б. Буторина (Лькова), А.В. Васильев, Н.В. Водолаго, С.Р. Волков, Е.Р. Волкова, Л.П. Вологжанина, Е.В. Голдина, Ф.Ф. Губайдуллин, Т.В. Денисова, Г.Н. Журавлева, Р.М. Зайнуллин, И.В. Зайцева, Е.В. Исупова, О.И. Кадрова, О.А. Казанцева, В.А. Кананин, С.В. Кардинская, Е.Э. Киржнер, Е.М. Кирикова, Т.А. Колобова, О. Князева, Т.А. Коробейникова (Лаптева), Р.В. Лаптев, Л.И. Липина, Г.В. Лодыгин, М.Ф. Махлай, Г.В. Мерзлякова, С.М. Никифорова, Е.А. Обухова, Е.О. Одиноква (Пастушенко), Л.Ю. Орлова, И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевошиков, Л.Ф. Ведерникова (Перевошикова), А.Д. Петров, О.М. Полякова, С.П. Репина (Ковтун), Н.Л. Решетников, С.Г. Русских, Г.В. Сергеева, Е.Ю. Сердюк (Метелева), В.М. Соловей, В.К. Ткаченко, С.Ю. Халдеева, А.В. Чермных, Е.М. Черных, А.Н. Шикалов, И.С. Широбокова, Н.Ф. Широбокова, В.С. Яковлев и другие.

Особым образом хотелось бы отметить руководителей раскопок разных лет, обеспечивших необходимый организационный и методический уровень полевых исследований: О.В. Арматынскую, В.А. Бернц, Н.В. Водолаго, С.Р. Волкова, Г.Н. Журавлеву, Е.Э. Киржнер, Т.А. Лаптеву, Е.А. Обухову, И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевошикову, Н.Л. Решетникову, Н.Ф. Ширококову.

В 1987 г. Тарасовские памятники посетили участники международной финно-угорской конференции: доктора исторических наук В.В. Седов (г. Москва), А.Н. Кирпичников (г. Санкт-Петербург), Э.А. Савельева (г. Сыктывкар), К.А. Смирнов (г. Москва) и другие. В разные годы на раскопках Тарасовского могильника побывали ученые из разных стран: Иштван Фодор – директор Венгерского национального музея, Чанад Балинт – директор Института археологии Венгерской академии наук, Фалько Дайм – профессор Института ранней истории Венгерского университета, Бела Кюрти – научный сотрудник Сегедского музея (Венгрия) и другие.

Уникальность памятников, масштабность результатов раскопок определили объем публикуемых материалов – только рисунки найденных остатков могильника заняли 719 страниц. Поэтому было решено представить материалы этих памятников в нескольких томах: том I – Р.Д. Голдина. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме, каталог погребений; том II – Р.Д. Голдина. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме, иллюстрации; том III – Р.Д. Голдина, Т.Р. Сабиров, Т.М. Сабирова. Погребальный обряд Тарасовского могильника; том IV и V – исследования материалов Тарасовского могильника; том VI – Р.Д. Голдина, Т.А. Колобова, О.А. Казанцева, А.Е. Митряков, В.А. Шаталов. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

Тарасовские могильник и святилище были открыты осенью 1979 г. ведущим научным сотрудником музея истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула Николаем Леонидовичем Решетниковым при обследовании грунта, вынутого из траншеи под нефтепровод и пробуренную нефтяную скважину №25 Ельниковского месторождения, разрабатываемого объединением «Удмуртнефть». При осмотре траншеи были обнаружены остатки 10 разрезанных скрепером могил, на поверхности – человеческие кости и различные железные и бронзовые вещи.

Памятник находится в среднем течении р. Камы, в 240 км к юго-западу от г. Перми, в 87 км к юго-востоку от г. Ижевска, в 310 км к востоку от г. Казани. Он расположен на мысу высокой (20 м) коренной террасы правого берега р. Камы, образованном впадающим в нее ручьем, в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики и в 2 км к юго-западу от современного русла р. Камы (рис. 1, 2). Площадка имеет значительный наклон к северо-востоку.

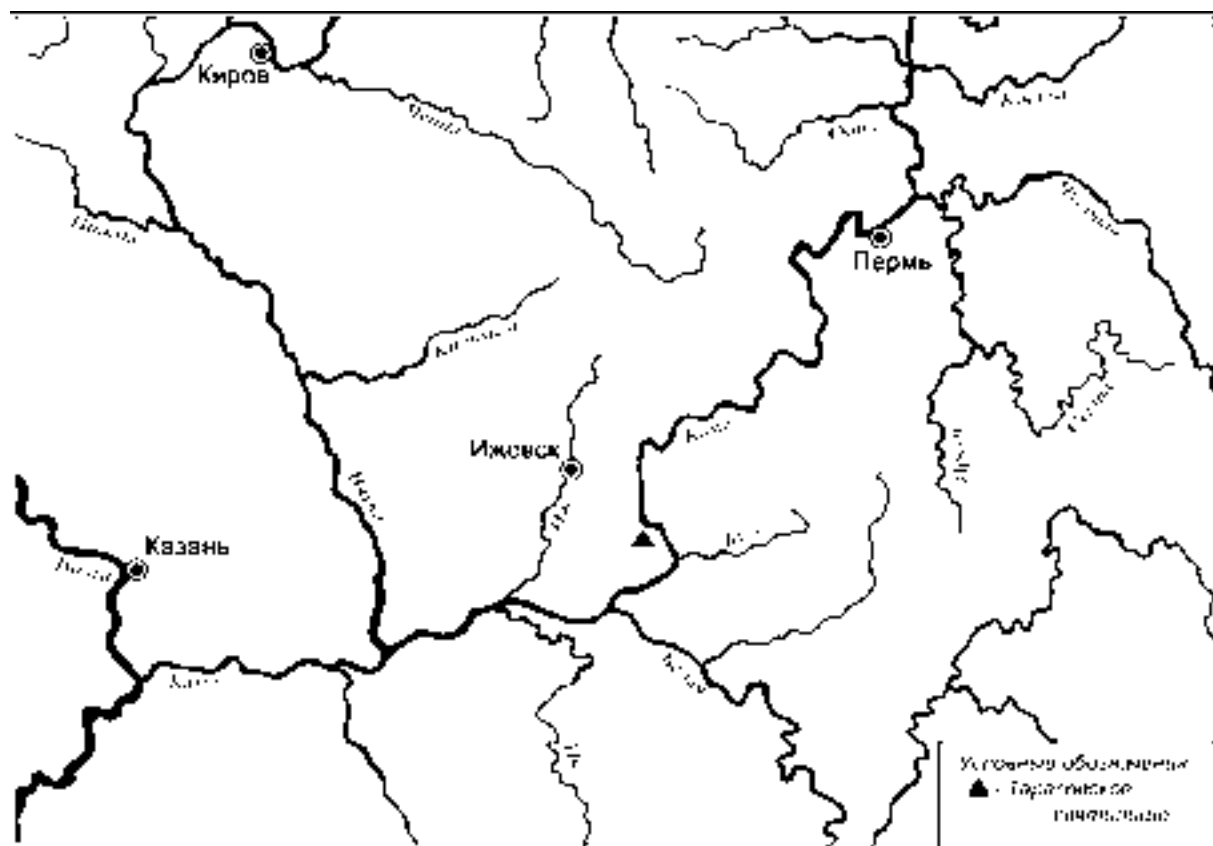

Рис. 1. Тарасовское святилище. Место расположения

Западный склон крутой, поверхность сильно нарушена при бурении скважины и прокладке канав для нефтепровода. Скважина была заложена почти в центре мыса, на наиболее возвышенной части и от нее проложена канава в северо-восточном направлении, длиной 133,5, шириной около 1 м. Очевидно, при бурении скважины была довольно глубоко снята поверхность юго-западнее скважины и траншеи, что полностью разрушило здесь значительную часть культурного слоя и могил. На поверхности памятника располагался строительный мусор, обрывки тросов, груды развороченной земли. Отдельные поздние ямы зафиксированы и в северо-восточной половине раскопа.

Первоначально складывалось впечатление, что остатки, найденные в межмогильном пространстве, имеют поселенческий характер, и они были обозначены как Тарасовское I селище. Но в последующем, при анализе материалов, стал очевиден его необычный характер: много глиняной пластики, наконечников стрел, миниатюрных предметов и сосудов и было решено переименовать его в Тарасовское святилище. Вокруг мыса, на котором располагался памятник, были обнаруже-

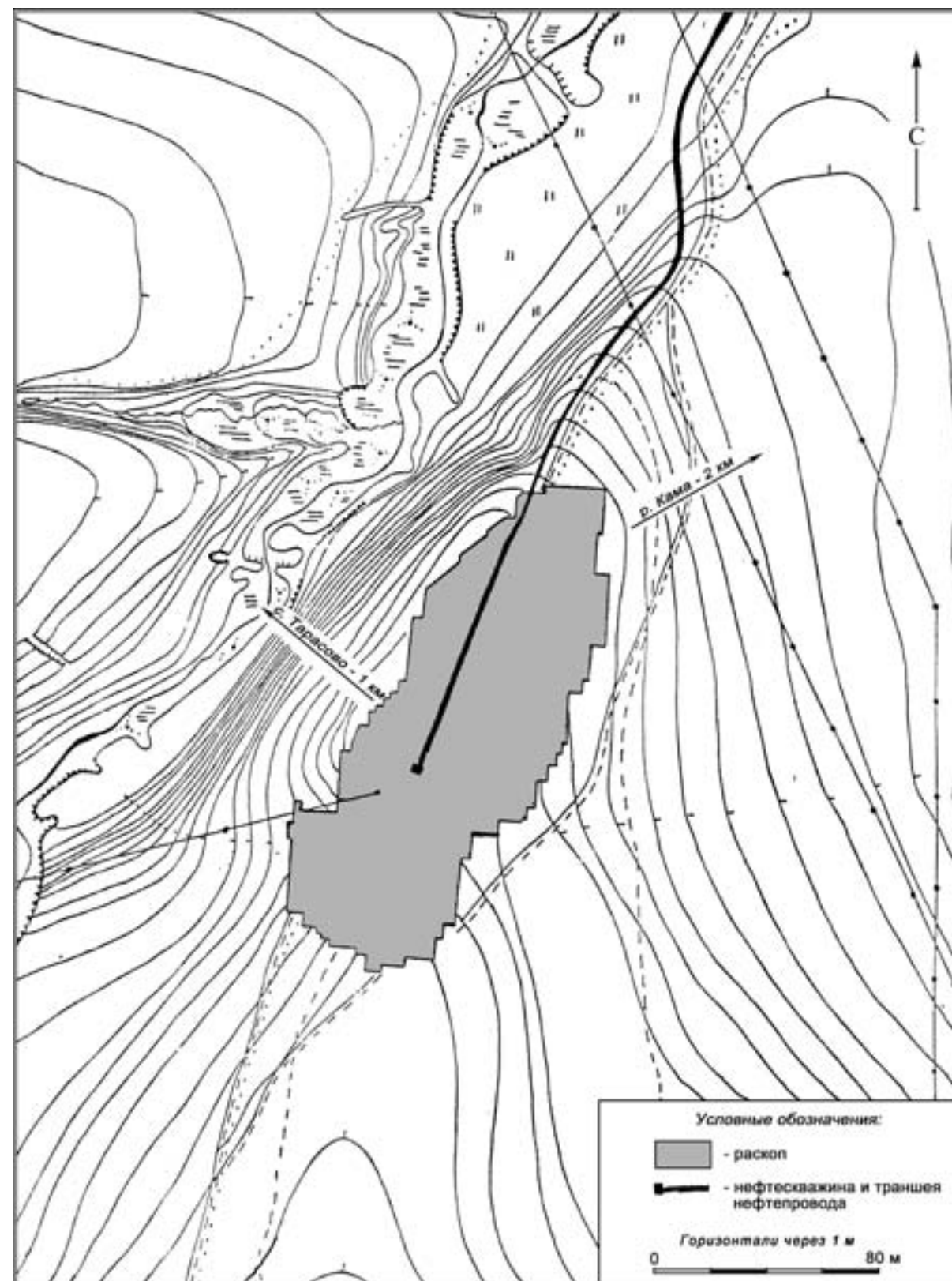

Рис. 2. Тарасовское святилище. Топографический план

ны еще 13 селищ (рис.3). Пока трудно определить, какие из них связаны со святилищем, а какие с могильником. Найденные остатки невыразительны: фрагменты керамики, кости животных, куски обмазки. Возможно, со временем эти селища удастся идентифицировать более точно.

Очевидно со святилищем связана одна из могил (№522), зафиксированная в северо-восточной части раскопа (уч. И/26), принадлежащая мужчине 40-50 лет. Могильная яма выбивается из общего ряда могил, отличается ориентировкой и нарушена двумя погребениями №520 и 375. Положение костяка необычно: кости ног располагались на костях рук и предплечий. Умерший был убит стрелой с бронзовым втульчатым трехлопастным наконечником стрелы, который был найден у седьмого шейного позвонка.

В общей сложности в разные годы на могильнике и святилище раскопана площадь в 16091,5 кв.м (рис.4). Наиболее значительные объемы работ выполнены в 1982, 1986–1988 и 1994 гг. (табл.А).

Таблица А. Сведения об истории археологического изучения Тарасовского святилища

Год	Площадь, м ²
1980	657
1981	693
1982	1336,5
1983	891
1984	765
1985	621
1986	1242
1987	1638
1988	1548
1989	1150
1990	1110
1991	1098
1992	603
1993	710
1994	1435
1995	207
1996	198
1997	189
Итого	16091,5

Раскопы 1980 г. были заложены по обе стороны от траншеи нефтепровода, где хорошо были видны профили разрушенных могильных ям. Это было необходимо, чтобы изучить характер заполнения и форму могильных ям. Раскопы последующих лет примыкали к предыдущим, образуя сплошную сетку, имеющую общие обозначения. Исследования проводились условными участками, размерами 3х3 м. С востока на запад участки были обозначены большими буквами русского алфавита от А до Я и затем прописными буквами от а до с. С севера на юг участки пронумерованы арабскими цифрами от 1 до 74.

Выборка грунта производилась горизонтальными слоями с зачистками через 10–15 см. Находки, очертания ям и погребений фиксировались на общем плане в масштабе 1:50 и на отдельных планах – 1:10. Для наблюдений за стратиграфией культурных напластований святилища между участками были оставлены взаимоперпендикулярные бровки. После снятия верхних горизонтов была произведена фиксация очертаний. Выяснилось, что слой святилища большей частью уничтожен распашкой и могилами. Бровки, мешающие выборке погребений после фиксации, разбирались. Остатки слоя святилища исследовались после отработки погребений.

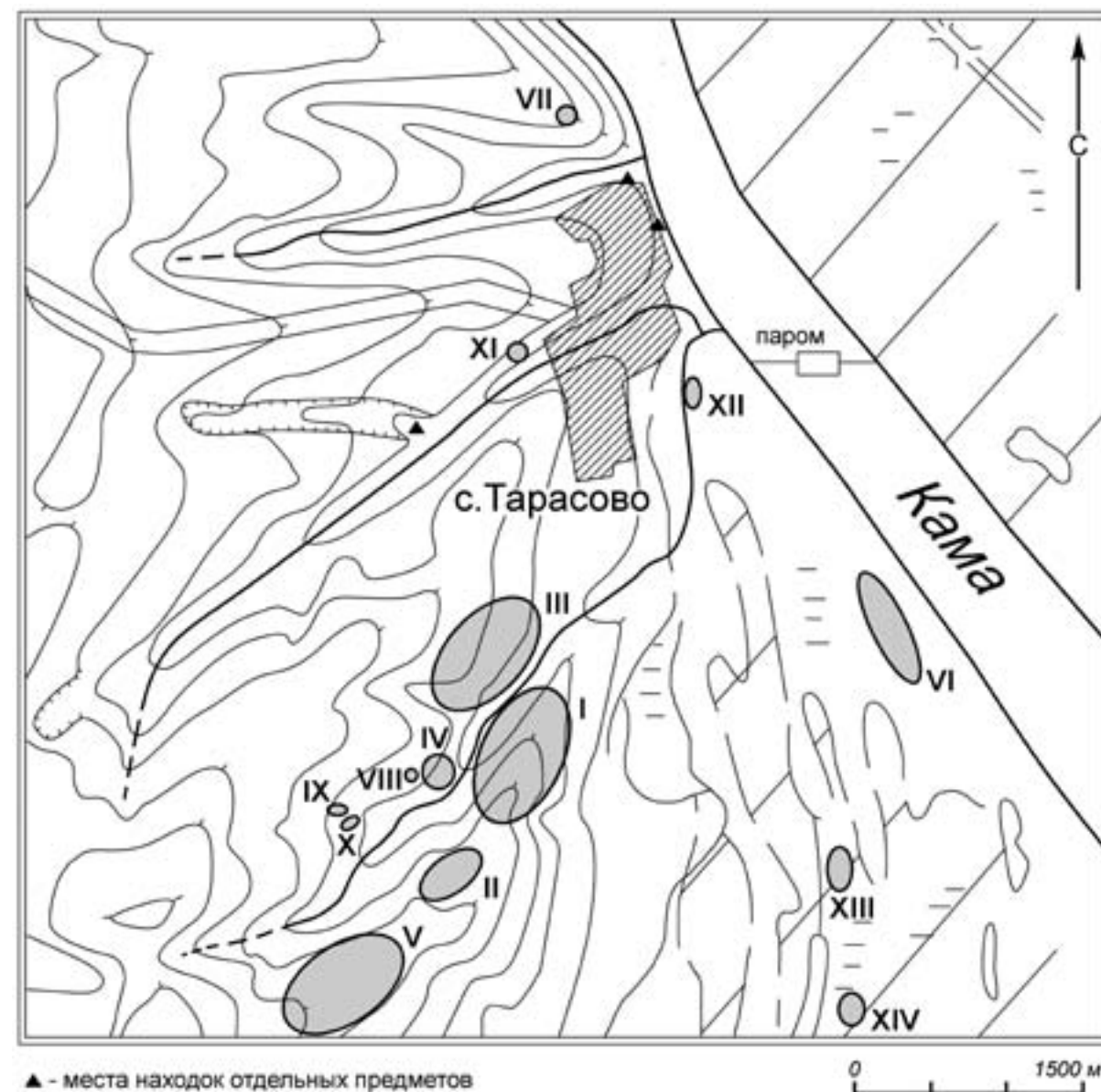

Рис. 3. Карта-схема расположения памятников археологии у с. Тарасово: I – Тарасовские святилище и могильник; II-V – Тарасовские II-V селища; VI – Тарасовские VI селище и стоянка; VII-XIV – Тарасовские VII-XIV селища

2. СТРАТИГРАФИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

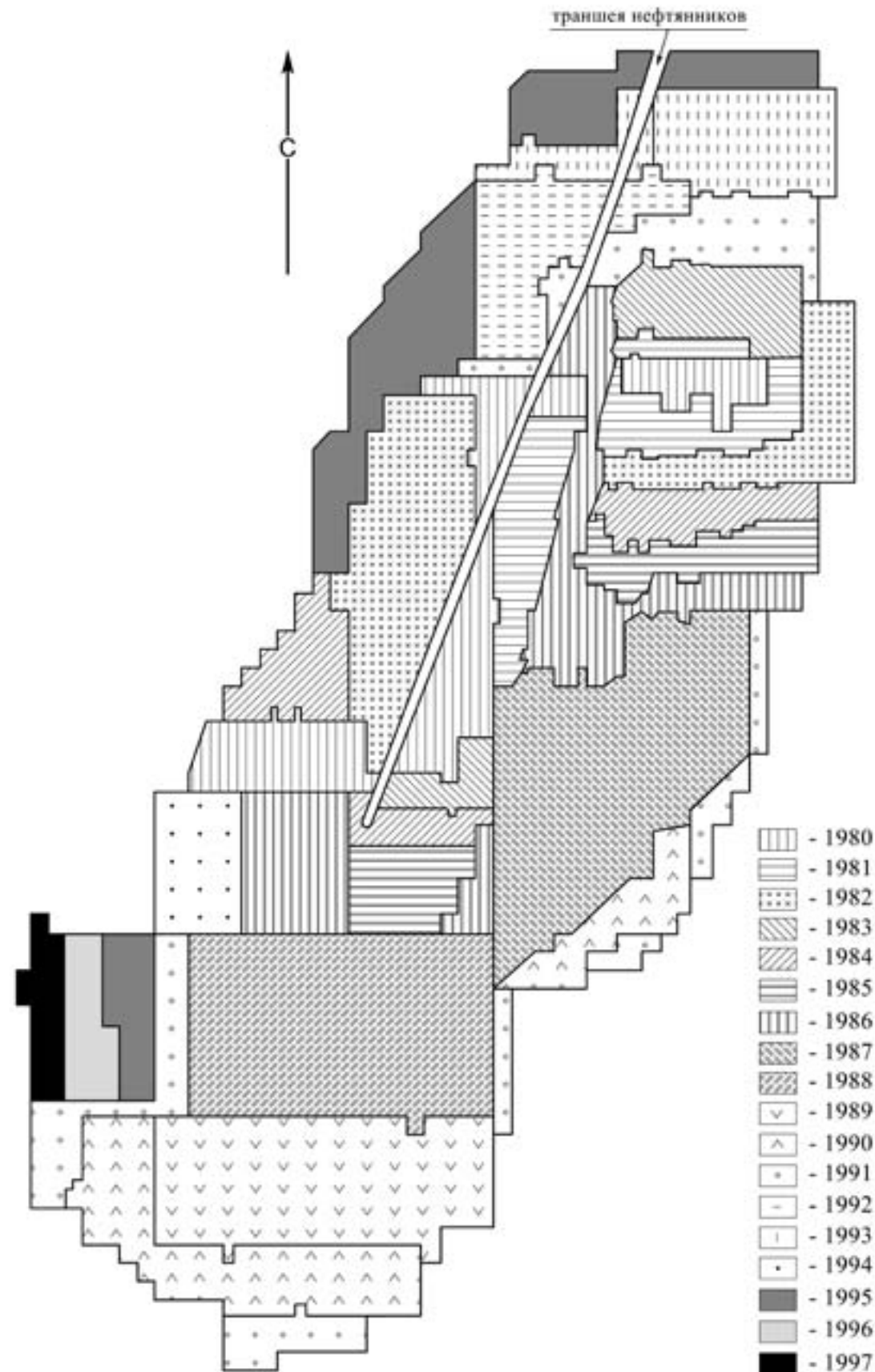

Рис. 4. Тарасовское святилище. Схема раскопов

Культурный слой памятника располагался на наиболее возвышенной части мыса, отсутствуя в северной, южной и северо-западной частях раскопа. Наблюдалось его некоторое увеличение в западной части, на склоне мыса, очевидно, в результате естественного сползания слоя на более низкие участки. В центральной и северной частях раскопа слой нарушен при обустройстве нефтяных объектов.

Слой №1 (рис.5-1-3) – дерново-пахотный, распространен повсеместно, представляет собой результат хозяйственного использования площадки памятника по окончании накопления древних культурных слоёв (распашка нового времени) и естественных биогенных процессов почвообразования и задерновывания поверхности. Слой №1 перекрывает все другие, имеет мощность 8–25 см и содержит мелкие фрагменты керамики.

Слой №2 (рис.5-1-3) – тёмный гумусированный плотный суглинок, содержащий предметы, датированные ананьинско-пьяноборским временем. В ходе работ был выявлен приблизительно на 55-60% площади памятника. Интенсивность слоя варьирует от нескольких сантиметров до 60-70 см (профили бровок по линии 45, участки Ц-Ф, профили бровок по линиям Ж-Н/26-27, раскопы 1984 г.) (Голдина Р.Д., Отчет за 1985, рис.10,11), а на отдельных участках и более. На некоторых участках этот слой вообще отсутствует, очевидно, уничтожен распашкой.

Слои №№3-5 (рис.5-1,3; 6-4; 7-4; 8-1,2; 9-1,2; 13), представляют собой результат воздействия на вмещающую породу высоких температур (прокалы – слой №3, зольники – слой №4, углистые пятна – слой №5). Встречаются как в виде пятен на основной площадке памятника, а также в виде линз в заполнении ям.

Слои №6 и 8 (рис.5-1,3), связанные с современной хозяйственной деятельностью человека: заполнение поздних ям и выброс из траншей нефтянников. Слой №6 (рис.5-1) практически всегда пререзает все наличествующие на памятнике слои, в то время как слой №8 (рис.5-1,3) в ряде случаев оказывается погребён новообразовавшимся дерново-гумусным слоем №1 (например, профили бровок раскопов 1991 г.) (Голдина Р.Д., Отчет за 1991, рис.20-36).

Слой №7 (рис.5-1,2) – пестроцвет – суглинок с мергелистыми включениями и вкраплениями угля – заполнение погребений могильника I-V вв. Слой №7 всегда пререзает слой №2. Слой №9 также зафиксирован пререзанным погребением 1587.

Слой №9 (рис.5-1) – коричневый гумусированный суглинок с углистыми и зольными включениями, а также мелкими вкраплениями обожженной глины. В ходе работ был выявлен пятном в северо-западной части раскопа, а также входит в заполнение ям; пятно лежит выше слоя №2 и отделено от него подушкой зольника (см. профиль бровки по линии Р уч.15-18, раскоп XXVII от 1991 г. (Голдина Р.Д., Отчет за 1991, рис.32)), профиль бровки по линии 21, участка УФ (Голдина Р.Д., Отчет за 1991, рис.5). В одном месте слой №9 отделён от слоя №2 тонкой прослойкой красной глины (профиль бровки по линии 20, участка Р-Т (Голдина Р.Д., Отчет за 1991, рис.5)). Слой распространен в виде неправильного пятна размерами 15x18 м на уч.Р-Ф/12-22, мощность его 20-30 см.

Интересным представляется образование слоя №9. К его распространению в северной части площадки приурочены также значительные по площади прокалы, зольники и существенное количество столбовых ямок. Здесь же расположено скопление изделий: глиняных и костяных амулетов, наконечников стрел, пряслиц и т.д. Наличие зольной подушки, ям, кострищ, столбовых ям, а также угольков и обожженной глины в составе слоя и концентрация находок заставляет предположить, что его распространение маркирует зону активной деятельности на памятнике в конце I тыс. до н.э.

Слой №10 – красная глина без включений – заполнение захоронения, относящегося к святилищу (рис.14).

Слой №11 (рис.5-1-3) – красная глина с редкими мергелистыми включениями – археологический «материк», порода, ненарушенная антропогенными процессами. Распространен по всей территории памятника.

Слой №12 (рис.6-3) – желтая глина с гумусированными включениями – заполнение некоторых ям святилища.

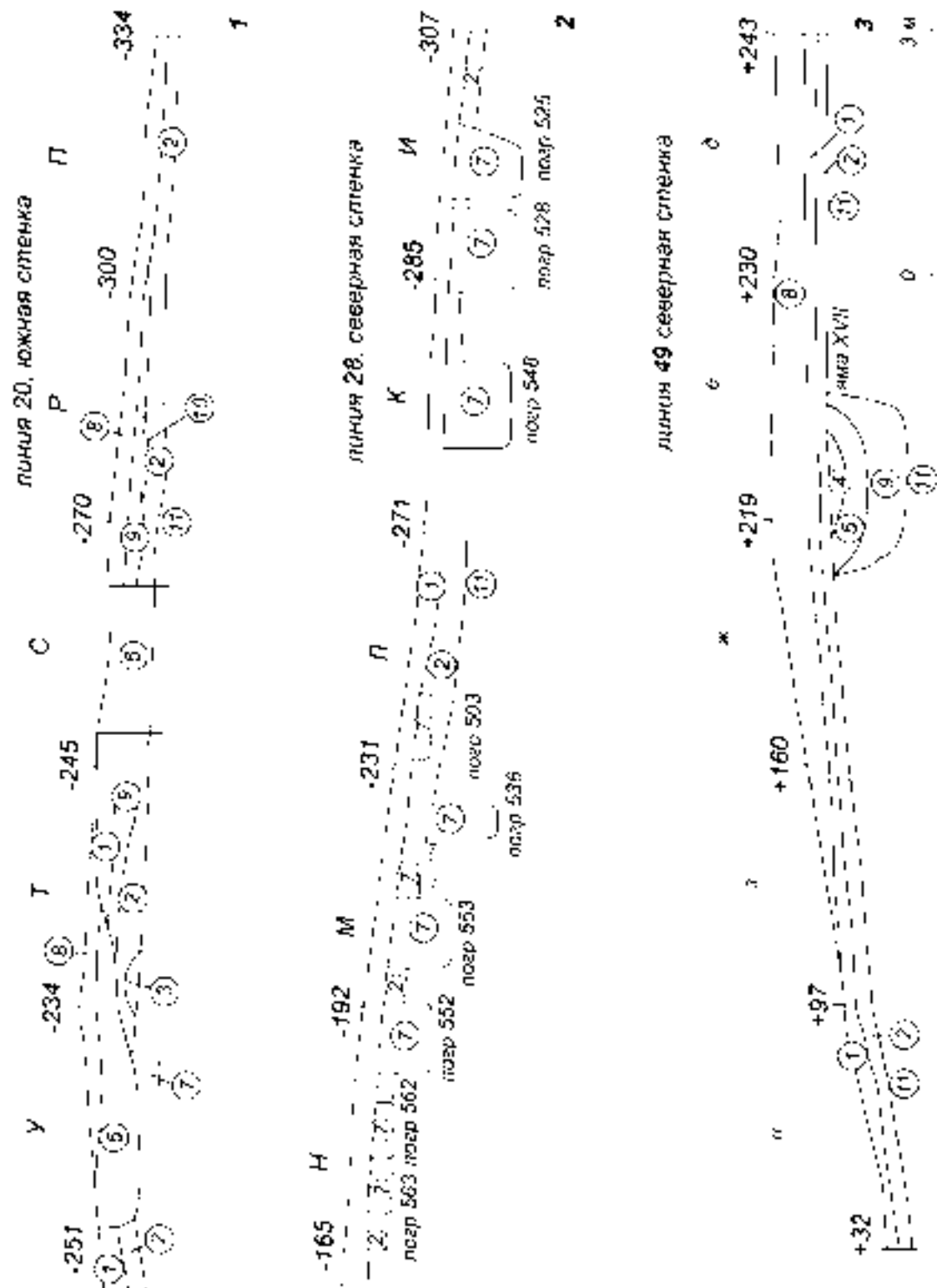

Рис. 5. Тарасовское святилище. Разрезы слоёв. 1 — по линии 20, южная стенка; 2 — по линии 28, северная стенка; 3 — по линии 49, северная стенка

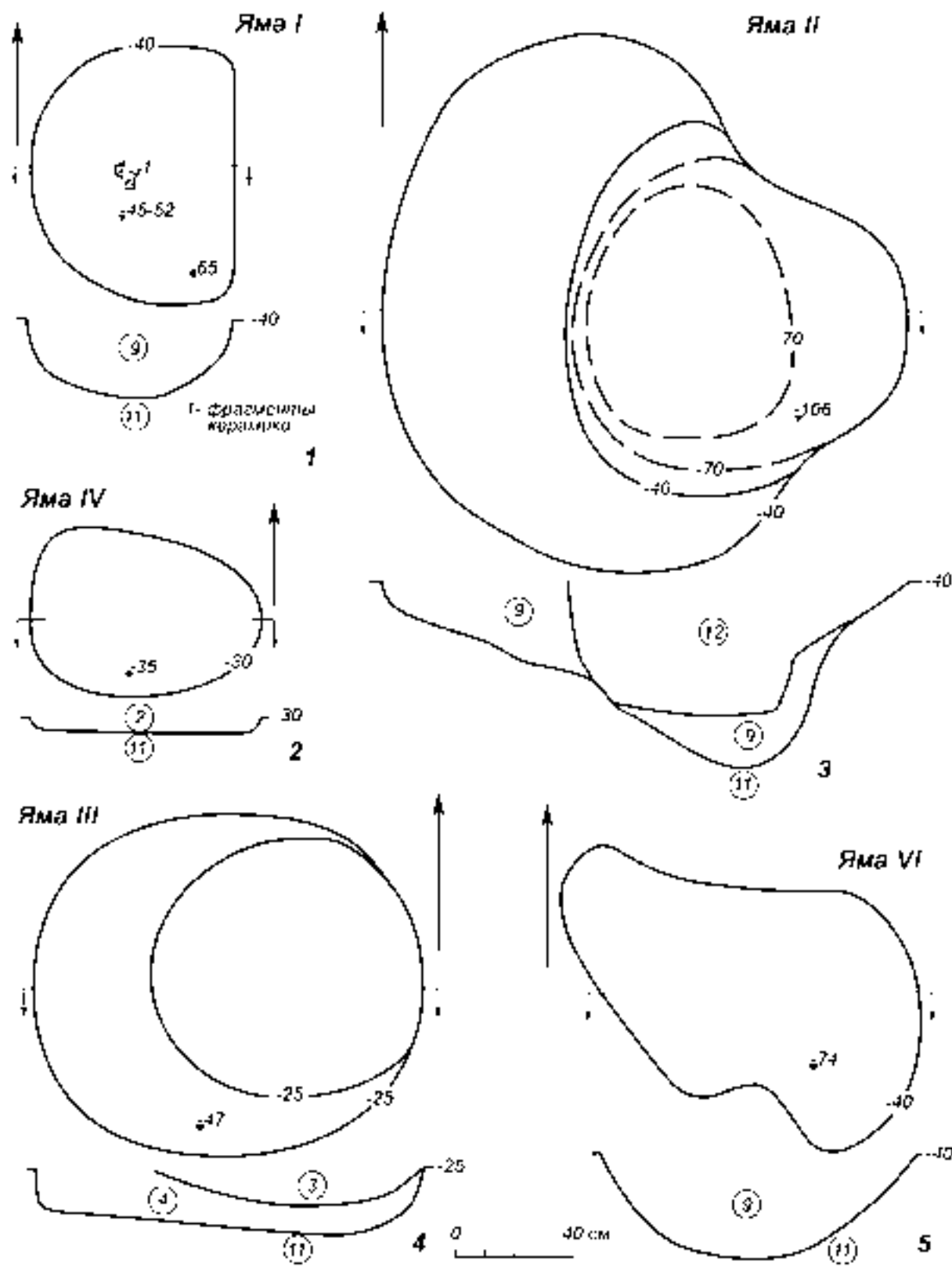

Рис. 6. Тарасовское святилище. Планы и разрезы ям I-IV, VI

3. ИССЛЕДОВАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

На площади раскопа обнаружено 17 ям различной формы, размеров и глубины, относящихся, вероятно, к святилищу (рис.6-9). Основная масса их заполнена слоем №9 – коричневым гумусированным суглинком с углистыми и зольными включениями, а также мелкими вкраплениями обожженной глины (ямы I, II, V, VI и др.), редко – слоем №2 – темно-серым гумусированным суглинком (яма IV). Иногда в заполнении ям отчетливо прослеживались пятна прокала и зольные линзы (яма III, VIII, IX, XI, XIV, XVI, XVII). В большинстве случаев находок в ямах нет, лишь изредка встречались фрагменты керамики (яма VII, VI, XVI, XVII). Единично обнаружены: обломок глиняной вещи (яма VII), глиняная льячка (яма XVI), фрагмент тигля, обломок бронзовой вещи и раздавленный глиняный сосуд (яма XVII).

Яма I (уч. д/55; рис.6–1). В плане округлой формы, уплощенная с восточной стороны, зафиксирована на уровне -40 см. Ее размеры 85x67 см. В заполнении ямы – слой №9, дно округлое. На уровне -45-52 см в яме расчищены фрагменты керамики. Максимальная глубина – 65 см.

Яма II (уч. Э/58; рис.6–3). Яма неправильной формы, размерами 169x158 см, зафиксирована на уровне -40 см. В заполнении ямы – слой №9 и №12, максимальная глубина – 106 см. Находок нет.

Яма III (уч. ЧШ/64-65; рис.6–4). Уровень фиксации -25 см. Имеет округлую в плане форму, размеры 130x114 см, максимальную глубину 47 см. Дно ямы уплощенное, несколько больше углублено в восточной части; западная стенка вертикальна, восточная – наклонна. Яма заполнена зольным слоем №4 с включениями мелкого известняка. В верхней части ямы зафиксировано пятно прокала округлой формы (90x85 см) мощностью 12 см. Находок нет.

Яма IV (уч. и/61; рис.6–2). Уровень фиксации -30 см. В плане имеет близкую к овальной форму, вытянутую по линии З-В. Размеры 78x56 см, глубина 35 см. Дно плоское; заполнена гумусированным плотным суглинком (слой №2). Находок нет.

Яма V (уч. и/61). Уровень фиксации -30 см. Имеет подпрямоугольную с сильно закругленными углами форму, коническое дно. Размеры 46x35 см, максимальная глубина – 41 см. Заполнена коричневым гумусированным суглинком с углистыми включениями и мелкими вкраплениями обожженной глины (слой №9); ориентирована по линии С-Ю. Находок нет.

Яма VI (уч. кл/67; рис.6–5) Уровень фиксации -40 см. Яма в плане имела неправильную форму, округлое дно, наклонные стенки. Её размеры 134x70 см, максимальная глубина – 74 см. Заполнена слоем №9. Находки отсутствуют.

Яма VII (уч. ПР/51-52; рис.7–1). Уровень фиксации -35 см. Северная часть ямы нарушена погребением 1587. В плане яма имела округлую форму; стенки её наклонные, дно неровное. Размеры 375x275, на уровне -60 см очертания ямы приобретают форму близкую к овалу, размеры сокращаются до 245x175 см. На глубине 80 см котлован ямы делится на два углубления: северное – неправильной формы размерами 175x108 см и глубиной 98 см, южное – округлой формы размерами 66x62 см и глубиной 94 см. Стратиграфия напластований в яме достаточно сложна: практически весь котлован заполнен коричневым гумусированным суглинком с углистыми включениями и мелкими вкраплениями обожженной глины (слой №9), в котором фиксируются две достаточно мощные линзы желтой глины с гумусированными вкраплениями (слой №12). В засыпи ямы найдены немногочисленные фрагменты керамики (№1), кости животных (№2), фрагмент глиняной вещи (№3).

Яма VIII (уч. Т/18; рис.7–2). Уровень фиксации -45 см. Яма имела в плане овальную форму, уплощенное дно, размеры 85x55 см, максимальная глубина – 51 см; заполнение – зола (слой №4). Находки отсутствуют.

Яма IX (уч. С/14, рис.7–3). Уровень фиксации -40 см. Имела в плане округлую форму и размеры 80x70 см, максимальная глубина – 47 см. Дно плоское. Заполнение – зола (слой №4). Находки отсутствуют.

Яма X (уч. ФУ/16, рис.7–4). Уровень фиксации -30 см. В плане имела подпрямоугольную форму, плоское дно, ее размеры – 84x37 см. Максимальная глубина – 36 см. Заполнение – углистый слой (слой №5) Находок не обнаружено.

Яма XI (уч. ХЦ/12; рис.8–1). Уровень фиксации -20 см, имела округлую в плане форму, размеры 204x199 см, максимальную глубину 85 см. Дно ямы округлое, стенки наклонные. В заполнении – коричневый гумусированный суглинок с углистыми включениями, а также мелкими вкраплениями

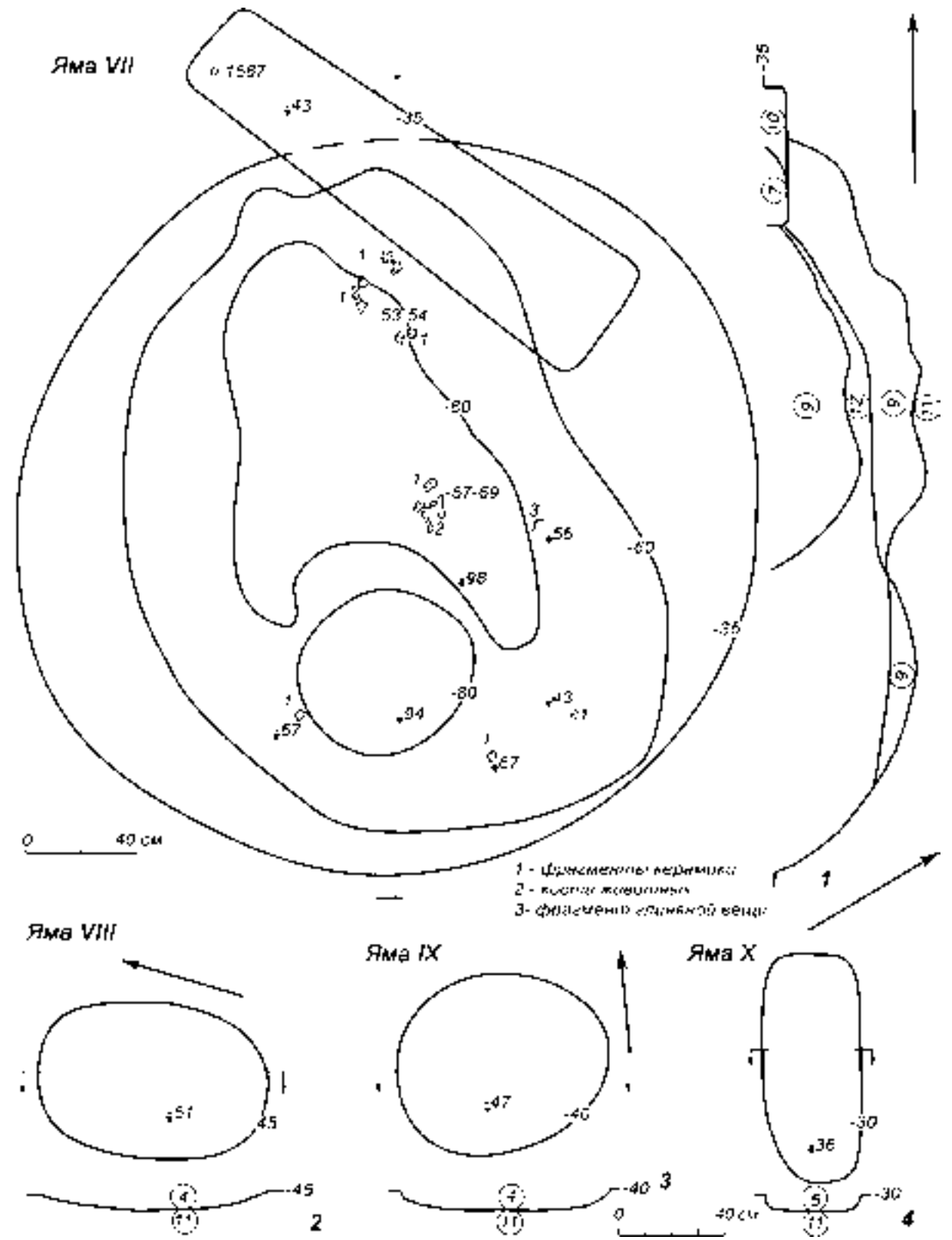

Рис. 7. Тарасовское святилище. Планы и разрезы ям VII-X

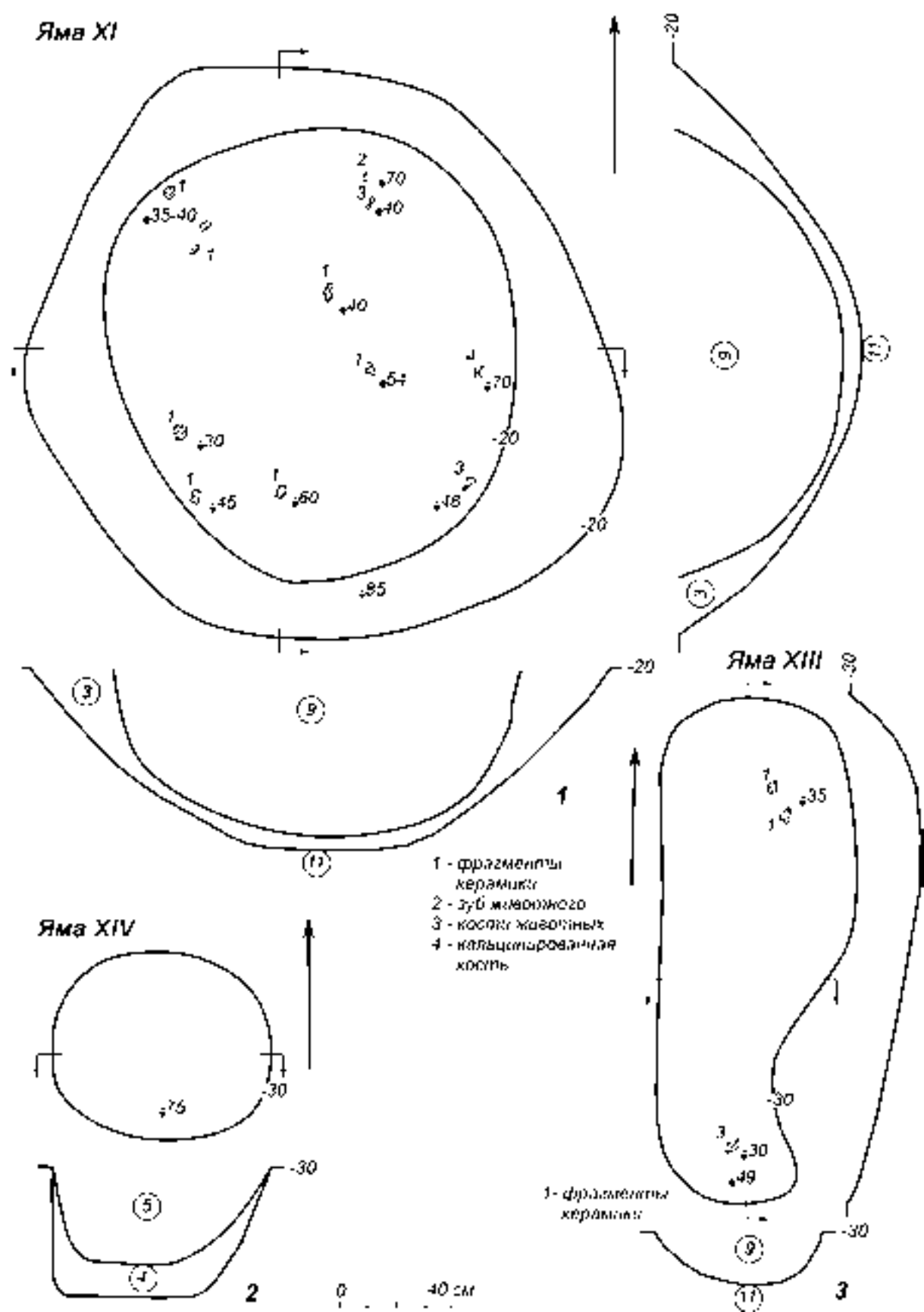

Рис. 8. Тарасовское святилище. Планы и разрезы ям XI, XIII и XIV

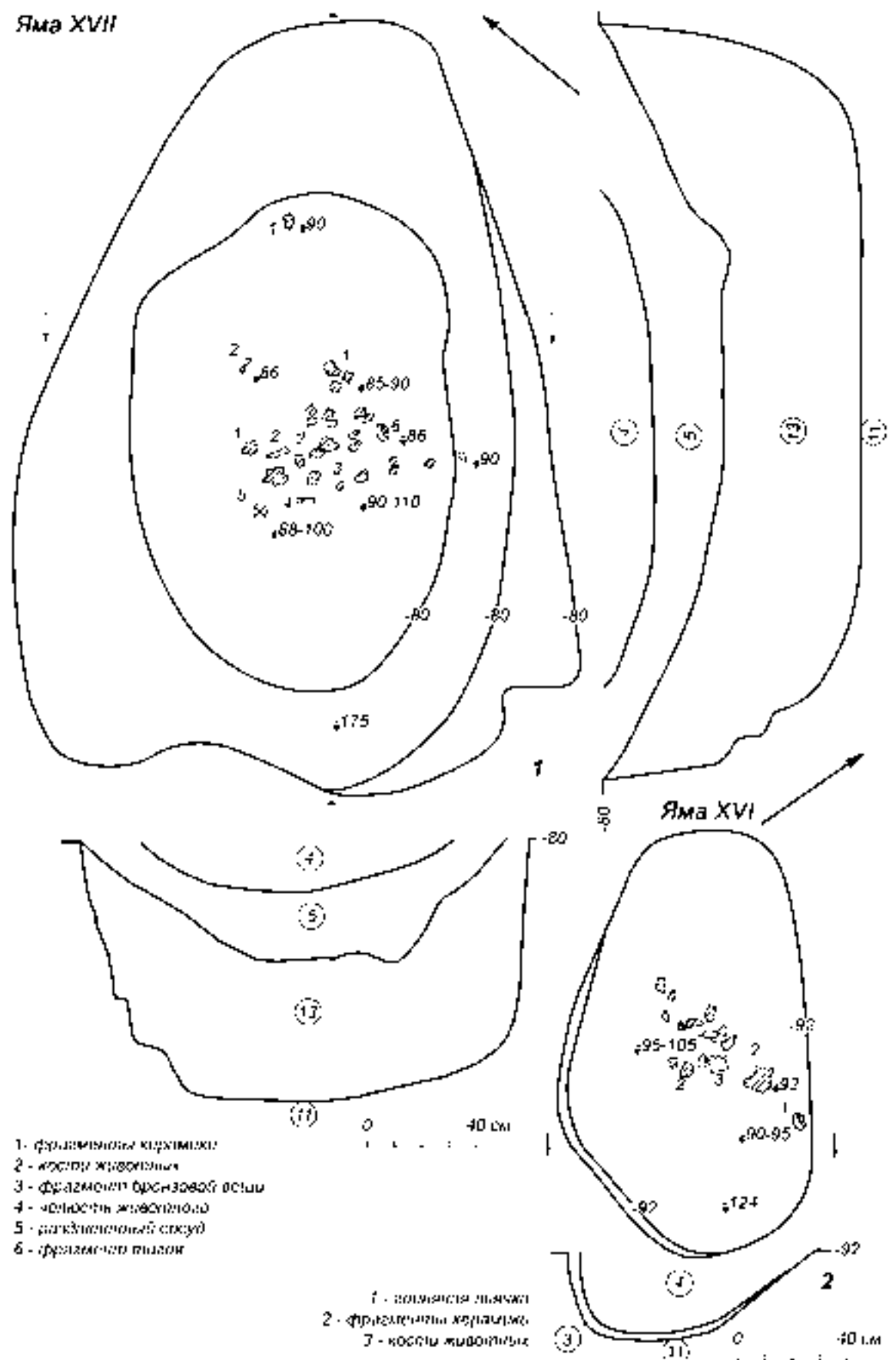

Рис. 9. Тарасовское святилище. Планы и разрезы ям XVI и XVII

обожженной глины (слой №9). Вдоль стенок и дна зафиксирован слой ярко-оранжевого суглинка – прокаленная почва (слой №3). В заполнении ямы, в слое №9, на глубине 30-70 см найдены фрагменты керамики (№1), зуб (№2), а также сырые и кальцинированные кости животных (№3,4).

Яма XII (уч. Э/19). Уровень фиксации -30 см, имеет подпрямоугольную в плане форму с сильно закругленными углами; размеры 153x92 см, максимальную глубину 58 см. Дно округлое, стенки наклонные. В заполнении слой №9. Находок нет.

Яма XIII (уч. Э/24; рис.8–3). Уровень фиксации -30 см. Яма имела неправильную форму, размеры 175x64 см, максимальную глубину 49 см. Дно округлое, стенки наклонные. Заполнение – слой №9. В северной и южной частях ямы на глубине 30-35 см найдено 3 фрагмента керамики (№№1, 3).

Яма XIV (уч. ЮЯ/25; рис.8–2). Уровень фиксации -30 см. Яма округлой в плане формы, имеет размеры 76x65 см, максимальную глубину 75 см. В заполнении – углистый слой (слой №5), вдоль стенок и на дне – зольный слой мощностью до 10 см (слой №4). Находок нет.

Яма XV (уч. и/47-48). Зафиксирована на уровне -45 см. Имела в плане неправильную форму, размеры 156x156 см, максимальную глубину 130 см. Дно ямы овальное, стенки наклонные. В заполнении – коричневый гумусированный суглинок с углистыми включениями и мелкими крапинками обожженной глины (слой №9), на дне – желтая глина с гумусированными включениями толщиной до 10 см (слой №12). Находок не обнаружено.

Яма XVI (уч. жз/47-48; рис.9–2). Уровень фиксации -92 см. Имела в плане неправильную овальную форму, размеры 154x92 см, максимальную глубину 124 см. Дно ямы уплощенное, северо-восточная стенка наклонная, юго-западная – отвесная. В заполнении зольный слой (слой №4), по дну и вдоль южной стенки – углистая прослойка (слой №3) мощностью 1-4 см. В центре ямы на глубине 92-105 см найдены фрагменты керамики, кости животных и керамическая льячка.

Яма XVII (уч. еж/48-49; рис.9–1). Уровень фиксации -80 см. Яма имела неправильную в плане форму, размеры 277x208 см, максимальную глубину 175 см; уплощенное дно и слегка наклонные стенки, две из которых (северо-западная и юго-западная) с небольшими ступенчатыми уступами. В заполнении ямы три слоя: верхний – зольный (слой №4), под ним – ярко-оранжевый суглинок – прокаленная почва (слой №5), на дне – светло-серый суглинок с редкими включениями угля и золы (слой №13). В центре ямы, в слоях №4 и 5 на глубине 80-110 см найдены фрагменты керамики (№1), кости и челюсть животных (№2,4), фрагменты тигля, бронзовой вещи (№3) и развал лепного сосуда (№5).

Ямы концентрировались преимущественно несколькими скоплениями в южной и северо-западной частях раскопа (рис.10). Здесь же беспорядочно располагались столбовые ямки, несколько кострищ и зольников.

Столбовые ямки

Столбовых ямок выявлено 71 (рис.11, 12). Они зафиксированы в большинстве своем на верхней отметке материка, имели диаметр от 3 (№10, 13) до 48 см (№58) (табл.Б), средний диаметр 12,8 см. Глубина столбовых ямок от уровня фиксации колеблется от 3 (№68) до 58 см (№18), средняя глубина – 13,27 см. Таким образом, большинство ямок – остатки небольших кольев, однако некоторые (№№36, 39, 49, 50, 52, 57, 58, 61) превышают диаметр 20 см и представляют собой следы от крупных столбов. Среди них выделяются значительной глубиной ямы №49, 58, а также яма №36, которая имела квадратный план. В разрезе ямки имели коническое (43 экз., 60,5%), округлое (23 экз., 32,5%), реже уплощенное (5 экз., 7%) дно.

Таблица Б. Характеристика столбовых ямок

№№	Участок	Уровень фиксации (см)	Диаметр (см)	Глубина от уровня фиксации (см)	Форма дна
1	2	3	4	5	6
1	Ф/22	-50	11	23	коническая
2	У/21	-60	4	8	коническая
3	Т/20	-75	10	20	округлая
4	У/20	-60	15	7	округлая
5	У/20	-60	6	6	уплощенная

1	2	3	4	5	6
6	У/20	-60	9	5	уплощенная
7	Т/20	-75	10	11	округлая
8	У/21	-60	9	17	коническая
9	У/21	-60	5	6	коническая
10	У/21	-60	3	6	коническая
11	У/21	-60	4	8	коническая
12	Ф/24	-40	4	7	коническая
13	У/22	-40	3	9	коническая
14	У/23	-40	5	7	коническая
15	У/23	-40	4	6	коническая
16	Ф/24	-40	5	7	коническая
17	Ф/24	-40	15	10	округлая
18	Х/33	-25	17	58	округлая
19	Т/23	-3	7	36	коническая
20	Р/23	-25	15	27	коническая
21	С/23	-10	5	44	коническая
22	С/23	-25	5	10	коническая
23	П/23	-20	9	16	коническая
24	Р/24	-30	12	16	коническая
25	Р/26	-20	4	8	коническая
26	Т/25	-20	10	20	коническая
27	Т/25	-20	9	9	коническая
28	У/36	-20	9	30	коническая
29	У/35	-20	14	19	коническая
30	У/34	-20	14	11	округлая
31	У/53	-40	8	22	коническая
32	Н/44	-20	8	30	коническая
33	Н/44	-20	10	15	округлая
34	Н/45	-20	11	21	коническая
35	Н/45	-20	15	18	округлая
36	Э/57	-20	26	18	уплощенная (форма ямы в плане – квадратная)
37	Э/57	-25	13	11	коническая
38	Э/57	-25	15	21	коническая
39	Г/55	-50	24	15	округлая
40	Ю/62	-25	15	15	коническая
41	Ю/62	-25	16	17	коническая
42	Ю/62	-25	8	14	коническая
43	Ю/62	-25	7	17	коническая
44	Ю/62	-25	5	10	коническая
45	Ю/62	-25	5	7	коническая
46	а/62	-25	7	12	коническая
47	а/62	-25	7	12	коническая
48	а/62	-25	7	17	коническая
49	Я/65	-25	35	24	округлая
50	Г/70	-25	26	7	округлая
51	е/70	-25	16	4	округлая
52	м/67	-40	23	6	округлая
53	м/62	-30	16	8	округлая
54	м/62	-30	15	7	округлая
55	м/62	-30	12	4	округлая

1	2	3	4	5	6
56	Ф/18	-40	12	21	коническая
57	С/18	-40	26	14	округлая
58	С/17	-45	48	22	округлая
59	Т/17	-40	16	9	округлая
60	и/43	-60	15	5	уплощенная
61	з/48	-85	25	11	уплощенная
62	д/49	-62	15	4	округлая
63	д/49	-62	15	9	коническая
64	д/48	-85	15	6	округлое
65	д/48	-82	15	7	коническая
66	д/48	-82	15	6	коническая
67	ж/48	-80	15	6	округлая
68	е/48	-80	9	3	уплощенная
69	е/48	-80	20	7	коническая
70	ж/49	-80	17	8	коническая
71	е/49	-80	16	5	округлая

Прокалы, зольники и захоронение

Прокал на уч. Т/20 зафиксирован на уровне -75 см от поверхности. Северо-западная половина его нарушена погребением 52. Форма сохранившейся части округлая, размеры 60x30 см, мощность 11 см.

Прокал на уч. Х/32-33 (рис.13) зафиксировано на уровне -20 от поверхности. Форма овальная, размеры – 105x65 см, мощность – 65 см.

Прокал на уч. Ф/38 (рис.13) зафиксирован на уровне -25 см от поверхности. Северо-западная часть разрушена погребением 110. Имеет округлую форму; размеры сохранившейся части – 43x35 см, мощность – 10 см.

Прокал на уч. Ф/18 (рис.13) зафиксирован на уровне -40 см. Имел примерные размеры 60x40 см. Западная часть его разрушена траншеей, максимальная глубина – 47 см. Дно плоское.

Прокал на уч. Т/16 (рис.13) зафиксирован на уровне -40. Его размеры – 45x40 см, глубина – 57 см. Дно округлое.

Прокал на уч. У/20 (рис.13) зафиксирован на уровне -75 см от поверхности. Северо-западная половина нарушена погребением 52. Форма сохранившейся части округлая, размеры – 60x30 см, мощность – 11 см.

Зольник на уч. УФ/20-21 зафиксирован на уровне -45 см от поверхности. Имел округлую форму, размеры – 395x224 см, мощность – 14 см. В нем встречены мелкие фрагменты керамики.

Зольное пятно на уч. Г/54 зафиксировано на уровне -45 см, имело овальную форму, мощность – 7 см, максимальную глубину – 52 см.

Со святилищем, вероятно, связано одно из погребений могильника, получившее №522, расположенное среди захоронений более позднего Тарасовского могильника. Оно выбивается из общего ряда могил, нарушено погребением 520, датированным III–V вв. по трехсоставной железной пряжке (Голдина Р.Д., 2003, табл.223-1), имело необычный обряд погребения и сопровождалось весьма выразительным бронзовым трехлопастным наконечником стрелы.

Погребение 522 (мужчина 40-50 лет, уч. И/26, рис.14). Уровень фиксации -50 см. Могильная яма овальной в плане формы фиксировалась нечетко, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Она имела плоское дно, размеры – 110x62 см, глубину – 58 см. Юго-восточная часть ямы нарушена погребением 520. Заполнение – красная глина (слой №10). Погребенный был уложен головой на СЗ. Трубчатые кости ног лежали на костях плеч и предплечья. Кости таза отсутствуют. У седьмого шейного позвонка обнаружен бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (№1, рис.14–1). Длина наконечника – 18 мм, ширина у основания – 4-5 мм. Хорошо сохранившаяся грань наконечника показывает, что лопасти не были сильно выражены у основания и, возможно, слегка выходили за его плоскость. Втулка наконечника в глубину доходит до последней трети пера. Скорее всего, захоронение относится к святилищу.

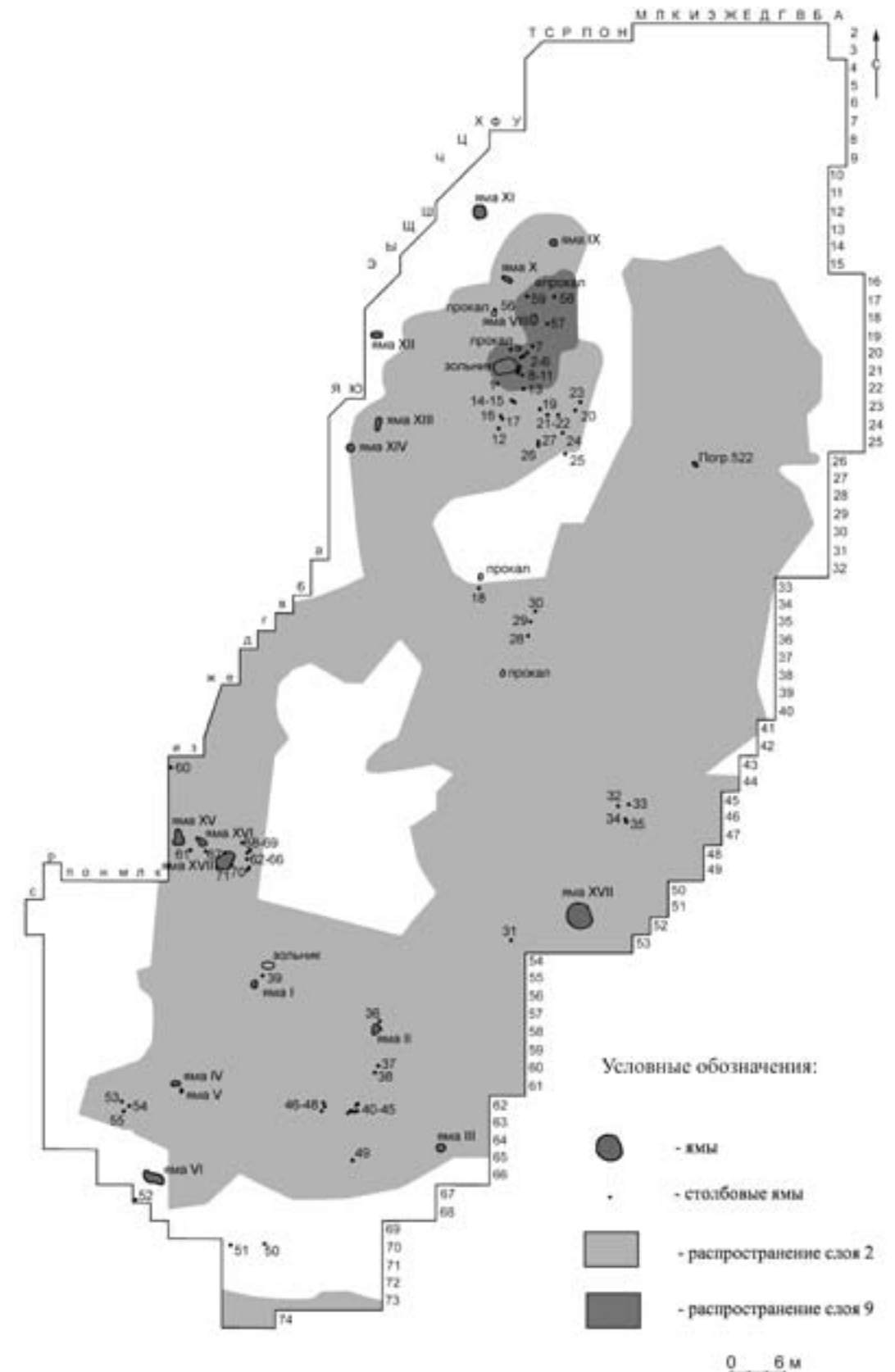

Рис. 10. Тарасовское святилище. Распространение слоев и объектов по площадке памятника

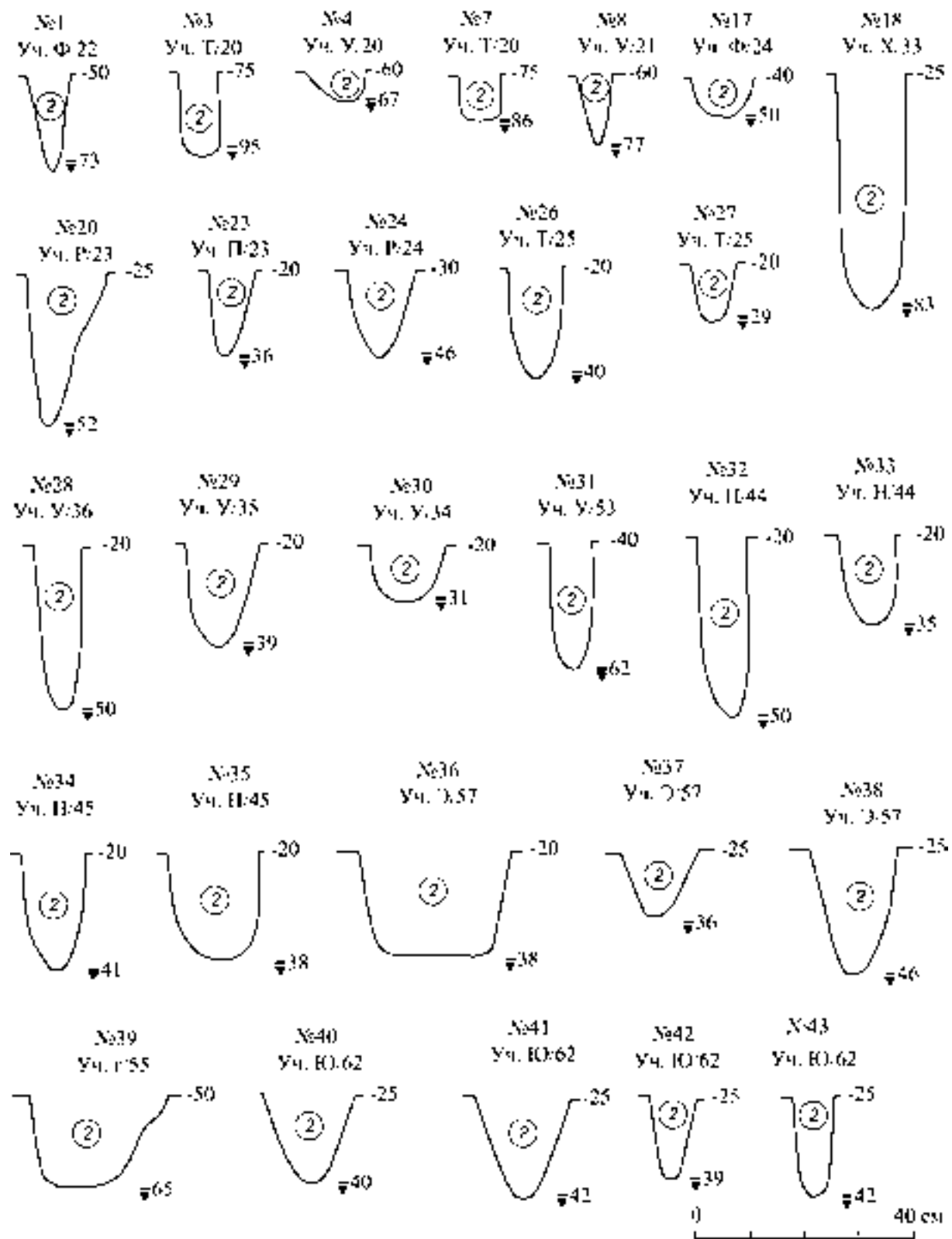

Рис. 11. Тарасовское святилище. Разрезы столбовых ям

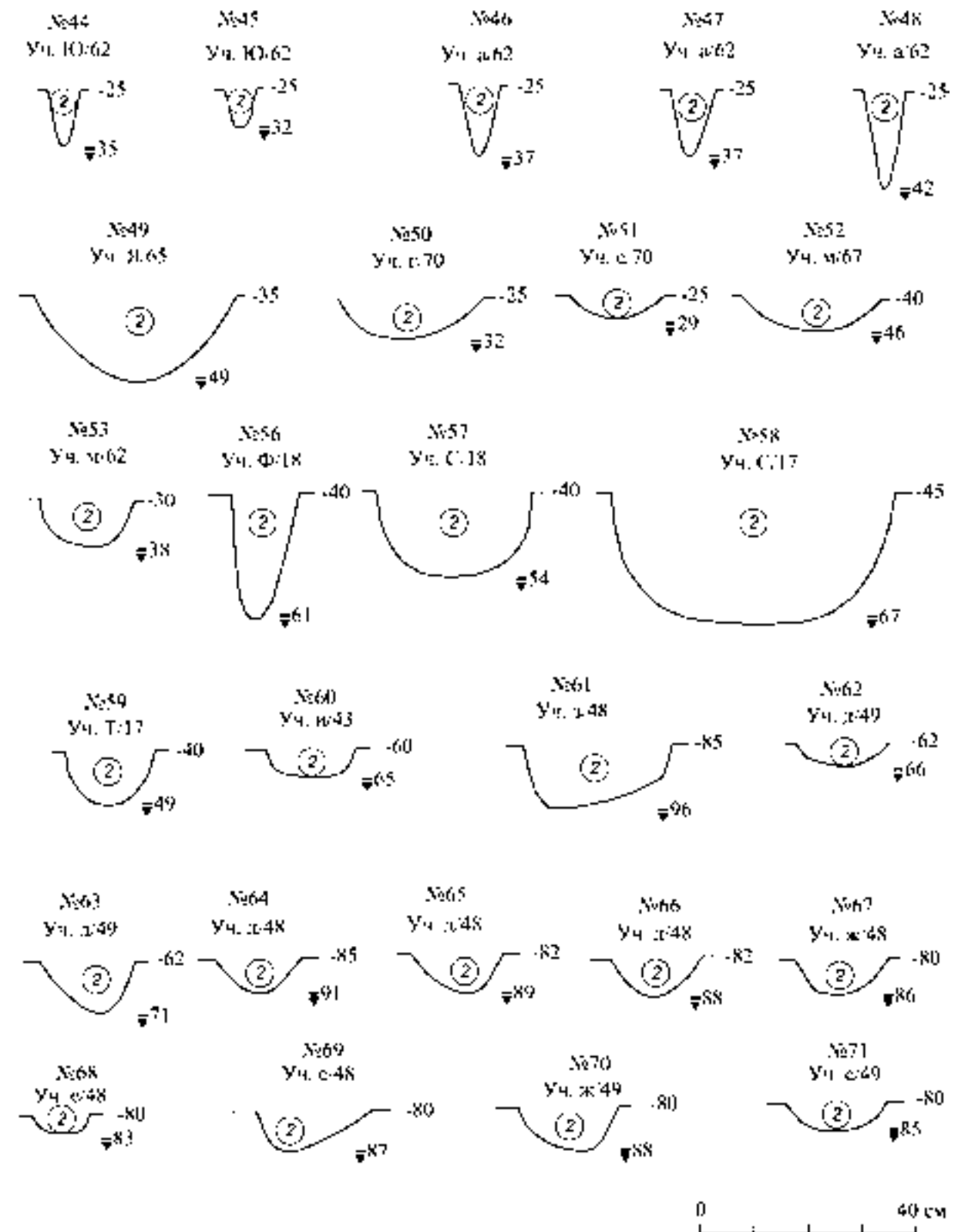

Рис. 12. Тарасовское святилище. Разрезы столбовых ям

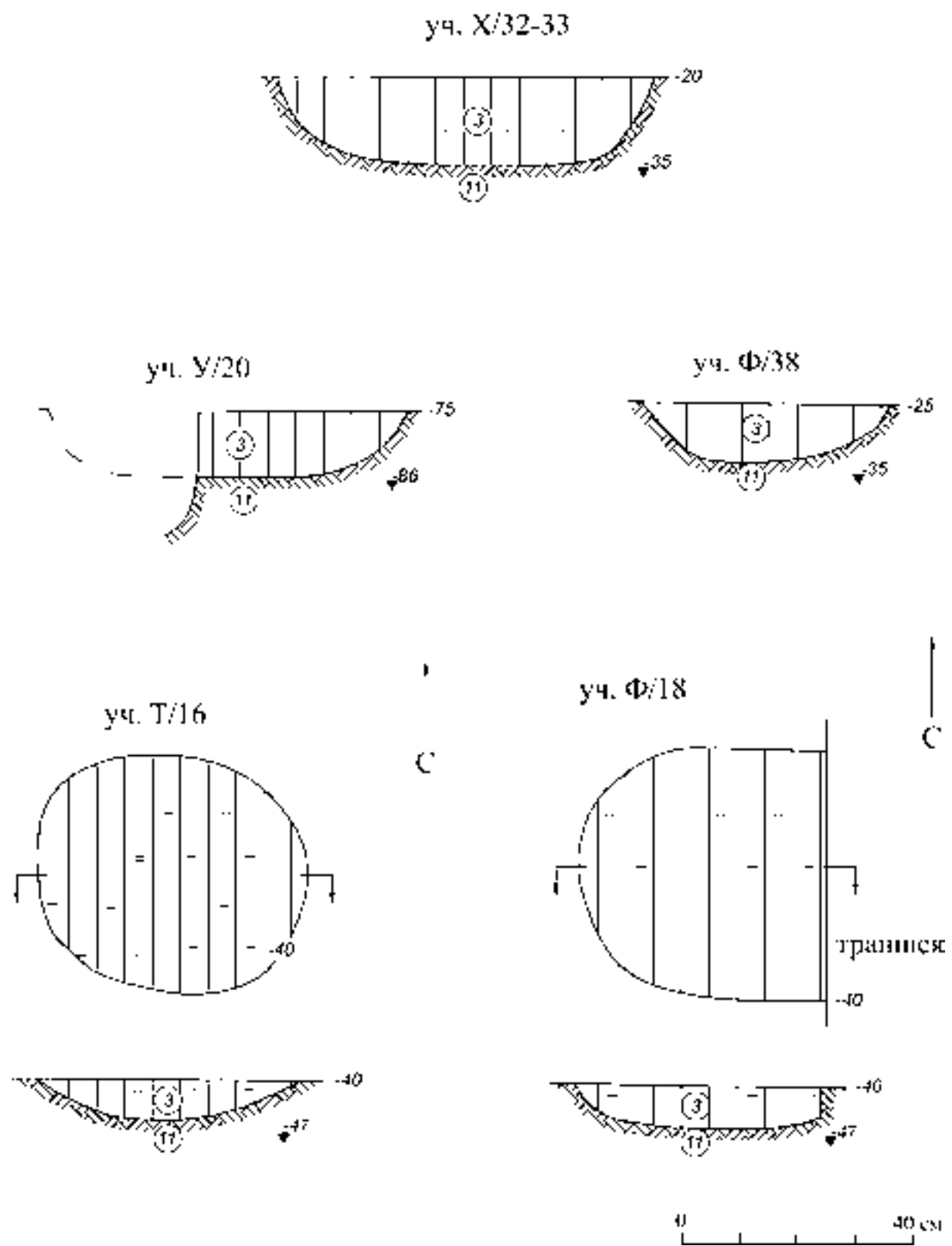

Рис. 13. Тарасовское святилище. Планы и разрезы проколов

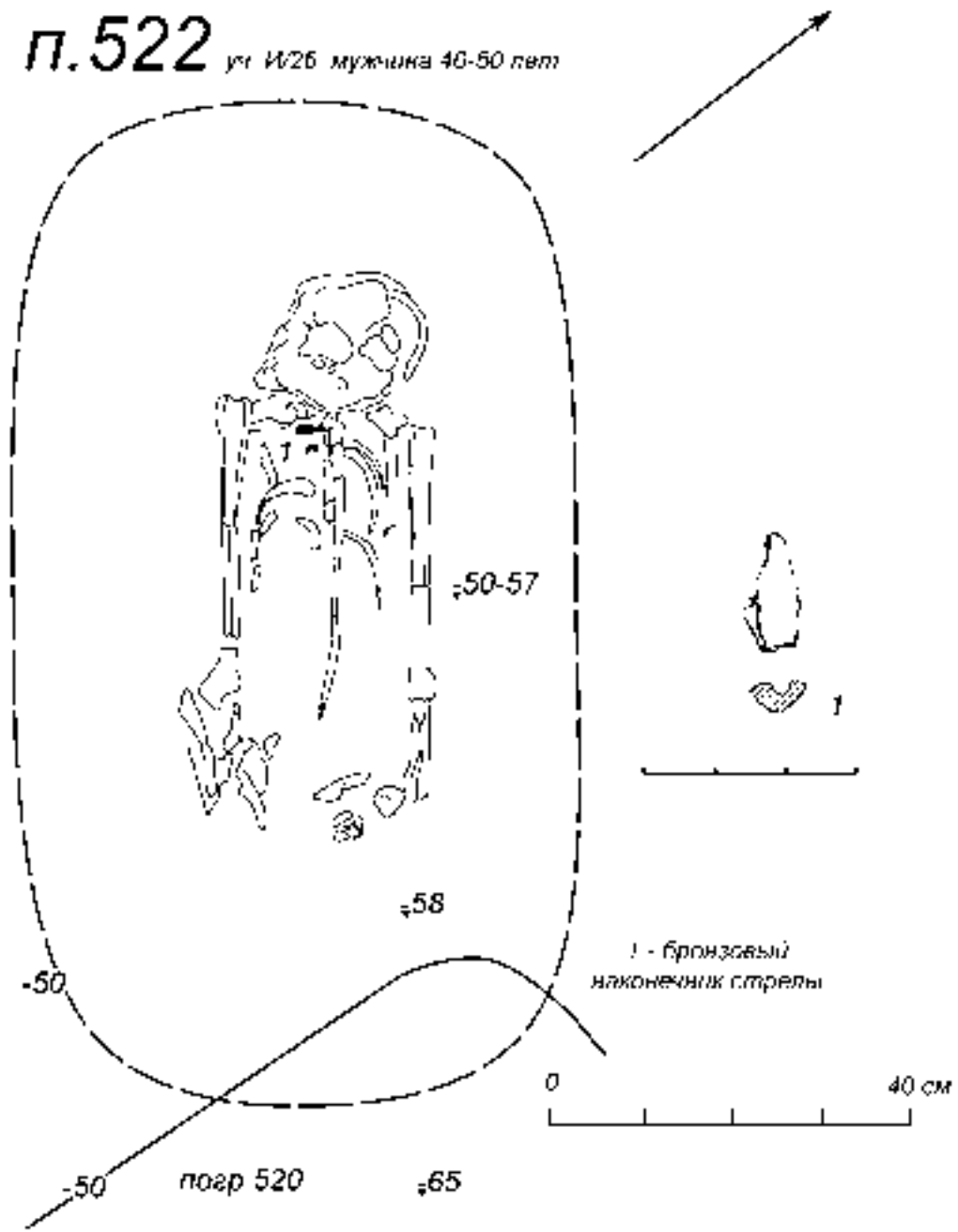

Рис. 14. Тарасовское святилище. План погребения 522. 1 – бронзовый наконечник стрелы

Судя по распространению слоя №2 (рис.10) и планиграфии находок (рис.15-18) святилище занимало почти всю наиболее возвышенную часть мыса. Центральная часть его, где слоя №2 нет и меньше находок, нарушена при сооружении нефтедобывающих сооружений. Обращают на себя внимание два скопления объектов святилища: в северо-западной и в юго-западной части раскопа.

В первом случае (уч. Ф-Х/13-25) они сконцентрированы возле пятна неправильной формы слоя №9 – коричневого гумусированного суглинка с углистыми включениями, обожженной глины, размерами 15x18 м, мощностью 20-30 см. Здесь же сосредоточены находки глиняных поделок, костяных амулетов, наконечников стрел, пряслиц, тиглей, костяных изделий (рис.15-18). В пределах этого пятна или поблизости от него располагалась серия столбовых ямок, две из которых (№57, 58), возможно, были оставлены крупными, диаметром 26 и 48 см, столбами. Здесь же зафиксированы два прокала, мощный зольник и 3 ямы (№VIII-X), с зольным или углистым заполнением.

Второе скопление (уч. д-и/46-48) включало в себя ямы XV-XVII, две из которых содержали в заполнении зольные и углистые прослойки, прокал. В яме №XVI обнаружена глиняная льячка, а в яме №XVII фрагмент тигля. Вокруг ям беспорядочно располагались столбовые ямки, две из которых №61 и 69 отличались значительным диаметром – 25 и 20 см. Здесь же отмечено и скопление предметов: тиглей, глиняных изделий, костяных наконечников стрел, пряслица. Судя по характеру перечисленных находок (тигли, шлаки) здесь проводилась, кроме прочего, и отливка бронзовых изделий. Подобные остатки располагались на всей площади святилища. Кроме того, отсутствие материалов поселенческого характера – жилищ, очагов, скоплений бытовой керамики убеждает в том, что памятник носит ритуальный характер.

Слой Тарасовского святилища, вследствие многократного антропогенного воздействия, сохранился очень плохо. Однако исследования последних десятилетий, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета на нескольких опорных памятниках ананьинского времени (Зуевключевское I, Аргыжское, Буйское, Ныргындинское II городища и другие), материалы которых успешно обобщаются проф. Е.М. Черных (Черных Е.М. и др., 2002; Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006; Черных Е.М., 2012; 2013) позволили не только выяснить некоторые частные вопросы функционирования святилищ ананьинского времени, но провести типологию объектов и нарисовать общую картину их использования.

Представляются вполне обоснованными оценка и характеристики некоторых построек, как культовых, на Зуевключевском I и Аргыжском городищах данные Е.М. Черных (Черных Е.М., 2012, с.112; Черных Е.М. и др., 2002, с.53-56). Большой интерес представляет выделение типов «алтарей» и их особенностей на Зуевключевском I городище (Черных Е.М., 2012, с.110-112).

К типу 1 Е.М. Черных отнесла жертвенники на приподнятых площадках, выполненные из мелкого галечника и глины и содержащие золу, пепел, сырые и кальцинированные кости, маленькие сосудики, мелкие украшения. Е.М. Черных отмечает приуроченность остатков этого типа к жилищам.

Тип 2 составили (по Е.М. Черных) жертвенники в ямах. Они с трудом вычлняются среди обычных мусорных, но отличаются от них особыми находками: черепа лошадей, крупные камни, зернотерки и т.д.

Тип 3 жертвенников весьма выразителен, так как содержит скопление избирательных костей животных: черепа и челюсти лошадей, медведей, коров, копыта и фаланги лошадей, лапы медведей и т.д. Эти остатки Е.М. Черных считает семейными «алтарями», поскольку они часто располагались в углах или у стен жилищ. Несколько иной характер, очевидно, имели выкладки костей животных на окраинах поселенческих площадок, а также на гребнях и валах городищ. Один из таких жертвенников содержал 7 черепов медведей с нижними челюстями, череп лося, челюсти лошадей, коров, свиньи. Среди них встречались и антропоморфные изображения. Эти объекты Е.М. Черных считает как семейными, так и общепоселенческими (Черных Е.М., 2012, с.111-112). Несомненно, что начатая Е.М. Черных работа по дифференциации культовых комплексов ананьинского времени Прикамья уникальна и вследствие накопленного огромного материала имеет серьезные возможности и перспективы.

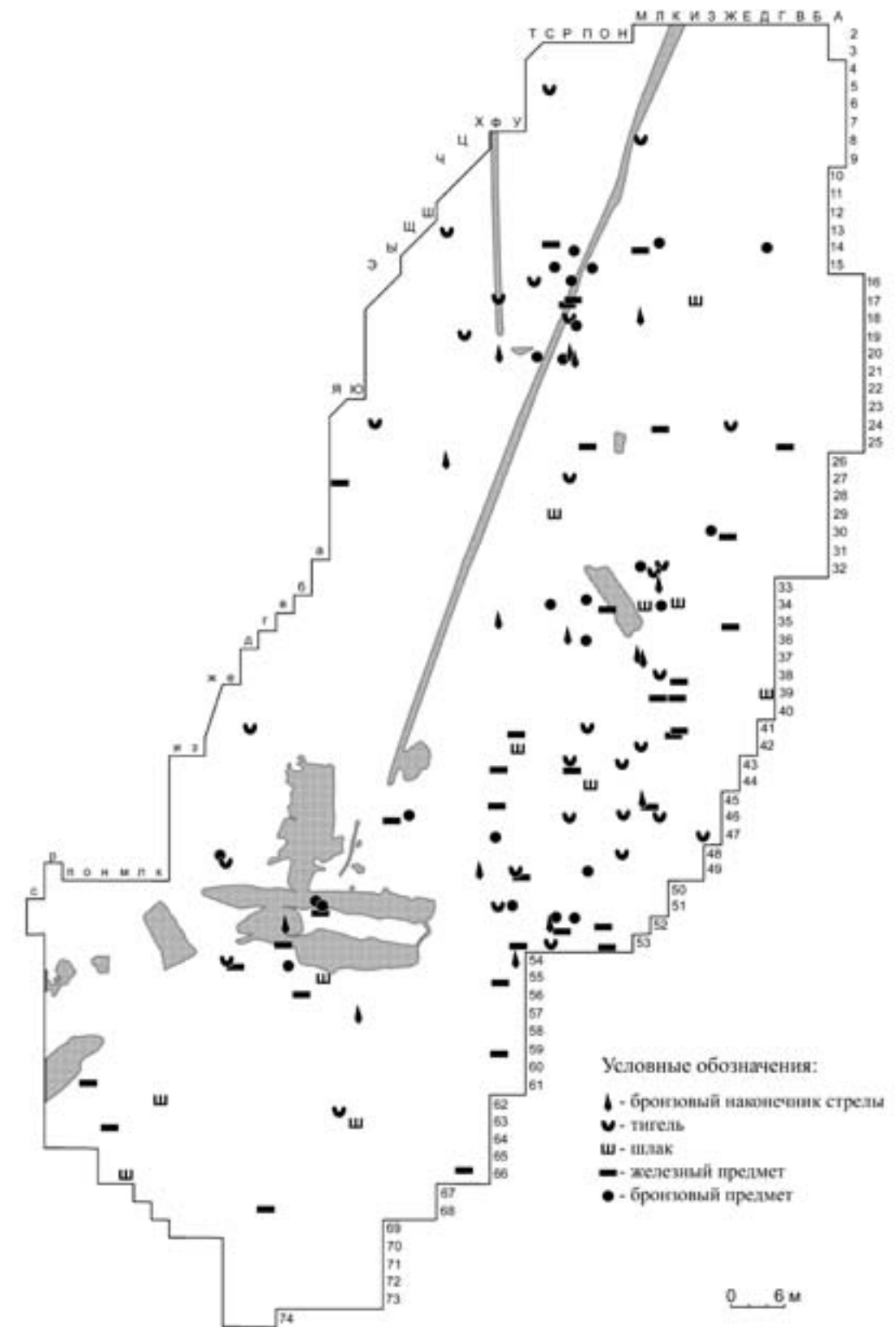

Рис. 15. Тарасовское святилище. Планиграфия металлических изделий и предметов металлургического производства

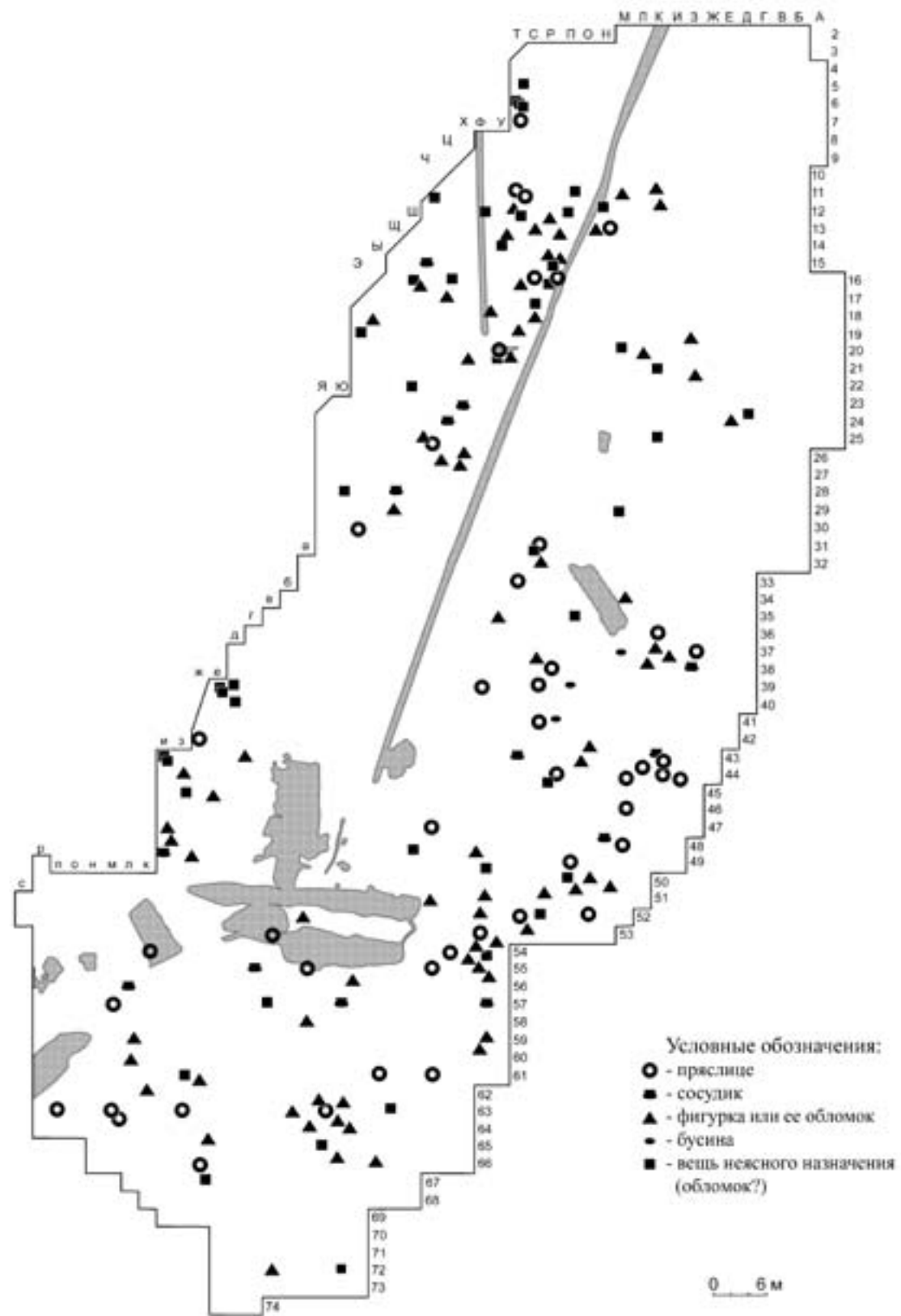

Рис. 16. Тарасовское святилище. Планиграфия керамических изделий

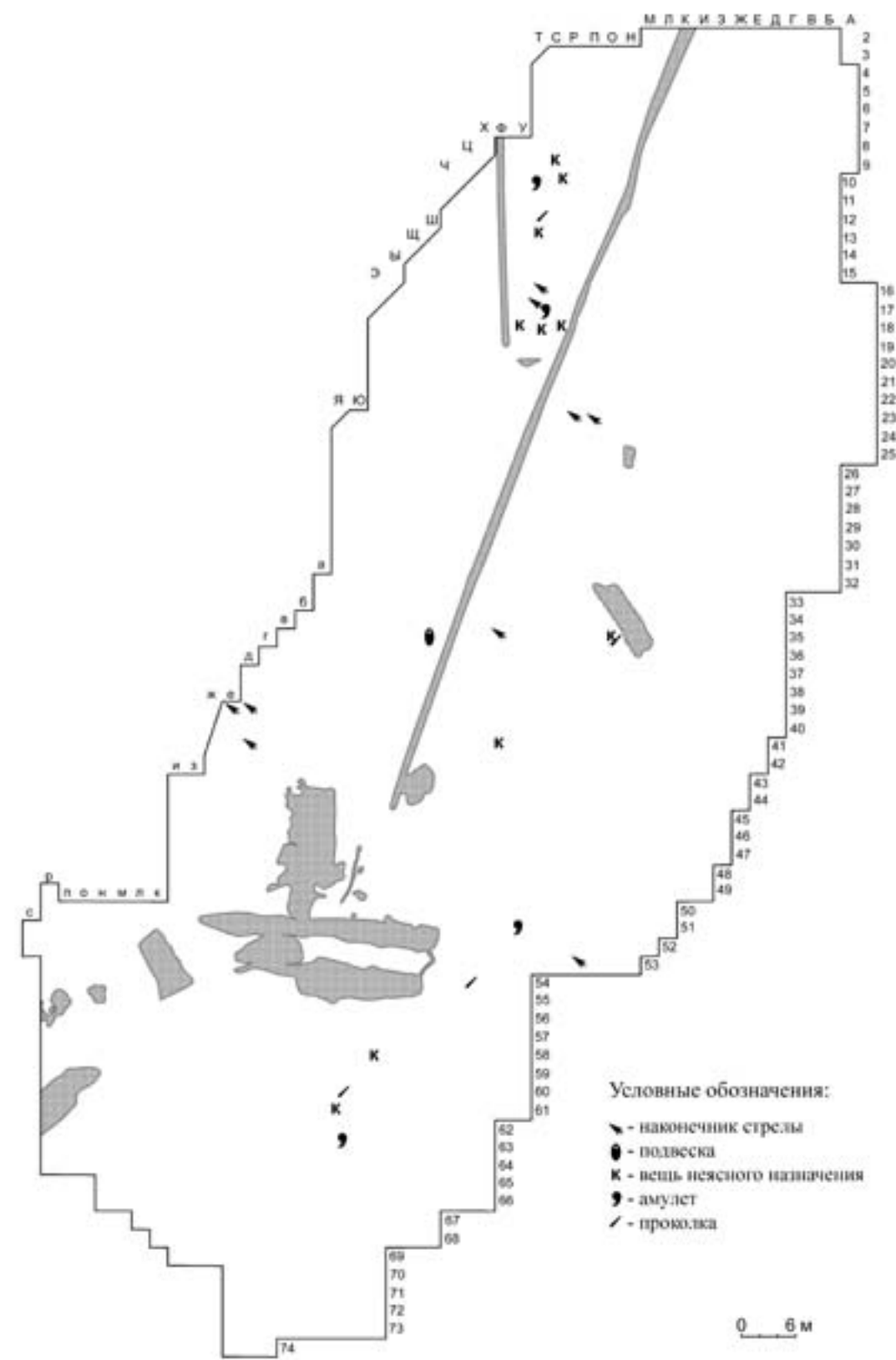

Рис. 17. Тарасовское святилище. Планиграфия костяных изделий

4. КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛА

4.1. Глиняная посуда

Коллекция керамики памятника, без учёта предметов глиняной пластики, пряслиц и технологической посуды (тиглей), согласно описям 1980–1996 гг. составляет 7561 единицу хранения. В это число входит также небольшое количество фрагментов керамики, содержавшееся в засыпи погребений.

Большая часть сосудов сильно фрагментирована, около 85% коллекции составляют слабоискривлённые неорнаментированные стенки сосудов площадью 5–20 см², неинформативные при визуальном анализе. Для характеристики морфологии, орнаментации и отдельных аспектов технологии изготовления посуды были отобраны: 679 фрагментов верхних частей горшковидных сосудов, для 414 из которых восстанавливаются диаметры по венчику и шейке, в том числе, для 297 – по венчику, шейке и тулову; 45 фрагментов чашевидных сосудов с восстанавливаемым диаметром по венчику; 9 фрагментов плоских днищ.

Для описания выборки был выделен ряд количественных и качественных характеристик сосудов, доступных для анализа на большей части объектов выборки и отражающих её характерные особенности. Методической основой для выделения количественных морфологических характеристик посуды стала методика В.Ф. Генинга (1973). В соответствии с ней, на всех пригодных для этого фрагментах были замерены диаметры по венчику, шейке, максимальному расширению тулова; высота шейки и высота плечика. Для фрагментов плоских днищ замерен диаметр днища. Помимо этого, фиксировались форма венчика, наличие «воротничка» на шейке и неравномерного изгиба плечика, характерного для ряда сосудов коллекции (табл.1–1,3; табл.2–7; табл.3–6; табл.4–3). Среди технологических характеристик описаны состав примеси и характер обработки поверхности (необходимо отметить, что представленные в настоящей работе характеристики технологических особенностей комплекса не претендуют на полноту и могут быть существенно уточнены с помощью специальных методов исследования). Также отмечено отсутствие/наличие орнаментации, в последнем случае выделены тип отпечатка орнамента (ямочный, шнуровой, гребенчатый, гладкий, ногтевой), наличие отдельных элементов орнамента и их композиция, наличие «жемчужин» и других рельефных элементов орнаментации.

Для большей части посуды ручной лепки отмечено наличие в тесте следующих примесей: толчёная раковина (662 экз., 91,6%), шамот (15 экз., 2,04%) и их сочетание (13 экз., 1,8%), песок (28 экз., 3,96%); в единичных случаях – дресва и тальк (по 3 экз.). Обжиг, как правило, неровный, костровой, цвет поверхности и внутренней структуры черепка колеблется в широких пределах – от светло-серого и ярко-оранжевого до чёрного. Судя по тому, что большинство сосудов с раковинной примесью содержат частицы раковины даже на поверхности сосудов, обжиг проходил при достаточно низких температурах, до 700–800°C.

О.А. Казанцева, проводившая технико-технологический анализ посуды Тарасовского святилища, происходящей из засыпи погребений Тарасовского могильника, расположенного на его площадке, пришла к выводу, что исходным сырьём для производства керамики была местная ожелезненная глина, обогащенная органическими включениями – обломками раковин пресноводных моллюсков и растительностью. На стадии подготовки формовочной массы к исходному сырью добавлялся птичий помёт. Свойства формовочных масс керамики из засыпи погребений позволили О.А. Казанцевой говорить о единых традициях её изготовления (Казанцева О.А., 2013, наст. изд.).

Морфология посуды. Сильная фрагментированность комплекса не позволила реконструировать много целых форм. В большинстве случаев таковыми являются миниатюрные сосудики, доля которых на памятнике сравнительно невелика, а морфология не характерна для комплекса в целом.

Изначально из выборки были выделены фрагменты днищ (9 экз., табл.10–3–11). Оставшаяся выборка была разделена по наличию шейки на горшковидные (с шейкой) и чашевидные (без шейки) сосуды. Математическим критерием выделения шейки у сосуда было наличие на контуре профиля точки, касательная к которой проходила бы с внутренней стороны сосуда (см. Бобринский А.А., 1988, с.10–12). Таким образом, для горшковидных сосудов замерялись диаметры по венчику, минимальному диаметру шейки, и, по возможности, максимальному диаметру тулова, а также высота шейки и по возможности, высота плечика (Генинг В.Ф., 1973). Для чашевидных сосудов измерены диаметры по венчику и, для прикрытых и закрытых форм, диаметр максимального расширения тулова и высота верхней части. В нескольких случаях оказалось возможным измерить общую высоту сосудов.

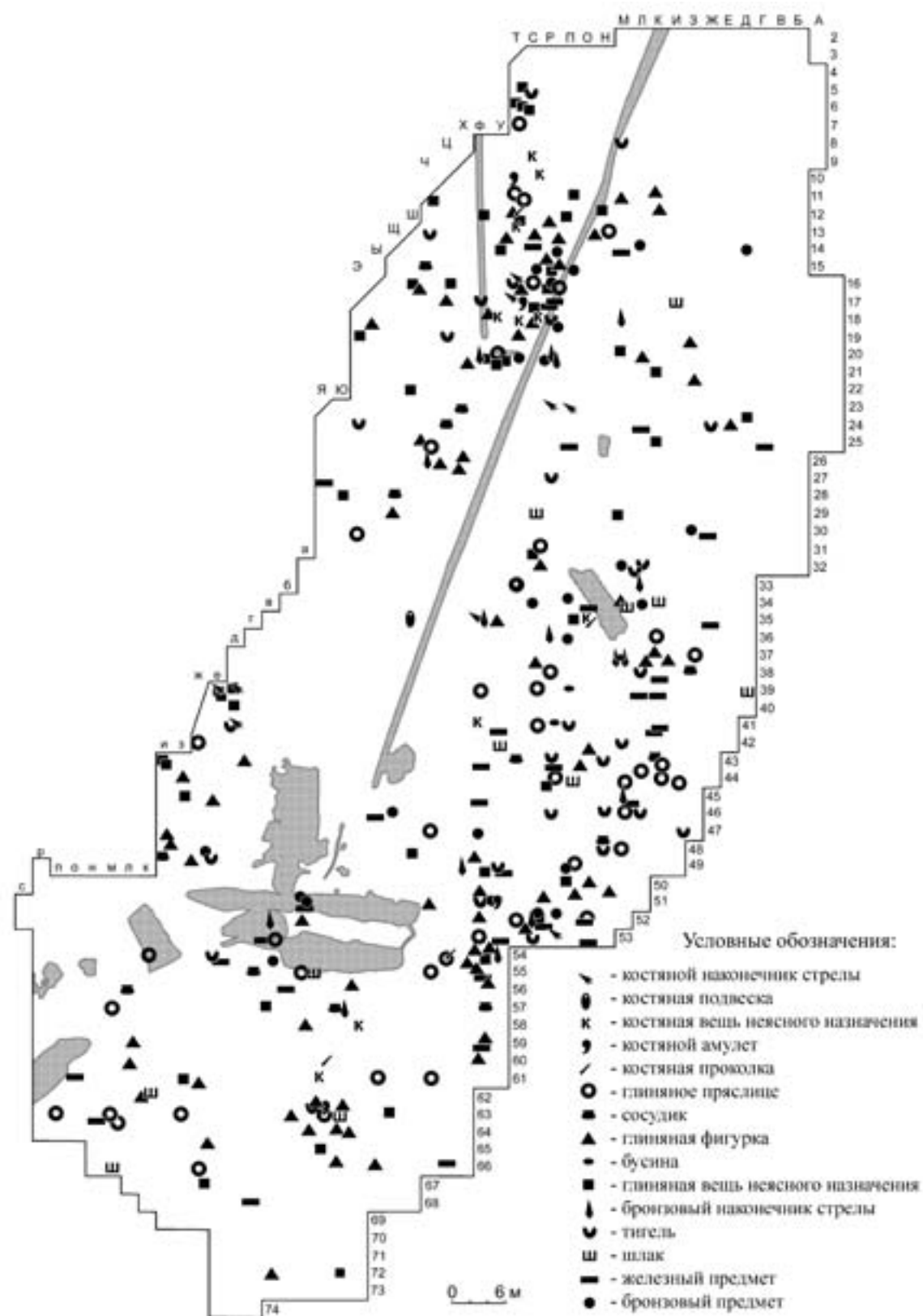

Рис. 18. Тарасовское святилище. Планиграфия находок

На основании полученных численных данных в соответствии с методикой В.Ф. Генинга были рассчитаны показатели профилировки верхней части сосудов ФБ, ФГ и ФЖ (соответственно, высоты, отогнутости венчика и профилировки верхней части тулова) для горшков и показатели ФБ и ФГ для чашевидных сосудов.

Суммарная характеристика морфологии комплекса. Горшковидные сосуды (679 экз.). Диаметр колеблется от 4 до 46 см, средний диаметр – 21,5 см. Распределение сосудов по диаметру венчика см. на диаграмме 1. Определить основные количественные параметры формы оказалось возможно для 414 сосудов выборки.

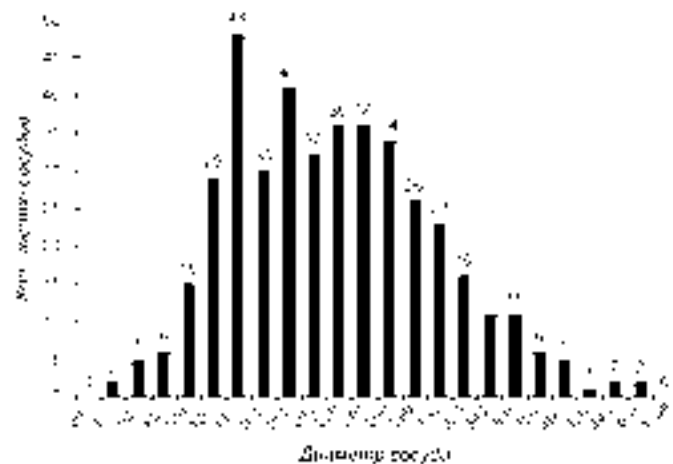

Диаграмма 1. Горшковидные сосуды. Распределение выборки по диаметру венчика

Расчёт высотногогорловинных (диаграмма 2) и широтногорловинных (диаграмма 3) показателей (ФБ и ФГ по В.Ф. Генингу) показал, что в комплексе преобладают сосуды с низкой шейкой (333 экз., 80,43%; табл.1–4; 2–5 и др.), реже встречаются очень низкие (62 экз., 14,98%; табл.2–3; 3–1 и др.) и средние по высоте шейки сосуды (19 экз., 4,59%; табл.5–8; 6–1 и др.).

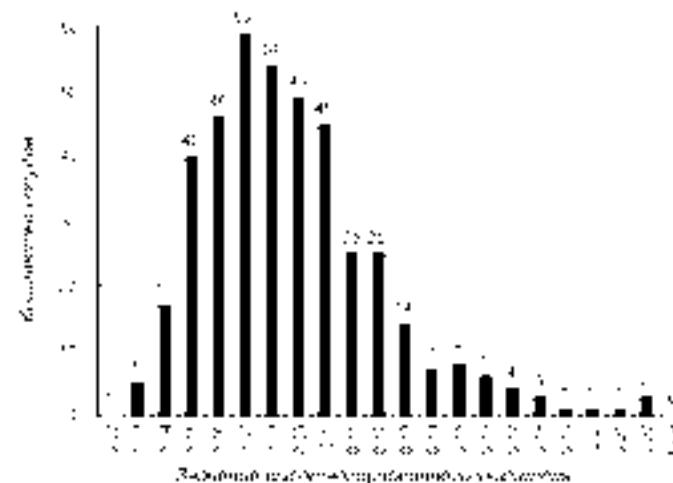

Диаграмма 2. Горшковидные сосуды. Распределение сосудов по высотногогорловинному показателю ФБ

По степени отогнутости выделены: большая группа сосудов с прямой (122 экз., 29,47%; табл.4–2; 6–3 и др.) шейкой, слабопрофилированные (56 экз., 13,53%; табл.2–5; 8–5 и др.), среднепрофилированные (171 экз., 41,3%; табл.3–5; 6–4,5 и др.), сильнопрофилированные (62 экз., 14,98%; табл.4–4) и единичные экземпляры очень сильно профилированных (3 экз., 0,72%) сосудов. Обобщённые коэффициенты профилировки см. на таблице В.

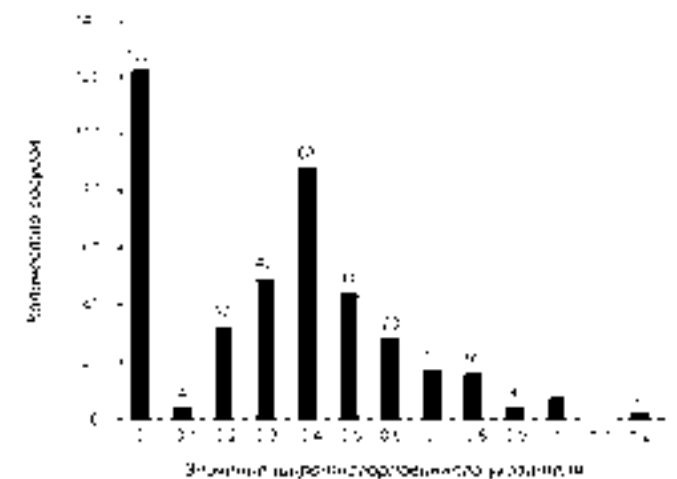

Диаграмма 3. Горшковидные сосуды. Распределение сосудов по широтногорловинному показателю ФГ

Таблица В. Горшковидные сосуды. Распределение показателей профилировки шеек

	Очень низкие шейки (ФБ ₁)	Низкие шейки (ФБ ₂)	Средние шейки (ФБ ₃)	Всего, кол-во
Прямые шейки (ФГ ₀)	24	91	7	122
Слабопрофилированные сосуды (ФГ ₁)	4	49	3	56
Среднепрофилированные сосуды (ФГ ₂)	23	141	7	171
Сильнопрофилированные сосуды (ФГ ₃)	11	49	2	62
Очень сильнопрофилированные сосуды (ФГ ₄)	0	3	0	3
Всего	62	333	19	414

Для 297 сосудов оказалось возможно измерить максимальный диаметр тулова и высоту плечика и на их основе рассчитать показатель выпуклости плечика ФЖ (диаграмма 4). Распределение сосудов по выпуклости плечиков: очень слабо выпуклые плечики – 13 экз. (4,38%; табл.1–6; 3–4; 4–5), слабовыпуклые плечики – 84 экз. (28,28%; табл.3–2; 4–1; 5–4), средневыпуклые плечики – 178 экз. (43,1%; табл.6–4,5 и др.), сильно выпуклые плечики – 22 экз. (7,41%; табл.1–3; 2–5 и др.).

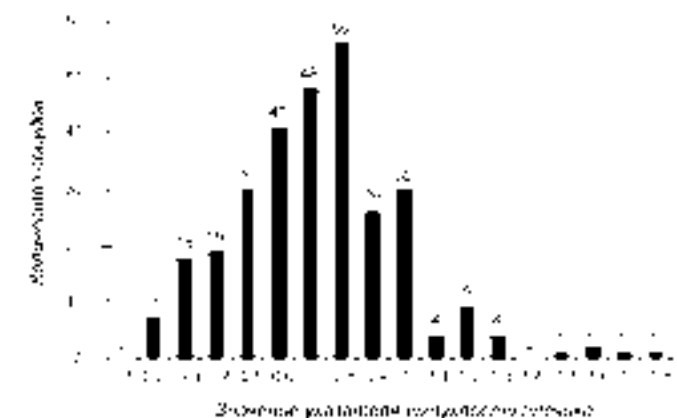

Диаграмма 4. Горшковидные сосуды. Распределение сосудов по показателю выпуклости плечика ФЖ

Попарная графическая корреляция показателей ФБ, ФГ и ФЖ (диаграммы 5, 6, 7) показала равномерность распределения соотношений этих величин и отсутствие в выборке групп посуды, явным образом разделяющихся по профилировке верхней части.

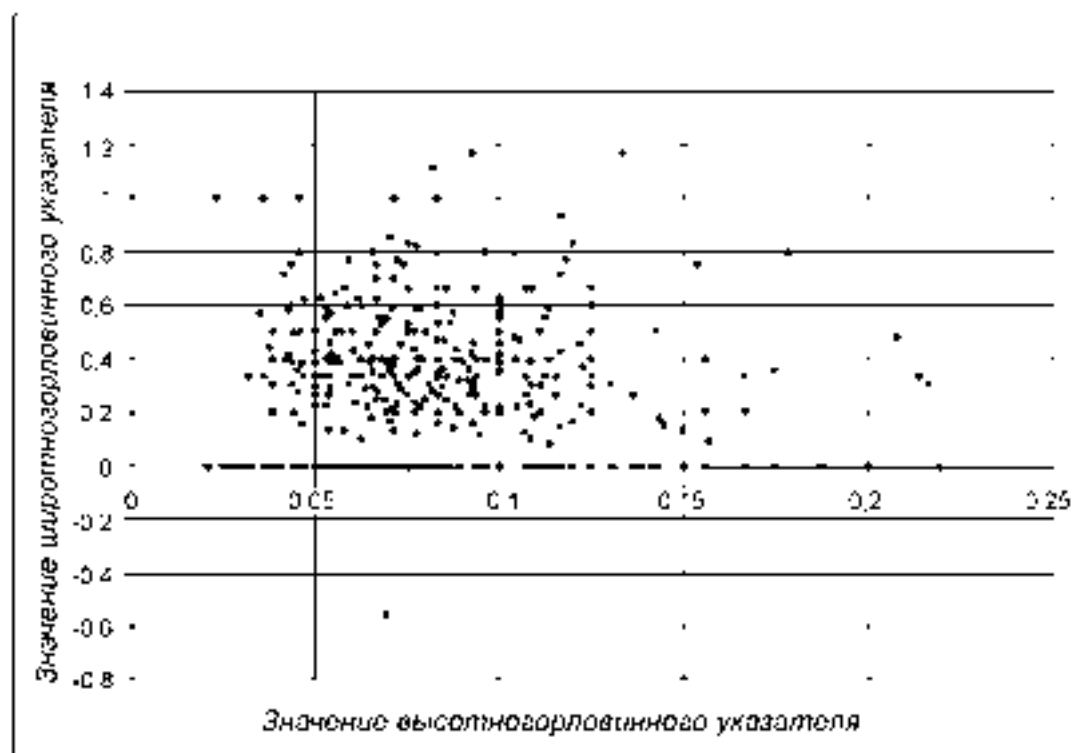

Диаграмма 5. Горшковидные сосуды.
Корреляция показателей высоты и отогнутости шеек сосудов

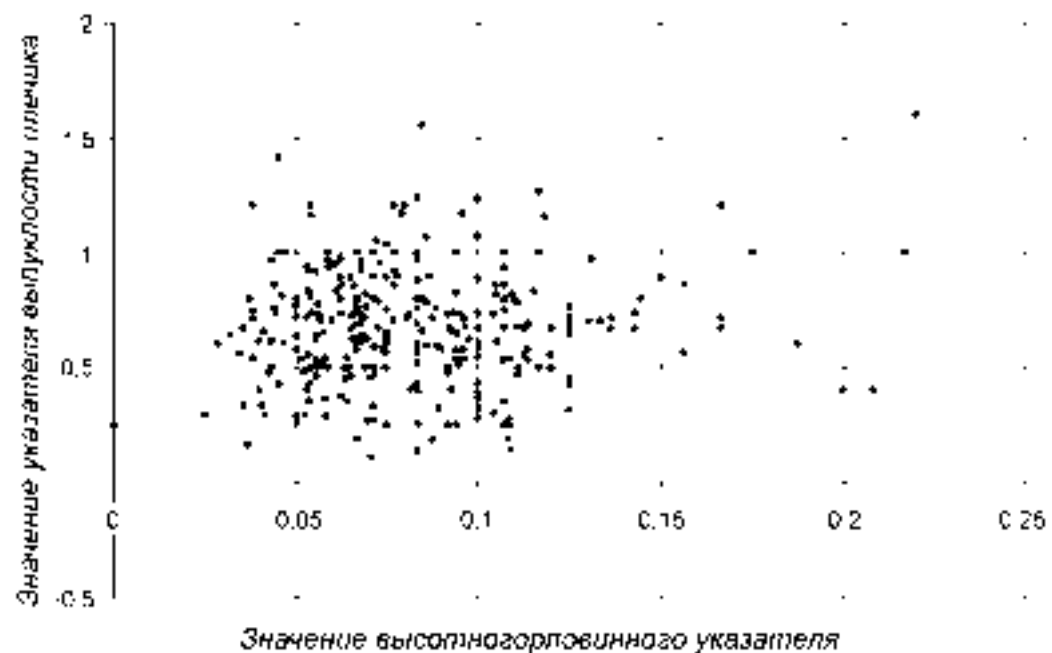

Диаграмма 6. Горшковидные сосуды.
Корреляция показателей высоты шейки и выпуклости плечиков сосудов

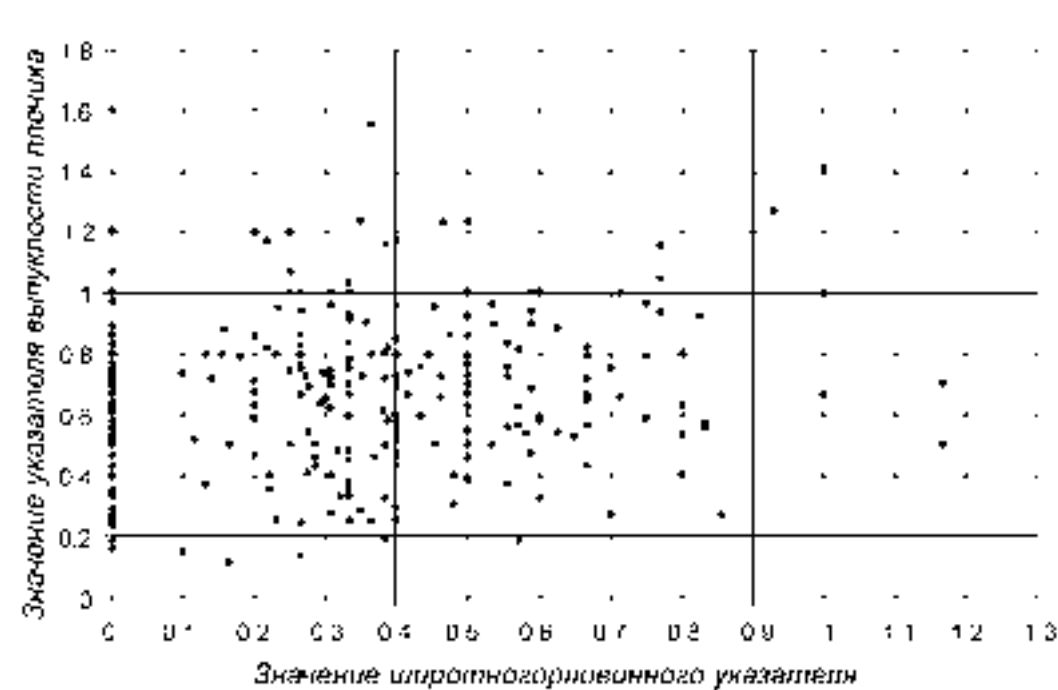

Диаграмма 7. Горшковидные сосуды.
Корреляция показателей отогнутости шейки и выпуклости плечиков сосудов

Что касается оформления края венчика, необходимо учитывать, что для лепной керамики этот показатель может несколько варьировать даже на одном и том же сосуде, когда на одном участке он может быть скруглен, на другом – уплощен или, напротив, приострен. С большой долей вероятности о форме венчика можно говорить для 400 горшковидных сосудов выборки, где этот показатель распределяется следующим образом: венчики с наклоном внутрь – 9 экз. (2,25%), плоские венчики – 260 экз. (65%), венчики с наклоном наружу – 62 экз. (15,5%), округлые венчики – 62 экз. (15,5%), приостренные венчики – 7 экз. (1,75%).

Ещё одной характерной чертой морфологии сосудов является неровный изгиб плечика (табл.1–1,3; 4–3,5), образующий обтекаемый уступ. Эта деталь зафиксирована у 44 сосудов (10,6%) выборки.

Чашевидные сосуды (45 экз.). Диаметр колеблется от 5 до 34 см, средний диаметр – 12,5 см. Распределение сосудов по диаметру венчика см. на диаграмме 1. Для 30 сосудов восстановлен диаметр по максимальному расширению тулова, для 10 – общая высота сосуда. Расчёт показателей плечика и высотного указателя сосуда показал, что подавляющее большинство сосудов относятся к одной категории низких с открытым или слегка прикрытым горлом. Единичные экземпляры (табл.11–5) имеют более выраженное закрытое горло.

Форма венчика, так же как и для горшковидных сосудов, может несколько варьировать даже на одном сосуде, для 42 сосудов, где её можно характеризовать достаточно уверенно, распределение по этому показателю выглядит следующим образом: венчики с наклоном внутрь – 8 экз. (19%), плоские венчики – 17 экз. (40,5%), венчики с наклоном наружу – 1 экз. (2,4%), округлые венчики – 14 экз. (33,3%), приостренные венчики – 2 экз. (4,8%). Два чашевидных сосуда (табл.10–1-2) имеют характерную морфологическую деталь в виде небольшой горизонтальной ручки в той или иной степени сохранности.

Днища (9 экз.). В коллекции присутствуют фрагменты плоских днищ на так называемых «поддонах» (табл.10–3-11). Диаметр восстанавливается для 6 днищ и составляет по опорной плоскости 2, 5, 8, 9, и 16 см. Высота поддона от опорной плоскости до места перехода в днище сосуда варьирует от 2 до 15 мм и не имеет корреляционной связи с диаметром днища. Ни одно днище по высоте не достигает максимального расширения тулова, поэтому рассчитать показатели формы для них оказалось невозможным.

Орнаментация посуды. Из 450 фрагментов горшковидных и чашевидных сосудов с восстанавливаемым диаметром по венчику орнаментировано 409 (90,9% от всей выборки) сосудов. Основными техническими приёмами орнаментации являются: округлые и стремящиеся к ним по форме неровные вдавления (402 экз., 98,3% от общего количества), организованные в ряды (370 экз., 90,5%), треугольные группы по три (30 экз., 7,3%), зигзаги (2 экз., 0,5%); оттиски шнура (59 экз., 14,4%) в виде одиночных, сдвоенных и строенных опоясывающих линий, а также «волны» (8 экз., 2%) в сочетании с ними; оттиски гребенчатого штампа различной конфигурации в виде зигзагообразных поясков (5 экз., 1,2%); ряды оттисков гладкого каплевидного штампа (1 экз., 0,25%); защипы по краю венчика (1 экз., 0,25%).

Для всей выборки (724 экз.) фрагментов верхних частей сосудов эти цифры составляют соответственно: неорнаментированных – 66 экз. (9,1%); округлые и стремящиеся к ним по форме неровные вдавления (601 экз., 83%), организованные в ряды (551 экз., 76,1%), треугольные группы по три (47 экз., 6,5%) и зигзаги (4 экз., 0,6%); оттиски шнура (230 экз., 31,8%) в виде одиночных, сдвоенных и строенных опоясывающих линий, а также «волны» (32 экз., 4,4%) в сочетании с ними; оттиски гребенчатого штампа различной конфигурации в виде зигзагообразных поясков (11 экз., 1,5%); ряды оттисков гладкого каплевидного штампа (8 экз., 1,1%); защипы по краю венчика (4 экз., 0,55%); прочерченный орнамент (4 экз., 0,55%); ногтевидные вдавления (1 экз., 0,1%)

В качестве орнаментов для основной части комплекса использовались округлые полнотелые предметы для нанесения ямок и вдавлений, а также перевитый шнур. Более характерным является левый наклон шнура, однако в сложных композициях линии левосторонних оттисков могут сочетаться с правосторонними (табл.2–8,9). Несколько сосудов орнаментированы разновидностями гребенчатого штампа: гребенкой с неглубокими прямоугольными зубцами, не образующими единого массива (табл.11–3; 16–1,2,4,6); штампом со скругленными углами и подпрямоугольными зубцами, углублёнными в общий отпечаток (табл.12–4; 14–5); коротким мелкозубчатым штампом с заостренными концами (табл.16–9). Помимо этого, единичные экземпляры орнаментированы очень чётким каплевидным гребенчатым штампом (табл.12–2), и широким продолговатым штампом с замкнутыми зубцами (табл.16–7)

Для анализа соотношения наиболее распространённых типов орнаментации и морфологии посуды для горшковидных сосудов были построены корреляционные таблицы (диаграммы 8-13).

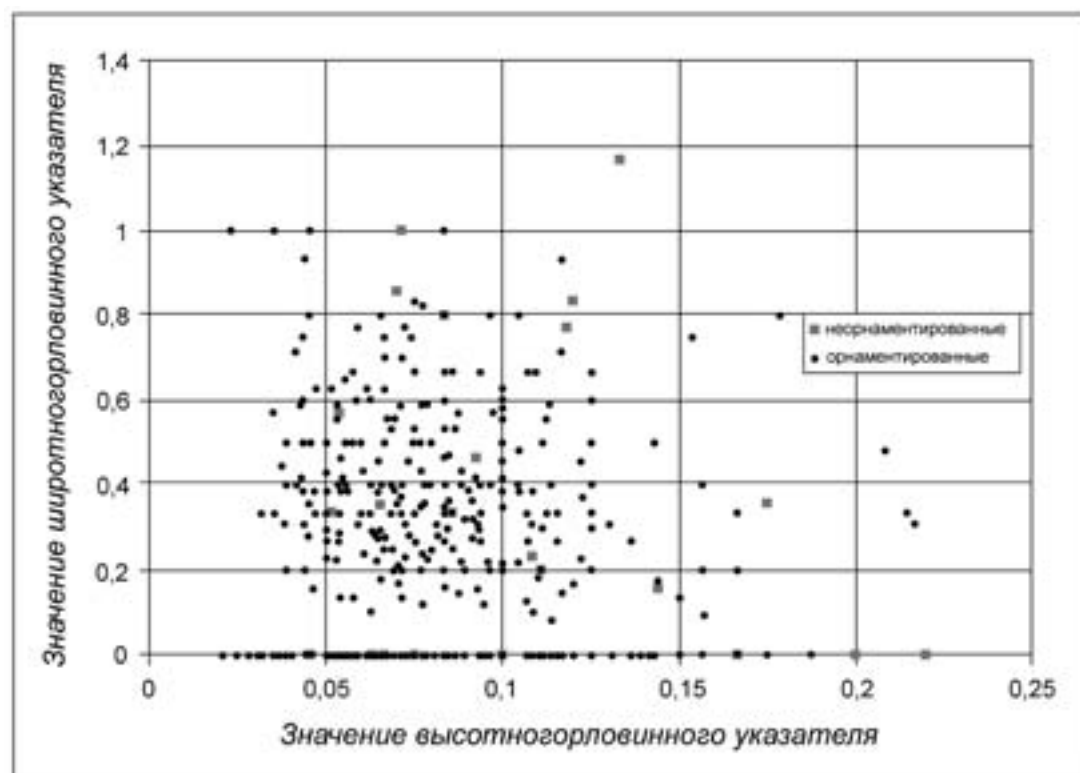

Диаграмма 8. Горшковидные сосуды. Корреляция указателей высоты и отогнутости шейки для орнаментированных и неорнаментированных сосудов

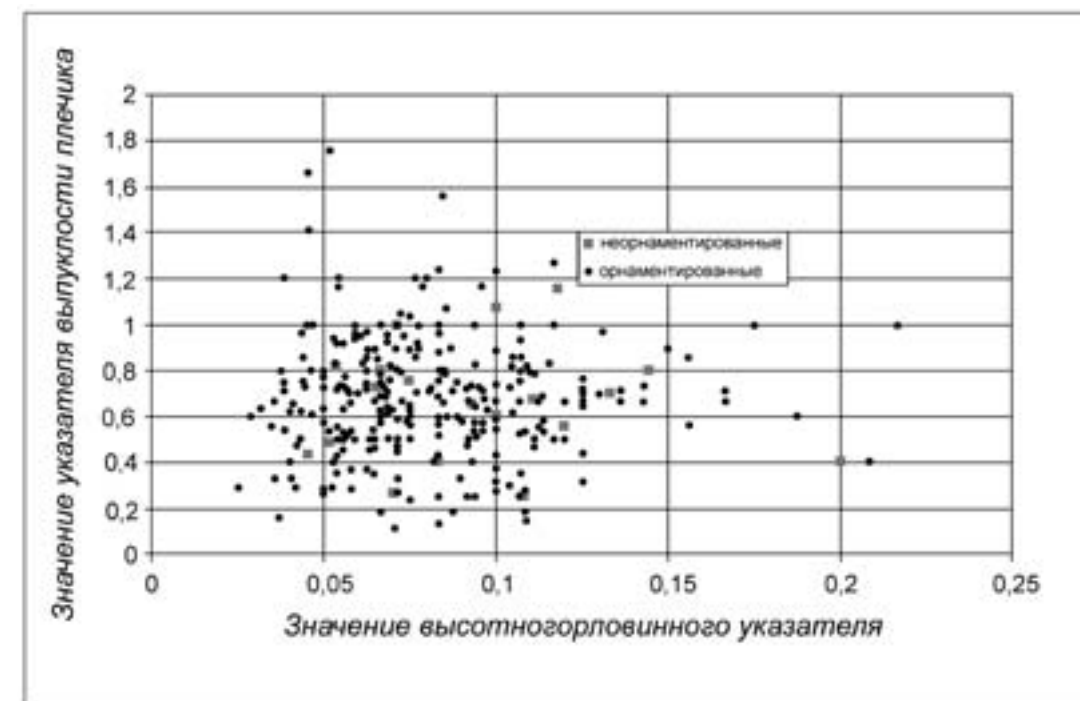

Диаграмма 9. Горшковидные сосуды. Корреляция указателей высоты шейки и выпуклости плечика для орнаментированных и неорнаментированных сосудов

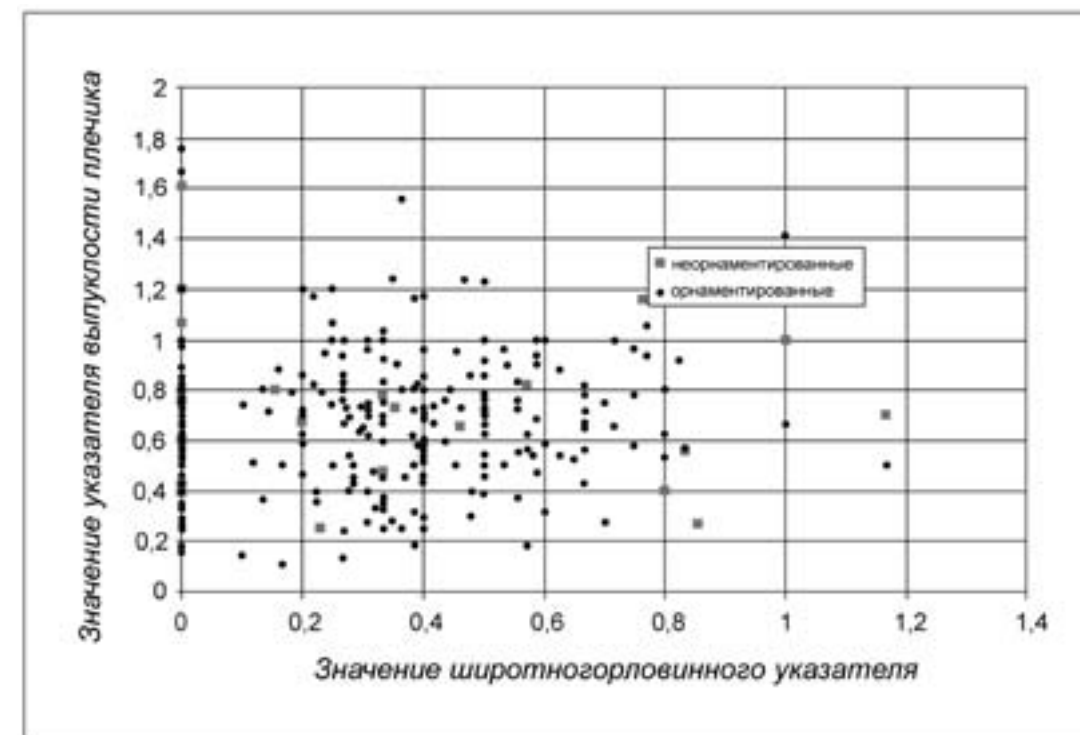

Диаграмма 10. Горшковидные сосуды. Корреляция указателей отогнутости шейки и выпуклости плечика для орнаментированных и неорнаментированных сосудов

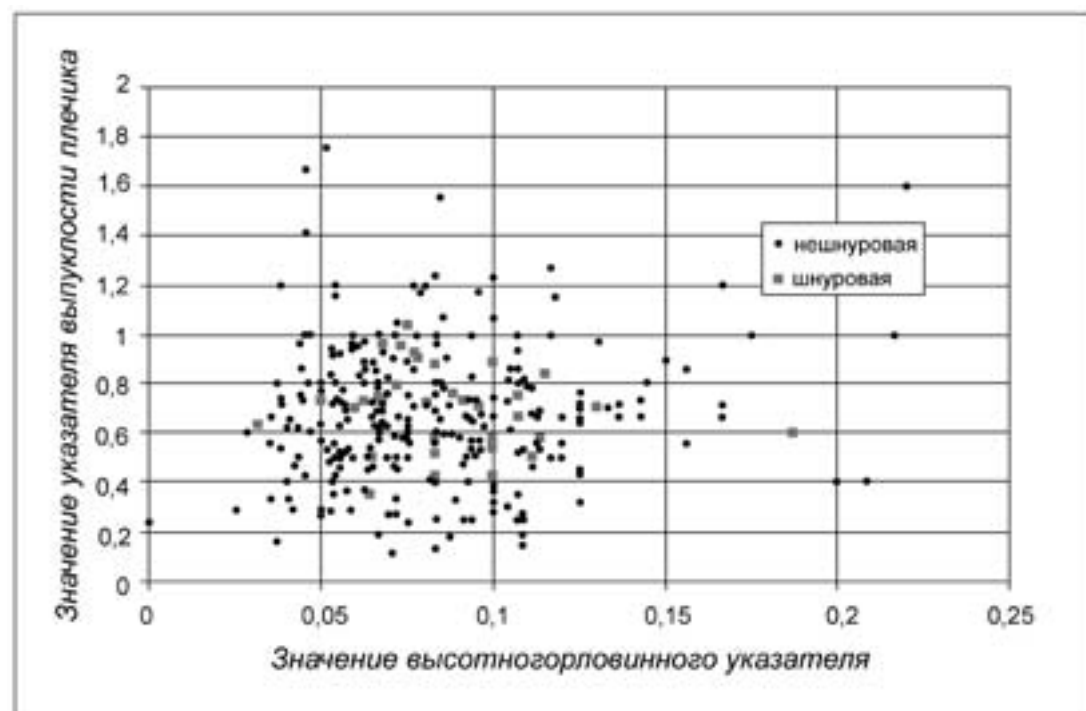

Диаграмма 11. Горшковидные сосуды. Корреляция показателей высоты шейки и выпуклости плечика сосудов для шнуровых и нешнуровых сосудов

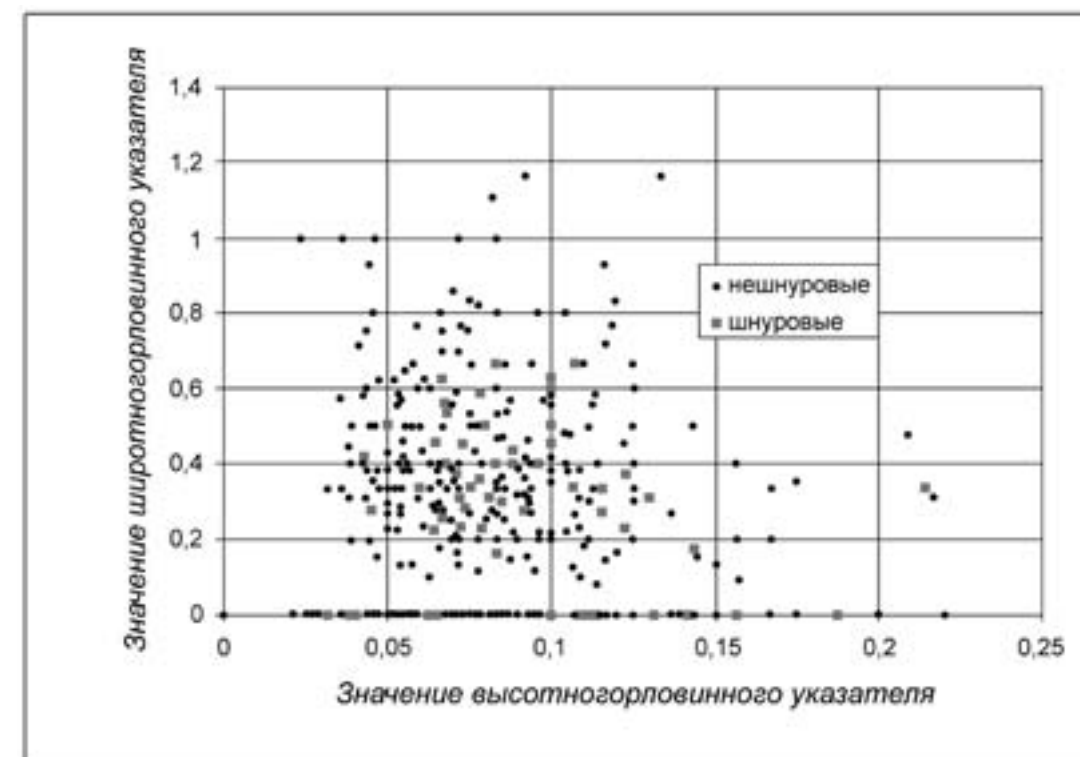

Диаграмма 13. Горшковидные сосуды. Корреляция показателей отогнутости и высоты шейки сосудов для шнуровых и нешнуровых сосудов

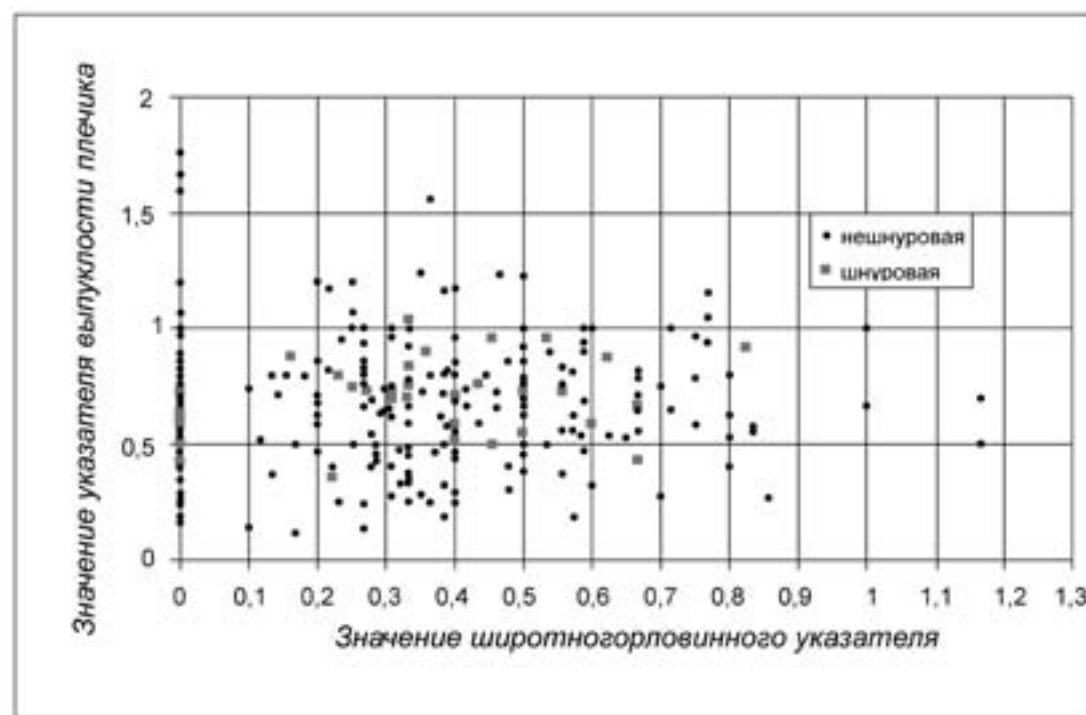

Диаграмма 12. Горшковидные сосуды. Корреляция показателей отогнутости шейки и выпуклости плечика сосудов для шнуровых и нешнуровых сосудов

Получившаяся картина даёт основания говорить, что шнуровая посуда образует по всем показателям несколько более компактную группу, но не имеет выраженных морфологических особенностей по сравнению с посудой, украшенной только ямками. Неорнаментированная посуда, характеризуясь более широким разбросом морфологических показателей, также не обладает характерными чертами для выделения её в отдельную группу по итогам статистического анализа.

В силу того, что основные технологические характеристики комплекса определялись визуально, полученная информация не претендует на исчерпанность и абсолютную достоверность. В частности, в составе формовочных масс, как правило, выделялись только примеси толчёной раковины, шамота, песка и талька, в то время как аналогичный анализ, проводимый с применением специальных методик показывает, как правило, гораздо более сложный состав (Краева Л.А., 2008, гл.3).

На основании особенностей орнамента и морфологии в керамическом комплексе памятника можно выделить субстратную группу посуды, для которой характерны низкие и очень низкие, прямые, слабо- средне- и (реже) сильнопрофилированные шейки, слабо- и средневыпуклые плечики, орнаментированную ямочными вдавлениями отдельно или в сочетании с оттисками шнура. Для этой посуды также характерна примесь толчёной раковины в тесте, иногда в сочетании с шамотом, поверхность, заглаженная мягким предметом и не всегда ровный костровой обжиг.

Довольно широкий спектр морфологических признаков, характеризующих эту группу, казалось бы, предполагает возможность более дробной её типологизации, но, судя по диаграммам 5-13, на отдельные группы по морфологическим особенностям комплекс не разделяется, значения показателей формы представляют собой континуум со сгущением в районе средних значений и разрежением у экстремумов, что характерно для нормального (гауссового) распределения. Что касается различия в орнаментации, один этот признак, с учётом морфологической схожести отдельных орнаментальных групп, не кажется нам достаточным для выделения функциональных типов посуды в отсутствие чёткой стратиграфии на памятнике. Таким образом, предлагается рассматривать массив ямочной и ямочно-шнуровой посуды памятника, составляющий около 90% выборки, в рамках одной типологической группы (тип 1).

Посуда данного типа хорошо известна на поселенческих памятниках Прикамья в ананьинскую эпоху. Среди опубликованных комплексов такого типа можно назвать материалы городищ Каменный Лог (Ашихмина Л.И., 1977), Зуевключевского I (Черных Е.М., 2004; 2007) и др. В соответствии с разработанной для Удмуртского Прикамья типологической схемой Л.И. Ашихминой, невысокий процент шнуровой орнаментации, преобладание сосудов с уплощенным венчиком позволяют в массе отнести её к IV (ныргындинскому) этапу ананьинской эпохи, датированному IV–III вв. до н.э. В то же время, небольшой процент воротничковой посуды (5,6%), орнаментированной шнуром, может указывать на более раннее начало формирования комплекса – на каменноложском этапе среднекамского ананьино по Л.И. Ашихминой (VI–V вв.).

Возможно, функционирование комплекса затянулось и до более позднего времени, однако отсутствие на сегодняшний день в Среднем Прикамье полноценно опубликованных керамических комплексов последних веков до н.э. не даёт возможности говорить об этом с уверенностью. Отчасти на такую датировку может указывать немалый процент сосудов, в которых ямочная орнаментация выполнена строеными в виде треугольников вдавлениями. Такая орнаментация считалась ранее характерной для карабызских комплексов, датированных временем и позже III в. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.222-225, 232; Савельев Н.С., 2010, с.299), но, опираясь на материалы данного памятника, а также Усть-Нечкинского городища (в печати), можно предполагать, что данный тип орнаментации не является характерной особенностью только бельских комплексов позднеананьинской и постананьинской эпох.

Особый интерес вызывает наличие в материалах памятника небольшой серии лепных сосудов на кольцевидных поддонах. Плоскодонная посуда нехарактерна для лесного и лесостепного Приуралья эпохи раннего железа; немногие экземпляры сосудов на кольцевидных поддонах (Пшеничнюк А.Х., 1968, с.85; рис.18-11) как правило, интерпретируются как курильницы.

Л.А. Краева, в кандидатской диссертации, посвященной изучению савромато-сарматской керамики Южного Приуралья, отмечает, что «сосуды с «выделенным» дном и поддоном встречались на протяжении IV–I вв. до н.э.» и весьма немногочисленны (3-4% выборки). При этом сосуды с «выделенным» дном более характерны для IV–III вв. до н.э., а сосуды на кольцевидном поддоне – для III–I вв. до н.э. (Краева Л.А., 2008, с.140-146). Там же приведены характерные примеры таких сосудов: мог. Мечетсай, к.7, погр.8; Новокумакский могильник к.20, погр.6 (2 экз.); Чкаловский мог. к.4, погр.13; мог. Покровка VIII, к.2, погр.3; мог. Акоба V, к.1, погр.6 и др. Среди небольшого количества сосудов на кольцевидных поддонах 2 пол. I тыс. до н.э. можно также отметить: лепной сосуд из погр.14 к.9 II Шумаевского могильника (Моргунова Н.Л., Гольева А.А. и др., 2003, рис.97-5), датированного IV – 1 пол. II в. до н.э.; сосуд из погр.1 кургана 7 могильника Покровка I (Курганы левобережного Илека, 1996, рис.17-7), датированного прохоровским (раннесарматским) временем. Говоря о происхождении этого типа посуды, Л.А. Краева указывает на её сходство с сарматскими бронзовыми котлами (см., напр., Боковенко Н.А., 1977, с.231, рис.3).

По данным А.С. Скрипкина, обобщившего данные по керамике азиатской Сарматии, кольцевидные поддоны характерны только для круговой керамики выделенных им типов К4, К8, К23, М13, Н1, С1, а также ряда типов импортной посуды, например, лаковых сосудов типа Т1-6. Кроме того, кольцевидные поддоны характерны для 25-50% мисок выделенных им типов 1-3. Эти материалы, в основном, датируются им I–II вв. н.э. и имеют происхождение из меотских памятников Кубани и Нижнего Дона, где появляются несколько раньше (Скрипкин А.С., 1990, с.156-165).

Посуда с примесью талька, начиная, как минимум с эпохи бронзы, традиционно поступала в Среднее Прикамье с Урала, где тальк является одной из наиболее распространенных присадок к глиняному тесту. В данном случае происхождение талькированных фрагментов (табл.16–7,9) может быть связано с иткульскими древностями Зауралья (Древняя история Южного Зауралья, 2000, рис.10-33).

Обращает на себя внимание сосуд (табл.12–2) с четко выраженным ребром, примесью шмота и толченой раковины в тесте, с тщательно обработанной поверхностью, орнаментированный вдавлениями каплевидного продолговатого штампа. Сосуды с ребром нехарактерны как для приуральских, так и для зауральских материалов 2 пол. I тыс. до н.э. Биконические формы, встречающиеся в памятниках Нижнего Поволжья (Клепиков В.М., 2002, рис.18–10,11) также не производят впечатления родственных данному сосуду.

Ещё одной группой посуды, выделяющейся из общего комплекса, является серия небольших грубо выделанных толстостенных чашечек с небольшой примесью песка (табл.13–1,3,5; табл.15–1,7). Подобные по форме сосуды можно видеть, например, в коллекции Чегандинского городища (Генинг В.Ф., 1970, т.ХХIV–17,18, т.ХХVIII–5,7). Что касается ананьинских памятников Среднего Прикамья, там миниатюрные сосуды, как и в Тарасово, не отличаются техникой изготовления и морфологией от более крупных форм (табл.20–2; 21–11-13). Своеобразие технологии миниатюрных сосудов Тарасовского святилища позволяет предполагать и специфику их утилитарного использования, скорее всего, в ритуальных целях.

Маленькие глиняные сосудики в больших количествах известны на других святилищах Прикамья. Например, на Гляденовском костыше они составляли 60-70% всего керамического комплекса (Генинг В.Ф., 1988, с.147, 152, 157, рис.37). Г.Н. Чагин, описавший летние жертвоприношения у марийцев Среднего Урала в XIX – начале XX в. (1996), утверждает, что на жизнь марийцев, по их представлениям, оказывали воздействие 41 дух и бог, и во время моления все они должны были получить свои дары. Происходило это таким образом: «Прочитав молитву, старший жрец расставлял под священным деревом маленькие деревянные чашечки из расчета на всех богов и духов. В них наливал по ложке браги и клал кусочек мяса *шубылык*, затем чашки раздавал пожилым марийцам и называл им имя бога или духа, которому они должны были молиться. Окончив эту церемонию, старший жрец первым шел к костру и выливал в огонь брагу с куском мяса. При этом говорил: «Добрый великий Бог! Прими наше моление со святой брагой и свежим мясом. Дух огня, у тебя дым долгой, язык вострой, все это донеси и передай». Выполнив этот обряд, уходил к священному дереву. За ним аналогичный обряд исполняли другие марийцы, только обращались к тому богу и духу, имя которого им указал старший жрец» (Чагин Г.Н., 1996, с.84). Таким образом, только для одного моления использовались не менее 41 маленьких чашечек и обилие их на финно-угорских святилищах становится вполне объяснимым.

4.2. Вещевой материал

Глиняные пряслица (53 экз.). 10 пряслиц изготовлены из обработанных стенок глиняных сосудов ананьинско-пьяноборского времени (табл.18–3-8,12,13). Они имеют те же технологические характеристики, что и основной керамический комплекс памятника: костровой обжиг, примесь толченой раковины в тесте, иногда – следы механической обработки поверхности. Диаметр пряслиц колеблется в пределах 23–60 мм, толщина составляет от 4 до 8 мм.

Оставшиеся 43 пряслица изготовлены из хорошо отмученной глины и обожжены. Цвет их поверхности колеблется от светло-коричневого до темно-серого. Судя по визуальному анализу поверхности, пряслица производились из глины без примесей или с небольшой примесью песка. Диаметр колеблется от 25 до 51 мм, диаметр центрального отверстия – 2,5-7 мм, толщина – от 8 до 28 мм. По форме сечения выделяются подцилиндрические (табл.17–1-2; 20–3,9-11), конические (табл.17–10,12-16; 20–4,7,8), биконические (табл.19–9) и линзовидные (табл.17–6-9; 20–5) пряслица.

Пряслица с соляным и иными типами орнамента, аналогичные пряслицам на табл.20–4,7,9 и 19–1-8 широко распространены на ананьинских городищах Камско-Вятского бассейна – Буйском (Тищенко И.Г., 2005, рис.5–5-7), Пижемском (там же, рис.7–6), Зуевключевском I (Черных Е.М., 2004, рис.11–5-7). Единая система типологии и датировки для ананьинских пряслиц до сегодняшнего дня не разработана, однако исследователи отмечают, что глиняные пряслица преобладают на поздних стадиях ананьинской эпохи и в постананьинское время. Такая тенденция выявлена на Аргыжском городище (Черных Е.М. и др., 2002, с.49; Тищенко И.Г., 2005, с.21). О функциональном назначении этих предметов ведутся дискуссии. Проведенный трассологический анализ пряслиц саргатской культуры эпохи РЖВ в Западной Сибири показал, что одним из вероятных способов применения линзовидных и цилиндрических экземпляров было использование в качестве маховичков при лучковом способе добывания огня (Береснева Н.А., Береснев А.Г., 2004, с.203). Многие авторы отмечают их связь с соляной символикой и подчеркивают сакральное значение пряслиц (Ашихмина Л.И., 1992, с.7; Сериков Ю.Б., 2005, с.99). На эту же гипотезу работают и находки пряслиц в культовой постройке на святилище Зуевы Ключи I (Черных Е.М., 2012, рис.2).

Из культурного слоя Тарасовского святилища происходит серия грубо выделанных различных форм глиняных тиглей маленького (табл.21–1-3,5-9) или среднего размера (табл.20–12-14; 21–1-

10,14,16,20,21) и их обломки (табл.21–18,19), а также две льячки-ложечки (табл.21–15,17) с узким отверстием для рукоятки. Г.Н. Чагин наблюдал при исполнении аграрных жертвоприношений марицами Среднего Урала обряд, когда во время варки мяса жертвенного животного, старший жрец расплавлял кусок олова и выливал его на сковороду с маслом, говоря при этом «Если животная скотина приятна Богу, то олово выльется наподобие скотины» (Чагин Г.Н., 1996, с.83). Очевидно, аналогичные действия сопровождали многие жертвоприношения финно-угорских народов и потому на святилище часто встречались предметы, связанные с металлообработкой. К слою святилища относится фрагмент каменного предмета (точило?) (табл.20–1), имеющий неясное назначение.

Другой хорошо известной категорией находок на приуральских святилищах являются наконечники стрел. Например, на Гляденовском костыше были найдены 20 бронзовых, 1176 – железных, 1280 костяных наконечников (Лепихин А.Н., 2007, с.85-88). На Тарасово набор наконечников скромнее: 18 – бронзовых (табл.22–1-18) и 9 – костяных (табл.26–1-5).

Наконечники стрел бронзовые (18 экз.)

Втульчатые трёхлопастные наконечники: 11 наконечников длиной 22-37 мм с треугольным пером (табл.22–3,7-13,15-17) отнесены к типу С-40 по С.В. Кузьминых (соотв. типам IX по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой, некоторым вариантам типа 4 А.И. Мелюковой, типу 3Б Б.А. Литвинского). Ближайшие аналогии им – наконечники из п. 1 Биктимировского могильника, а также из погр. 4 кургана 1 Шиповского могильника. Появление их на рр. Каме и Белой фиксируется с V–IV вв., массовое внедрение – на рубеже V–IV – III вв. Значительная доля меди еленовско-ушкаттинской группы (ЕУ), выявленная в ходе технологического анализа серии таких наконечников, указывает на то, что «роль савроматов и ранних прохоровцев в их распространении бесспорна» (Кузьминых С.В., 1983, с.108-109).

Один базисный наконечник длиной 44 мм с треугольным пером (табл.22–18) относится к типу С-48 по С.В. Кузьминых (соотв. типам X и XI по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой, типу 5 А.И. Мелюковой, А/IX Н.Л. Членовой, 24 А.М. Кулемзина). Нижняя граница датировки таких наконечников – самый конец V в. до н.э. (Кузьминых С.В., 1983, с.109).

Ещё один подобный наконечник меньших размеров (26 мм) (табл.22–5) отнесен к типу С-50 по С.В. Кузьминых (соотв. типам XII–XIII К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, типу 6 А.И. Мелюковой, типу III О.А. Вишневской, типу 4 Б.А. Литвинского, типу 25 А.М. Кулемзина, типу 10 С.Р. Волкова), и по нечёткому разделению втулки и пера может быть датирован IV–III вв. Аналогичные наконечники встречаются в погр.4 кургана 5 Шиповского могильника и погр.6 кургана 9 Шиповского мог. С.В. Кузьминых указывает на наличие таких наконечников и в Охлебнинском могильнике (Пшеничнюк А.Х., 1969, рис.7-1,2). Медь группы ЕУ, из которой они изготовлены, указывает на их савроматское происхождение (Кузьминых С.В., 1983, с.110).

Трёхгранные втульчатые наконечники:

Один наконечник длиной 23 мм (табл.22–6) отнесен к типу 66 по С.В. Кузьминых (соотв. типу IV по С.В. Кузьминых и М.Г. Мошковой). Датировка этих наконечников укладывается в пределы IV–III вв. до н.э. (Кузьминых С.В., 1983, с.112).

Два наконечника длиной 14 и 21 мм со сводчатым пером (табл.22–1,4) отнесены к группе С-92 по С.В. Кузьминых (соответствуют типу XIV К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, некоторым вариантам типа 9 А.И. Мелюковой, типу 2 Б.А. Литвинского). Наконечники данного типа датируются находками в комплексах Ананьинского могильника и Концецгорского селища (Збруева А.В., 1952, с.260) в пределах V–III веков до н.э. (Кузьминых С.В., 1983, с.114).

Помимо этого, в коллекции имеется обломок бронзового наконечника стрелы длиной 19 мм с треугольным пером без остатков крепления (табл.22–2), что не позволяет атрибутировать его однозначно: это может быть очень узкий втульчатый наконечник типа С-40 по С.В. Кузьминых, либо черешковый наконечник одного из типов С-110-114. Следует отметить, что в последнем случае он несколько выпадет из общей датировки комплекса, так как бронзовые трёхлопастные черешковые наконечники с треугольным пером датируются по аналогиям, приведенным С.В. Кузьминых, не позднее V в. до н.э. Помимо наконечников стрел к комплексу памятника относятся фрагменты бронзовых изделий (табл.22–19-26).

Из железных изделий следует отметить железный стержень с прямоугольным сечением (табл.23–1), железный рыболовный крючок (табл.23–2) и девять железных ножей (табл.23–3-11),

имеющих длину 36-142 мм. Особый интерес представляют маленькие votivные экземпляры, длиной 36-85 мм (табл.23–3-8) – неперенный атрибут жертвенных мест Прикамья (Лепихин А.Н., 2007, с.88). Ножи обычных размеров с выгнутой спинкой (табл.23–9-11) появились в Прикамье с начала ананьинской эпохи (Патрушев В.С., 2011, с.177, рис.30; Халиков А.Х., 1977, с.143-52), но характерны и для пьяноборского времени (Генинг В.Ф., 1970, с.83), хотя на поздних этапах этот признак значительно менее выражен (там же, табл.ХI–2; XXV–10,12).

Особого внимания заслуживает плоская бронзовая бляшка с изображением лягушки размерами 1,8x3,0 см (табл.24). Фигура изображена в профиль, находится в позе «припавшего к земле» существа. Среди элементов фигуры можно выделить две трёхпалые лапы, узкое тело, крупную голову и двусоставной завиток над ней, который может быть интерпретирован, скорее всего, как изображенные в фас глаза. По определению директора естественнонаучного музея кафедры экологии животных Удмуртского государственного университета, к.б.н. А.Г. Меньшикова, на бляшке изображена лягушка – представитель местной фауны. Это дает твердые основания говорить о местном происхождении изделия и его изготовителя.

Лягушка, жаба занимала особое место в культовой практике разных народов. По представлениям коми, лягушки – обращенные люди, которые со временем вновь станут людьми и убивать их грех. Из-за сходства лап лягушки с человеческими руками украинцы считали в прошлом лягушку женщиной. У славян лягушка – домашний покровитель. В Далмации запрещалось убивать лягушек, так как благодаря им не скисает молоко. У коми лягушка символ плодородия из-за ее внешнего сходства с женщиной в положении лежа на спине и ее плодовитости. Лягушке приписывалась любовно-брачная символика. У коми лягушки имели отношение к колдовству. В лягушек могли превращаться колдуньи. В магической практике жаб и лягушек использовали для насыпания порчи: порошок из высушенных лягушек подсыпали в еду, рыбаки посыпали им чью-то сеть, чтоб не ловилась рыба, жаб подбрасывали в дом, чтоб в нем поселились несчастья и т.д. (Гура А.В., 2004, с.162-164; Мифология Коми, 1999, с.229). Изображения лягушек известны и среди изделий пермского звериного стиля средневековой поры.

Образ лягушки сакрализован и у угров. ее изображение вырезалось на наличниках окон для защиты от нечистой силы. Функционально и образно лягушка сближалась с каким-то благожелательным женским мифическим существом, имеющим отношение к здоровью, плодородию, брачным отношениям. По данным В.Н. Чернецова, лягушка понималась как прародительница людей. При родах помогало изображение «под вид лягушки». По Е.П. Мартыновой у хантов лягушка выступает в одной из зооморфных ипостасей (две другие – заяц и лебедь) богини-жизнеподательницы Калтащ-анки. Этнографы отмечают и космический характер происхождения лягушки у обских угров.

Необычное, глубоко научное, но фактически художественное произведение А.В. Головнева «Говорящие культуры» о традициях самодийцев и угров, настолько захватывающее, что невозможно оторваться, открыв любую страницу, также содержит интереснейшие сведения о лягушке (1995, с.522, 537 и др.). Лягушку следует убить только в том случае, если она пересекла человеку путь. Лягушка считается человеком, у нее видны на лапках пальцы, и убивать ее нельзя, иначе пойдет сильный дождь. Лягушка в женской мифологии стоит у начала людского жизнеопределения. Лягушка – земноводный образ богини Земли матери (Калтащ, Анки), Болотная Великая женщина. Анки – лягушка участвует в обрядности родин: у восточных хантов повитуха при родах держит платок с вышитой на нем бисером лягушкой. В китайской мифологии матерью прародительницей была Нюйва, когда-то имевшая облик лягушки – символа плодовитости, покровительницы домашнего очага, охранительницы благополучия дома (Балакин Ю.В., 1998).

Одновременно с проявлением культа лягушки наблюдаются и материальные следы культа зайца. Именно его изображение (табл.24–3) обнаружено на Галкинском городище IV–III вв. до н.э., выполненное в той же манере, что и тарасовская лягушка. Заяц, по мнению этнографов, ярко выраженный мужской образ. Он наделен в народных представлениях мужской эротической символикой и демоническими свойствами. Любовно-брачная символика зайца проявляется в свадебном обряде и песнях славян. Заяц – олицетворение плодоносящего начала. У коми сын Солнца (Шонді Пи) пьет заячье молоко, чтобы обрести силы и вывести из небесного хлева Быка Месяца. Заяц связан с миром нечистой силы. В быличках коми повсеместно распространены сюжеты о

добычливом охотнике, пользующемся благосклонностью нечистого, лешего или хозяина зайцев. В виде зайца иногда показывался урэс (вестник несчастья или болезни), иногда колдун. Иногда богиня Матери Земли (Калташ) у угров представляется в образе белой зайчихи. Мотив зайца – популярный орнамент женских вещей: черпаков, рукояток женских весел, крюков. В родильном обряде одеяльце для первой люльки шьется из шкурки зайца (Головнев А.В., 1995, с.537).

У славян повсеместно распространена примета о том, что перебежавший дорогу заяц приносит несчастье. Заяц связан с солнцем, огнем и пожаром (солнечный зайчик, «зайчик по жару бегают» – свечение недогоревших синих огоньков). В мифах, быличках, сказках, поверьях используются самые разные свойства зайцев: маленький, быстрый, пушистый, белый, косоглазый (магическая сила глаз зайца), чуткий сон, прыткость, быстрота бега, трусость, боязливость и т.д. (Мифология Коми, 1999, с.209; Гура А.В., 1999, с.284-288). У алгонкинов (Северная Америка) Великий заяц (или кролик) не только сотворил мир, но и уничтожил злых духов, создал тайный союз ведунов и изобрел рыболовные снасти (Мифы народов мира, 1997, т.1, с.447).

Кости зайцев хорошо известны, иногда в больших количествах на памятниках железного века Прикамья. Например, на Гремячанском поселении, по данным А.Г. Петренко, были найдены 917 костей зайцев от 108 особей (Петренко А.Г., 2009, табл.2, с.181).

Близкой аналогией Тарасовской бляшке с изображением лягушки является предмет с Уфимского (Чортова) городища из работ В.В. Гольмстен (рис.24–2), трактованный С.А. Васильевым как импортное изображение неопределенного хищника, скорее всего, восточного происхождения – из районов Южной или Западной Сибири (Васильев С.А., 2002, с.60, каталог 1-5/45). Однако изображения припавших к земле хищников, происходящие из Южной Сибири, собранные Е.С. Богдановым, представляют собой рисунки тигрообразных кошачьих с большими тупыми мордами и длинными хвостами (Богданов Е.С., 2006, с.89-90, табл.LXXI-1-5) и потому вряд ли имеют отношение к приуральским образцам. Как считает А.Г. Меньшиков, по некоторым признакам зверь на этом предмете напоминает стилизованное изображение медведя.

Обращает на себя внимание отсутствие на Тарасовском святилище мелких украшений и бус. Из последних найдено лишь 2: золоченая (табл.22–22) и глиняная. Скорее всего, это связано с тем, что все подобного рода находки из слоя были отнесены к остаткам из разрушенных захоронений Тарасовского могильника и вычленив их из этого собрания практически невозможно.

На памятнике найдены также костяные изделия: заготовки предметов (табл.25–1,3,5; 26–13,14,16), амулеты из «бабок» животных (табл.25–2), из клыка медведя (табл.25–4), острия (табл.25–6,8-10), сломанный крючок (табл.25–7), наконечники стрел (табл.26–1-5), подвески из фаланг животных (табл.26–6,10), псалии (табл.26–11,12), пряслице (?) (табл.26–7), амулеты из рыбьих позвонков (табл.26–8-9), наконечник гарпуна (табл.26–15).

В целом костяной инвентарь характерен для городищ Камско-Вятского бассейна ананьинского времени. Костяные бабки встречаются практически на всех хорошо изученных памятниках этой эпохи (Борзунов В.А., 1997а, рис.6; Ашихмина Л.А., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006, рис.85-86; Голдина Р.Д., 1999; и др.) Аналогичная подвеска из клыка медведя фигурирует на Зуевключевском I городище (Черных Е.М., 2004, рис.10-3). Подвески из фаланг животных (табл.26–6,10) также широко распространены на камско-вятских памятниках ананьинского времени (Черных Е.М., 2004, рис.10-5; Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006, рис.83-84). Практически аналогичный тарасовскому костяной крючок происходит с Пижемского городища (там же, рис.77–3).

Черешковые трёхгранные наконечники стрел широко представлены в ананьинских материалах (Збруева А.В., 1952, с.88-90, табл.II–2-4; XIX–1-4; Патрушев В.С., 1986, с.50, рис.19–1,2,4; Марков В.Н., 1987, рис.8–1-3; Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006, с.28-34) и известны на протяжении всей ананьинской эпохи. Сравнительно небольшие размеры стрел, согласно тенденции, отмеченной ещё А.В. Збруевой (1952, с.91-93) и позже подтверждённой (Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006, с.34) характерны для развитых этапов ананьинского времени. В небольшом количестве такие наконечники продолжают встречаться и в чегандинское время (Генинг В.Ф., 1970, т.XXV-5).

4.3. Глиняная пластика

Глиняная пластика представляет собой одну из ярчайших категорий находок на Тарасовском святилище. Поскольку в следующей главе будет проанализирована вся, имевшаяся в нашем распоряжении, глиняная пластика Верхнего и Среднего Прикамья, включая Тарасовское святилище, здесь сведения о ней будут изложены в соответствии с общей типологией. Принципы этой типологии приведены также в следующей главе (с.66-69).

Следует отметить, что типология глиняных изделий весьма субъективна. Каждый предмет настолько индивидуален, что выявить какие-либо закономерности очень сложно. Предлагаемая типология может служить лишь одним из вариантов возможного деления этой очень своеобразной категории археологического материала.

На Тарасовском святилище обнаружено 77 предметов глиняной пластики. Они разделены на два отдела: 1 – предмет без канала (отверстия для подвешивания) (статуэтка); 2 – предмет с каналом – сквозным отверстием для подвешивания (амулет). По общей конфигурации тулова выделены три группы: I – зооморфные, II – антропоморфные, III – геометрические. Группа I (зооморфные) делится на типы: 1 – изображение медведя; 2 – лошади; 3 – кабана; 4 – вид не определим. Группа II (антропоморфные) разделена на три типа. Тип 1 – изображение женщины; 2 – мужчины (в данной коллекции не присутствует); 3 – пол не определен. Группа III (геометрические) состоит из типов: 1 – призма; 2 – цилиндр; 3 – конус; 4 – шар; 5 – диск. По форме верхней части определены подтипы: 1 – плоская; 2 – уплощенная, ближе к округлой; 3 – приостренная, с выступом; 4 – с углублением, «чашечкой». Основание предмета – виды: 1 – плоское, иногда слегка вогнутое; 2 – раздвоенное – «ноги»; 3 – с углублением-полостью. Основание имеет и варианты: 1 – выделено из общего объема тулова в виде утолщения, увеличивающего его площадь; 2 – не выделено из общего объема.

Отдел 1. Предметы без сквозного отверстия (статуэтки)

Группа I. Зооморфные.

Тип 1 (1 экз., табл.27–1). Медведь.

Тип 2 (1 экз., табл.27–2). Лошадь (?).

Группа II. Антропоморфные.

Тип 3. Пол не определен.

Подтип 3. С выступом в верхней части.

Вид 2 (2 экз., табл.27–3, 4). В основании «ноги».

Вид 1, вариант 2 (2 экз., табл.27–5, 9).

Вид, вариант ? (2 экз., табл.27–6, 7).

Группа III. Геометрические.

Тип 1. Призмы.

Подтип 2. С уплощенной верхней частью, ближе к округлой.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (4 экз., табл.27–8; 28–1-3). Не выделенное из общего объема.

Подтип 3. С выступом в верхней части.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 1 (2 экз., табл.27–10, 11). Выделенное из общего объема.

Вариант 2 (2 экз., табл.27–12, 14). Не выделенное из общего объема.

Вид и вариант не определены (1 экз., табл.28–4).

Подтип не определен (10 экз., табл.27–13; 28–5-13).

Тип 2. Цилиндры.

Подтип 1. С углублением в верхней части.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (3 экз., табл.29–1-3). Не выделено из общего объема.

Тип 3. Конусы.

Подтип 3. С приостренной верхней частью, иногда с выступом.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 1 (2 экз., табл.29–4, 5). Выделено из общего объема.

Вариант 2 (8 экз., табл.29–6-13). Не выделено из общего объема.

Вид 3. С углублением – полостью в основании.
Вариант 2 (7 экз., табл.29–14-20). Не выделено из общего объема.
Вид и вариант не определены (1 экз., табл.29–21).
Тип 4 (2 экз., табл.29–22, 23). Шары.
Тип 5. Диски.
Подтип 1 (15 экз., табл.30–1-15). С ровным краем.
Подтип 2. С неровным краем.
Вид 1 (1 экз., табл.30–16).
Вид 2 (2 экз., табл.30–17, 18).

Отдел 2. Предмет с отверстием для подвешивания (амулет).

Группа III. Геометрические.

Тип 3. Конус.

Подтип 3 (1 экз., табл.30–19). С приостренной верхней частью.

В коллекции имеются и бесформенные куски глиняных фигурок (табл.28–14, 15).

Поскольку достаточно большая, выразительная и типологически близкая коллекция глиняной пластики происходит с Зуевключевского I городища, считаем целесообразным также привести ее основные характеристики. На Зуевых Ключах I обнаружено 66 предметов глиняной пластики.

Отдел 1. Предметы без сквозного отверстия.

Группа II. Антропоморфные.

Тип 3 (2 экз., табл.31–1, 2). Пол не определен.

Группа III. Геометрические.

Тип 1. Призмы.

Подтип 2. С уплощенной верхней частью.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (2 экз., табл.31–4, 6). Не выделено из общего объема.

Вид и вариант не определены (2 экз., табл.31–3, 5).

Подтип 3. Верхняя часть приостренная, с выступом.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (5 экз., табл.32–1-5). Не выделено из общего объема.

Виды и варианты не определены (6 экз., табл.32–6-11).

Подтип, вид и вариант не определены (15 экз., табл.31–7-15; 32–12-17).

Тип 2. Цилиндры.

Подтип 1. Верхняя часть плоская.

Вид 1. Основание плоское.

Вариант 2 (4 экз., табл.33–1-4). Не выделено из общего объема.

Подтипы, вид и вариант не определены (1 экз., табл.33–5).

Тип 3. Конусы.

Подтип 3. Верхняя часть приостренная.

Вид и вариант не определяется (1 экз., табл.33–7).

Подтип, вид и вариант не определяется (1 экз., табл.33–6).

Подтип 2. Верхняя часть округлая.

Вид 3. Основание с полостью.

Вариант 2 (3 экз.; табл.33–8-10). Основание не выделено из общего объема.

Тип, подтип, вид, вариант не определены (1 экз., табл.33–11-15).

Тип 5. Диски.

Подтип 1 (20 экз., табл.34–1-20). С ровным краем.

Таким образом, вещевой инвентарь Тарасовского святилища убедительно свидетельствует о своеобразии этого памятника и его особом месте в системе других объектов ананьинского времени.

4.4. Датировка, культурная принадлежность и функциональная оценка Тарасовского святилища

Тарасовское святилище очень сильно пострадало в результате заполнения его площадки могильником I–V вв. н.э. И ряды могил, и захоронения в рядах располагались очень плотно, иногда

нарушая друг друга, в результате чего мы располагаем весьма небольшой выборкой материала из богатейшего в свое время святилища.

Датирующих предметов на Тарасовском святилище немного. Основные надежды мы возлагали на бронзовые наконечники стрел и глиняную посуду. На памятнике найдены 19 бронзовых наконечников стрел: 18 – из слоя (они распространены относительно равномерно – рис.15) и 1 – из погребения. Исходя из аналогий этим изделиям, приведенным на с.42, большинство их укладывается в пределы IV–III вв. до н.э. Но есть два предмета этой серии (табл.22–2,18), которые могут быть датированы, согласно исследованиям С.В. Кузьминых, несколько более ранним временем – V в. Таким образом, судя по бронзовым наконечникам стрел, святилище существовало в пределах рубежа V–IV и III вв. до н.э.

Подобную картину мы имеем и в результате анализа глиняной посуды (с.31-40 наст. издания). Ее особенности: невысокий процент шнуровой орнаментации, преобладание сосудов с уплощенным венчиком, наличие сосудов с орнаментом в виде треугольников из трех ямок позволяют датировать этот комплекс IV–III вв. до н.э. Небольшой процент воротничковой посуды, орнаментированной шнуром, дает возможность также говорить о более раннем времени – V в. до н.э. Присутствие небольшой серии сосудов на кольцевых поддонах, возможно, свидетельствует о функционировании памятника и во II в. до н.э. Учитывая материалы могильника, который начал активно использоваться на этой площадке не ранее I в. н.э., святилище уже не могло существовать в это время. Таким образом, наиболее возможной датой использования Тарасовского святилища является конец V – III в. до н.э.

Что касается культурной принадлежности, то здесь особых проблем нет. Тарасовское святилище располагается в центре одной из локальных группировок ананьинской историко-культурной общности, в окружении более чем десятка селищ, поблизости от Момылевского городища, в 5 км от Галановского городища, в окрестностях которого была найдена уникальная ананьинская Галановская секира (Голдина Р.Д., 1999, с.200).

Начиная раскопки Тарасовского могильника и обнаружив на его площади культурный слой, мы предполагали, что он связан с поселением и назвали эти остатки селищем I. В ходе работ выяснилось, что характер находок весьма своеобразен и на памятнике отсутствуют типичные поселенческие черты: остатки жилищ, хозяйственных и мусорных ям, многочисленных столбовых ямок и т.д. Дальнейшие исследования показали, что в данном случае мы имеем дело с особой категорией древних объектов – святилищем.

Прежде всего, обратило на себя внимание значительное число предметов глиняной пластики – 77 экз. Они распространены относительно равномерно по всей площади памятника (рис.16). Возможно, это связано с последующей распашкой поверхности. Следует отметить плохую сохранность этих предметов, около 30% их обнаружено во фрагментарном состоянии. Скорее всего, многие из них были разбиты в древности. Их технологический, морфологический, семантический, функциональный анализ будет дан в главе 5. Предметы глиняной пластики – следы индивидуальных жертвоприношений: женские антропоморфные изображения – следы культа женщины-прародительницы и хранительницы домашнего очага, фигурки животных – культа животных, глиняные лепешки и пряслица с соляными знаками (табл.20–4,7,9) связаны с поклонением солнцу.

Особого внимания заслуживает захоронение человека на Тарасовском святилище (рис.14). Мужчина 40-50 лет был убит бронзовым наконечником стрелы, вошедшим в шею в области седьмого шейного позвонка. Кости ног лежали на костях рук и предплечья, кости таза разрознены. Очевидно, умерший был расчленен, при этом нижняя половина тела умершего была уложена на верхнюю.

Сейчас следы человеческих жертв обнаружены на многих памятниках Урала. Не надо думать, что человеческие жертвоприношения – атрибут только кровожадных финно-угров. Это явление было широко распространено у разных народов мира: славян, угро-самодийцев и других. Разумеется, обычай приносить в жертву зародился в глубокой древности и использовался людьми в особых экстремальных случаях: войн, эпидемий, стихийных бедствий и т.д. Достоверные же следы человеческих жертвоприношений в Приуралье зафиксированы на памятниках эпохи бронзы. На Балымском поселении приказанской культуры на возвышенном месте было раскопано кострище с углем, золой и обожженными костями, вокруг которого были вкопаны девять глиняных сосудов, а также полукругом уложены пять погребенных и череп человека. А.Х. Халиков интер-

претировав этот комплекс как жертвенный (Халиков А.Х., 1980, с.27-28). А.В. Збруева привела еще несколько примеров приношений в жертву людей в эпоху бронзы (1952, с.157). В головах костяка центрального погребения под курганом III Маклашеевского могильника, в небольшой яме обнаружены обожженные кости человека, из которых хорошо сохранились фрагменты черепа и фаланги пальцев. В насыпи кургана 2 Луговского могильника, над одним из погребений зафиксированы остатки костра и череп человека. В очаге жилища I Луговской стоянки найдены обожженные и расколотые черепа и кости тринадцати взрослых и шести детей.

В лесной полосе Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) на памятниках сугунской культуры конца эпохи бронзы также выявлены следы человеческих жертвоприношений (череп, кости конечностей) (Потемкина Т.М. и др., 1996, с.71). Добротная сводка человеческих жертвоприношений на восточном склоне Урала создана Ю.Б. Сериковым (2013, с.177-181). Она убеждает в том, что эта практика была распространена на Урале достаточно широко, начиная с эпохи энеолита, а, возможно, и раньше, но особенно широко применялась в раннем железном веке (там же, с.178; он же, 2012, с.94-95).

На Западном Урале следы человеческих жертвоприношений зафиксированы на Юго-Камском (10 костей) и Усть-Туйском (106 костей) костяках (Лепихин А.Н., 2007, с.101). На Гремячанском святилище А.Д. Вечтомов исследовал четыре детских костяка (от грудного возраста до 8-10 лет) с частично обожженными черепами. Два из них были расчленены. А.Ф. Мельничуком и В.А. Обориным в северной части раскопа обнаружены еще два захоронения: одно – по способу частичного трупосожжения (подросток) и одно – по способу трупоположения. В южной части раскопа возле зольника и скопления костей животных также выявлены скелеты трех детей грудного возраста с раздробленными черепами. Еще один скелет грудного ребенка расчищен рядом с жертвенником из черепов и нижних конечностей лошадей в восточной части памятника (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с.76). В раскопках 1991–1992 гг. также обнаружены захоронения трех грудных детей, два из которых находились в небольших постройках. У всех погребенных кости смещены и разрушены черепа, у одного отсутствовали кости ног и правой руки.

Захоронение младенца, а также кости человека вместе с костями животных зафиксированы в особой жертвенной яме на площади святилища ананьинского времени на городище Зуевы Ключи I, раскопанного Е.М. Черных. Скорее всего, жертвами были и еще 4 младенческих погребения, обнаруженные под полами ананьинских жилищ, а также в ананьинском слое заполнения жилища эпохи бронзы на этом памятнике (Черных Е.М., 2013, с.163).

Остатки человеческих жертвоприношений выявлены и в культовой постройке ананьинского времени на Аргыжском городище на Средней Вятке. Здесь в сооружении III на глубине 27-40 см в беспорядке зафиксированы обожженные кости трех мужчин, женщины и ребенка (Черных Е.М. и др., 2002, с.16, 91-93). Обезглавленные скелеты взрослого и ребенка найдены на Буйском городище на Вятке в слоях середины I тыс. н.э. (Ашихмина Л.И., 1980, с.133).

Для датировки одного из случаев обряда принесения в жертву людей важно наблюдение А.Н. Лепихина (2007, с.114-115), который утверждает, что к V–III вв. до н.э. относятся остатки одного четвертованного, а другого расчлененного взрослых людей, обнаруженные на Половинном I селище ананьинского времени (раскопки А.Д. Вечтомова), расположенном в 1 км от Гляденовского городища. Часть костей была обожжена и перемешана с костями животных. По А.Н. Лепихину, эти останки отложились одновременно с возникновением Гляденовского костяка или несколько раньше.

В нашем же случае (Тарасово) мы имеем дело с останками убитого взрослого (старого) человека. Поза погребенного необычна, но не случайна. В 1980 г. при раскопках Бартымского могильника второй четверти VII в. в Сылвенском поречье было обнаружено захоронение удовлетворительной анатомической сохранности подростка 5-6 лет (судя по сопровождающим его бусам – девочки), согнутой пополам так, что кости ног лежали на костях верхней части скелета. Фаланги правой руки располагались в некотором отдалении от костяка, возможно, она была отсечена (Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011, с.94, табл.52). Захоронение занимало место в общем ряду 60 человек, погибших при нападении на Бартымский поселок: мужчин, женщин и детей. Могильник уникален – люди были похоронены все одновременно на площадке их селения. Необычность погребения девочки-подростка заставляет предполагать, что она была принесена в жертву оставшимися сородичами именно в связи с трагическими событиями, приведшими к гибели поселка, и стремлением обезопасить оставшихся от грядущих подобных катастроф.

Тарасовское святилище имеет ряд особенностей, позволяющих уверенно относить его к кругу культовых объектов. 1. Оно расположено на высокой горе, топографически выделяющейся на фоне окружающего ландшафта. 2. Культурный слой его содержит углистые и зольные включения и вкрапления обожженной глины. В слое встречались ямы, зольники и значительное число прокалов от костров – следы использования огня. 3. Возможно, существовала культовая постройка, от которой сохранились зольники, прокалы и столбовые ямы, а также отмечена концентрация находок. 4. Присутствие остатков бронзолитейного производства (тигли, льячки, шлаки). 5. Многочисленность и разнообразие предметов глиняной пластики. 6. Наличие миниатюрных сосудов. 7. Малое количество предметов быта. 8. Значительное число пряслиц и глиняных дисков – свидетельство солярных культов. 9. Присутствие значительного числа наконечников стрел – одного из главных атрибутов жертвенных мест Урала. 10. Наличие votивных предметов – миниатюрных копий орудий труда. 11. Следы кровавой жертвы – человеческого жертвоприношения.

Тарасовское святилище занимает особое место среди жертвенных мест Прикамья, так как было устроено на особом мысу, специально предназначенном и использованном для культовых церемоний (на нем нет поселенческих остатков, могильник возник спустя два столетия).

Несколько иной характер имело святилище на Зуевоключевском I городище, исследованное В.Ф. Генингом (1971, с.27-38) и Е.М. Черных (2013). Это общепоселенческое жертвенное место. Оно расположено в особой – южной части городища, занимало специальную, выделенную для него площадку. На ней исследованы остатки культовой постройки, размерами 19,6х6,0-7,5 м с двумя очагами, специальными жертвенниками. Среди находок на святилище большое число костей домашних животных (более 80%), среди которых преобладает лошадь (более 60%). Из диких определены лось, волк, лисица, куница, заяц, бобр, белка. Особенно много (около 4%) костей медведя. Культовый характер объекта подтверждается сопутствующим материалом: здесь обнаружены миниатюрные сосуды, амулеты, пряслица, предметы глиняной пластики (Черных Е.М., 2013, с.153-165).

Подобное святилище изучено на Гремячанском поселении. Не совсем ясно, существовало ли оно одновременно с поселением или использовалось как самостоятельный культовый объект. По мнению С.Н. Коренюка, А.Н. Лепихина и А.Ф. Мельничука (1994, с.67-70) ранний слой памятника датируется V в. до н.э., поздний – верхний, IV–III вв. до н.э. А.Ф. Мельничук и В.А. Оборин писали, что, возникнув на месте ананьинского поселения в конце V в. до н.э., святилище существовало до II–I вв. до н.э. (1989, с.75-78). Оно исследовано большими площадями в 1957–1963 гг. А.Д. Вечтомовым (1967, с.140-146), в 1988 г. – А.Ф. Мельничуком и В.А. Обориным (1989, с.75-78), в 1991–1992 гг. – А.Ф. Мельничуком и С.Н. Коренюком. Расположено в 17 км к юго-востоку от г. Осы Пермского края, на окраине д. Гремяча, на мысу высотой 11 м правого берега р. Тулвы. Площадь памятника 25 тыс., из них исследовано около 4 тыс. кв.м. Культурные напластования достигают мощности более 1 м.

На Гремячанском святилище раскопаны оригинальные жертвенники – вымостки из крупного галечника или песчаных плит, на которых располагались черепа и нижние конечности лошадей по 3 экз. и более, медведей, бобров и других животных. В одном случае у скопления из трех конских черепов размещались костяки двух новорожденных жеребят (Вечтомов А.Д., 1967, с.145). Раскопано большое количество очагов, вокруг которых зафиксированы раздробленные кости животных, обломки глиняных сосудов, скопления находок (по 5-10 экз.), наконечники стрел, украшения, амулеты из зубов животных, костяные изделия, ожерелья из позвонков рыб, обломки глиняных антропоморфных фигурок и другие предметы.

В ходе многолетних раскопок получен огромный материал. Только в 1957–1963 гг. собрано 3760 глиняных сосудов, 271 каменный пест, 30 зернотерок, 290 костяных наконечников стрел (в 1988 г. их найдено более 100), 53 пряслица, 32 тигля, 6 льячек, 2 обломка литейных форм, 22 костяных псалия, 24 костяных кочедыка, 33 антропоморфных фигурки, 23 костяных мотыги, 10 гарпунов, 9 бронзовых наконечников стрел, 13 железных ножей, множество костяных и бронзовых украшений, а также другие вещи (Вечтомов А.Д., 1967, с.140).

Из слоя памятника в 1957–1963 гг. извлечена 16731 кость животных от 1001 особи (Андреева Е.Г., 1967, с.173). Кости домашних животных составляли 58,2%, диких – 41,8%. Среди домашних животных преобладали лошади (34,3%), почти поровну представлены крупный рогатый

скот (22,7%) и свиньи (22,4%). Им несколько уступал мелкий рогатый скот (16,6%). Е.Г. Андреева отмечала сильную измельченность всех костей Гремячанского святилища. На памятнике собраны кости 23 собак небольших размеров, близких к современным лайкам. Интересен и состав диких животных. Первое место занимают кости пушных зверей (84%), диких копытных меньше (1%). Из пушных преобладают зайцы (108 особей, 23,4%), бобр (82 особи, 17,8%), найдены кости 55 медведей (11%), 49 кунных (13%). Северный олень (7%), лисица и мелкие грызуны (8%) занимают предпоследнее место. Кости лося составляют лишь около 5%, единичны кости косули, выдры и белки. На Гремячанском святилище найдены кости 92 особей птиц: лебедей, гусей, уток, глухарей, тетеревов, цапель и хищников типа подорлика. Среди них больше всего глухарей и водоплавающих, особенно уток.

Гремячанское святилище – один из уникальных памятников Пермского края, традиции которого воплотились позднее в костяках гляденовского времени, среди которых самым известным, бесспорно, является Гляденовское. Остается только сожалеть, что богатейшая коллекция Гремячанского святилища так и остается неизвестной широкой археологической общественности.

Таким образом, особенности остатков, выявленных на Тарасово, позволяют отнести этот памятник к категории уникальных объектов, связанных с отправлением древних культов и считать его святилищем.

5. ОСОБЕННОСТИ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Поскольку одной из колоритных категорий Тарасовского святилища является глиняная пластика, была предпринята попытка обобщить данные о ее распространении и своеобразии на всей территории Среднего и Верхнего Прикамья.

5.1. Основные этапы изучения глиняной пластики Евразии

Глиняная пластика является предметом исследования ученых более ста лет. Несмотря на различия в изучении отдельных археологических культур, на основе опубликованных материалов можно выделить несколько этапов в ее исследовании.

Первый этап – конец XIX в. – 1910-е гг., второй – 1920 – начало 1940-х гг., третий – вторая половина 1940-х – 1960-е гг., четвертый – 1970–1980-е гг., пятый – с 1990-х гг. до настоящего времени.

Первый этап характеризуется упоминаниями о первых находках мелкой скульптуры и глиняной пластики. Начало их изучения было связано с возросшим в обществе интересом к древней истории, со становлением археологии как научной дисциплины. В конце XIX в. стали известны первые образцы глиняной пластики трипольской и дьяковской культур. В литературе появились не только описания фигурок (Хвойко В.В., 1913), но и была предложена их первая классификация (Скриленко А., 1903). Впервые в русской археологической литературе был поднят вопрос о значении образов палеолитического искусства Европы (Фомин И.И., 1912).

Ко второму этапу относится начало активных археологических исследований на территории Советской России, а затем – СССР. В ходе этих исследований шел процесс накопления материалов мелкой скульптуры и, в частности, глиняной пластики. В советской археологической литературе развернулась дискуссия по проблеме происхождения и значения палеолитического искусства, в частности, древнейших скульптурных изображений – так называемых «палеолитических Венер». В 1930-е гг. выходят в свет статьи С.Н. Замятина (1935), П.П. Ефименко (1931а,б,в), Б.Б. Пиотровского (1932), А.С. Гущина (1937), А.П. Окладникова (1941). Однако малочисленность находок еще не позволяла делать масштабные выводы.

Третий этап в изучении пластики относится ко второй половине 1940-х – 1960-м гг. Большой урон советская археологическая наука понесла в результате Великой Отечественной войны, произошел значительный перерыв в археологических исследованиях. Но уже в конце 1940-х гг. в литературе вновь появились работы, посвященные исследованию глиняной пластики, в частности, глиняной пластике Триполья (Кричевский Е.Ю., 1949). В 1950–1960-е гг. опубликован целый ряд крупных исследований, ставших важными вехами в изучении мелкой скульптуры и пластики разных археологических культур. Ими стали труды П.П. Ефименко (1953), З.А. Абрамовой (1962, 1966) и А.П. Окладникова (1967), посвященные искусству палеолита, а также исследования В.И. Сарияниди (1965), И.Н. Хлопина (1969) и С.Н. Бибикова (1953) по проблеме глиняных изделий древнеземледельческих культур Средней Азии и Юго-Восточной Европы. Накопленные в ходе раскопок материалы позволили подвергнуть предметы пластики более глубокому изучению. Особое значение в изучении темы палеолитической скульптуры имели две монографии З.А. Абрамовой – «Палеолитическое искусство на территории СССР» (1962) и «Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии» (1966). В них был подведен итог многолетним исследованиям памятников палеолитического искусства, представлена исчерпывающая информация обо всех известных на тот момент находках, предложена классификация изображений и высказаны предположения об их семантике. Важной вехой в изучении глиняной пластики Триполья явилась монография С.Н. Бибикова «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре» (1953). Исследователь привлек обширный этнографический материал для определения назначения пластики, реконструкции идеологических воззрений трипольцев, классифицировал предметы пластики. С.Н. Бибиков проанализировал условия нахождения и сохранность статуэток, высказал предположения об их использовании. Он впервые применил метод рентгенологического анализа для определения технологии изготовления фигурок.

На данном этапе также началось археологическое исследование многих регионов СССР: Карелии, Прибалтики, Поволжья, Зауралья, Сибири. В научный оборот были включены первые, еще немногочисленные, предметы глиняной пластики, происходящие с этих территорий. Малочисленность материала обусловила в основном лишь описание изображений.

1970–1980-е гг. – четвертый этап в изучении пластики, когда ученые уже не ограничивались описанием материала. Они подвергли пластические изображения глубокому семантическому, технологическому, сравнительно-историческому, искусствоведческому анализу. Наряду с работами, посвященными глиняной пластике конкретных памятников или отдельным аспектам ее анализа, было опубликовано несколько крупных обобщающих исследований. В работах Е.В. Антоновой «Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии» (1977), «Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (Опыт реконструкции мировосприятия)» (1984) и «Обряды и верования первобытных земледельцев Востока» (1990) выработаны принципы характеристики и классификации материалов скульптуры и пластики, раскрыты особенности первобытного творчества, объяснен схематизм изображений. Труды Е.В. Антоновой подводят своеобразный итог многолетним исследованиям региона и систематизируют все известные на тот момент материалы. В монографии А.П. Погожевой «Антропоморфная пластика Триполья» (1983) пластические изображения охарактеризованы с использованием методов искусствоведения, проведен анализ технологии изготовления антропоморфных статуэток, мотивов орнамента, соотношения образов и их семантики, хронологии пластики, выработаны принципы ее классификации. В.И. Мошинская в монографии «Древняя скульптура Урала и Западной Сибири» (1976) анализирует образы глиняной пластики, сравнивает их с изображениями, распространенными на других территориях, в связи с чем затрагивает проблему культурных связей древних жителей лесной зоны Северо-Восточной Европы и Северной Евразии.

Пятый, современный, этап отмечен меньшим числом исследований, посвященных теме глиняной пластики. В 1990-е гг. опубликована лишь одна обобщающая работа – монография В.И. Балабиной «Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья» (1998), в которой зооморфная пластика была подвергнута тщательному комплексному анализу. В это время опубликован ряд статей, посвященных углубленному изучению отдельных категорий пластики (Кашина Е.А., 2004; Крис Х.И., 1995; Шрамко Б.А., 1999; Плетнева С.А., 1994).

Интерес представляет исследование В.Ф. Кернер, посвященное изображениям женщин, выполненным в самых разных материалах (кости, камне, глине, дереве, ткани) и распространенным в Северной Евразии. Автор анализирует мотив женщины-прародительницы: «Старухи», «Матушки», «Праматери» на широком территориальном фоне от палеолита до этнографического времени, приводит его типологию, ареалы распространения, выясняет региональные особенности. Некоторый скепсис вызывает вывод автора – появление усеченных стилизованных изображений женщин без ног и половых признаков – свидетельство малой активности женщины в сакральном пространстве и ее относительно низкого статуса в обществе (Кернер В.Ф., 2002, с.122-137). Положение спорное и не следует из контекста статьи.

Тема глиняной пластики Евразии в отечественной археологии к настоящему времени изучена неплохо. Исследована семантика образов, практически никем не отрицается культовое значение фигурок. Распространено мнение об использовании предметов пластики в определенных магических обрядах. Общей чертой многих исследований следует назвать комплексный подход к изучению пластики, который заключается в обследовании изображений, изучении археологического контекста, технологии изготовления фигурок, проведении этнографических параллелей и семантического анализа. Однако, за более чем вековую историю археологического изучения Прикамья глиняные изделия еще никогда не были объектом специального изучения.

5.2. История изучения глиняной пластики Среднего и Верхнего Прикамья

Впервые предметы глиняной пластики в Прикамье были обнаружены в 1909 г. на Усть-Нечкинском и Юшковском городищах раннего железного века, расположенных недалеко от г. Сарапула (табл.Г), П.П. Беркутовым, местным преподавателем, и сотрудником Сарапульского земского музея Л.А. Беркутовым, которые провели осмотр городищ и сбор подъемного материала. В числе прочих вещей они обнаружили фрагмент глиняной антропоморфной статуэтки. В 1913 г. по поручению Сарапульского земского музея Л.А. Беркутов произвел здесь раскопки. На городище были найдены «глиняные изображения людей (божки); обломки изображений людей» (Беркутов Л.А., 1914, с.76). К сожалению, планы раскопок не были сделаны, поэтому археологический контекст находок неизвестен.

Таблица Г. Список памятников Прикамья, на которых обнаружены предметы глиняной пластики (соответствует карте – рис.19)

№	Название памятника	Автор раскопок	Год раскопок	Число предметов
1	Васюковское II поселение	В.П. Денисов	1966	1
2	Володин Камень II поселение	А.М. Белавин	1983	?
3	Чашкинское II селище	Ю.А. Поляков	1980	1
4	Рождественское городище	Н.Н. Новокрещенных Ю.А. Поляков А.М. Белавин	1896 1983 1985 1989 1991	19
5	Анюшкар городище	А.В. Шмидт М.В. Талицкий В.А. Оборин Г.Т. Ленц А.А. Терехин	1933 1938 1951–1955 1989 1990	7
6	Назаровское городище	Ю.А. Поляков	1977, 1979	7
7	Скородум селище	О.Н. Бадер	1952	1
8	Концегорское селище	А.В. Збруева	1935–1937	17
9	Березовское поселение	А.Ф. Мельничук	Сборы 1981	2
10	Алтен-Тау городище	В.А. Борзунов	1980–1982	1
11	Баш-Култаевское (Кола-Уры) городище	В.А. Борзунов	1983	1
12	Гляденовское городище (костище)	Г.И. Власов А.Н. Лепихин	Сборы 1958 1996	1 2
13	Петровское I селище	К.М. Русанова	Сборы 1963	1
14	Севастьяновское поселение	В.П. Мокрушин	1985	10
15	Половинное I селище	А.Д. Вечтомов Н.В. Соболева	1984 1985	1 3
16	Заюрчимское I поселение	С.Н. Коренюк	1986–1988	6
17	Субботинское I городище	В.А. Оборин	1958	1
18	Мокинское селище	В.А. Оборин	1987	6
19	Сосновское I поселение	Г.Т. Ленц	1982	1
20	Юго-Камское костище	А.Н. Лепихин, Ю.А. Поляков	1998	1
21	Гремячанское I поселение	В.А. Оборин, А.Д. Вечтомов В.А. Оборин С.Н. Коренюк Ю.А. Поляков	1986 1988 1991, 1994 Сборы 1956	6 8 8 1
22	Мало-Никольское I городище	В.А. Оборин	1956	1
23	Калиновское городище	В.А. Оборин	1958	1
24	Усть-Нечкинское городище	П.П. Беркутов, Л.А. Беркутов	Сборы 1909, 1913	4

№	Название памятника	Автор раскопок	Год раскопок	Число предметов
25	Усть-Сарапульское селище	Н.В. Водолаго	1983	1
26	Юшковское городище	П.П. Беркутов, Л.А. Беркутов	Сборы 1909 1913	23
27	Яромасское городище	О.А. Казанцева	1985	1
28	Момылевское городище	Н.Л. Решетников И.Ю. Пастушенко	1985, 1987 1995, 1996	6 5
29	Тарасовское святилище	Р.Д. Голдина	1980–1997	77
30	Чеганда I городище	В.Ф. Генинг	1954–1956	6
31	Быргындинское II (Каменный Лог) городище	В.Е. Стоянов, Л.И. Ашихмина	1968, 1971	2
32	Быргындинское IV поселение	Г.Н. Ключева	1979–1980, 1982	12
33	Быргындинское V поселение	Р.Д. Голдина	1969–1970	14
34	Барановское I селище	В.Ф. Генинг	1954–1956	8
35	Зуево-Ключевское I городище	Р.Д. Голдина В.Ф. Генинг Л.И. Ашихмина Е.М. Черных	1970 1971 1972, 1975 1997–2005	1 11 13 38
36	Аначевское городище	В.А. Иванов	1972–1973	7
37	Ново-Медведовское II городище	В.Ф. Генинг	1954–1956	1
38	Уяндык I селище	В.Ф. Генинг	1954–1956	3
39	Уяндыкское городище	В.А. Иванов	1972–1973	1
40	Серенькино городище	В.А. Иванов	1972–1973	5
41	Подгорно-Байларское III селище	А.Х. Халиков	1958	2
42	Среднее Шадбегово III поселение	Л.А. Наговицын	1984	2
43	Кочуровское IV поселение	Т.М. Гусенцова	1977	3
44	Усть-Курьинское поселение	Н.П. Девятова	1990	1
45	Аргыжское городище	Е.М. Черных	1988–1989	4
	Всего			336

В том же 1913 г. Л.А. Беркутов по поручению Сарапульского земского музея произвел раскопки Юшковского городища и обнаружил «глиняные изображения людей до 1? вершка высотой и обломки таких же изображений; глиняные изображения людей от ? вершка и меньше и обломки от таковых; глиняная лошадка; обломки от глиняных лошадок; изображение (человека) на глиняной пластинке... кружок глиняный из черепка» (там же, с.79). Л.А. Беркутов поместил описания и фотографии предметов глиняной пластики в IV выпуске «Известий Сарапульского земского музея», вышедшем в 1914 г. В общей сложности автор вел речь о четырех глиняных фигурках с Усть-Нечкинского городища и двадцати трех – с Юшковского. Все находки поступили в Сарапульский земский музей. Но, к сожалению, многие были утрачены и до настоящего времени сохранились всего 13 предметов.

В 1935–1937 гг. Камская экспедиция ГАИМК под руководством А.В. Збруевой провела раскопки Конецгорского селища, которое находится на р. Чусовой. В ходе раскопок были обнаружены семнадцать предметов глиняной пластики. Материалы раскопок Конецгорского селища подробно описаны А.В. Збруевой в ее монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (Збруева А.В., 1952, табл. XLVIII, XLIX). Одни фигурки она характеризует как антропоморфные изображения, дру-

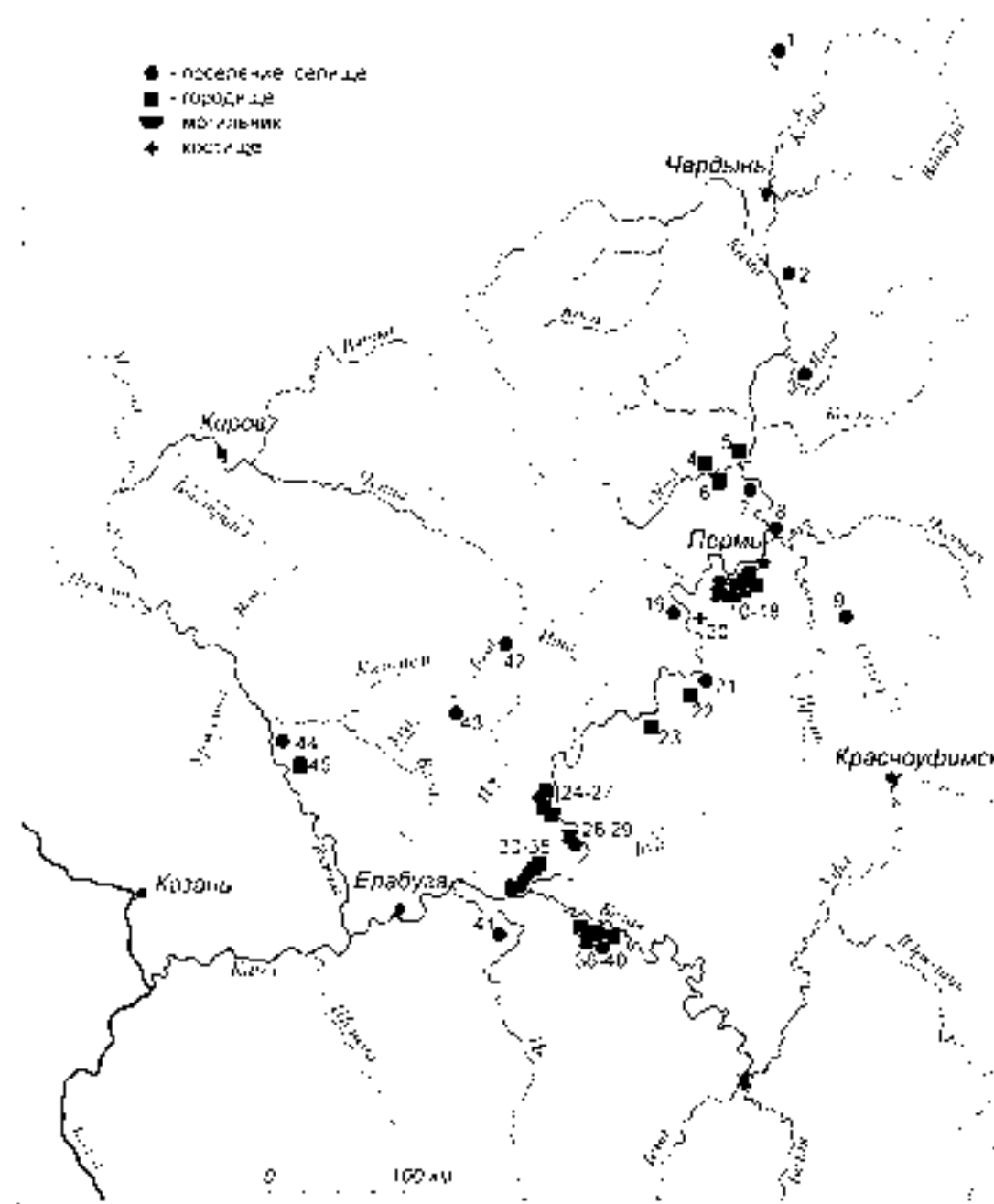

Рис. 19. Карта-схема размещения памятников, на которых обнаружены предметы глиняной пластики, используемые в работе. 1. Васюковское II поселение; 2. Володин Камень II, поселение; 3. Чашкинское II селище; 4. Рождественское городище; 5. Анюшкар, городище; 6. Назаровское городище; 7. Скородум, селище; 8. Конецгорское селище; 9. Березовское поселение; 10. Алтен-Тау, городище; 11. Баш-Култаевское (Кола-Уры) городище; 12. Гляденовские городище и костякище; 13. Петровское I селище; 14. Севастьяновское поселение; 15. Половинное I селище; 16. Заюрчимское I поселение; 17. Субботинское I городище; 18. Мокинский могильник; 19. Сосновское I поселение; 20. Югокамское костякище; 21. Гремячанское I поселение и святилище; 22. Мало-Никольское I городище; 23. Калиновское городище; 24. Усть-Нечкинское I городище; 25. Усть-Сарапульское городище; 26. Юшковское городище; 27. Яромасское городище; 28. Момылевское городище; 29. Тарасовское святилище; 30. Чеганда I городище; 31. Быргындинское I (Каменный лог) городище; 32. Быргындинское IV поселение; 33. Быргындинское V поселение; 34. Барановское I селище; 35. Зуевскоключевское I городище; 36. Аначевское городище; 37. Ново-Медведовское I городище; 38. Уяндык I селище; 39. Уяндыкское городище; 40. Серенькино городище; 41. Подгорно-Байларское III селище; 42. Среднее Шадбегово III поселение; 43. Кочуровское IV поселение; 44. Усть-Курьинское поселение; 45. Аргыжское городище

гие – цилиндрической формы – как часть игры, наподобие шахмат (там же, с.249, с.252). По описанию исследователя, антропоморфные фигурки представляют собой столбики с овальным или четырехугольным поперечным сечением, голова оформлена выступом. Среди них А.В. Збруева выделила три группы в зависимости от характера основания. Цилиндрические фигурки разделены ею по форме на четыре типа. В монографии были опубликованы и некоторые глиняные фигурки с Усть-Нечкинского и Юшковского городищ (там же, табл. XVIII). Остановившись на различиях концеворских и сарапульских фигурок, А.В. Збруева отмечает более богатую орнаментацию последних (там же, с.250). О сохранности предметов пластики она писала: «В коллекции нет ни одной цельной статуэтки, изображающей человека: у большинства из них отсутствует голова, сохранившаяся лишь на двух фрагментах» (там же, с.249). Антропоморфные статуэтки А.В. Збруева на основании орнамента некоторых изделий охарактеризовала как женские изображения (там же, с.252). Кроме того, она привела ряд аналогий с некоторыми памятниками юга России и связала глиняную пластику с культом: «То обстоятельство, что аналогичные глиняные фигурки людей и животных встречаются в разных, довольно удаленных одно от другого местах распространения одной культуры (Концеворское селище на р. Чусовой и городища Сарапульского района находятся в расстоянии нескольких сотен километров) и, кроме того, встречаются также в синхроничных поселениях очень отдаленной территории, показывает, что эти изображения имели не местный и частный характер, а были общим явлением эпохи» (Збруева А.В., 1952, с.252).

По замечанию А.В. Збруевой, глиняные антропоморфные статуэтки дают представление о костюме женщин ананьинской эпохи. Исследователь выделила несколько типов одежды: длинная прямая одежда с рукавами, длинная прямая одежда наподобие плаща, одежда с поясом. В орнаментации фигурок она увидела такие элементы женского костюма, как пояс, передник, нагрудные украшения и вышивки (Там же, с.86).

Широкие археологические исследования памятников Прикамья начали проводиться во второй половине XX в. Поэтому основная часть известной на настоящий момент глиняной пластики была получена именно в послевоенное время. В работах участвовали отряды ПГУ, Уральской экспедиции УрГУ, Удмуртской археологической экспедиции УдНИИ УрО РАН, КВАЭ УдГУ, КФ АН СССР, НКАЭ, экспедиции ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР, КВАЭ, экспедиции Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). Сведения об истории раскопок памятников Прикамья, с которых происходит глиняная пластика, приведены в табл. В.

Довольно крупная коллекция пластики собрана исследователями памятников Верхнего и Среднего Прикамья, расположенных в Пермской области: Ю.А. Поляковым, В.А. Обориным, А.Д. Вечтомовым, С.Н. Коренюком – на Гремячанском I поселении; Г.И. Власовым и А.Н. Лепихиным на Гляденовском городище; С.Н. Коренюком – на Заюрчимском I поселении; В.А. Обориным – на Калиновском, Мало-Никольском I и Субботинском I городищах; В.П. Денисовым – на Васюковском II поселении; В.А. Обориным и Н.В. Соболевой – на Мокинском могильнике; А.Ф. Мельничуком – на Березовском поселении; А.Д. Вечтомовым и Н.В. Соболевой – на Половинном I поселении; О.Н. Бадером, А.Д. Вечтомовым и А.Ф. Мельничуком – на селище Скородум; В.П. Мокрушиным – на Севастьяновском поселении; А.М. Белавиным – на селище Володин Камень II; Ю.А. Поляковым – на Назаровском городище; В.А. Борзуновым – на городищах Алтен-Тау и Баш-Култаевском. Глиняная пластика была обнаружена в результате раскопок городища Чеганда I, Барановского I селища, расположенных в Среднем Прикамье, а также Ново-Медведовского II городища, селища Уяндык I в бассейне р. Белой (раскопки В.Ф. Генинга). В.А. Иванов произвел раскопки городищ Аначевского, Серенькино и Уяндык в нижнем течении р. Белой. Две глиняные фигурки были обнаружены А.Х. Халиковым на Подгорно-Байларском III селище в низовьях р. Ик. Коллекция предметов пластики получена также в результате изучения следующих памятников Среднего Прикамья: городища Быргындинское II (Каменный Лог) (раскопки В.Е. Стоянова и Л.И. Ашихминой), Быргындинского V поселения и Тарасовского I святилища (раскопки Р.Д. Голдиной), Зуево-Ключевского I городища (раскопки Р.Д. Голдиной, В.Ф. Генинга, Л.И. Ашихминой, Е.М. Черных), Момылевского городища (раскопки Н.Л. Решетникова и И.Ю. Пастушенко), Усть-Сарапульского поселения (раскопки Н.В. Водолаго), Яромасского городища (раскопки О.А. Казанцевой), Быргындинского IV поселения (раскопки Г.Н. Ключевой). Л.А. Наговицын исследовал поселение Среднее Шадбегово III, Т.М. Гусенцова – Кочуровское IV поселение, Аргыжское городище – Е.М. Черных, Усть-Курынское поселение – Н.П. Девятова. Эти поселения находятся в бассейне р. Вятки.

Однако, несмотря на длительную историю изучения археологических памятников Прикамья, тема глиняной пластики данного региона в послевоенной археологической литературе освещена недостаточно. Нет ни одного специального исследования, посвященного этой проблеме.

Ряд глиняных фигурок был опубликован и интерпретирован В.Ф. Генингом. Это коллекция глиняной пластики городища Чеганда I, Барановского I селища, Ново-Медведовского II городища, селища Уяндык I и Подгорно-Байларского III селища (Генинг В.Ф., 1970; 1971). Вслед за А.В. Збруевой В.Ф. Генинг отнес фигурки к культовым изображениям. Антропоморфные статуэтки он определил как женские: «на обломке одной фигурки, представляющей собой левую половину статуэтки с изображением человека по пояс, дана рука, согнутая в локте и подчеркнуты груди... на одном экземпляре прочерчены линии в виде буквы «П», обозначающие, вероятно, нагрудное украшение» (Генинг В.Ф., 1971, с.75). В.Ф. Генинг первым из исследователей прикамских памятников попытался раскрыть значение женских изображений. По его мнению, статуэтки олицетворяли женское божество – покровительницу домашнего очага и являлись свидетельством сохранения традиций матриархата у населения Прикамья в пьеноборскую эпоху (Генинг В.Ф., 1970, с.114). Воздерживаясь от окончательных выводов, В.Ф. Генинг предполагал культовое назначение так называемых глиняных «лепешек» (Генинг В.Ф., 1971, с.76). На проблеме глиняной пластики кратко остановился В.А. Оборин. Широкое распространение женских статуэток в Верхнем Прикамье он объяснял сохранением традиций матриархата и связывал с культом женщины – хранительницы домашнего очага. В наличии сюжетов женщин в окружении животных, он видел проявление почитания женщины – владычицы зверей (Оборин В.А., 1976, с.14). Коллекцию глиняных статуэток с памятников бассейна р. Белой опубликовал В.А. Иванов. Орнамент фигурок был охарактеризован им как детали одежды (Иванов В.А., 1976, с.309-310). Л.И. Ашихмина опубликовала глиняные фигурки с городища Каменный Лог. Одну из них она интерпретировала как антропоморфную, расценив орнаментацию фигурки как изображение деталей одежды и украшения (Ашихмина Л.И., 1977, с.157-158). Аналогичное мнение относительно опубликованной статуэтки с Яромасского городища высказала О.А. Казанцева (Казанцева О.А., 1987). Т.М. Гусенцовой опубликованы фигурки энеолитического поселения Кочуровское IV в бассейне р. Вятки (Гусенцова Т.М., 1980). К.И. Корепанов в процессе анализа различных произведений искусства древних культур Прикамья и Урала пришел к выводу, что на ананьинских поселениях широко распространены фаллические изображения, выполненные из глины и кости. В их орнаментации исследователь видит символы плодородия: «ромбы с крючком» в сочетании с треугольниками, солярные символы, насечки (Корепанов К.И., 1995, с.51). Фрагментарность фигурок К.И. Корепанов объяснял использованием в календарных земледельческих обрядах при посеве семян: «Возможно, при исполнении обрядов аграрного культа они ритуально разбивались так же, как впоследствии, в XVIII–XIX вв. разбивались яйца в начале весенней пахоты (у удмуртов и др.)» (Там же, с.52).

Р.Д. Голдина опубликовала ряд предметов глиняной пластики, происходящих с памятников энеолитического времени, а также с поселений ананьинской культуры. Исследователь подчеркивает, что первые изображения женщин появляются в Прикамье в энеолите. Это, по мнению Р.Д. Голдиной, подтверждает существование у местных народов культа женщин-рожаниц, обеспечивающих плодотворность и плодородие (Голдина Р.Д., 1999, с.119, рис.42, 3). В каменных и глиняных зооморфных фигурках этого времени исследователь видит изображения животных-тотемов (Там же, с.119, рис.49, 5). Как и А.В. Збруева, Р.Д. Голдина усматривает в украшении антропоморфных статуэток ананьинского времени элементы женской одежды (Голдина Р.Д., 1999, с.181, рис.84).

Подробное описание многочисленной коллекции глиняных изделий прикамских памятников представлено в книге М.Ф. Обыденнова и К.И. Корепанова «Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья» (2001). Авторы проанализировали элементы орнамента и орнаментальные композиции антропоморфных статуэток, интерпретировали их как одновременное изображение деталей женской одежды и символов небесной богини. Высказано предположение об использовании фигурок в обрядах, которые олицетворяли соединение плодотворных небесных сил: солнечного тепла, дождя и земли. Подобные обрядовые действия, видимо, были связаны с занятием местного населения земледелием (Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И., 2001, с.51).

Ряд глиняных изделий из средневековых поселений Верхнего Прикамья описан Н.Б. Крыласовой. Исследовательница выделила два типа фигурок: пирамидальной и конусовидной формы, проанализи-

рвала орнамент поделок, высказала предположение о возможном назначении фигурок. По мнению Н.Б. Крыласовой, глиняные статуэтки могли быть куклами, на что указывает стилизация человеческой фигуры, отсутствие изображения головы и лица (Крыласова Н.Б., 2004, с.329). Часть коллекции глиняной пластики, полученной в ходе раскопок Зуево-Ключевского I городища, опубликована Е.М. Черных (Черных Е.М., 2004, с.130).

Таким образом, тема глиняной пластики Прикамья нашла отражение в археологической литературе, однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие исследования, в которых был бы представлен подробный анализ материала. Из коллекции пластических изображений, насчитывающей более 300 экземпляров, опубликовано менее половины. Некоторые исследователи затронули вопрос назначения глиняной пластики. Большинство авторов (А.В. Збруева, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, М.Ф. Обыденнов, К.И. Корепанов, Р.Д. Голдина) придерживалось широко распространенной в отечественной науке теории о культовом значении произведений древнего изобразительного искусства, и, в частности, глиняной пластики.

5.3. Сведения о памятниках Среднего и Верхнего Прикамья, содержащих глиняную пластику

По собранным нами сведениям, в Прикамье глиняная пластика известна на 45 археологических памятниках. Они расположены в Верхнем и Среднем течении р. Камы, а также в бассейне ее притоков – рр. Белой и Вятки. Самые ранние глиняные фигурки датируются эпохой неолита. Наибольшее распространение они получали в раннем железном веке и продолжали эпизодически использоваться в эпоху средневековья. В работу включены коллекции глиняной пластики с 41 прикамского памятника (рис.19). Материалы четырех поселений (Севастьяновское, Сосновское I, Барановское I, Володин Камень II селища) по разным причинам остались недоступны.

Памятники Верхнего Прикамья

1. Васюковское II поселение (неолит, энеолит, бронзовый и ранний железный век, средневековье). Исследовалось В.П. Денисовым в 1964–1966 гг. Расположено в 0,5 км к северо-западу от бывшего хутора Васюково Чердынского района Пермской области, на левом берегу р. Березовки. Выявлены остатки тринадцати углубленных жилищ эпохи бронзы и раннего железного века. Среди находок – керамика, различные кремневые и каменные изделия. Обнаружена одна глиняная антропоморфная фигурка (табл.36–11) (Денисов В.П. Отчет за 1965 г.).

2. Володин Камень II поселение (ломоватовская, родановская культуры; VIII–X вв.). Исследовалось А.Ф. Мельничуком в 1979–1980 гг., А.М. Белавиным в 1982–1983, 1988 гг. Расположено в 0,5 км к юго-западу от дер. Володин Камень Усольского района Пермской области, на правом берегу р. Яйвы. Выявлены хозяйственные и металлургические объекты. Обнаружены фрагмент жернова, скопление глиняных бусин, детали шумящих подвесок, сердоликовые, стеклянные, хрустальные бусины, железный рыболовный крючок, антропоморфные глиняные статуэтки (Мельничук А.Ф. Отчеты за 1979–1980 гг.; Белавин А.М., Мельничук А.Ф., 1984; 1985; Белавин А.М., 1984; 1985, 1989).

3. Чашкинское II селище (родановская культура; IX–XII вв.). Исследовалось Ю.А. Поляковым в 1980 г. Расположено в 1,5 км к юго-западу от пос. Чашкино Соликамского района Пермской области, на восточном берегу Чашкинского озера. На значительной части селища культурный слой тонок и слабо насыщен находками. В прямоугольной яме обнаружены следы варки железа и литейного производства. Из орудий труда найдены проушной топор, двузубая острога, плоские наконечники стрел, ножи, зубила, жернов. Обнаружены фрагменты лепных сосудов. В вещевом материале селища широко представлены бронзовые украшения: шумящие подвески, пронизки, детали поясного набора, бусы, перстень (Поляков Ю.А., 1981, с.151–152). Обнаружен фрагмент глиняной статуэтки (табл.37–2).

4. Рождественское городище (родановская культура; VIII–XV вв.). Исследовалось Н.Н. Новокрещенных в 1896 г., Ю.А. Поляковым в 1981 г., А.М. Белавиным в 1985, 1989, 1991 гг. Расположено в 1 км к юго-западу от с. Рождественское, в Карагайском районе Пермской области, на левом берегу р. Обва. Найдены сосуды родановской культуры и Волжской Булгарии, различные бронзовые, серебряные украшения, оружие и орудия труда из железа. Выявлены остатки производственных сооружений (Памятники истории и культуры Пермской области, 1996, с.68). Исследован небольшой жертвенник в виде выкладки челюстей лося (Шутова Н.И., 2004, с.26). На городище найдены 19 предметов глиняной пластики (табл.37–1,3–8; 38–1–7; 39–1,4–6,8) (Крыласова Н.Б., 2004).

5. Анюшкар городище (родановская культура; IX–XV вв.). Исследовалось А.В. Шмидтом в 1933 г., М.В. Талицким в 1938 г., В.А. Обориным в 1951–1955 гг., Г.Т. Ленц и А.А. Терехиным в 1989–1990 гг. Находится на правом берегу Камского водохранилища, в 0,8 км к юго-востоку от с. Кыласово Ильинского района Пермской области. Обнаружены остатки наземных жилищ, хозяйственные ямы, очаги, остатки ремесленных мастерских, жертвенные комплексы. Жертвенник представлял собой глинобитный очаг квадратной формы, заключенный в раму. В слое золы лежал медный идол с человеческой личиной. Рядом находился очаг меньшего размера. Собран богатый материал из орудий труда, предметов быта и украшений, арабские и среднеазиатские монеты (Памятники истории и культуры Пермской области, 1996, с.65; Шутова Н.И., 2004, с.26). Найдено семь глиняных изделий (табл.36–12–15; 39–2,3,7) (Крыласова Н.Б., 2004).

6. Назаровское городище (ломоватовская, родановская культуры; VII–X вв.). Исследовалось Ю.А. Поляковым в 1977, 1979 гг. Расположено на южном берегу Обвинского залива Камского водохранилища в 1 км к северо-востоку от дер. Назарово Ильинского района Пермской области. Городище занимает мыс коренного берега высотой 50 м, с запада и востока ограничено глубокими оврагами, с севера – обрывистым склоном в сторону водохранилища. Площадь памятника составляет около 22 тысяч кв.м. На городище обнаружено несколько крупных хозяйственных и очажных ям, глинобитных очагов. Среди вещей – бронзовая бляшка пермского звериного стиля с изображением трех человеческих фигур, стоящих на спине ящера в окружении человекокопосей; железные, костяные изделия, орудия металлургического производства. На городище изучены культовые комплексы, среди них – жертвенная яма с захоронениями медвежат. Рядом со скелетами обнаружены железный нож, костяные наконечники стрел. Эта жертвенная яма связана с так называемыми медвежьими праздниками. На городище обнаружены семь предметов глиняной пластики (табл.36–4–10) (Поляков Ю.А. Отчет за 1979 г.).

7. Селище Скородум (ананьинская, гляденовская культуры; VIII–I вв. до н.э.). Исследовалось А.В. Збруевой в 1936 г., В.Ф. Генингом в 1951–1952 гг., А.Д. Вечтомовым в 1977–1978 гг., А.Ф. Мельничуком в 1985 г., И.О. Васкулом в 1989 г. Расположено в устье р. Полуденной, на ее левом берегу, в 3 км к северу от дер. Баранята, на месте бывшей дер. Скородум Ильинского района Пермской области. Обнаружены следы жилищ, очаги для выплавки металла. Находки представлены большим количеством керамики, костяных наконечников стрел, гарпунов, железными изделиями (копье, мотыжка, ножи). Найден один предмет глиняной пластики (табл.36–1) (Збруева А.В., 1952; Генинг В.Ф. Отчеты за 1952, 1953 гг.).

8. Концгорское селище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось А.В. Збруевой в 1935–1937 гг. Расположено на правом берегу р. Чусовой – левого притока р. Камы – в 7 км от устья реки, вблизи дер. Конц-Гор Пермского района Пермской области. На памятнике вскрыты остатки жилища с несколькими очагами. За пределами жилища обнаружены несколько ям и 11 очагов. Среди материалов селища – фрагменты керамики, изделия из кости, камня, металла и глины. Коллекция глиняной пластики насчитывает 17 экземпляров (табл.40–1–17) (Збруева А.В., 1952).

9. Березовское поселение (неолит, неволинская культура; IV тыс. до н.э., VII–IX вв.). Открыто А.Ф. Мельничуком в 1981 г. Расположено на западной окраине с. Березовка Пермской области, на левом берегу р. Шаквы. Найдены кремневые отщепы, ножевидные пластины, фрагменты керамики неволинской культуры. Обнаружено два предмета глиняной пластики (табл.36–2,3) (Мельничук А.Ф. Отчет за 1981 г.).

10. Алтен-Тау городище (V–III вв. до н.э.). Исследовалось Е.Н. Черных в 1958 г., В.Ф. Генингом в 1959 г., В.А. Борзуновым в 1980–1982 гг., А.Е. Старковым в 1991 г. Расположено в 1,1 км к юго-западу от дер. Баш-Кулгаево Пермского района Пермской области, на высоком мысовидном выступе правого коренного берега р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы. Исследования В.А. Борзунова доказали на примере городища Алтен-Тау существование у ананьинского населения сложных военно-инженерных сооружений замкнутого типа (Борзунов В.А., 1997, с.178–179). На памятнике обнаружены многочисленные очаги и прокалы, углистые линзы, пятна золы. Среди находок – обломки лепной посуды, кремневые пластины, костяные предметы, железные ножи и шилья, каменные оселки и терочки, бронзовые изделия, в том числе кельт, подвески, перстень с расклепанным щитком. В слоях, датируемых ананьинским временем, обнаружены три глиняных предмета. Замечательным изделием из глины, найденным на городище, является обнаруженная под очагом 8

(уч.Ж/10) горизонта поздней ананьинской фортификации фигурка мужчины с гривной на шее и в кафтане (рис.41–17). В.А. Борзунов считает ее уникальной, поскольку она принадлежит мужчине, а не женщинам, как большинство антропоморфных изображений Прикамья (Борзунов В.А., 1997а, с.206). Однако мужская принадлежность этого изображения весьма проблематична. Найдены два сильно обожженные глиняные прямоугольные в сечении бруска (табл.43–14,17), один из которых орнаментирован рядами ногтевых оттисков и, также, вероятно, имевшие отношение к антропоморфным изображениям (Борзунов В.А., 1997, с.163-180; 1997а, с.197-210).

11. Баш-Култаевское (Кола-Уры) городище (ананьинская, гляденовская культуры). Исследовалось В.А. Борзуновым в 1983–1985 гг., А.Е. Старковым в 1991 г. Расположено в 2,5 км к югу от дер. Баш-Култаево Пермского района Пермской области, на мысовидном выступе высокого коренного правого берега р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы. На городище обнаружены прокалы, углистые пятна, несколько вкопов разных размеров, канавообразные углубления, связанные с оборонительной системой городища. Среди находок – обломки сосудов, железное шило, оселок, костяные наконечники стрел, пряслица, глиняные льячки. Обнаружена глиняная поделка, напоминающая одновременно птичку и женщину (табл.41–16) (Борзунов В.А. Отчет за 1983 г.)

12. Гляденовское городище (костище) (ананьинская, гляденовская культуры; VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Известно с XIX в. Исследовалось Н.Н. Новокрещенных в 1896–1897 гг., А.Д. Вечтомовым в 1981–1984 гг., А.Ф. Мельничуком в 1990 г., А.Н. Лепихиным в 1996 г. Расположено на длинном мысу левого коренного берега р. Камы в 3,5 км к северу от места впадения в нее р. Нижняя Мулянка. Памятник находится близ южной окраины г. Перми в окрестностях дер. Большое и Малое Савино Пермского района Пермской области. Он занимает три ступенеобразные площадки. Очевидно, в V – первой половине IV в. до н.э. здесь существовало городище, а несколько позднее, в середине IV в. до н.э., возникло святилище. Среди материалов городища – большое число костей диких и домашних животных, фрагментов керамики. Находки, связанные со святилищем, – это votivные изображения зверей, бляшки, железные, бронзовые и костяные наконечники стрел, ножи, проколки, а также скелет жертвенного жеребенка. На памятнике обнаружено три предмета глиняной пластики (табл.42–2,8,9) (Новокрещенных Н.Н., 1914; Вечтомов А.Д., 1983; 1985; Мельничук А.Ф. Отчет за 1990 г.).

13. Петровское I селище (ранний железный век). Исследовалось Н.А. Воронковой в 1963 г. Расположено в северной части дер. Петровка Пермского района Пермской области, на краю высокой левобережной террасы р. Камы. Среди находок – обломки лепных сосудов, украшенных косой насечкой по венчику и налепными воротничками по шейке. Обнаружен один экземпляр глиняной пластики (табл.42–3) (Воронкова Н.А. Отчет за 1963 г.).

14. Севастьяновское поселение (II–I вв. до н.э.). Исследовалось В.П. Мокрушиным в 1985 г., А.Е. Старковым в 1991 г. Расположено на краю верхней террасы р. Нижней Мулянки у дер. Севастьяново к юго-западу от г. Перми. Обнаружено несколько углублений углистых пятен и скоплений галек. Инвентарь представлен керамикой, терочниками, двумя железными ножами и десятком фрагментов глиняной пластики (Мокрушин В.П., 1992).

15. Половинное I селище (каменный век, ерзовская, ананьинская, гляденовская культуры). Исследовалось А.Д. Вечтомовым в 1971, 1974, 1984-1985 гг., А.Ф. Мельничуком в 1983, 1990 гг., Н.В. Соболевой в 1985 г. Расположено в 0,3 км к востоку от дер. Федотово Пермского района Пермской области, на мысовидном выступе высокой левобережной террасы р. Камы, в месте слияния ручья Половинного и р. Нижней Мулянки. На памятнике обнаружены хозяйственные ямы, слабо углубленная жилая постройка, глинобитные очаги, человеческие захоронения и длинный ров, огораживавший поселение с западной стороны. Среди находок – обломки посуды, костяные и металлические изделия, тесло из кремнистого сланца, кремневые предметы, включая ножевидные пластины, скребки. Под верхним культурным слоем находился зольник с находками V–III вв. до н.э. Состав находок в зольнике – глиняные статуэтки (табл.42–1,5-7), просверленные медвежьи клыки, кости животных. Зольник с находками, вероятно, являлся остатками культового комплекса (Вечтомов А.Д., Соболева Н.В., 1987; Мельничук А.Ф. Отчеты за 1983, 1990 гг.).

16. Заюрчимское I поселение (IV–I тыс. до н.э.; эпоха неолита, энеолита, ерзовская, ананьинская культуры). Исследовалось В.П. Денисовым в 1956–1960, 1982 гг., С.Н. Коренюком в 1986–1988 гг., А.Ф. Мельничуком в 1986 г. Расположено в 2,7 км к северо-западу от дер. Ванюки

Пермского района Пермской области, на трех узких гривистых всхолмлениях, на правом берегу р. Юрчим, левого притока р. Камы. Вскрыто более 20 жилых построек с глинобитными очагами и простыми грунтовыми кострищами, два детских захоронения, хозяйственные ямы, зольники, скопления костей. Среди находок – изделия из камня, кости и металла; обломки лепной посуды, украшенной оттисками гребенки, шнура, насечкой, ямками. Обнаружено шесть предметов глиняной пластики (табл.41–10-15) (Денисов В.П. Отчет за 1960 г.; Коренюк С.Н. Отчет за 1987 г.; Мельничук А.Ф. Отчет за 1990 г.).

17. Субботинское I городище (ананьинская, гляденовская культуры; V–I вв. до н.э.). Исследовалось В.А. Обориным в 1958 г., А.Д. Вечтомовым в 1979 г. Расположено в Индустриальном районе г. Перми. На городище найдены фрагменты керамики ананьинской и гляденовской культур, бронзовые и костяные изделия, глиняная поделка (табл.42–4) (Оборин В.А., 1972; Вечтомов А.Д., 1980).

18. Мокинские селища и могильник (неолит, ананьинская, гляденовская культуры). Исследовался В.Ф. Генингом в 1951 г., Ю.А. Поляковым в 1961 г., В.П. Мокрушиным в 1986 г., В.А. Обориным в 1987 г., Н.В. Соболевой в 1990–1992 гг., А.Ф. Мельничуком в 1994 г. Расположен в 0,8 км к юго-западу от дер. Мокино Пермского района Пермской области. Памятник занимает обширный распаханый мыс склона левого берега р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы. Впервые мыс был заселен на раннем этапе ананьинской культуры (VII в. до н.э.), затем вторично – в IV–III вв. до н.э. В конце IV – начале V в. н.э. мыс стал местом захоронения – могильником. Среди находок – изделия из кремня, меди, стекла, бронзы, полудрагоценных камней, римская гемма из халцедона, инкрустированные золотой фольгой пряжки, золотая сарматская серьга. В культовой яме обнаружены шесть предметов глиняной пластики (табл.41–1-6) (Мокрушин В.П. Отчет за 1986 г.; Оборин В.А. Отчет за 1987 г.).

19. Сосновское I поселение (гаринская, ананьинская культуры; III–II тыс. до н.э.; 2-я половина I тыс. до н.э.). Исследовалось Г.Т. Ленц в 1981–1982 гг. Расположено на правом берегу р. Камы, в 3,5 км к северо-востоку от г. Оханска Пермской области. Изучены остатки очагов и хозяйственных ям. Найдены обломки глиняной посуды, тиглей, литейных форм, каменные орудия, железный нож, бронзовый наконечник стрелы, один экземпляр глиняной пластики (Ленц Г.Т. Отчет за 1982 г.).

20. Югокамское костище (ананьинская, гляденовская культуры). Исследовалось Ю.А. Поляковым в 1964–1965 гг., А.Н. Лепихиным в 1998 г. Расположено в 2 км к юго-западу от поселка Юго-Камск, на мысовидном выступе высокого коренного правого берега р. Юг, левого притока р. Камы. Изучены остатки древнего святилища в виде скопления жженных и сырых костей общей площадью около 120 кв.м. Среди находок – бронзовые фигурки животных, птиц, пчелы, змеи; железные и костяные наконечники стрел, стеклянные и пастовые бусы, височные кольца из медной проволоки, небольшие глиняные чашечки, глиняная фигурка (табл.41–9) (Поляков Ю.А. Отчет за 1964 г.).

Памятники Среднего Прикамья

21. Гремячанское I поселение и святилище (ананьинская культура – 2-я половина I тыс. до н.э.). Исследовалось А.Д. Вечтомовым в 1957–1963, 1986 гг., В.А. Обориным в 1988 г., С.Н. Коренюком в 1991–1993 гг. Расположено на высоком мысу правого берега р. Тулвы, левого притока р. Камы, в 17 км от г. Оса Пермской области. Памятник многослойный; поселение возникло на раннем этапе ананьинской культуры, в IV в. до н.э. на этой же площадке было устроено святилище. По мнению А.Д. Вечтомова, как поселение памятник в это время прекратил существование (Вечтомов А.Д., 1967, с.146). Среди материалов селища – большое число фрагментов керамики, песты, зернотерки, костяные наконечники стрел, пряслица, тигли и льячки, обломки литейных форм, костяные псалии, костяные мотыги, костяные гарпуны, бронзовые наконечники стрел, железные ножи. Широко представлены предметы, связанные с металлургией. На Гремячанском святилище обнаружены жертвенные комплексы с такой особенностью: почти во всех комплексах рядом с зольниками и очагами размещены кости животных со следами действия огня, костяные наконечники стрел, большие раздавленные и целые небольшие жертвенные сосуды, выкладки из плоских овальных галек. Среди находок – сверленные бабки животных, кости птиц с просверленными отверстиями – амулеты, костяное навершие с грубо сделанной головой медведя – предметы культового назначения. На поселении обнаружены 33 предмета глиняной пластики, из них лишь 23 были доступны для изучения (табл.43–13,15,16; 44–3-

8,10,12) (Вечтомов А.Д., 1962; 1967; Оборин В.А. Отчет за 1988 г.; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989; Коренюк С.Н. Отчет за 1991 г.). В статье А.Ф. Мельничука и В.А. Обороина имеется упоминание о находке одной антропоморфной статуэтки с подчеркнутыми признаками мужского пола (табл.50–20) (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с.78), но это весьма сомнительно.

22. Мало-Никольское I городище (ранний железный век – I тыс. н.э.). Исследовалось В.А. Обориным в 1956 г. Расположено на высоком мысовидном выступе коренного левого берега р. Сидяхи, левого притока р. Тулвы, в 0,2 км к востоку от дер. Мало-Никольская Осинского района Пермской области. Среди находок – обломки лепных сосудов, железный нож, бронзовый втульчатый наконечник стрелы, один предмет глиняной пластики (табл.41–7) (Оборин В.А. Отчеты за 1960-1961 гг.).

23. Калиновское городище (ананьинская культура – поздний железный век; IV–III вв. до н.э. – I–II тыс. н.э.). Исследовалось В.А. Обориным в 1958-1959 гг. Расположено на левом берегу р. Калиновки, в 1 км к юго-западу от с. Калиновка Еловского района Пермской области. При раскопках обнаружены следы небольшого временного жилища, очагов, в том числе для выплавки металла, хозяйственные ямы. Найдены железные ножи, костяные наконечники стрел, обломки глиняной посуды, глиняная статуэтка (табл.41–8) (Оборин В.А. Отчеты за 1958-1959 гг.).

24. Усть-Нечкинское городище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось Л.А. Беркутовым в 1913 г. Расположено на правом берегу устья р. Нечкинки, правого берега р. Камы, у дер. Усть-Нечкино Сарапульского района Удмуртской Республики. Обнаружено четыре глиняных поделки (табл.44–1,2,9,11,13; 45–3,6,8) (Беркутов Л.А., 1914).

25. Усть-Сарапульское селище (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Исследовалось Н.В. Водолаго в 1983 г. Расположено на берегу безымянного ручья, правого притока р. Камы, на юго-западной окраине дер. Усть-Сарапулка Сарапульского района Удмуртской Республики. На территории селища в IV–V вв. существовал могильник. Материалы селища немногочисленны: несколько мелких фрагментов керамики и фрагмент глиняной фигурки (табл.45–5) (Водолаго Н.В. Отчет за 1983 г.).

26. Юшковское городище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось Л.А. Беркутовым в 1913 г. Расположено на правом берегу р. Малой Сарапулки, правого притока р. Камы, в 1 км от дер. Юшково Сарапульского района Удмуртской Республики. Обнаружено 23 экземпляра глиняной пластики, из которых до настоящего времени сохранились лишь пять поделок (табл.45–1,2,4,7,10) (Беркутов Л.А., 1914).

27. Яромасское городище (III–V вв. н.э.). Исследовалось О.А. Казанцевой в 1985 г. Расположено в 2 км к северо-западу от дер. Яромаска Сарапульского района Удмуртской Республики, на правом коренном берегу р. Камы. Городище занимает узкий мыс высотой 32 м. Обнаружены следы сооружения; основная часть находок сосредоточена внутри и по краю его очертаний. Керамика отражает переходный этап от пьяноборской к верхнеутчанской. На городище обнаружена антропоморфная фигурка (табл.45–9) (Казанцева О.А., 1987).

28. Момылевское городище (VII в. до н.э. – V в. н.э.). Исследовалось Н.Л. Решетниковым в 1985, 1987 гг., И.Ю. Пастушенко в 1995–1996 гг. Расположено в 2,5 км к северо-западу от с. Тарасово, в 3 км к востоку от с. Соколовка Сарапульского района Удмуртской Республики. Городище занимает оконечность мыса, образованного правым коренным берегом р. Камы и ручьем. В 0,2 км от городища параллельно р. Каме протекает р. Момылевка, правый приток р. Камы. В результате исследования памятника на нем обнаружены ананьинский, мазунинский, чегандинский и бахмутинский комплексы. Вскрыты остатки сооружений, с которыми связаны хозяйственные и столбовые ямы. Вещевой материал представлен многочисленными фрагментами керамики, глиняных пряслиц, плит-терочников, костей животных. Немногочисленны предметы из кости, бронзы, железа. Обнаружены одиннадцать глиняных фигурок (табл.46–1-11) (Решетников Н.Л. Отчеты за 1985, 1987 гг.; Пастушенко И.Ю. Отчет за 1996 г.).

29. Тарасовское святилище (конец V – III в. до н.э.). Исследовалось Р.Д. Голдиной в 1980–1997 гг. Расположено в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики. Селище занимает выступ коренной террасы правого берега р. Камы, образованный в месте впадения в нее небольшого ручья. В настоящее время русло реки расположено в 2 км к северу. Культурный слой значительно разрушен, а местами полностью уничтожен раннесредневековым

могильником, распашкой, а также в результате нефтяных разработок. Материал представлен фрагментами керамики, кусками глиняной обмазки, костями животных, отдельными вещами – глиняными пряслицами, железными ножами, точильными камнями, бронзовыми наконечниками стрел скифского типа, костяными наконечниками стрел и острог. В целом материалы селища типичны для позднеананьинских – раннепьяноборских поселений. Обнаружено 77 предметов глиняной пластики (табл.27-29; 30–3-13,15,18,19) (Голдина Р.Д. Отчеты за 1983-1994 гг.).

30. Чеганда I городище (чегандинская культура). Исследовалось В.Ф. Генингом в 1954–1956 гг. Расположено в 3 км к югу от с. Чеганда Каракулинского района Удмуртской Республики на одном из трех мысов, вытянутых с востока на запад. На памятнике обнаружены достоверные остатки девяти и следы еще семи жилищ чегандинской культуры. Внутри каждого располагались по одному или два очага. Вскрыто 76 ям различной формы. Среди материалов городища – многочисленные фрагменты керамики, кости животных. Поделок из металла и кости немного: железные ножи, шило, медные украшения, костяные наконечники стрел. Из каменных вещей найдены шлифовальные бруски, зернотерки, песты-терочники. Изделия из глины включают в себя бусы, пряслица, тигли, миниатюрные сосудики, а также семь глиняных фигурок (табл.35–9-15; Генинг В.Ф., 1967; 1971).

31. Быргындинское II (Каменный Лог) городище (ананьинская культура; VI–III вв. до н.э.). Исследовалось В.Е. Стояновым и Л.И. Ашихминой в 1968 и 1971 гг. Расположено в 2 км вверх по течению р. Ямаши, правого притока р. Камы, от дер. Усть-Бельская Каракулинского района Удмуртской Республики, на узком мысу, расположенном между двумя оврагами. На городище выявлено три хронологических комплекса ананьинской эпохи. Собраны кости животных, из которых преобладают домашние. Вещи немногочисленны, представлены изделиями из кости (амулет из челюсти куницы, костяные наконечники стрел), железным ножом, бронзовой подвеской, глиняными пряслицами, бусами, тиглями, фигурками (табл.47–1,2) (Ашихмина Л.И., 1977, с.139-166).

32. Быргындинское IV поселение (чегандинская культура, рубеж I–II тыс. н.э.). Исследовалось Г.Н. Ключевой в 1979–1980, 1982 гг. Расположено в 2,5 км к юго-востоку от дер. Быргында Каракулинского района Удмуртской Республики, в 0,3 км к северу от р. Камы, на левом берегу р. Быргындинки, правого притока р. Камы. На поселении обнаружено несколько жилых и хозяйственных сооружений, очаги и ямы. Собрано более семи тысяч фрагментов керамики чашевидной формы, украшения из бронзы, железные вещи, кости животных. Изделия из глины представлены пряслицами, тиглями, бусинами, фрагментами глиняных «лепешек» и зооморфной фигуркой (табл.47–3-14) (Ключева Г.Н., 1984).

33. Быргындинское V поселение (чегандинская культура). Исследовалось Р.Д. Голдиной в 1969–1970 гг. Расположено в 1,5 км к юго-востоку от дер. Быргында Каракулинского района Удмуртской Республики, близ старичного озера Митук, в 0,5 км к северо-востоку от устья р. Ижболдинки, правого притока р. Камы. Зафиксированы остатки хозяйственных и столбовых ям. Среди находок – фрагменты керамики, кости, ракушки, куски обожженной глины, два точильных камня, фрагменты глиняных «лепешек» (табл.47–15-18) (Голдина Р.Д., 1976).

34. Барановское I селище (чегандинская культура). Исследовалось В.Ф. Генингом в 1954–1956 гг. Расположено на восточном берегу древнего русла, выходящего в 1 км от селища к р. Каме, в 1,5 км к западу от Барановской пристани Каракулинского района Удмуртской Республики. Высота площадки селища над уровнем дна древнего русла небольшая – 3-4 м. Среди находок – фрагменты керамики, кости животных, несколько кусков шлака, костяной крючок для вязания сетей и нож из ребра животного для обработки сосудов. Найдены также пест-терочник, шлифовальная плита, каменный точильный брусок, 2 целых и 6 обломков глиняных «лепешек» (Генинг В.Ф., 1971, с.93).

35. Зуево-Ключевское I городище (бронзовый век, ананьинская, чегандинская культуры). Исследовалось Р.Д. Голдиной в 1970 г., В.Ф. Генингом в 1971 г., Л.И. Ашихминой в 1972, 1975 гг., Е.М. Черных в 1998 г. Расположено в 1 км к югу от дер. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики. Памятник находится на высокой 20-метровой коренной террасе правого берега р. Камы и занимает большой мыс, образованный древним руслом р. Камы, Гремячим логом, по которому течет ключ, и небольшим овражком. На городище обнаружены жертвенники позднеананьинского времени, состоящие из скоплений костей животных, залегающих полосой в зольном слое. Это кости черепов медведей, лося, кости лошадей, свиней, коровы. Возможно, имели какое-то отношение к жертвеннику пятна слабо прокаленной глины, а также камни довольно

значительных размеров. Среди находок – несколько костяных скульптурных изображений головок хищников, медные бляшки, костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные острия и амулеты, железные и костяные псалии. На памятнике обнаружено более 70 глиняных фигурок (табл.31-34; 35–7-12,15) (Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973; Черных Е.М. Отчеты за 1998, 1999, 2001, 2002, 2003 гг.; Черных Е.М., 2004; Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006, с.145-151).

Памятники бассейна р. Белой

36. Аначевское городище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось В.А. Ивановым в 1972–1973 гг. Расположено на северо-восточной окраине дер. Чики-Аначево Илишевского района Республики Башкортостан. Городище занимает мыс коренного левого берега р. Белой. На памятнике обнаружены семь глиняных поделок (табл.35–1-7) (Иванов В.А., 1976).

37. Ново-Медведовское II городище (чегандинская культура). Исследовалось В.Ф. Генингом в 1954–1956 гг. Расположено близ с. Ново-Медведово Илишевского района Республики Башкортостан. Городище находится у края коренного берега р. Белой, на небольшом тупом мысу, ограниченном с востока глубоким оврагом. Культурный слой беден, среди находок – фрагменты керамики, а также глиняная поделка (Генинг В.Ф., 1971).

38. Уяндык I селище (чегандинская культура). Исследовалось В.Ф. Генингом в 1954–1956 гг. Расположено к западу от дер. Уяндык Илишевского района Республики Башкортостан. Селище находится на левом коренном берегу р. Белой, на площадке могильника, который существовал здесь позднее. Среди находок – немногочисленные фрагменты керамики, предметы глиняной пластики (табл.48–12,14,15) (Генинг В.Ф., 1971).

39. Уяндык городище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось В.А. Ивановым в 1972–1973 гг. Расположено в 3 км к западу от дер. Чики-Аначево Илишевского района Республики Башкортостан, ниже по течению р. Белой. На городище обнаружен богатый керамический материал, а также глиняная фигурка (табл.35–8) (Иванов В.А., 1976).

40. Серенькино городище (IV–III вв. до н.э.). Исследовалось В.А. Ивановым в 1972–1973 гг. Расположено в 2,5 км к востоку от дер. Чики-Аначево Илишевского района Республики Башкортостан. Культурный слой городища достигал 1 м на всей площади памятника (26 тыс. кв.м.). Исследованы оборонительные сооружения, обнаружены остатки наземного жилища. Среди материалов городища – многочисленные фрагменты керамики, глиняные орнаментированные пряслица, железный серп, фрагменты тиглей, предметы глиняной пластики (табл.48–6-9,19) (Иванов В.А., 1976; 1980).

41. Подгорно-Байларское III селище (чегандинская культура). Исследовалось А.Х. Халиковым в 1958 г. Расположено в 1,7 км к востоку от с. Подгорные Байлары Мензелинского района Республики Татарстан. Селище расположено на мысу надлуговой террасы, составляющем продолжение горы Бикмурза-Тау. Среди находок – фрагменты керамики, два предмета глиняной пластики (табл.48–18) (Генинг В.Ф., 1971).

Памятники бассейна р.Вятки

42. Среднее Шадбегово III поселение (последняя четверть III тыс. до н.э.). Исследовалось Л.А. Наговицыным в 1984 г. Расположено на останце надпойменной террасы левого берега р. Лозы, левого притока р. Чепцы, в 1,6 км к северо-западу от дер. Среднее Шадбегово Игринского района Удмуртской Республики. Зафиксированы жилище, 9 очагов, 8 ям, места скопления керамики. Среди находок – каменные орудия, керамика, медные изделия, кости, два фрагмента глиняных фигурок (табл.48–1,2) (одна – около очага, другая – в заполнении жилища) (Наговицын Л.А. Отчет за 1984 г.).

43. Кочуровское IV поселение (начало II тыс. до н.э.). Исследовалось Т.М. Гусенцовой в 1977 г. Расположено в 0,8 км к северо-востоку от дер. Кочур Увинского района Удмуртской Республики на берегу р. Нылги, в бассейне р. Кильмезь. На поселении обнаружены следы жилищ, хозяйственных ям, кострищ. Керамика насчитывает свыше пяти тысяч фрагментов, кремневый инвентарь – около 1300 экземпляров. В межжилищном пространстве найдены фрагменты трех глиняных фигурок (табл.48–13,16,17) (Гусенцова Т.М., 1980).

44. Усть-Курьинское поселение (неолит, энеолит, ранний железный век, позднее средневековье). Исследовалось Н.П. Девятовой в 1988 г. Расположено на берегу безымянного озера в 0,2 км к востоку от затона р. Курьи, в 0,6 км к северу от впадения р. Курьи в р. Вятку, на невысоком

всхолмлении надпойменной террасы правого берега р. Вятки. Жилых сооружений не обнаружено. Изучены разновременные хозяйственные, очажные и столбовые ямы, сооружение. Среди материалов периода энеолита – фрагменты керамики, кремневый инвентарь, глиняная фигурка (табл.48–11) (Девятова Н.П. Отчет за 1988 г.).

45. Аргыжское городище (V–III вв. до н.э.). Исследовалось Е.М. Черных в 1988–1989 гг. Расположено в 0,1 км к востоку от дер. Аргыж Малмыжского района Кировской области. Памятник находится на мысу, образованном коренным берегом р. Вятки и двумя параллельными оврагами. Культурный слой городища значительно поврежден в позднее время местными жителями. К раннему ананьино времени относятся три жилые постройки, неотопляемое сооружение, производственная мастерская и одна постройка культового характера. В центре ее располагалась кострище, по всей длине помещения шла канава, заполненная зольно-углистым слоем с мелкой известняковой крошкой, фрагментами сырых и пережженных костей, керамики. Рядом с канавой обнаружены следы вкопанного массивного столба, остатки двух столбов меньшего диаметра обнаружены на дне канавы. Вблизи находилось скопление человеческих костей, частично обожженных. На городище обнаружены четыре предмета глиняной пластики (табл.48–3-5,10) (Черных Е.М., 1996).

Итак, глиняная пластика в Среднем и Верхнем Прикамье известна на 45 поселениях, 20 из которых находятся в Верхнем Прикамье, 15 – в Среднем, 6 – в бассейне р. Белой, 4 – в бассейне р. Вятки. Среди них – 21 городище и 24 селища. Для могильников эта категория изделий не характерна. В ряде случаев могильники возникали на месте более ранних селищ (Мокинский, Тарасовский).

На некоторых памятниках раскопаны культовые комплексы (Рождественское городище, городище Анюшкар, Назаровское городище, Половинное I селище, Зуевключевское I и Аргыжское городища). Тарасовское и Гремячанское святилища представляли собой крупные культовые центры. Иногда глиняные фигурки встречались в небольшом числе на отдельных памятниках, что свидетельствует о многообразии проявления и специализации культовой практики.

5.4. Общая характеристика и степень сохранности глиняной пластики

Всего по упоминаниям в публикациях и археологических отчетах в Верхнем и Среднем Прикамье известно более 360 экземпляров глиняной пластики. Количество фигурок, ставших доступными для непосредственного изучения или изображенных в отчетах и публикациях, составляет 317 экземпляров. Исследованные материалы хранятся в музее «Древняя и средневековая история Камско-Вятского междуречья» Удмуртского государственного университета, Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда, кабинете археологии Пермского государственного университета, Музее истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула, Пермском областном краеведческом музее, ИИЯЛ Башкирского филиала РАН, Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН.

В анализ включены предметы глиняной пластики общей численностью 296 экземпляров. Остальные либо сохранились в виде очень небольших фрагментов, либо известны по рисункам, не дающим достаточного представления о форме предмета в целом.

Следует отметить невысокую степень сохранности глиняной пластики, удовлетворительная часть которой составила около 26%. Отсутствуют чаще всего тонкие, выступающие детали, ведь глина, даже обожженная, – довольно хрупкий материал. Плохую сохранность глиняных вещей можно объяснить частично и повреждением их в более позднее время, в частности, в процессе раскопок. Но, скорее всего, они были намеренно разбиты в эпоху создания и использования. На фрагментарность большинства находок указывали многие исследователи скульптуры и пластики (Ефименко П.П., 1958; Формозов А.А., 1969; Бибииков С.Н., 1953). Эта особенность характерна и для пластики Прикамья.

5.5. Методика анализа

В качестве методологической основы изучения глиняной пластики Прикамья использован подход, предложенный английским исследователем египетских изображений П.Д. Укко. Анализ глиняных фигурок, согласно методике П.Д. Укко, основывается на трех принципах: изучение особенностей самих статуэток; изучение археологического контекста; привлечение исторических свидетельств и данных этнографии (Уско Р.Д., 1968, с.427).

Для исследования особенностей глиняных изделий, использована методика, разработанная Ю.Л. Шаповой, которая предложила сделать объектом исследования полный, информационно насыщенный список признаков вещей. При этом каждая вещь понимается как система и разделяется на такие подсистемы, как морфология, технология, материал, хронология, функция (Шапова Ю.Л., 1994). К перечисленному добавим еще количественную оценку вещей и характеристику степени их сохранности, что, на наш взгляд, немаловажно для изучения именно такой категории археологического материала, как глиняная пластика.

Следует назвать еще одну особенность изделий, на которую указала В.И. Балабина (1998). Исследуя зооморфную пластику трипольских памятников, она рекомендовала проводить помимо собственно археологического и технологического, еще и зоологический и культурологический анализы.

5.6. Морфологическая характеристика предметов глиняной пластики

В археологической литературе отсутствуют примеры единой классификации, применимой в отношении различных по форме глиняных изделий. Исследователи предлагают варианты классификации либо антропоморфных статуэток, либо зооморфных изображений (Погожева А.П., 1983; Балабина В.И., 1998; Кашина Е.А., 2004). Полная морфологическая характеристика предполагает разделение информации об изучаемом предмете на блоки, в которых содержится качественно однородная информация: 1. конструкция; 2. размеры; 3. цвет; 4. декор (Шапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990, с.5).

Анализ конструкции предполагает деление предмета на элементы. В предметах глиняной пластики выделено два конструктивных элемента: тулово и канал. Тулово – это основная часть предмета. Канал – это отверстие в предмете, с помощью которого предмет может быть подвешен (табл.68–12,13). Чтобы канал выполнял предназначенную ему функцию, он должен быть сквозным, поэтому отверстия, не являющиеся сквозными, не рассматривались как канал. Тулово является основой предмета, канал – конструктивным элементом. В нашем случае выделены два конструктивных класса предметов: 1. тулово; 2. тулово + канал.

С учетом общих особенностей предметов разработана программа описания конструктивных элементов. В качестве основы использованы программы описания, предложенные Ю.Л. Шаповой, Ю.А. Лихтер и Е.К. Столяровой (1990). Признаки располагаются от общих к частным. Преимущества программы заключаются в том, что она является «открытой». В случае появления предметов с новыми чертами, список признаков в любом разделе может быть продолжен.

Обособление отделов: 1 – тулово без канала и 2 – тулово+канал не только целесообразно, но и необходимо с точки зрения функциональной характеристики. Предмет, не имеющий канала – отверстия для подвешивания, мог использоваться только как статуэтка (от греч. *statos* – стат – стоящий, неподвижный), стоящая на плоскости, а изделие с отверстием, скорее всего, было подвешено на шнурке, нити, тесьме, ленте и могло использоваться как амулет (оберег), предохраняющий владельца от бедствий.

По общей конфигурации тулова и специфике изображений выделены три группы изделий: I – зооморфные, II – антропоморфные, III – геометрические. Группа I (зооморфные) делится на типы: 1 – изображение медведя, 2 – лошади, 3 – кабана, 4 – вид не определим. Группа II (антропоморфные) разделена на три типа. Тип 1 – изображение женщины, 2 – мужчины, 3 – пол не определен. В изучаемой коллекции все определенные антропоморфные фигурки – женские или не определимые. Два изображения авторы раскопок В.А. Борзунов и А.Ф. Мельничук с В.А. Обориным считают мужскими: из городища Алтен-Тау (табл.50–15) и Гремячанского святилища (табл.50–13). Поскольку мужских признаков у этих изделий нет, такая оценка представляется сомнительной. Группа III (геометрические фигуры) подразделяется на типы: 1 – призма, 2 – цилиндр, 3 – конус, 4 – шар, 5 – диск. Среди антропоморфных, призм и цилиндров могут быть выделены подтипы по характеристике верхней части предмета. Подтип 1 – плоская; 2 – уплощенная, ближе к округлой; 3 – приостренная, в виде выступа; 4 – с углублением – «чашечкой». Имеет свои особенности и нижняя часть предмета – основание. Оно может быть проанализировано у антропоморфных, призм, цилиндров и конусов. Виды оснований: 1 – плоское, иногда слегка вогнутое; 2 – «ноги»; 3 – углубление – полость. Кроме того, по форме основание делится на варианты: 1 – выделено из общего объема тулова в виде утолщения, увеличивающего его площадь; 2 – не имеющего утолщения (не выделено из общего объема тулова).

Диски представляют собой круглые «лепешки», диаметром 1,5-9,5 см, которые были поделены на подтипы: 1 – с ровным краем, 2 – с неровным краем. Последние могут быть разделены на виды: 1 – с краем в виде лучей, 2 – с краем в виде лепестков.

Отдел 2 – предметы со сквозным отверстием: тулово+канал. В этой коллекции лишь два предмета имели сквозные отверстия. В соответствии с вышепредложенной градацией один из них относится к группе I (зооморфные), типу 1 – медведь и имеет поперечный канал в средней части изделия, второй – принадлежит к группе III (геометрические), типу 3 – конус, виду 1 – с плоским (вогнутым) основанием и имеет в верхней части сквозное отверстие.

Следует отметить, что предлагаемая типологическая схема весьма условна, основана на субъективном видении и с получением нового материала и формулированием других задач может быть скорректирована.

Типологическая система анализируемой глиняной пластики выглядит следующим образом.

Отдел 1. Тулово без канала (отверстия) (статуэтки) (294 экз.).

Группа I. Зооморфные (13 экз.).

Тип 1. Медведь (3 экз.; табл.49–1-3).

Тип 2. Лошадь (3 экз.; табл.49–4-6).

Тип 3. Кабан (1 экз.; табл.49–7).

Тип 4. Животное неопределенного вида (6 экз.; табл.49–8-13).

Группа II. Антропоморфные (23 экз.).

Тип 1. Изображение женщины (5 экз.; табл.49–14-18).

Подтип 3. С выступом в верхней части тулова.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (3 экз., табл.49–15,17, 18). Основание не выделено из общего объема.

Вариант не определен (2 экз., табл.49–14,16).

Тип 3. Антропоморфные изображения неопределенного пола (10 экз.). Иногда отчетливо обозначены руки (табл.50–1,10,12,14,15,18).

Подтип 3. С выступом в верхней части тулова.

Вид 1. С плоским основанием.

Вариант 1 (1 экз., табл.50–4). Основание выделено из общего объема.

Вариант 2 (6 экз., табл.50–5-10). Основание не выделено из общего объема.

Вид 2 (3 экз., табл.50–1-3). Основание – «ноги» в форме выступов.

Вид и вариант не определены (8 экз., табл.50–11-18).

Группа III. Геометрические (258 экз.).

Тип 1. Призмы (129 экз.).

Подтип 2. Верхняя часть уплощенная, ближе к округлой.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 2 (14 экз., табл.51–1-14). Не выделено из общего объема.

Подтип 3. Верхняя часть приостренная, в виде выступа.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 1 (7 экз., табл.52–1-7). Основание выделено из общего объема.

Вариант 2 (18 экз., табл.53–1-12; 54–1-6). Основание не выделено из общего объема.

Вид и вариант не определены (22 экз., табл.55–1-13; 56–1-9).

Подтип не определен.

Вид 1. Плоское основание.

Вариант 1 (21 экз., табл.57–1-15; 58–1-6). Основание выделено из общего объема.

Вариант 2 (25 экз., табл.58–7-13; 59–1-9; 60–1-9). Основание не выделено из общего объема.

Подтип, вид и вариант не определены (22 экз., табл.54–7-16; 61–1-12).

Тип 2. Цилиндры (27 экз.).

Подтип 1. Верхняя часть плоская.

Вид 1. Основание плоское.

Вариант 2 (8 экз., табл.62–1-8). Не выделено из общего объема.

Подтип 4. Верхняя часть с углублением – «чашечкой».

Вид 1. Основание плоское.

Вариант 1 (13 экз., табл.62–9-21). Основание выделено из общего объема.
 Подтип, вид и вариант не определены (6 экз., табл.62–22-27).
 Тип 3. Конусы (40 экз.).
 Подтип 2. Верхняя часть уплощенная, ближе к округлой.
 Вид 3. Основание с углублением, полостью.
 Вариант 2 (14 экз., табл.63–1-14). Основание не выделено из общего объема.
 Подтип 3. Верхняя часть приостренная.
 Вид 1. Основание плоское.
 Вариант 1 (4 экз., табл.64–18-21). Основание выделено из общего объема.
 Вариант 2 (17 экз., табл.64–1-17). Основание не выделено из общего объема.
 Подтип, вид, вариант не определены (5 экз., табл.63–15-19).
 Тип 4. Шары (3 экз., табл.65–1-3).
 Тип 5. Диски (59 экз.).
 Подтип 1 (56 экз., табл.65–4-27; 66–1-17; 67–1-7; 68–1-8). С ровным краем.
 Подтип 2 (3 экз., табл.68–9-11). С неровным краем.
 Вид 1 (1 экз., табл.68–9). С краем в виде лучей.
 Вид 2 (2 экз., табл.68–10,11). С краем в виде лепестков.
Отдел 2 (2 экз.). Тулово со сквозным отверстием (амулет).
Группа I. Зооморфные.
 Тип 1. Изображение медведя (1 экз., табл.68–12).
Группа III. Геометрические.
 Тип 3. Конус.
 Вид 1. Основание плоское.
 Вариант 2 (1 экз., табл.68–13). Основание не выделено из общего объема.

Таблица Д. Сведения о распределении предметов глиняной пластики по типам

Отделы, группы, типы	Подтипы	Виды	Варианты	Кол-во
Отдел 1	Статуэтки			294
Группа I	Зооморфные			13
Тип 1				3
Тип 2				3
Тип 3				1
Тип 4				6
Группа II	Антропоморфные			23
Тип 1 женщины	Подтип 3	вид 1	вариант 2	3
			вариант ?	2
Всего				5
Тип 3 Пол не определен	Подтип 3	вид 1	вариант 1	1
			вариант 2	6
			вид 2	3
			вариант ?	8
Всего				18
Группа III	Геометрические			258
Тип 1 Призмы	Подтип 2	вид 1	вариант 2	14
			вариант 1	7
	Подтип 3	вид 1	вариант 2	18
			?	?
	?	вид 1	вариант 1	21
			вариант 2	25
?	?	?	?	22
Всего				129

Отделы, группы, типы	Подтипы	Виды	Варианты	Кол-во
Тип 2 Цилиндры	Подтип 1	вид 1	вариант 2	8
	Подтип 4	вид 1	вариант 1	13
	?	?	?	6
Всего				27
Тип 3 Конусы	Подтип 2	вид 3	вариант 2	14
	Подтип 3	вид 1	вариант 1	4
	?	?	?	17
Всего				5
Всего				40
Тип 4 Шары				3
Тип 5 Диски	Подтип 1			56
		вид 1		1
	Подтип 2	вид 2		2
Всего				59
Отдел 2	Амулеты			2
Группа I	Зооморфные			
Тип 1				1
Группа III	Геометрические			
Тип 3				1
Итого				296

Анализ коллекции глиняных предметов по форме показал, что если из нее исключить амулеты – 2 экз. (0,4%), диски – 59 (20%) и зооморфные изображения – 13 (4,4%), то в ней преобладают антропоморфные скульптуры – 222 экз. (75%). К ним относятся собственно антропоморфы (23 экз., 7,8%), а также призматические (129 экз., 43,6%), цилиндрические (27 экз., 9,1%), конусовидные (40 экз., 13,5%) фигурки. Сюда же можно включить и шары (3 экз., 1,0%), так как они представляли собой, скорее всего, «головы» от составных скульптур-цилиндров с углублениями в верхней части, предназначенными для укрепления таких съемных «головок». Поскольку достоверно мужских изображений не обнаружено, есть основание полагать, что все эти предметы сделаны будущими роженицами (родильные куклы) и представляли собой изображения женщин – богинь-жизнеподательниц.

Анализ размеров. Помимо конструкции, морфологическая характеристика включает в себя информацию о размерах предметов. Весь комплекс разделен на семь групп в зависимости от общей формы предметов: 1. зооморфные; 2. антропоморфные; 3. призмы; 4. цилиндры; 5. конусы; 6. шары; 7. диски («лепешки»).

Размеры зооморфных изображений (13 экз.). Высота сохранившихся фигурок составляет от 1,3 до 3,8 см, длина от 2 до 5 см. В трех случаях размер фигурки мог быть значительно больше (табл.49–1,3,13).

У трех изображений медведя длина туловища составляет 3,3-5 см, высота – 2,6-3,8 см (табл.49–1-3). Одно изображение медвежонка имело гораздо меньшие размеры, его длина составляет 2 см, высота – 1,3 см (табл.68–12). Фигурка кабана в длину составляет около 4 см, в высоту – 3,4 см (табл.49–7). У фигурки лошади сохранилось туловище без головы, ног и хвоста (табл.49–4). Голова была сломана уже после раскопок, на фотографии Л.А. Беркутова она присутствует (Беркутов Л.А., 1914). Максимальные размеры сохранившейся части фигурки: длина – 4,9 см, высота – 2,2 см, ширина – 1,7 см. Длина морды, судя по фотографии, составляла около 1 см. У второй фигурки лошади сохранилась только голова. Ее размеры: высота – 3,5 см, толщина шеи – 1,5 см, длина морды – 2,1 см (табл.49–5). Скорее всего, эта статуэтка лошади была гораздо крупнее первой. Размеры сильно фрагментированного изображения лошади: длина – 4,3 см, высота – 2 см, толщина туловища – 1,2 см (табл.49–6). Фигурка без головы, ног и хвоста имеет длину тулова – 3 см, толщину – 1,6 см (табл.49–9). Высота фрагмента, представляющего собой голову животного – 2,3 см, ширина шеи – 1,3 см, длина морды – 1 см (табл.49–8). Уши (рога) сломаны. Фрагмент, напоминающий головку зверя с вы-

тянутой мордой (табл.49–11), составляет в длину 4,5 см, в высоту – 2 см (Гусенцова Т.М., 1980, с.84). Фигурка, изображающая какого-то животного, имела в длину 4 см, в ширину – 1,7-2 см (табл.49–10). Размеры фрагмента (по-видимому, нижней части) фигурки животного: длина – 5 см, ширина – 2,8 – 4,5 см (табл.49–13).

Строгие закономерности в соблюдении размеров зооморфных фигурок установить сложно. Причины этого заключаются в небольшой численности группы и плохой сохранности изделий. Тем не менее, анализ глиняной пластинки с изображениями медведя позволяет заключить, что три из них имеют близкие размеры и пропорции. Отношение длины тулова к его ширине составило 1,3:1,4. Четвертое изображение существенно отличается от остальных гораздо меньшими размерами и пропорциями. Отношение длины туловища к ширине равно почти 2. Фигурка имеет более вытянутую форму (табл.68–12).

В качестве критерия для сравнения размеров антропоморфных изображений использована ширина тулова. Высота в качестве такого критерия выступать не может, так как более половины изделий сломано. Вариации ширины значительны: 1,1-3,7 см. Наиболее распространены фигурки шириной 1,1-2,14 см.

При анализе размеров призматических изображений учитывалась ширина тулова. Размах колебаний составил 3,6 см, от 1,4 до 5 см. Наиболее часто встречаются предметы с шириной тулова от 2,3 до 3,2 см. Незначительно количество крупных предметов с шириной тулова от 4,1 до 5 см.

При оценке размеров цилиндрических изображений также анализировался максимальный диаметр тулова. Размах колебаний составляет 2,8 см, от 0,8 до 3,6 см. Преобладают предметы с диаметром тулова 0,8-2 см. Высота не выяснена по причине их фрагментарности.

Размеры конусовидных изображений. Проанализирован диаметр основания тулова. Размах колебаний равен 2,6 см, от 1 до 3,5 см. По этому признаку можно считать группу сравнительно однородной. Наиболее распространены предметы с шириной основания 1,5-2 см, изделий со значением 2-3,6 см значительно меньше.

Размеры дисков или глиняных «лепешек» колеблются от 1,5 до 9,5 см. Численно преобладают предметы диаметром 1,5-4,2 см, изделий диаметром 8,2-9,5 см мало.

Таким образом, анализируемый комплекс глиняной пластики по размерам предметов сравнительно однороден. Размеры изображений не выходят за границы интервала от 1 до 10 см. Схожесть размеров фигурок, позволяет предположить, что при их изготовлении использовался некий канон, определенный тем, что изделие предназначалось для личного использования и должно было умещаться в ладони.

Анализ цвета. Часть изображений, известных по публикациям или архивным материалам, не имела подробного описания этого признака, цвет определен лишь у 178 предметов пластики. Кроме того, нет единого стандарта, по которому можно было бы дать хроматический анализ глиняного изделия. Все многообразие цветов можно свести к различным оттенкам желтого, коричневого и серого: желтый (5 экз.); желто-коричневый (18 экз.); коричневый (25 экз.); серо-коричневый (2 экз.); светло-коричневый (64 экз.); темно-коричневый (2 экз.); розово-коричневый (3 экз.); серый (29 экз.); светло-серый (7 экз.); темно-серый (14 экз.); серо-желтый (9 экз.).

Анализ орнамента. Элементы декора глиняной пластики Прикамья можно попытаться выстроить в систему. Количество орнаментированных предметов – 118 (около 39% от общего числа предметов). В группе I отдела I (зооморфные) украшенных предметов нет.

Из всех орнаментированных поделок удовлетворительно сохранились около 50. Визуально по способу исполнения орнамента выделены три основных варианта: прочерченный, наклепной, вылепленный (выдавленный). Названия их весьма условны. Прочерченный орнамент подразумевает и прочерчивание каких-либо элементов на поверхности фигурки, и выполнение оттиска предметом – орнаментиром. При этом, орнамент образуется путем вдавливания орнамента в поверхность глиняного изделия. Наклепной орнамент выполнен путем наклепа на поверхность изделия отдельных элементов. Вылепленный (выдавленный) орнамент образуется путем вылепливания, «вытягивания» из общего объема изделия каких-либо элементов. Соотношение числа декорированных фигурок по видам орнамента следующее: прочерченный – 98 экз.; наклепной – 6 экз.; вылепленный (выдавленный) – 2 экз.; сочетание прочерченного и наклепного – 8 экз.; сочетание прочерченного и вылепленного – 4 экз.

Размещение декора определялось в первую очередь общей формой предмета. Можно обозначить следующие зоны расположения орнамента: 1. вертикальная поверхность: а. лицевая сторона; б. обратная сторона; в. правая боковая сторона; г. левая боковая сторона; д. вся поверхность; е. пояс; 2. горизонтальная поверхность: а. верхняя; б. нижняя.

Горизонтальные поверхности фигурок украшены редко. Орнамент гораздо чаще расположен на вертикальной поверхности, как правило, на одной из сторон статуэтки. Не всегда с уверенностью можно определить, какая именно из сторон фигурки может считаться лицевой, поэтому выбор ее являлся в какой-то мере произвольным.

При анализе элементов прочерченного орнамента выделены следующие: прямая линия, отрезок, насечка; дуга различной длины (отдельно выделена короткая дуга, условно названная ногтевидным отпечатком); волнистая линия; точка; окружность.

Элементы наклепного и вылепленного орнамента: полоса; шарик.

Элементы орнамента образуют мотивы. Элементы прочерченного орнамента приведены в таблице Е. Среди них выделены следующие:

- прямая горизонтальная линия;
- прямые горизонтальные линии (две или более);
- ряд вертикальных насечек, заключенный между двумя горизонтальными прямыми;
- ряд параллельных наклонных насечек, заключенный между двумя горизонтальными прямыми;
- ряд прямых вертикальных линий, через которые проведена прямая горизонтальная линия;
- ряд вертикальных насечек;
- ряд параллельных наклонных насечек;
- точки, расположенные по горизонтальной прямой;
- два ряда прямых двойных горизонтальных линий, между которыми находится ряд точек;
- насечки, в виде горизонтального ряда углов с разнонаправленными вершинами;
- насечки, образующие зигзаг, заключенный между двумя горизонтальными прямыми;
- насечки, образующие вертикальный зигзаг;
- насечки, образующие трапеции, размещенные между двумя горизонтальными прямыми;
- ногтевидные отпечатки, расположенные в два ряда, выпуклыми сторонами наружу;
- насечки в виде квадратов с удлиненной стороной;
- насечки в виде квадратов с удлиненной стороной, с горизонтальным и вертикальным рядами точек внутри;
- насечки, образующие ряд треугольников с вершинами вниз с насечками внутри;
- прямая вертикальная линия;
- прямые вертикальные линии (две или более);
- прямые вертикальные линии, ограниченные с одной стороны короткими насечками в виде углов;
- прямые вертикальные линии, ограниченные с одной стороны окружностями;
- ряд горизонтальных насечек, заключенный между двумя вертикальными линиями;
- ряд параллельных наклонных насечек, заключенный между двумя вертикальными линиями;
- насечки, образующие косую решетку, заключенные между вертикальными линиями;
- вертикальный ряд горизонтальных насечек;
- вертикальный ряд чередующихся вертикальных и горизонтальных насечек;
- волнистые параллельные линии, расположенные вертикально;
- волнистые параллельные линии, расположенные вертикально, ограниченные с одной стороны короткими насечками в виде углов;
- отрезки, расходящиеся из одной точки;
- короткие дуги, расходящиеся книзу, с окружностями на внешних концах;
- расходящиеся книзу два ряда точек;
- сходящиеся книзу две двойных дуги;
- сходящиеся книзу две двойных дуги с насечками внутри;
- сходящиеся книзу две двойных дуги с насечками посередине;
- две двойных дуги, расположенные вертикально;
- отрезки, расположенные в виде буквы «П»;
- отрезки, расположенные в виде перевернутой буквы «П»;

Таблица Е. Частота встречаемости мотивов прочерченного орнамента на вертикальной поверхности

Продолжение таблицы Е

№	мотив	Верхняя часть тулова					У основания выступа					Нижняя часть тулова					
		лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё	лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё	лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё	
1							9					11					13
2		2		1	1	3	4	1			2	5		5			38
3		2	3				2	1				4					12
4												2					2
5							1	1									2
6		3	3	1	2	1	2					2	2	1	1	1	19
7		5	1		1		5	1	2	2	1	1					18
8								1			1						2
9								1									1
10		1			1												2
11							1					1					2
12		1										1					2
13												1					1
14												1					1
15		2		1	1												4
16		1															1
17																	1

№	мотив	Верхняя часть тулова					У основания выступа					Нижняя часть тулова							
		лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё	лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё	лицевая сторона	обратная сторона	правая боковая сторона	левая боковая сторона	всё			
18																	2	2	4
19		9	5	4	3		9	6	1	1		3	1	1	1	1	1	14	
20			1																1
21		1																	1
22		3	5	1			2	2				4						17	
23		3	2	2															7
24				1															1
25		5	3	4	4		3		3	3		4	2	1	1	1	1	33	
26		1																	1
27																	1		1
28												1						1	
29												1						1	
30		1																	1
31		1																	1
32		1	1																2
33		3																	3
34		1																	1
35		1																	1

Продолжение таблицы Е

№	мотив	Верхняя часть туловища					У основания выступа					список	Нижняя часть туловища					всего		
		полукруглая сторона	параллельная сторона	прямая боковая сторона	левая боковая сторона	осл. поверхность	левая боковая сторона	оборочка	прямая боковая сторона	левая боковая сторона	осл. поверхность		левая боковая сторона	оборочка	прямая боковая сторона	левая боковая сторона	осл. поверхность			
36		2																		2
37		1																		1
38		1	1				2	1												5
39		1												1						2
40		1																		1
41		1																		1
42		1																		1
43		2																		2
44		1	2																	3
45			1																	1
46															1	2				3
47										1										1
48		1	1	1															1	4
49		1					1													3
50						2														2
51																	1			2
52																			1	1
53		1	1	1	1									1	1	1				9

решетка с точками внутри квадратов;
 ряды точек, образующие квадраты, или очертания решетки;
 окружность с точкой внутри;
 две окружности;
 две двойные концентрические окружности;
 четыре окружности;
 дуги, образующие спиралевидную фигуру (отпечатки ногтя?);
 дуги, образующие трапециевидную фигуру неправильной формы;
 полуoval, ограниченный сверху горизонтальной прямой;
 насечки, образующие горизонтальный зигзаг;
 насечки, образующие вертикальную «елочку» из углов, вершинами вниз;
 окружность;
 тройные дуги;
 вертикальные ряды точек, чередующиеся с вертикальными параллельными прямыми;
 вертикальный ряд наклонных насечек, чередующихся с насечками, расходящимися из одной точки;
 окружности, расположенные в горизонтальный ряд.

Наиболее часто в орнаментации глиняных статуэток используются мотивы 2 и 19, довольно распространены – 6, 7 и 25. Однако отдельные мотивы не дают представления об орнаментальных композициях, которые иногда складываются в весьма сложные и выразительные картины.

Большой интерес представляют два изображения женщин: одно – почти в полный рост (табл.49–17), второе – торса (табл.49–18). Они красноречиво свидетельствуют об оригинальности и красочности одежды женщин раннего железного века. Роскошные нагрудные украшения: в одном случае это вышивка, либо драпировка (табл.49–18), в другом – нагрудник, окаймленный бляшками (табл.49–17). В обоих случаях отмечено богатое украшение спины в виде вышивки или аппликаций и оформление ворота одежды или ожерелья на шее. Оригинален пояс (табл.49–17), к которому прикреплены разнообразные подвески и какие-то дополнительные бытовые предметы.

Среди антропоморфных изображений украшено 6 (табл.50–5,7,8,13,15,16). У двух статуэток орнамент расположен лишь на лицевой стороне. На каждой фигурке изображены две полосы орнамента, спускающиеся вниз от плеч; в одном случае полосы наклеплены (табл.50–5), в другом – прочерчены (табл.50–7). Одна из статуэток (табл.50–16) в области груди покрыта горизонтальным рядом вертикально расположенных ногтевидных отпечатков и украшена слегка закругленными линиями (дугами), оформляющими «воротник».

Спорной является трактовка двух изображений (табл.50–13 и 50–15). Первая происходит с Гремячанского святилища. Авторами раскопок – А.Ф. Мельничуком и В.А. Обориным, скульптура обозначена как фигурка мужчины (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с.78). Однако, мужские признаки изображения весьма спорны, а если учесть, что на груди статуэтки явно виден нагрудник с круглыми подвесками на концах, а в районе пояса – круглая бляха, то утверждение, что это – фигурка мужчины, станет еще более проблематичным.

Второе изображение мужчины (?), происходящее с городища Алтен-Тау, было обнаружено В.А. Борзуновым, который оценивает его как фигурку мужчины с гривной (?) на шее, одетого в легкий распашной кафтан (табл.50–15). Последний оторочен по краям широкой полосой, орнаментированной полой трубочкой. Орнамент, вероятно, изображает мех. Под кафтаном видна рубаха с вырезом, украшенная таким же «кольчатым» узором. На спине верхняя одежда покрыта сложным орнаментом. При этом вся одежда не просто изображена резьбой или рельефом, что обычно для подавляющего большинства изделий мелкой пластики, а искусно наклепана тонким слоем на «голую» фигурку, разделена на верхнюю и нижнюю и покрыта орнаментом. Изделие сохранилось неполностью: голова, руки и нижняя часть тела человека ниже пояса обломаны. Размер сохранившейся фигурки 7,1x2,7-3,8x1,1 см. По мнению В.А. Борзунова, покрой одежды ананьинского божества или героя находит аналогии в изображениях на рельефном серебряном сосуде IV в. до н.э. из известного скифского кургана Гайманова Могила, отчасти – на чертомлыцкой серебряной вазе – амфоре конца V – начала IV в. до н.э., серебряном сосуде и золотом гребне из кургана Солоха IV в.

до н.э. В.А. Борзунов считает, что находка из Алтен-Тау представляет собой, как и мужская фигурка из Гремячанского поселения-святилища, уникальное явление, так как принадлежат мужчинам, а не женщинам, как большинство антропоморфной пластики Прикамья (Борзунов В.А., 1997а, с.206). Определение обоих изображений, как мужских, вызывает большие сомнения.

Среди призматических фигурок орнаментированы 84 экз. Однако лишь 20 предметов из них имеют сохранность, достаточную для представления об орнаментальной композиции в целом. Выступ, расположенный в верхней части многих предметов, не орнаментирован. Пять изделий украшены наклепным орнаментом в виде отдельных полос. В двух случаях полоса расположена горизонтально и проходит посередине фигурки, образуя «пояс» (табл.57–6; 58–4). Одна статуэтка орнаментирована вертикальными наклепными полосами с поперечными насечками (табл.61–8). Имеется изображение с остатками горизонтально расположенной наклепной полосы с поперечными насечками, которая, спускаясь вниз, представляет собой две полосы, как бы завязанные узлом (табл.58–5). Во всех остальных случаях – орнамент прочерченный.

Иногда фигурки покрыты небольшими насечками либо ногтевидными отпечатками, расположенными беспорядочно (табл.54–7; 61–10). У ряда статуэток изображен «пояс». Способы его выполнения: в виде одной или двух прочерченных линий (табл.51–10; 53–3,9; 54–11; 55–7; 58–9,11,13; 60–3), двух прочерченных линий с поперечными насечками между ними (табл.53–10; 55–13; 61–2,7) зигзага из парных насечек (табл.57–10), ряда небольших дуг, выгнутых наружу (табл.61–3).

У нескольких изображений четко прослеживаются горизонтальные линии, иногда имеющие поперечные насечки (табл.53–4,7; 55–1,2; 58–11; 61–2). У трех предметов в верхней части на лицевой стороне отмечены общие мотивы орнамента: вниз справа и слева к поясу спускаются две полосы, состоящие, как правило, из двух дуг с поперечными насечками между ними.

Орнамент пяти изображений представляет собой длинные вертикальные полосы, прерываемые поясом (табл.51–10; 55–7; 58–8,13), у четырех фигурок вертикальные полосы сочетаются с горизонтальными насечками (табл.53–4; 54–14; 58–11; 61–7). В трех случаях поверхность покрыта небольшими округлыми отпечатками, которые либо заключены в прямоугольники, либо помещены между горизонтальными линиями, либо сами расположены таким образом, что образуют прямоугольник (табл.53–8; 57–8; 58–10). У одной фигурки из-под пояса спускаются по бокам полуовалы (табл.53–9). У шести статуэток имеются прочерченные окружности (табл.50–13; 53–1; 54–11,15,16; 61–2,6). На двух предметах прочерчены подобию спиралей, образованные короткими дугами. Часть одного изделия покрыта несколькими вертикальными рядами горизонтальных насечек (ногтевидных отпечатков), сверху обрамленных линией «квадратов» (табл.61–1).

В нескольких случаях сохранились лишь фрагменты фигурок, поэтому невозможно составить полное представление об орнаментальной композиции. Среди декоративных мотивов встречаются: прочерченные линии, расходящиеся лучами из одного угла фигурки (табл.54–12); волнистые линии, расположенные вертикально, ограниченные снизу рядом углов (табл.58–9); вертикальные отрезки с округлыми отпечатками на концах и насечки, образующие «елочку», заключенные между вертикальными линиями (табл.54–11); вертикальные и горизонтальные прочерченные линии, между ними – зигзаг из двойных насечек (табл.56–1); поперечные насечки, иногда образующие трапеции, заключенные между горизонтальными линиями (табл.61–2).

Орнамент одного предмета представляет собой три поперечных отрезка, расположенных в виде буквы «П» (табл.55–10), орнамент другого – в виде перевернутой буквы «П» (табл.53–11). Еще три предмета украшены довольно просто: «пояс» из косых насечек, внизу от которого спускаются две вертикальные линии с косыми насечками между ними (табл.52–3); горизонтальные и наклонные прочерченные линии, покрывающие всю поверхность фигурки (табл.53–7; 55–2).

Своеобразна орнаментация двух других фигурок: вертикальный ряд горизонтально расположенных ногтевидных отпечатков, пересекаемый двумя такими же рядами, расположенными горизонтально (табл.57–7); «пояс» из горизонтальных линий с косыми насечками между ними, на одной стороне фигурки справа и слева от него спускаются 2 ряда горизонтальных насечек, заключенных между вертикальными линиями, на другой – изображение трапециевидной формы, как бы «пропущенное» под поясом (табл.53–10).

В ряде случаев боковые поверхности предметов оформлены вертикальными линиями с косыми насечками между ними (табл.51–12), в одном случае расположенными в виде «косой решетки»

(табл.54–16), зигзагом, состоящим из парных насечек (табл.61–7), вертикальными волнистыми линиями (табл.61–3).

Обращает на себя внимание одна статуэтка, имеющая на поверхности отпечатки зубов (табл.60–4). Анализ отпечатков, произведенный зам. начальника отдела экспертно-криминалистического центра МВД Удмуртской Республики А.А. Вострокнутовым, показал, что они принадлежат ребенку.

У цилиндрических глиняных изделий орнаментирована лишь вертикальная поверхность. Исключением являются несколько фигурок, где украшена еще и горизонтальная (табл.62–1,8,9). Характерным приемом орнаментации цилиндрических фигурок можно считать использование горизонтальных полос. Они могут быть прочерчены сплошными линиями, состоять из коротких насечек и ногтевидных отпечатков (табл.62–1,2,23,25). Нередко горизонтальные полосы прерываются вертикальными прочерченными линиями и зигзагами (табл.62–1,2,23,25). В одном случае орнаментировано основание. Узор выполнен из шести круглых отпечатков по окружности и одного в центре (табл.62–9). Аналогичные отпечатки расположены на «поясе» фигурки (табл.62–15). На двух изделиях элементы орнамента горизонтальной поверхности образуют похожий мотив – окружность, состоящую из небольших наклепных шариков и насечек, либо образованную двумя линиями (табл.62–1,8).

Конусовидные изображения орнаментированы намного проще, чем антропоморфные или призматические. Как правило, вертикальная поверхность разделена на горизонтальные полосы (табл.63–1,3,9,12,13; 64–17). В двух случаях они сопровождалась горизонтальными рядами наклепных уплощенных шариков (табл.63–1,9), в одном случае шарики составляют вертикальный ряд, напоминая элементы одежды (табл.63–13). Одна фигурка имела внизу, у основания, вылепленную полосу (табл.63–6). Орнаментация одного предмета близка орнаментации цилиндрических фигурок (табл.63–5). Одна фигурка выделялась из числа остальных как своей формой (небольшая высота по сравнению с диаметром основания), так и способом орнаментации (ряд наклепных уплощенных шариков у основания) (табл.64–11).

Среди глиняных дисков орнаментированы три экземпляра. Поверхность одного покрыта небольшими отпечатками (табл.68–9), на другом прочерчены несколько линий (табл.65–18), на третьем предмете изображено человеческое лицо (табл.66–10).

В отделе 2 орнаментирована лишь конусовидная поделка (табл.68–13).

Анализ орнамента представляется одной из сложнейших операций в изучении древних предметов, в том числе и глиняной пластики. Вряд ли современному человеку удастся когда-нибудь понять все многообразие духовного мира древнего человека, пытавшегося передать свое мировосприятие через систему знаков, наносимых им на какой-либо предмет. В нашем случае, проще всего, попытаться оценить орнамент антропоморфных и близких к ним призматических фигурок.

Исследователи уже пытались прочесть язык этих изделий, апеллируя к одежде древних людей. Археологи Приуралья, изучая памятники различных эпох, в особенности могильники, сделали немало вероятных, более или менее удачных реконструкций женского костюма (Смирнов А.П., 1952, с.241-241; Генинг В.Ф., 1970, с.143, рис.22, 29-34; Семенов В.А., 1983, с.130-134; 1991, с.65-65; Останина Т.И., 1991; 1997; Иванова М.Г., 1991, с.41, 49; Шутова Н.И., 1992; Голдина Р.Д., 1985; Крыласова Н.Б., 1992, с.136 и др.).

Характеризуя статуэтки Конецгорского селища, Юшковского и Усть-Нечкинского городищ, А.В. Збруева выделила несколько типов женской одежды ананьинских племен: 1) длинная прямая одежда с рукавами, 2) длинная прямая одежда типа плаща, 3) одежда, стянутая поясом. Она также отметила наличие передника, нагрудных украшений и вышивки, а также обычай пропускать конец головного убора под пояс (Збруева А.В., 1952, с.78).

В.А. Иванов, анализируя особенности глиняных статуэток памятников р. Белой, горизонтально прочерченные полосы, покрывающие поверхность фигурок, считал украшениями одежды. Прочерченные на лицевой поверхности парные линии в форме треугольника он оценивал, как изображения распашной одежды, окружности – застежки (сюльгамы, бляхи). Украшения по плечам фигурок исследователь определил как вышивку или воротник. Спускающиеся же к поясу по центру фигурки линии он, так же, как и А.В. Збруева, охарактеризовал как деталь, идущую от головного убора или от воротника вдоль спины. Вертикальные линии с разветвлениями на концах, по его мне-

нию, похожи на бахрому из длинных нитей, а трапециевидные вдавления, расположенные горизонтальными рядами, – на нагрудное украшение, состоящее из прямоугольных и трапециевидных блях. Горизонтальные ряды прочерченных кружков, заключенных в прямоугольник, исследователь определил как передник, украшенный бусами или мелкими бляшками (Иванов В.А., 1976, с.309-310).

Свое видение одежды Прикамья по данным глиняной пластики представил А.А. Красноперов (2006, с.38-39). Прочерченные вертикальные линии на нескольких статуэтках он интерпретировал как швы. На группе предметов, в области груди, присутствовали, по его мнению, изображения блях, в количестве от одной до четырех. Они украшали верхнюю одежду. Одна или две бляхи располагались чаще в верхней части груди. Одна бляха, возможно, оформляла конец горлового выреза. В случаях с четырьмя бляшками зафиксировано несколько вариантов размещения: в одну линию, полукругом у пояса, и попарно, одни над другими. Верхняя одежда на статуэтках – распашная, длиной, приблизительно, до колена. Одежда типа кафтана или халата не имела ворота, соединялась встык, стягиваясь поясом, либо скреплялась рядом вертикально расположенных застежек, либо без них. Ворота имел V-образную форму. Полы были отделаны вертикальными полосами. В ряде случаев на спине в верхней части различима полукруглая отделка, и, возможно, вертикальный шов. На нескольких предметах изображены боковые швы. Декор чаще расположен горизонтальными полосами. Некоторые детали можно соотнести с изображениями нагрудников, передников. Передник прямоугольной формы, длиной до колена, не закрывает подол одежды. На нем отмечены как вертикальные полосы декора по длинным сторонам, так и горизонтальные по всей поверхности. Возможно, часть декоративных элементов носит растительный характер, но большинство – геометрический (Красноперов А.А., 2006, с.38-39).

Соглашаясь в целом с определением деталей костюма, выполненным предшественниками, хотелось бы сделать некоторые дополнения. Форма статуэток часто соответствует туникообразному покрою одежды. Размещение орнамента на них совпадает с теми зонами финно-угорского костюма, где выполнялась вышивка или размещался тканый узор. Это грудь, рукава, подол рубашки.

У фигурок отчетливо прослеживается оформление шейных украшений в виде горизонтально прочерченных линий, которые иногда сопровождаются поперечными насечками, расположенными параллельно друг другу или в форме зигзага (табл.51–3,10; 53–4,9; 55–1,6,12,13; 56–1). Наблюдается сходство орнамента двух статуэток с чересполосными украшениями женского костюма, как бы спускающимися с одного плеча типа португалии (табл.52–2; 55–2). В некоторых случаях на груди изображены по две полосы, попарно спускающиеся от плеч к поясу (табл.52–2; 53–1; 55–13). Их можно интерпретировать как изображение распашной одежды или вышивки.

Две статуэтки имеют на груди прочерченные линии с точками на концах (табл.49–18; 54–11). Это могла быть вышивка или нагрудное украшение, которое надевалось на одежду. Прочерченные линии в виде буквы «П», возможно, являются схематизированным изображением нагрудника или нагрудного украшения (табл.55–10).

Горизонтальные ряды прочерченных кружков, заключенные в прямоугольник, скорее всего, изображают передник, украшенный бусами или мелкими бляшками (табл.57–8), о чем писал В.А. Иванов (Иванов В.А., 1976, с.310). Похожий мотив встречается еще в двух случаях (табл.53–8; 58–10). Вертикальные линии, раздваивающиеся внизу, вероятно, обозначают бахрому на подоле одежды (табл.58–9; 59–5).

На боковых поверхностях трех глиняных фигурок сохранился прочерченный полуовал (табл.49–17; 53–9). Возможно, таким способом отмечены ложные рукава. Боковая поверхность статуэток иногда орнаментирована линиями, расположенными «елочкой» (табл.51–12; 54–11). Этот мотив, на наш взгляд, находит аналогии с мотивами вышивки, которая помещалась на рукавах удмуртского женского костюма (Белицер В.Н., 1951, рис.68).

Встречалась орнаментация глиняных статуэток вертикальными полосами. К.М. Климов эту традицию украшать одежду продольными полосами считал характерной для удмуртов и для других народов Поволжья (Климов К.М., 1988, с.104-105). Короткие насечки, возможно, являются самым упрощенным и схематичным изображением одежды. В пластике других культур подобные приемы хорошо известны (Матвеева Н.П., 1985, с.223).

Все орнаментальные композиции в конечном итоге можно было бы свести к набору отдельных элементов и мотивов. Скорее всего, они также должны были заключать в себе особый смысл,

ведь в первобытном искусстве все было глубоко символично. Даже если орнамент ряда статуэток изображал детали одежды, украшения, узоры вышивки или узорного ткачества, отдельные элементы этих узоров, скорее всего, наделялись особым смыслом. На эту особенность традиционно искусства указывала исследователь скульптуры и пластики земледельческих культур Передней и Средней Азии Е.В. Антонова: «В вещи не может быть ничего случайного, второстепенного, в ней нет элементов, функция которых сводилась бы к декоративной в современном смысле» (Антонова Е.В., 1984, с.27).

Существует мнение, что традиционная одежда, а именно женская рубашка, наряду с другими функциями могла выполнять магическую функцию, так как она прилегала к нагому телу и являлась проводником магической силы, скрытой в нем (Богатырев П.Г., 1971, с.315). Оберегом выступал пояс, так как он заключал тело в магический круг. Он был обязательной одеждой беременных женщин у коми. Пояс являлся частью костюма у многих народов. «В прошлом у карел, как и у восточных славян, ходить без пояса считалось грехом» (Маслова Г.С., 1951, с.17). С поясом и у русских, и у карел были связаны поверья о том, что пояс защищал от нечистой силы, от порчи. Пояса у верхневолжских карел нередко украшены геометрическим орнаментом (там же, табл.VII, рис.3, 7, 8). Мотивы его имеют общие черты с мотивами орнамента прикамских глиняных статуэток: наклонные насечки, зигзаг, углы, ромбы, заключенные между двумя параллельными линиями. Цвет, орнамент и украшения могли усиливать символику одежды (Маслова Г.С., 1984, с.129). Место их расположения, скорее всего, тоже не было случайным. Как видим, орнамент мог располагаться вдоль выреза на груди, по рукавам и подолу одежды и выполнять охранительную функцию. Шейные и нагрудные украшения женского костюма должны были оберегать женщину от агрессии внешних сил. Подобное представление было характерно для многих народов (Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001, с.26-27).

Исследователь народной одежды С.Н. Виноградов привел обширный перечень мотивов, встречающихся в традиционных узорах удмуртов. Среди них – круг, являющийся солярным знаком; узор с пересекающимися прямыми; «дно лукошка» и др. (Виноградов С.Н., 1973, с.35-37). Некоторые узоры отдаленно напоминают мотивы, встречающиеся в орнаменте глиняной пластики, но в стилизованном и крайне упрощенном виде.

Среди традиционных узоров удмуртской одежды – растительные мотивы (ель, сосна), зооморфные (части птичьего тела, крыльев, перьев) (Виноградов С.Н., 1973, с.26-40; Климов К.М., 1983, с.16). Многие элементы узоров одежды удмуртов были общими с карельскими, коми-зырянскими, марийскими, мордовскими, русскими (Климов К.М., 2000, с.7). По словам Г.С. Масловой, народному орнаменту свойственна непрестанная изменяемость, но архаические сюжеты позволяют проследить устойчивость определенных черт и образов, каковыми являются образы женщины, дерева, всадников, птиц и зверей (Маслова Г.С., 1978, с.154).

В ряде случаев глиняные статуэтки орнаментированы небольшими округлыми отпечатками, помещенными в прямоугольники (табл.57–8; 58–10). По мнению Б.А. Рыбакова, подобный мотив символизировал засеянное поле и отражал представления, связанные с земледелием (Рыбаков Б.А., 1981, с.182). Среди орнаментов конусовидных статуэток встречалась фигура, украшенная спиралью (табл.63–1,12). Этот мотив распространен в глиняной пластике трипольской и анауской культур (Погожева А.П., 1983, с.43; Антонова Е.В., 1987, с.54). Он ассоциируется с образом змеи, которая выступала как хранитель всего самого ценного и связывалась с представлениями о дожде у земледельческих народов (Рыбаков Б.А., 1981, с.170, 190).

Некоторые прикамские фигурки призматической формы орнаментированы мотивами (табл.57–7; 60–3; 61–5,6; 64–14,15), встречающимися на статуэтках неолитических и энеолитических памятниках Ирана: две окружности, иногда – с точками внутри, вертикальные ряды коротких горизонтальных насечек, узор «елочка» (Антонова Е.В., 1977, табл.LVI, рис.2, 3, 5, 9, 12, 13, 16, 17, 18, 21, 22). Короткие горизонтальные насечки, образующие вертикальный ряд; вертикальные насечки, образующие горизонтальный ряд; косые насечки, образующие «елочку» (мотивы 25, 6, 48) присутствуют в орнаментации трипольской антропоморфной пластики (Погожева А.П., 1983, с.42, табл.4, с.49, табл.12).

Похожие мотивы используются в орнаментации поделок или рисунках самых разных эпох. Например, орнаментальные мотивы, встречающиеся на предметах памятников волосовской культуры, повторяются в орнаменте глиняных фигурок прикамских памятников: параллельные парные

линии с поперечными насечками между ними, зигзаг, окружности, узор «елочка» (мотивы 3 или 22, 11, 48, 49) (Искусство каменного века..., 1992, рис.110). Повторение подобных знаков выявлено И.В. Калининой на предметах еще более древней поры – мезолитических наконечниках стрел Урала (Калинина И.В., 2007, с.106-124). Сопоставление этих мотивов с прочтением их этнографами, изучающими традиции обских угров, выполненные И.В. Калининой, позволяет надеяться на успешную «дешифровку» древних символов, сохранившихся на археологических предметах. Повторяемость одних и тех же элементов в орнаменте глиняной пластики и других изделий различных археологических культур свидетельствуют об их конвергентном возникновении и устойчивости во времени и пространстве. Скорее всего, их смысл был понятен для всех людей разного времени.

Глиняная пластика Прикамья источник более чем двухтысячелетней давности представляет собой уникальный для изучения миропонимания древнего человека Прикамья.

5.7. О назначении предметов глиняной пластики и их датировке

Все предметы глиняной пластики, известные в Прикамье, найдены на святилищах или поселениях: селищах, городищах. В погребениях они неизвестны, следовательно, были предназначены для прижизненного использования в культовой практике.

Важны наблюдения Е.М. Черных над планиграфией этих находок на Зуевключевском I городище. Они происходили из жилых объектов (10 экз.), из жертвенных комплексов (5 экз.) и из культурного слоя (8 экз.). Все жилища, где найдены изображения, относятся к позднеананьинскому времени. Фигурки располагались к западу или югу от очагов. Глиняные изображения в составе жертвенных комплексов обнаружены в ямах с костями диких и домашних животных на границах жилых зон позднеананьинского поселения. Три статуэтки найдены на площади святилища (Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006, с.149). Характер размещения предметов подтверждает их прямое отношение к культу, скорее всего, личностному, индивидуальному. Напомним, что это изображения женщин-прародительниц, обеспечивающих плодovitость, благополучие семьи и каждой из женщин. Выполнены эти фигурки женщинами, о чем свидетельствуют отпечатки женских пальцев на статуэтках Тарасовского святилища. Работа с пластичной глиной для женщин была традиционной, ведь общеизвестно, что именно они занимались изготовлением и орнаментацией глиняной посуды.

Глиняную пластику Прикамья с функциональной точки зрения следует поделить на 5 крупных групп. Первую представляют фигурки животных: медведей, лошадей, кабанов и животных неопределенного вида (13 экз.). Подобные изображения встречались на культовых местах Евразии в разных вариациях от палеолита до современности.

О глиняных изображениях животных и их интерпретации существует огромное количество разноплановой литературы. Из наиболее хронологически и территориально близких областей хотелось бы указать на подобные находки на памятниках дьяковской (Розенфельдт И.Г., 1967; Дубынин А.Ф., 1970; Смирнов К.А., 1975; 1992; Крис Х.И., 1995), именьковской (Старостин П.Н., 1967) и саргатской (Корякова Л.Н., 1988, рис.23; Матвеева Н.П., 1990) культур.

По материалам нашей коллекции изображения медведей были популярны начиная от эпохи энеолита (Усть-Курья – табл.48–11) до раннего железного века (Тарасово – табл.27–1; Быргында IV – табл.47–13). Фигурка кабана была сделана на рубеже I–II тыс. н.э. (Назаровское городище – табл.36–4). Мотив лошади использовали в глиняной пластике с IV–III вв. до н.э. (Тарасово – табл.27–2; Юшковское – табл.45–7; Серенькино – табл.48–9). Что же касается животных, вид которых трудно определим, то они встречались от эпохи энеолита (Среднее Шадбегово III – табл.48–1,2; Кочуровское IV – табл.48–16), в раннем железном веке (Чеганда I – табл.35–15; Уяндык I – табл.48–12) и до начала II тыс. н.э. (Рождественское – табл.37–7). Основная цель применения таких фигурок – ритуальная практика для удачной и результативной охоты.

Вторая группа культовых предметов – диски, «лепешки» (их 59 экз.) – символы солнца, используемые в жертвоприношениях для умножения всего живого, растущего, цветущего. Диски были распространены, главным образом, на памятниках раннего железного века Среднего Прикамья (Зуевы Ключи, Быргында IV, V, Тарасово, Момыли, Усть-Нечка, Гремяча) и Вятки (Аргыж). В Пермском Прикамье были найдены лишь 2 обломка глиняных дисков на Заюрчимском I поселении (табл.41–14,15). Что касается даты этих изделий, то, судя по Тарасовскому и Зуев-

Ключевскому святилищам, они наиболее активно использовались в IV–III вв. до н.э., но могли встречаться и в первых веках н.э. На это указывают находки дисков на Быргындинском IV поселении (Клюева Г.Н., 1984, табл. III-23), где они найдены вместе с многовитковым железным браслетом и височной подвеской с конической псевдовитой привеской. Подобные предметы хорошо представлены в могилах I–II вв. н.э. на Тарасовском могильнике (Голдина Р.Д., 2003, табл.487-18-21; 490–1-16; 491–1,9,10; 500–6 и др.).

Свидетельства существования у населения Прикамья культа солнца весьма многочисленны (Збруева А.В., 1952; Виноградов С.Н., 1973; Иванова М.Г., 1983; Климов К.М., 1988; Голдина Р.Д., 1999). Солнце как олицетворение одной из могучих природных стихий, несомненно, занимало важное место в мировоззрении древних людей, особенно, земледельцев. От солнца зависел будущий урожай и как следствие – благополучное существование людей. В Прикамье широкое распространение глиняных дисков по времени совпадает с распространением земледелия. Глиняные диски также могли являться символами хлеба (Колобова Т.А., 2006, с.23).

Помимо дисков символами солнца выступали пряслица, о чем говорит их форма и знаки на них. На пряслицах часто встречаются солярные знаки. Лучи солнца изображены тонкими радиальными линиями, завитками спирали, орнаментированными полосами, расширяющимися от центра к краям. С солярной символикой связаны мотивы идущих по кругу зверей, которые олицетворяют движение солнца по небу. С солнцем ассоциировался и образ хищника, свернувшегося в кольцо.

Третья группа – самая малочисленная – амулеты, имеющие отверстия для ношения их на шнурке (2 экз., табл.68–12,13). По-видимому, амулеты (обереги) из глины в Прикамье не были популярны, для их изготовления выбирали другой материал – кость, дерево, металл.

Основная масса изделий (222 экз., 75%) – статуэтки, изображающие женские божества: собственно женские изображения (табл.49–14-18), антропоморфные (табл.50), призмы (табл.51-61), цилиндры (табл.62), конусы (табл.63-65), шары (табл.65–1-3), которые образуют общий массив – родильные куклы. Эти скульптуры ставились на поверхность, либо укладывались в какую-то емкость (коробку, мешочек, кузовок). О том, что изделия какое-то время стояли на плоскости, свидетельствует наличие варианта 1 у призм (табл.52, 57, 58–1-6) и конусов (табл.64–18-21), где четко зафиксировано расширение предмета у основания для большей устойчивости. Вероятно, сюда же следует отнести и цилиндрические фигурки, на которых хорошо видны в верхней части углубления – чашечки (табл.62–10-18), в которых устанавливались, скорее всего, шары – «головы». В одном случае отмечен у цилиндра след от крепления в виде штыря от какого-то острого предмета (табл.62–11). На одном из шаров, который и выполнял роль такой «головы» отчетливо видна узкая полость от крепления с помощью штыря при соединении ее с основанием (табл.65–3). Вероятно, шары и цилиндрические предметы с углублением в верхней части были составными и представляли собой антропоморфные фигурки.

О том, что женские и антропоморфные изображения отражают существовавший у населения Прикамья культ женщины-прародительницы и хранительницы домашнего очага, говорилось давно (А.В. Збруева, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, В.А. Иванов, Р.Д. Голдина, Е.М. Черных и др.). В этом плане большой интерес представляют наблюдения Т.А. Исаевой над куклами хантов (2007, с.186-196). Ею выделены три варианта кукол: родильная, кукла-игрушка и погребальная кукла. Родильная кукла олицетворяла богиню-Жизнеподательницу (Калтащ или Анки Пугос, Аста ими). Изготавливали такую куклу женщины в процессе подготовки к материнству. Сначала они делали дом для куклы – специальный кузовок с крышкой, где должна была храниться кукла. Ее делали без лица, рук и ног, скручивали из новых, чистых тряпочек белого цвета. Размеры куклы не превышали размеры ладони хозяйки. Значение куклы в реальном времени было ограничено и действие ее имело четкую адресную направленность – роды. После родов кузовок с изображением богини, прикладами: маленьким саком, платком и поясом, белыми монетами, дробинками и последом подвешивали на дереве в особом месте. На этом функция куклы считалась выполненной. Все, что связано с изготовлением, хранением и передачей этих предметов в природный мир, являлось прерогативой женщины и было строго табуировано. Создание кукол и кукольное хозяйство контролировалось старшими родственницами. Замечателен факт, что при родильном обряде у хантов XX в. перед роженицей иногда вывешивали платок с изображением лягушки (Исаева Т.А., 2007, с.187), символизирующей плодovitость. Вспомним бронзовую фигурку лягушки с Тарасовского святилища.

Прикамские глиняные фигурки очень напоминают родильные куклы хантов. Они были созданы женщинами (женские отпечатки пальцев на некоторых из них), индивидуально (ни одно изделие не повторяет другое, за исключением концеворских), представляли собой миниатюрные скульптурки, которые удобно было сохранять втайне (помещались в ладони), очевидно хранили их в определенном секретном месте до родов, а после родов разбивали (целых изображений очень мало). Кусочки разбитых фигурок закапывали на специальных местах (святилищах) или в жилищах в укромном месте. Обращает на себя внимание наличие в нижней части предмета некоторых конусовидных изделий довольно значительной полости (табл.63–1-14), в которую, возможно, были помещены какие-то предметы (например, семена трав, злаков), символизирующие плод.

В сказочном фольклоре коми содержатся сведения об изготовлении героинями глиняных кукол «акань», что часто выступало метафорой зачатия ребенка. При этом акцентировалось внимание на кратковременность существования глиняных соломенных, берестяных «акань» (Шарапов В.Э., 2002, Акань). Не проявление ли это былого существования глиняных родильных кукол?

К. Герд сообщал, что в случаях бездетности у удмуртов существовал такой обычай – знахарка делала куклу из теста, шла с женщиной на берег реки и производила там некие магические действия, испрошая помощи у духов (Герд К., 1993, с.10). Подготовка к родам осуществлялась втайне от чужих людей, в том числе и от мужчин своей семьи (там же, с.32).

Совершенно замечательные страницы, посвященные характеристике, образу Земли-матери и различным его вариациям: Калтыш, Йоли-Торум (манси), Анки-Пугос, Мыт-ими (ханты), Хосэдэм (кеты), Небесная старуха (селькупы), Ушай (тюрки), Нюйва (Китай), Ушас (Индия), богиня солнца Аринны (хетты) и другим, обладающим высокой степенью сакральности, написаны Ю.В. Балакиным (1998). Главнейшие функции этих персонажей – порождающие и жизнедающие, по его мнению, делают их мифологическими существами семейного круга, близкими людям.

На близость удмуртского Кылдысин и мансийской Калтась справедливо обратили внимание член-корреспондент РАН В.В. Напольских и доцент С.К. Белых (1993; Napolskich W., 2000). Главную роль в удмуртском пантеоне богов отводили Кылдысину проф. В.Е. Владыкин (1994, с.181-182) и проф. Н.И. Шутова (2001, с.215-225). Термин Кылдысин (Кылчин) имеет общепермское происхождение. Он образовался от слова «кылдйсь» ‘создающий, творящий, оплодотворяющий’ + «ин, инь» ‘жена, женщина, мать, свекровь, самка’ (Владыкин В.Е., 1994, с.181). Н.И. Шутова привела многочисленные свидетельства этнографического и мифологического характера разных авторов о проявлениях сведений об этой богине и поклонении ей (Шутова Н.И., 2001, с.215-225). Женщины молились ей о рождении детей, девицы о благополучном замужестве. В честь этого божества проводили специальные празднества: одно общественное, когда все женское общество приносило ей в жертву белую овцу, а другое частное – домашнее, которое каждая хозяйка совершала по мере необходимости. Наиболее ранние источники – конца XVIII в. – свидетельствуют о женском обличье «Кылдысин», позже оно трансформировалось в мужчину. Существовало множество ипостасей Кылдычина: Му-Кылчин, обитающий внутри земли; Ву-Кылчин, живущий в местной воде; Нуны-Кылчин – покровитель младенцев; Ю-Кылчин – хранитель зерновых всходов; Юрт-Кылчин – хранитель домашнего хозяйства и т.д. (Шутова Н.И., 2001, с.218).

Кылдысин покровительствовал главной способности женщины – даровать жизнь. Он особо покровительствовал женщинам, беременным, родам, новорожденным. Если Кылдысин захочет – может сделать женщину беременной (Герд К., 1993, с.5). В.В. Напольских и С.К. Белых сообщают, что и сегодня, если ребенок плачет, унинские удмуртки говорят «кылдысин капризничает» (1993, с.173). Южные удмурты после рождения ребенка старались принести в жертву Нуны-Кылчину белого барана или барана с белыми пятнами (Шутова Н.И., 2001, с.201). При трудных родах роженницы обращались за помощью с молитвой к женской богине Калдык-мумы и ей обещалась какая-либо жертва (Герд К., 1993, с.49).

Родильные обряды бесермян также связаны с Кылдысином. Послед человека бесермяне называют «дорога Кылдысина». Хоронили послед в подполье, и это место особым образом охранялось. Послед считался оберегом человека на протяжении всей его жизни (Попова Е.В., 1998, с.46-49). По заключению Н.И. Шутовой, Кылдысин в древности предстал в образе прародительницы Матери, символизирующей творческое женское начало в природе, управляющей жизнью всей

Вселенной. В этом образе воплотилось единство всего мира, идея плодородия, вечного обновления, развития, смерти и нового рождения (Шутова Н.И., 2001, с.222).

Что касается времени использования антропоморфных родильных кукол, то судя по Тарасовскому святилищу, они были особенно популярны, главным образом, в конце ананьинского времени – в IV–III вв. до н.э., включая первые века н.э., и преимущественно на территории Среднего Прикамья. Севернее Гремячанского святилища их находки единичны.

В коллекции имеется еще одна группа предметов, отличающихся от статуэток ананьинского времени большими размерами, грубостью исполнения, четко выраженными геометрическими формами, скудостью орнамента. Они обнаружены на памятниках рубежа I–II тыс. н.э.: городище Анюшкар (табл.36–12-15; 39–2,3,7) Чашкинском II селище (табл.37–2), Рождественском городище (табл.37–1,3-8; 38; 39–1,4-6,8). Учитывая их существенные отличия от пластики ананьинской поры, очевидно, следует согласиться с Н.Б. Крыласовой, считающей их куклами-игрушками (2007, с.307-316).

У хантов куклы, используемые в реальной жизни девочками для игры, занимают срединное положение между родильными и погребальными. Они как у угров, так и у коми называются «акань» (Шарапов В.Э., 2002, Акань; Исаева Т.А., 2007, с.194-195). Кукла-игрушка появлялась у девочки в возрасте 3-4 года. Одновременно готовился мешочек, в котором игрушка должна находиться в неигровое время. Сами девочки начинали изготавливать куклы в 5-7 лет. Сначала размеры куклы не должны быть больше ладони и куклы увеличивались – росли вместе с девочкой. Создание кукол-игрушек контролировалось старшими родственницами. При этом не использовались дерево и металл, что было обязательным при изготовлении родильных и погребальных кукол. Но широко использовались ткани и шишки. Существовали правила создания кукол: нельзя было повторять образ чужих кукол, нельзя в куклах копировать конкретных живых людей во избежание принятия куклой его души. У хантов играть в куклы можно было только в светлое время суток и до 10-11 лет (Исаева Т.А., 2007, с.194-195). У коми нельзя было раздавать своих «акань» подругам – не будет семейного счастья и благополучия, нельзя давать куклам имена живых людей, нельзя обозначать у кукол черты лица (Шарапов В.Э., 2002).

Таким образом, глиняная пластика Прикамья не была однородной и изменялась во времени. Наиболее древними являются изображения животных. Они известны в Евразии с эпохи палеолита и до современности. В нашей коллекции они (медведь, кабан, животные не определенного вида) встречались от энеолита до начала II тыс. н.э. Фигурки лошади стали делать с IV–III вв. до н.э. Именно с этой поры она стала активно использоваться в хозяйстве населения лесного Приуралья. Глиняные изделия в виде дисков – атрибут раннеземледельческих обществ, свидетельства поклонению солнцу, использовались преимущественно в Среднем Прикамье в позднеананьинское и пьяноборское время. Глиняные амулеты редки и известны пока только на позднеананьинских памятниках. Самая многочисленная категория – глиняная пластика с антропоморфными чертами: собственно антропоморфы, призмы, цилиндры, конусы, шары представляли собой изображения животворящей Матери-прародительницы, обеспечивающей единство мира, его вечного обновления, плодородия и благополучия. По нашему мнению, они использовались в повседневной жизни, прежде всего, как родильные куклы и изготовление их женщинами было особенно популярно в IV–III вв. до н.э. в Среднем Прикамье. Наблюдается также некоторый всплеск интереса к глиняным игровым куклам у населения Верхнего Прикамья на рубеже I–II тыс. н.э.

Хотелось бы надеяться, что оригинальность и своеобразие глиняной пластики Прикамья будет еще долгое время притягивать к себе интерес исследователей и этот уникальный источник займет подобающее место в изучении истории духовной культуры населения Приуралья.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Тарасовское святилище наиболее активно использовалось, по-видимому, в IV–III вв. до н.э. По современной периодизации археологических этапов Прикамья это заключительный период ананьинской историко-культурной общности – один из важнейших по своим кардинальным изменениям и прогрессивности. К этому времени население Прикамья успешно освоило новое сырье – железо и достигло высокого уровня в развитии бронзолитейного дела, что явилось основой серьезных изменений в социально-экономической жизни общества.

К настоящему времени в Удмуртском Прикамье хорошо изучены памятники разных категорий этого времени: поселения, городища, селища и могильники. Поселения довольно часто содержат слои предшествующего времени, что подтверждает преемственность местных культур.

Ананьинские городища Удмуртского Прикамья (Зуево-Ключевское I, Каменный Лог, Галановское, Момылевское и др.) располагались на высоких, обрывистых берегах рек и были укреплены одной или двумя линиями обороны. Раскопки Зуево-Ключевского I городища показали, что первоначально оно возникло как селище. В VIII в. до н.э. жилища располагались лишь в северной части мыса. В конце V – первой половине IV в. до н.э. площадь поселения увеличилась до 33 тыс. кв.м и тогда же был насыпан вал и выкопан ров. В основании вала были устроены две параллельные, с интервалом 1 м, стены из вертикальных бревен. Общая ширина бревенчатого сгоревшего завала составляла более 2 м (Черных Е.М., 2009, с.77). Основной вал трижды был подсыпан и имел высоту до 3,5 м и ширину до 10 м. Перед валом был выкопан ров шириной 4,2 м и глубиной от уровня древней поверхности 2 м. По гребню вала был сооружен деревянный частокол. Общая высота преграды составляла около 8 м. По наблюдениям В.А. Иванова, укрепленные городища возникли раньше всего в низовьях р. Камы в связи с угрозой со стороны южных степных народов и постепенно распространились на север и восток (Иванов В.А., 1984, с.42).

Раскопки оборонительных сооружений на других ананьинских объектах (Алтен-Тау возле г. Перми) выявили, что ананьинские фортификационные системы были весьма совершенными для своего времени. На городище Алтен-Тау оборонительные системы трижды были разрушены неприятелем, что указывает на необычайно сложный характер отношений того времени. Первое, наиболее раннее ограждение представляло собой стену, сложенную из горизонтально уложенных березовых бревен, укрепленных вертикально вкопанными столбами. Нижние венцы были присыпаны землей. Эта стена сгорела (Борзунов В.А., 1997, с.171). Линия укреплений, сооруженная позже на месте сгоревшей стены, представляла собой вал шириной до 6,5 м, высотой 1,5 м и возведенную на нем стену из горизонтально положенных бревен. Стена окружала всю площадку. У южной оконечности вала были обнаружены остатки постройки (3x2,7 м) типа сторожевой башни. Вторая линия обороны также была разрушена в результате нападения. Спустя некоторое время, поверх прежней снова возвели линию укреплений, только более мощную. Как и прежде, по валу шириной до 8,5 м и высотой до 2 м шла бревенчатая стена. Внешняя сторона вала была укреплена каменной кладкой шириной до 3 м. Камни достигали в максимуме размеров 0,8x0,6x0,4 м и весили до 100 кг. Но и эти укрепления, и синхронный им поселок были разрушены (там же, с.176).

Ананьинские городища имели разную площадь – от 2 до 33 тыс. кв.м. Большая часть их была постоянно обитаема и выполняла роль территориальных центров. Маленькие же городки служили сторожевыми крепостями. На Зуево-Ключевском I городище исследовано несколько жилищ, выстроенных рядами, их разделяли улицы шириной до 15 м. В жилищах – наземных постройках прямоугольной формы, площадью 60-100 кв.м, вход устраивали с юго-восточной или восточной стороны, слева от входа и у стены, противоположной ему, располагали нары. Жилища отапливали 2-5 очагами, размещавшимися по центральной оси постройки. Некоторые из них служили для приготовления пищи, возле них находили скопления глиняной посуды, костей животных, рыбьей чешуи и косточек, створок раковин речных моллюсков, мясо которых использовалось в пищу. Некоторые очаги устраивались на специальной глиняной вымостке, иногда они были обставлены камнями (Черных Е.М., 2007, с.133).

Одним из наиболее изученных ананьинских могильников является Зуевский, расположенный в окрестностях Зуево-Ключевского I городища. Могильник бескурганый, на поверхности отметок не имел. Ряды захоронений вытянуты параллельно реке. Большинство могил неглубокие – 0,5-0,7 м,

ямы глубиной 1,1 м составляют лишь 5% от всех могил. Большая часть покойных уложена вытянуто на спине ногами к реке. На могильнике зафиксировано несколько погребальных обрядов: по способу труположения – индивидуальные и коллективные (в 14 могилах обнаружено 80 костяков, чаще всего, женщин и детей). Кроме того, известны впускные захоронения в уже занятую могилу, а также погребения черепов. Обнаружено несколько костяков без черепов. Документированных следов трупосожжений нет, но свидетельств проявления культа огня достаточно: обожженные камни в засыпи могил, следы обжига костей погребенных.

В четвертой части могил обнаружены предметы вооружения, которые могли использоваться и в повседневной жизни – бронзовые топоры-кельты, копья с бронзовыми или железными наконечниками, втоки – наконечники древков, боевые топоры-клевцы, короткие мечи-акинаки, лук и стрелы. Вероятно, воинами являлись практически все мужчины. Захоронения мужчин были богаче женских. Женские погребения сопровождалась медными бляшками, гривнами, браслетами, перстнями, иногда бусами, шильями, иглами. В могилы ставили глиняные сосуды с пищей и клали куски мяса: женщинам обычно говядину, мужчинам – конину. В центре могильника зафиксированы следы жертвенника из валунов и плитняка, где, видимо, проводились заупокойные обряды.

На ананьинских памятниках, особенно могильниках, обнаружено огромное количество бронзовых изделий: предметов вооружения, орудий, украшений. С.В. Кузьминых, один из ведущих исследователей древних бронз на территории России, так оценивает это обстоятельство: «Ананьинская культурно-историческая общность занимает особое место в ряду металлоносных культур I тыс. до н.э. на территории нашей страны. По обилию цветного металла и его роли в жизни общества с ней может сравниться только известная тагарская культура Южной Сибири. Лишь у этих двух евразийских феноменов бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета» (1983, с.3). По мнению С.В. Кузьминых, металлические изделия ананьинской общности были сделаны в трех технологических традициях: из чистой меди, сурьяно-мышьяковистых сплавов и оловянистых бронз. Ананьинское бронзолитейное производство, как считает С.В. Кузьминых, сформировалось на основе приказанского металлургического центра. Собственная рудная база – пермские медистые песчаники – была второстепенной. Основная масса изделий изготовлена из привозного металла – сурьяно-мышьяковистых сплавов и оловянистых бронз (1983, с.170-171). В VIII–VII вв. до н.э. ананьинцы получали металл и образцы оружия с Кавказа. Однако ананьинский металлургический очаг производил изделия сугубо местных форм (кельты, наконечники копий, тесла, ножи, разнообразные украшения) и функционировал в Волго-Камье в VIII–IV вв. до н.э. Он снабжал металлическими изделиями все Прикамье и прилегающее Поволжье. Ананьинские кельты встречаются в Западной Европе вплоть до Северной Швеции и Белого моря (Кузьминых С.В., 1983, с.174, рис.91). При этом далеко на западе встречались и формы для отливки ананьинских кельтов, что говорит о проникновении туда не только изделий, но и ананьинских мастеров. Уровень развития ананьинского металлообрабатывающего ремесла (многочисленность изделий, их широкий ассортимент и стандартизация, широкое территориальное распространение продукции) свидетельствует о выделении его в самостоятельную отрасль производства и указывает на существование хорошо организованной торговли продукцией ремесла и металлом. Под влиянием степного населения у ананьинцев появились новые, более совершенные виды наступательного оружия: бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые короткие мечи-акинаки, защитные доспехи, новые способы управления конем.

На рубеже V–IV вв. до н.э. вследствие прогресса в области производства железа в металлообработке произошел кардинальный скачок – бронза как основной материал была вытеснена из области изготовления орудий труда и оружия. Основные орудия стали делать из железа. Изготовление орудий труда из железа привело к революции в материальном производстве: появилась возможность расчищать лес на больших площадях, лучше обрабатывать почву и убирать урожай, земледелие стало одной из продуктивных форм хозяйства. Оружие, сделанное из железа, было более совершенным, появились длинные мечи, боевые топоры, новые, улучшенные варианты наконечников стрел и копий. Новые виды наступательного вооружения сделали войну успешным занятием. Не случайно ранний железный век – время широкого распространения войны как средства быстрого обогащения. Совершенствовались и защитные средства военного дела: панцири, кольчуги, шлемы, щиты и др.

Распространение железа стимулировало дальнейшую специализацию общинников. Выделились значительные группы производителей металлической продукции: металлурги, черновые и чистовые кузнецы. Только в железном веке стало возможным оформление ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства.

Ананьинская эпоха – это первый этап, когда можно уверенно зафиксировать определенный уровень развития земледелия. Поселения располагались поблизости от плодородных пойм. Наиболее ранней формой земледелия в условиях Прикамья была подсечно-огневая, при которой не требовалась вспашка земли, а лишь рыхление. Орудия рыхления в виде костяных наконечников палок-копалок обнаружены десятками. Известны и железные наконечники мотыг.

На ананьинских памятниках сохранилось не так много зерен злаков. При раскопках Луговской I стоянки были обнаружены зерна проса, на Новокабановском городище в низовьях р. Белой – зерна ржи, а в Ананьинском могильнике – семена конопли. На памятниках ананьинского времени находят железные серповидные ножи, предназначенные для сбора урожая. При переработке продуктов земледелия использовали каменные зернотерки, песты, терочники, во множестве встречавшиеся на поселениях.

На городищах обнаружено настолько большое количество костей животных, что А.А. Спицын называл эти памятники «костеносными». На поселениях преобладали (58-87%) кости домашних животных. Ананьинцы разводили крупный рогатый скот (около 30%), лошадей (30-40%), свиней (20-30%) и мелкий рогатый скот. Коров держали на мясо и для получения молока. Лошадь ананьинцы использовали как тягловую силу, она давала продукты питания и сырье для одежды, бытового инвентаря, обуви, других хозяйственных нужд. На Гремячанском поселении в бассейне р. Тулвы, расположенном совсем недалеко от Удмуртии, были собраны кости 15 коз и 80 овец. Поскольку среди овец было довольно много особей старше двух лет, вероятно, их разводили не столько для получения мяса, сколько для получения шерсти и меховых шкур (Андреева Е.Г., 1967, с.180). Именно ананьинцы впервые в Прикамье научились делать ткани из шерсти. Пряслица на поселениях ананьинского времени – одна из массовых находок. Только на Зуево-Ключевском I городище их найдено более 130 экземпляров.

Ананьинцы были и хорошими охотниками. Охотились преимущественно на пушных зверей: лисицу, куницу, соболя, белку, зайца, среди которых явно превалировал бобр. Пушнина заготавливалась специально для обмена на оружие, украшения, металл. Охотились с помощью луков и стрел, копий, рогатин, различных приспособлений и собак. На некоторых памятниках среди всех добытых зверей было больше всего медведей, которые давали и мясо, и шкуры и использовались при отправлении культовых обрядов. Только при раскопках А.Д. Вечтомова на Гремячанском поселении-святилище были собраны кости 55 медведей (Андреева Е.Г., 1967, табл.4). Охота велась и на различную дичь: глухарей, уток, гусей, цапель, лебедей, тетеревов. Больше всего среди добытых птиц оказалось глухарей и уток (там же, с.184).

Находки на поселениях чешуи, рыбьих позвонков, костяных гарпунов и медных рыболовных крючков убедительно свидетельствуют о развитии рыболовства. По данным ихтиологов, в Каме в то время ловили стерлядь, осетра, тайменя, белорыбицу, щуку, леща, голавля и другие виды рыб.

Формирование экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, дающей возможность иметь стабильные запасы продуктов питания, подготовило основу для мощного скачка производительных сил в истории Прикамья. Это проявилось прежде всего в увеличении численности населения. Резко возросло число ананьинских поселений, увеличились их площади. Циклический характер земледелия и скотоводства, высвободивший часть времени жителей Прикамья от производства продуктов питания, способствовал развитию металлообработки, костерезного дела, искусства. Неудивительно, что именно в ананьинское время появились шедевры бронзолитейного производства, великолепные образцы костерезного дела: рукояти с изображениями волков, медведей, лосей, птиц, орнаментированные костяные лопаточки, костяные гребни с изображением голов баранов. Ананьинский звериный стиль имел свои характерные особенности – наряду с широко распространенными мотивами степного скифо-сибирского искусства (изображения оленя, пантеры, барса и др.) использовались и образы представителей лесной фауны (лося, медведя, волка, птиц) (Корепанов К.И., 1990, 1996).

Многоотраслевая экономика способствовала накоплению избыточного, а затем и прибавочного продукта в виде скота, пушнины, металла, металлических изделий, оружия, дорогих украшений и других престижных ценностей. Накопленные богатства можно было отобрать силой. Грабеж давал возможность быстрого и легкого обогащения. Не случайно, именно в ананьинское время в Прикамье появилось так много оружия и формы его все более совершенствовались. Эпизодические столкновения приняли характер массовых. Победители забирали все ценности: скот, оружие, металл, сокровища, рабов. Изменилась психология древнего человека: грабеж, разбой – почетное занятие, мирный труд – ущербное дело для мужчины-воина. Реакцией на изменение характера межобщинных отношений было возникновение городищ как средства потенциальной обороны накопленных ценностей. Появление их на всей территории ананьинской общности свидетельствует о нестабильной обстановке внутри ананьинского общества, о стремлении родственных групп к переделу территорий и собственности.

Неспокойная обстановка вызвала к жизни институт вождей, которые выполняли несколько функций. Прежде всего, они, будучи военными предводителями, не только осуществляли военные операции, но и руководили разделом добычи. В то же время они были организаторами и мирной, трудовой жизни общинников. О появлении вождей в ананьинском обществе свидетельствуют материалы погребальных памятников. Например, в одной из могил Зуевского могильника был найден богатый набор оружия: копье, боевой топор-чекан, наконечники стрел, в другой – наконечники стрел, копье, кинжал, топор-кельт. О существовании вождей говорит и появление парадных секир, одна из которых найдена у с. Галаново Каракулинского района Удмуртии (табл.24–4). Она представляет собой бронзовый топор, весом 460 г, с лезвием, обухом и отверстием для рукояти. Длина предмета – 18,5 см, ширина по втулке – 3,3 см, ширина лезвия – 3,7 см, ширина обуха – 3,3 см, его высота – 2,8 см, диаметр втулки – 2 см. Обух выполнен в виде оскаленной морды волка, хорошо обозначены пасть, клыки, прижатые к голове уши. Вздыбленная шерсть на гриве подчеркнута линией зубчиков по верхней грани предмета. А на голове волка изображена сова, с хорошо выраженными ушами, глазами, лохматой бородой, клювом-крючком, лапами. Мастер сумел так составить композицию, что раздутые ноздри волка одновременно являлись округлыми, выступающими наружу ушами птицы, а уши зверя – подогнутыми птичьими лапами, охватывающими втулку топора. К клюву совы могли быть привязаны какие-то ленточки, шнурочки, дополнительные детали, имеющие важное значение для психологического воздействия на людей. Сочетание устрашающей оскаленной морды волка и спокойной мудрой совы убеждает в том, что галановская секира – атрибут сильной и мудрой власти. Известно, что в Древней Греции сова была символом углубленного познания и мудрости. Сова была посвящена Афине – богине мудрости и справедливой войны, которую называли «совоокой». Изображения сов чеканились даже на монетах.

Галановская секира – одна из десяти известных науке ананьинских секир. Семь из них были найдены: на р. Пинеге, притоке Северной Двины (2 экз.), на Воткинском городище, на Пашурском I городище (Удмуртия), на городище Кара-абыз в Башкирии, в окрестностях г. Юрюзань на Южном Урале и у пос. Курган Соликамского района Пермского края. На обухе большинства секир изображена голова волка с оскаленной пастью, а втулку завершала голова грифона. Ни одна из секир не похожа на другую, являясь оригинальным и уникальным изделием (Кузьминых С.В., 1983, с.143-145).

При публикации галановской секиры Р.Д. Голдина отнесла ее к VI–IV вв. до н.э. (1999, с.200), ориентируясь на анализ 5 подобных ананьинских секир, выполненный А.М. Тальгреном и датированных им V–III вв. до н.э. При этом А.М. Тальгреном отмечал высокое художественное и техническое мастерство изделий и указывал в качестве возможного центра производства Среднюю Каму (Tallgren A.M., 1937). Кроме того, Р.Д. Голдина учитывала и мнение ведущего ананиеведа нашего времени С.В. Кузьминых, который отнес парадные секиры к VI–IV вв. до н.э. (Кузьминых С.В., 1983, с.145).

Следует признать заслуживающими внимания аргументы, выдвинутые С.А. Васильевым, который обратил внимание на существенные отличия галановской секиры от других: отсутствие выступающей втулки и замену грифона изображением совы (филина). По его мнению, эти признаки позволяют считать галановскую секиру типологически более поздней и датировать ее III–II вв. до н.э. (Васильев С.А., 2002, с.116-117). Учитывая соображения А.М.Тальгрена, С.В. Кузьминых

и С.А. Васильева, наверное, будет более правильным определять время создания этого шедевра ананьинской эпохи IV–III вв. до н.э.

В последнее время стали известны еще две парадные секиры ананьинского времени. Одна из них найдена у с. Слудка под Сыктывкарком (Археология Республики Коми, 1997, рис.13-1, с.346), а вторая – в Каракулинском районе Удмуртии, без указания точного места находки (Берлин А.В., 2010, с.150-162).

Для нас особый интерес представляет экземпляр из Каракулинского района Удмуртии. Галановское городище и найденная возле него секира также располагаются в этом же районе и занимают пограничное положение между районами, рядом с Тарасовским святилищем (Сарапульский район Удмуртии). Вполне возможно, что и эта секира, получившая название каракулинская, также происходит из этой же или близкой местности. Она была найдена в 2007 или 2008 г. где-то на р. Каме. Ее характеристики близки галановскому топору: вес – 468 г, длина – 18,6 см, ширина обуха – 3,7, высота обуха – 2,5, ширина лезвия – 4,0, диаметр втулки – 2,2х2,8 см. Боковые поверхности обуха секиры украшены плоскими изображениями головы грифона с круглым выпуклым глазом, спирально закрученным клювом и перьями, схематично обозначенными пятью почти параллельными линиями (Берлин А.В., 2010, с.150-162).

Что же касается центра производства ананьинских парадных секир, то становится все более убедительным мнение А.М. Тальгрена о Средней Каме. Ведь именно здесь обнаружены 4 секиры из 10: Галановская, Каракулинская, Воткинская и Пашурская. К этому же кругу близки Карабызская и Юрюзанская. Мысль, высказанная А.М. Тальгреном в 1937 г., подтверждается современными материалами.

О галановской и других ананьинских парадных секирах речь идет не случайно. Дело в том, что галановская секира была найдена в 5 км от Тарасовского святилища и все окрестные одновременные памятники представляют собой единый комплекс, занимающий прикамское побережье на протяжении 15-20 км. На юге этой территории, ниже Тарасовского святилища располагалась группа памятников возле с. Галаново. Здесь известно городище, площадью 4200 кв.м, защищенное хорошо сохранившимся валом и рвом. Мощность слоя на его западном склоне достигает 1 м. Вокруг городища выявлены 3 селища и в разное время собраны местными жителями различные бронзовые и железные изделия, украшения, предметы вооружения и обломки глиняной посуды (Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011, с.31, 59-60, 96). Городище не изучалось – на нем молодые посадки сосняка. Вокруг Тарасовского святилища выявлено более десятка, скорее всего, одновременных селищ. В 7 км выше по течению р. Камы от Тарасовского святилища располагается еще одно скопление одновременных ему памятников: Момылевское городище и 5 селищ. Городище защищено валом и рвом, а также эскарпом по склонам. Мощность слоя на склонах достигает 2 м. Проведенными исследованиями обнаружены несколько жилищ и хозяйственных ям I тыс. до н.э. (Пастушенко И.Ю. Отчеты 1996, 1999 гг.). Таким образом, Тарасовское святилище использовалось для отправления культовых церемоний населением, проживавшим на побережье р. Камы, в ареале не менее 15-20 км. Центром этой группировки ананьинцев было, по-видимому, Галановское городище. Именно в его окрестностях найдена Галановская секира – реальное свидетельство существования института вождества в ананьинском обществе. Поскольку ни одна из 10 известных сейчас ананьинских секир не найдена в могильниках, вероятно, их, как символ административной, военной и жреческой власти, не укладывали в могилу умершего вождя, а передавали следующему.

Вожди, наряду с организацией трудовой жизни, защитой от врагов, военных предприятий, одновременно, скорее всего, были и жрецами, и шаманами и колдунами. Различными магическими обрядами, культовыми церемониями они обеспечивали гармонию коллектива в природном и социальном мире. Наиболее крупные культовые мероприятия календарно-обрядового цикла, связанные с важнейшими этапами хозяйственных работ, военными действиями, эпидемиями проводились, очевидно, на общетерриториальных (Тарасово), а также на общепоселенческих (Зуевы Ключи, Гремяча) культовых местах. При этом, по-видимому, каждая семья и любой человек имели право и возможность приносить индивидуальные жертвы (промысловые, лечебные, родильные, погребальные и другие) как на семейных, так и на общих жертвенных местах.

Перемены в экономике приуральского общества на рубеже V–IV вв. привели к изменениям в демографической ситуации – увеличилась плотность населения (число поселений) и их площадь

(например, площадь Зуевключевского I городища выросла до 33 тыс. кв.м). Вероятно, не случайно возросла и культовая активность – возникали не только общепоселковые (Зуевы Ключи I, Аргыж), но и общетерриториальные крупные святилища (Тарасово, Гремяча).

На последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание, потому что, видимо, масштабы культовых действий и потребность в них настолько возросли, что возникла необходимость обособления специально выделенного, топографически выдающегося места для отправления религиозных культов одновременно большим числом участников (Тарасовское святилище). При этом, место святилища понималось как локус, пограничный между мирами, где проводились обряды, связанные с приношением жертв. Жертва (от жрѣѣти) указывает на связь с языческими требами и, прежде всего, с кормлением духа, божества. Жертвоприношение – часть собственности, добровольно передаваемая людьми сверхъестественным силам и магический обряд, совершаемый с целью умилоствления адресата, получения от него помощи, защиты, здоровья и других жизненных благ или в благодарность за исполнение просьбы (Бушкевич С.П., 1999, с.208). Остатки, исследованные на святилищах, в том числе и Тарасовском, в усеченном виде указывают на характер и объем жертвоприношений.

Распределение типов глиняной пластики по памятникам Верхнего и Среднего Прикамья (табл.Ж) показывает, что в большинстве случаев количество типов на одном памятнике невелико (от одного до трех).

Таблица Ж. Распределение типов глиняной пластики на памятниках Прикамья*

№№	Название памятника	Типы											
		медведи	лошади	кабан	животные?	женщины	антропоморфы	призмы	цилиндры	конусы	шары	диски	амулеты
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Тарасовское святилище	+			+		+	+	+	+	+	+	+
2	Зуево-Ключевское I городище						+	+	+	+		+	
3	Юшковское городище		+				+	+	+				
4	Гремячанское святилище						+	+	+			+	
5	Чеганда I городище				+			+		+			
6	Аначевское городище							+					
7	Уяндык I селище				+				+				
8	Уяндыкское городище							+					
9	Серенькино городище		+					+		+			
10	Подгорно-Байларское III селище							+					
11	Аргыжское городище								+	+		+	
12	Быргындинское II городище							+					
13	Быргындинское IV поселение	+										+	
14	Быргындинское V поселение											+	
15	Момылевское городище							+	+			+	
16	Яромасское городище							+					
17	Усть-Сарапульское селище							+					
18	Усть-Нечкинское городище							+				+	
19	Калиновское городище								+				
20	Мало-Никольское I городище							+					
21	Югокамское костище						+						
22	Мокинские селище и могильник							+				+	+
23	Субботинское I городище							+					

№№	Название памятника	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
24	Заурчимское I поселение							+	+			+	
25	Половинное I селище							+	+				
26	Петровское I селище								+				
27	Гляденовское городище (костище)							+		+			
28	Баш-Култаевское городище					+							
29	Березовское поселение						+			+			
30	Конецгорское селище						+	+	+				
31	Скородум селище										+		
32	Васюковское II поселение						+						
33	Чашкинское II селище								+				
34	Рождественское городище							+	+				
35	Анюшкар городище							+	+				
36	Назаровское городище			+					+	+			
37	Среднее Шадбегово III поселение				+								
38	Кочуровское IV поселение				+	+							
39	Усть-Курийское поселение	+											

* Включены памятники, где типы определены

Это еще раз подтверждает индивидуальный, личностный характер изготовления этих предметов и использования их в семейном культе. Каждый предмет готовил один человек по особому, известному ему случаю. Лишь четыре памятника выбиваются из общего ряда, где число типов превышает четыре (Гремяча, Юшковское городище), пять (Зуевы Ключи) и девять (Тарасово). Разнообразие типов на Тарасово объясняется тем, что святилище использовалось большим коллективом систематически в течение длительного времени. Относительно Зуевых Ключей и Гремячи также нет сомнений в функционировании на них жертвенных мест. Что же касается Юшковского городища, на котором небольшие исследования проводил в 1913 г. Л.А. Беркутов (сейчас памятник сильно залесен и разрушен), то, вероятно, это был еще один объект Среднего Прикамья, на котором когда-то существовало мощное святилище.

Подобные процессы – возникновение особых общетерриториальных святилищ – отмечены в это же время и в более северном регионе – Пермском Приуралье, где расположены Югокамское и Гляденовское костища. Здесь не позднее V в. до н.э. возникли долговременные общетерриториальные культовые места (Лепихин А.Н., 2007, с.112). Первоначально такие объекты появились в Среднем Прикамье (Гляденовское, Югокамское), а затем – с переселением гляденовского населения на север и в Верхнем (Гаревское, Усть-Туйское, Ильинское, Останинское, Панкрашинское и др.). Костища имели свою специфику: размещение на возвышенных площадках, мощный слой золы и угля, специальные жертвенники, скопление сырых и обожженных костей, обилие жертвенных чашечек, обломков бытовой посуды. Еще более выразителен иной материал: большое количество наконечников стрел: железных – более 1300, костяных – около 3000, бронзовых – 20; ножей – около 600; изображений человека – около 140; собак, волков и лис – более 500, медведей – более 20, змей – 65, ящериц, многоножек, жуков – 16, птиц – 125, пчел – 94 экземпляра (Лепихин А.Н., 2007, с.62-102). Во многих случаях натуральные предметы, изготовленные из железа, заменены миниатюрными копиями. Например, наконечники стрел имели длину 25 мм, ножи – 30-40 мм, топорики – 27-70 мм, наконечники копий – 53-81 мм. Из других категорий изделий следует отметить височные подвески (68 экз.), различные бляшки (741 экз.) и бусы (более 6600).

Отличительной особенностью костищ гляденовско-ломоватовского населения было использование жертвоприношений преимущественно домашних животных (Усть-Туй: КРС – 41,01%, лошадь – 39,53%, свинья – 12,84%, МРС – 5,77%). При этом наблюдалось специальное измельчение костей, связанное, возможно, с особыми магическими действиями, призванными содействовать при возрождении увеличению численности стада. По данным Е.Г. Андреевой, кости домашних животных с Усть-Туйского и Югокамского костищ меньше по размерам, чем на выборках с одновременных поселений, что свидетельствует об использовании при жертвоприношениях более слабых животных (Андреева Е.Г., 1982, с.143).

Обращает на себя внимание присутствие среди костей большого числа черепов животных, а чаще – нижних челюстей со срезанными скуловыми частями. На Гляденовском костище их найдено от лошадей – 12, от медведей – 9 экз. Как считал А.Н. Лепихин, именно в нижней челюсти помещалась душа и жизненная сила животного (Лепихин А.Н., 2007, с.165). Находки костей диких животных, особенно крупных – медведей, лосей, северных оленей, а также росомх, барсуков, птиц и рыб единичны.

Несмотря на определенную близость памятников этого рода Удмуртского и Пермского Прикамья, между ними есть существенная разница. Если в Среднем Прикамье, в том числе и на Гремячанском святилище, были многочисленны глиняные культовые изделия, то на костищах Пермского Прикамья они единичны (Гляденово – 3, Югокамск – 1). Зато на пермских костищах обнаружено огромное количество металлических изображений людей, животных, пресмыкающихся, насекомых. Будущим исследователям надлежит найти этому явлению достойное объяснение.

Со временем, по мере усложнения культовой практики, святилища стали узко специализированными. В Южной Удмуртии в местечке Чумойтло Р.Д. Голдиной в 1976 г. было раскопано жертвенное место XI–XII вв. (Голдина Р.Д., 1987, с.84-106). Здесь на высоком, живописном мысу, на берегу р. Валы на площади около 500 кв.м был исследован слой мощностью более полуметра, насыщенный раздробленными сырыми и кальцинированными костями. На самом высоком месте раскопаны остатки неоднократно отремонтированной культовой бревенчатой прямоугольной постройки с тамбуром. В ней располагались следы нескольких кострищ, на которых сжигались части туш жертвенных животных.

Среди 3 тысяч собранных кальцинированных костей, по определению А.Г. Петренко, преобладали кости лося (52,4%), северного оленя (31%), немногочисленны кости бобров (7,1%), медведей (7,1%), косуль (2,4%). Сожжение жертвенных животных иногда производилось вне постройки, так как на площади раскопа встречались отдельные кострища, очаги из плит песчаника, зольники. Во время молений некоторые части жертвенных животных варили и съедали, о чем говорят сильно раздробленные кости, оставленные на жертвенном месте. Возможно, какие-то части, например, челюсти, просто оставляли в качестве подарка богам. В результате вокруг постройки образовалось сплошное месиво из костей: ребра, челюсти, трубчатые кости, лопатки, копыта были разбросаны без всякого порядка. Из 60 тысяч сырых, необожженных костей (193 особи) определены кости лося (96 особей, 72,48%), северного оленя (33 особи, 16%), бобра (7 особей, 3,1%), медведя (12 особей, 2,25%), косули, барсука, лисы, куницы. Кости домашних животных единичны.

В слое сырых костей встречались фрагменты керамики от разбитых сосудов, наконечник копья, костяные предметы быта, несколько украшений, костяные наконечники стрел и заготовки. Но особенно много было незавершенных железных наконечников стрел: у них не был оформлен до конца шиловидный черешок. На одном участке обнаружено скопление из 33 таких наконечников. Судя по составу костей жертвенных животных (незначительное число домашних и преобладание промысловых животных), по характерным подаркам духам (наконечники стрел) это было жертвенное место охотников, которые с помощью молений, колдовства, магических обрядов хотели увеличить охотничью добычу, закрепить ее успех. Как показали раскопки жертвенного места Чумойтло, несмотря на длительные земледельческие и животноводческие традиции, в XI–XII в. охотничьи обряды продолжали сохраняться в Южной Удмуртии. На этом жертвенном месте зафиксированы и остатки человеческого жертвоприношения середины I тыс. н.э. (тело было разрублено пополам).

Итак, к настоящему времени в Среднем Прикамье накоплен богатейший материал по культовым памятникам различных эпох. Авторы данной работы надеются, что публикуемые материалы позволят хоть в малой степени способствовать изучению сложнейшей проблемы – состояние и эволюция духовной культуры древнего населения Приуралья.

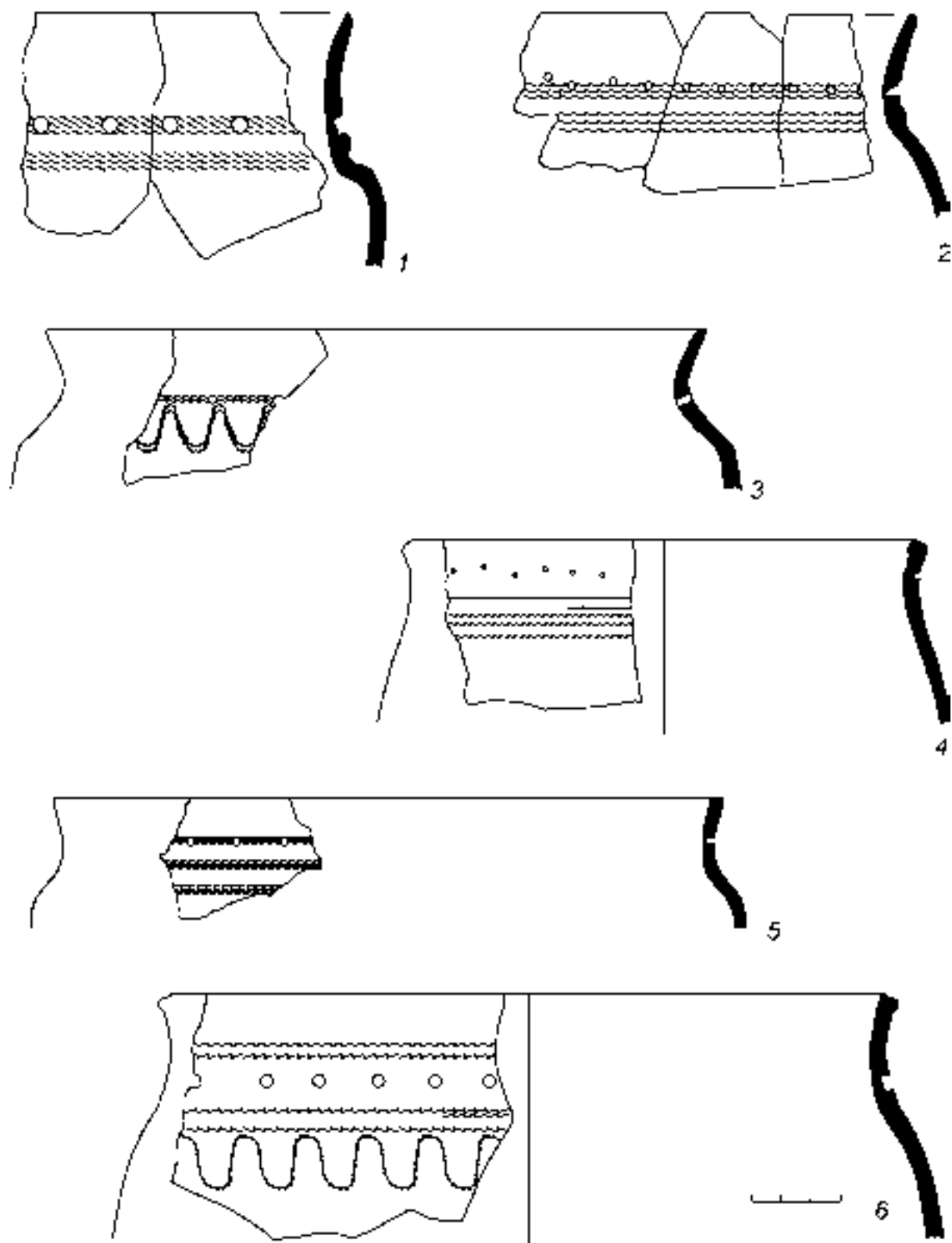

Табл. 1. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

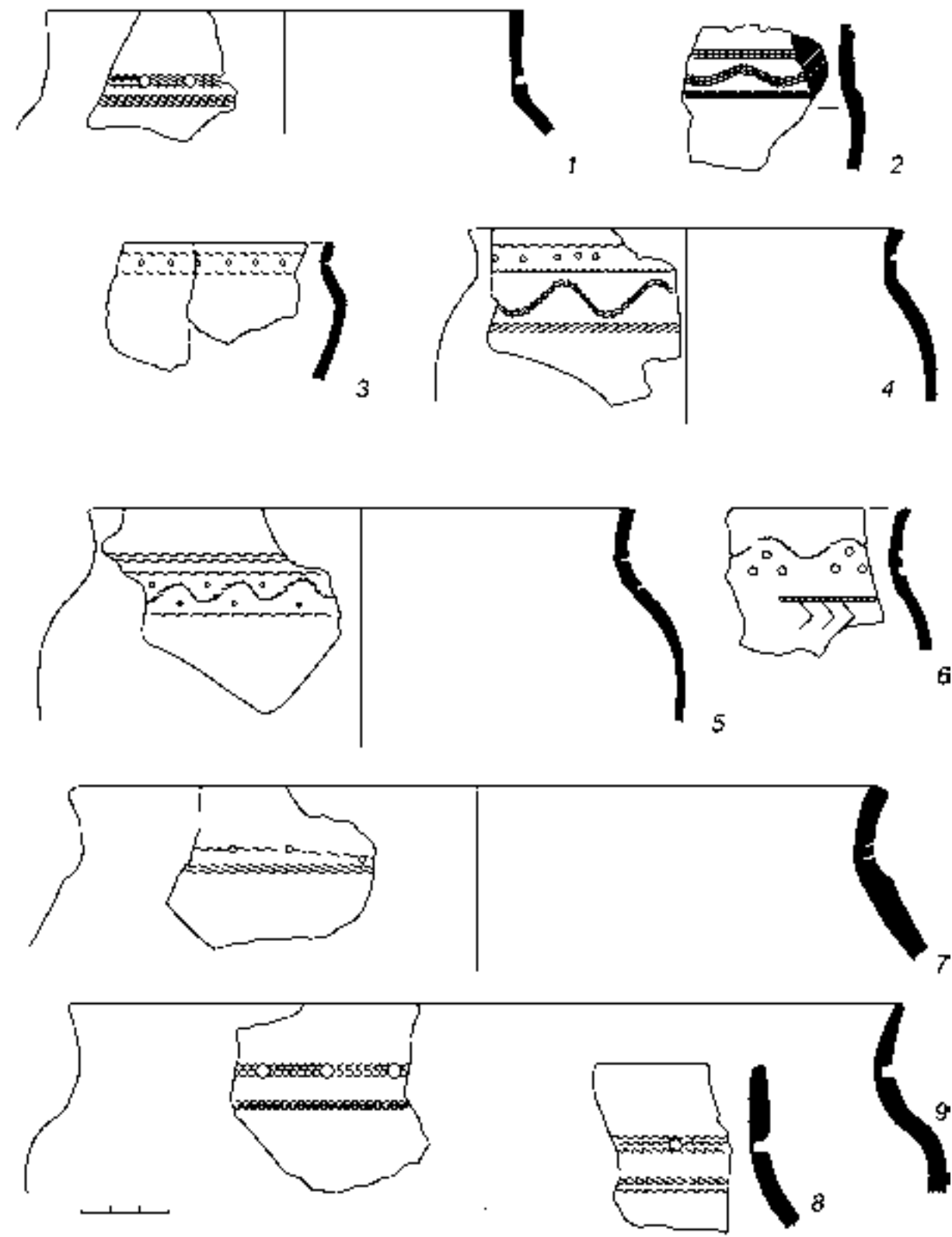

Табл. 2. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

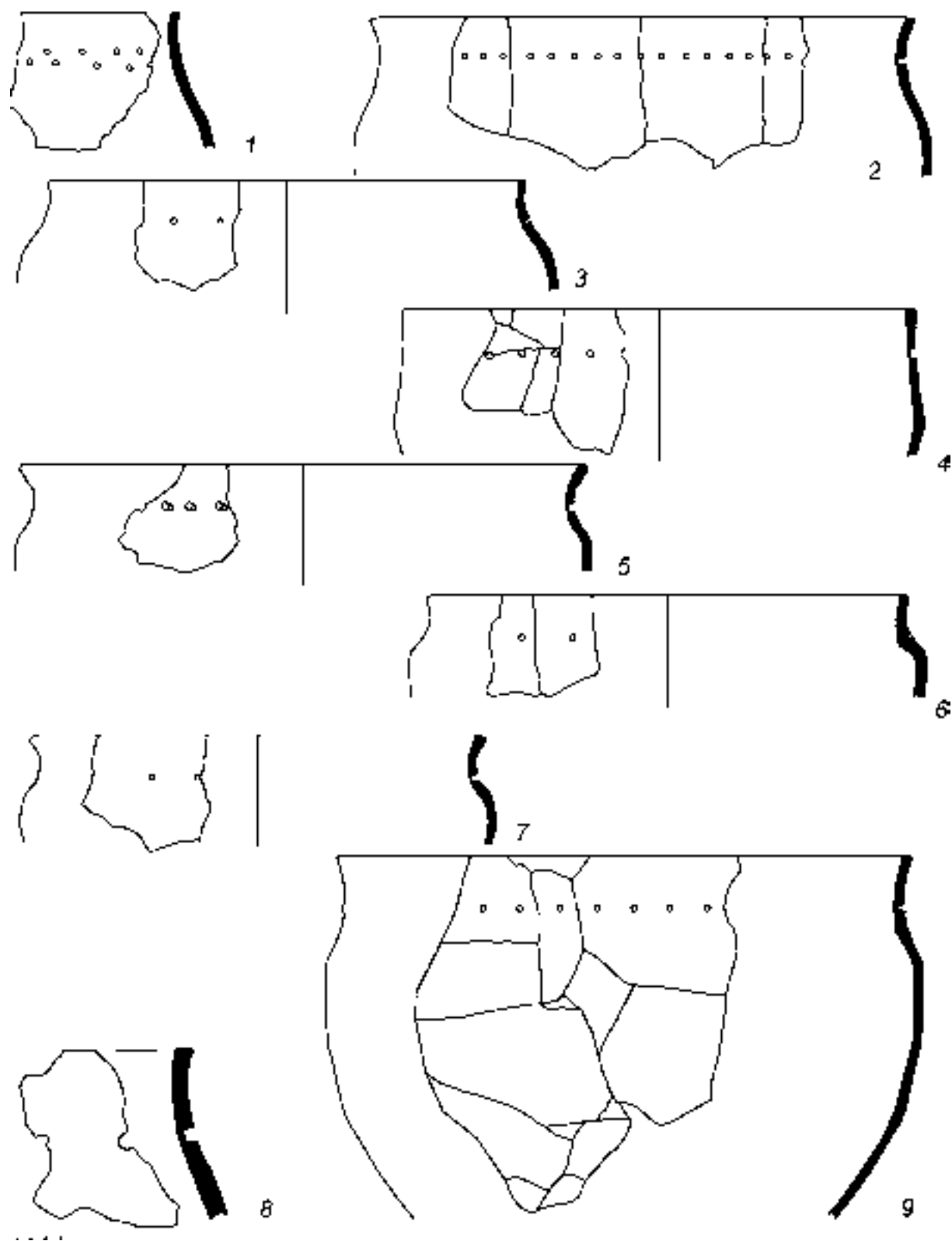

Табл. 3. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

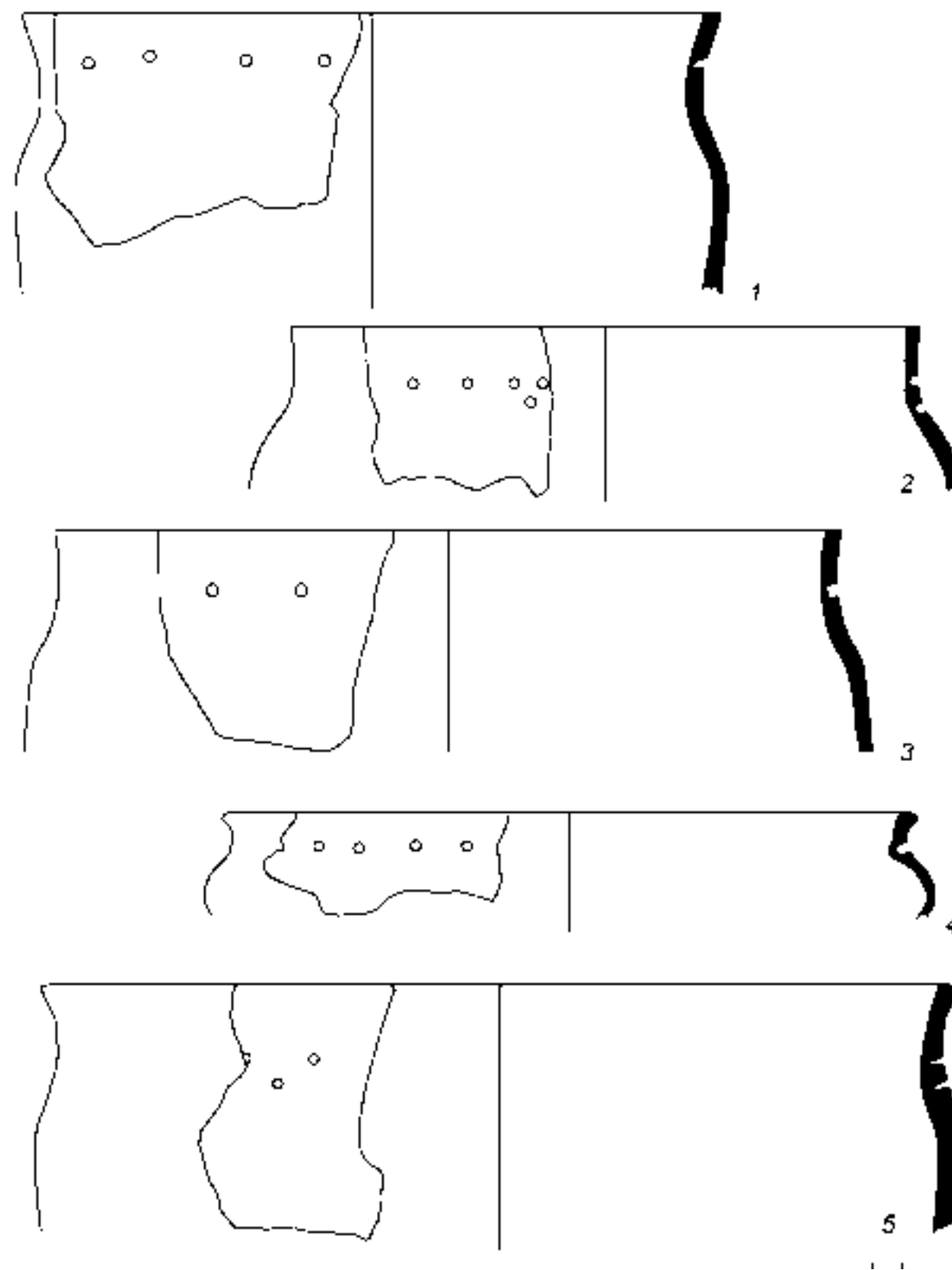

Табл. 4. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

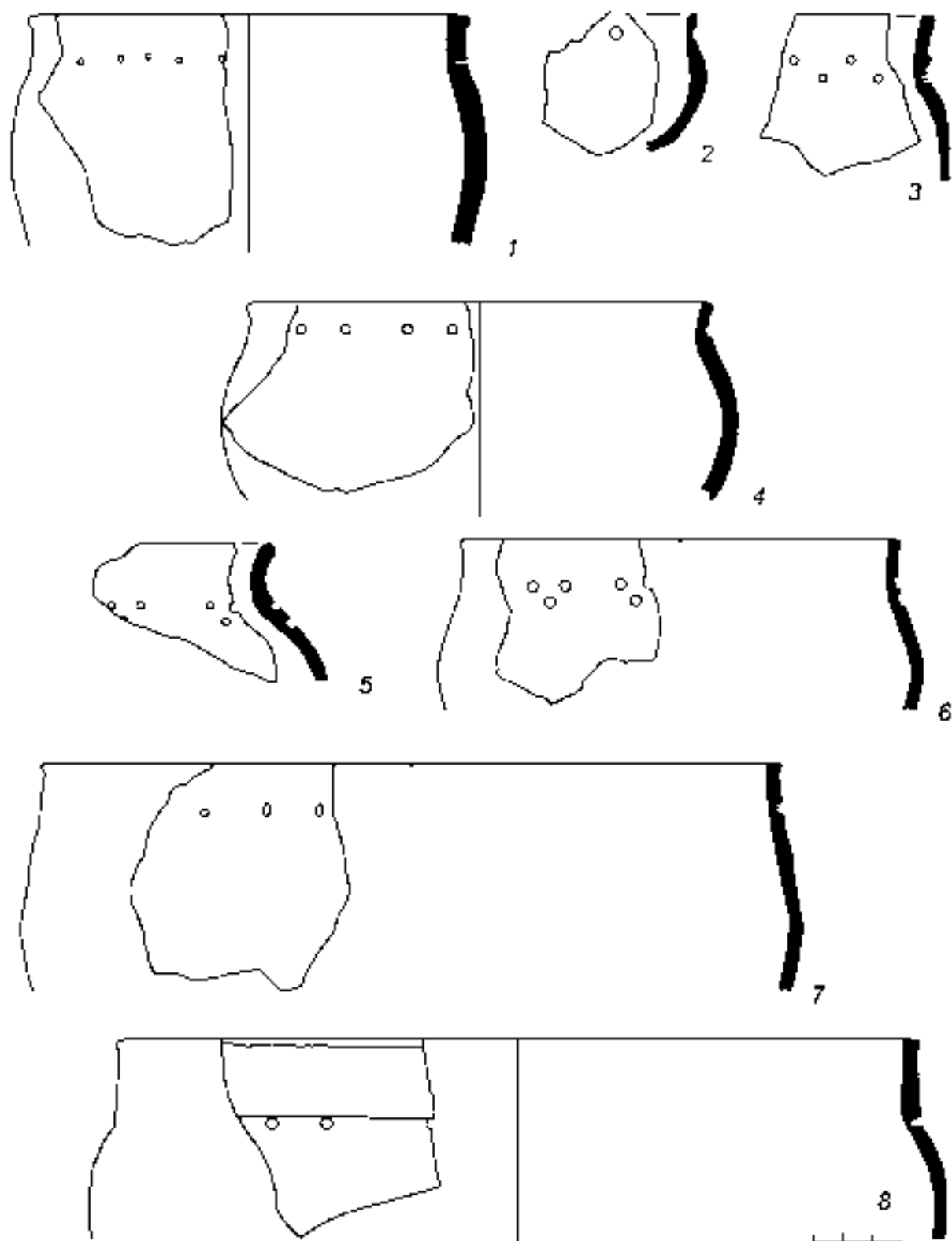

Табл. 5. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

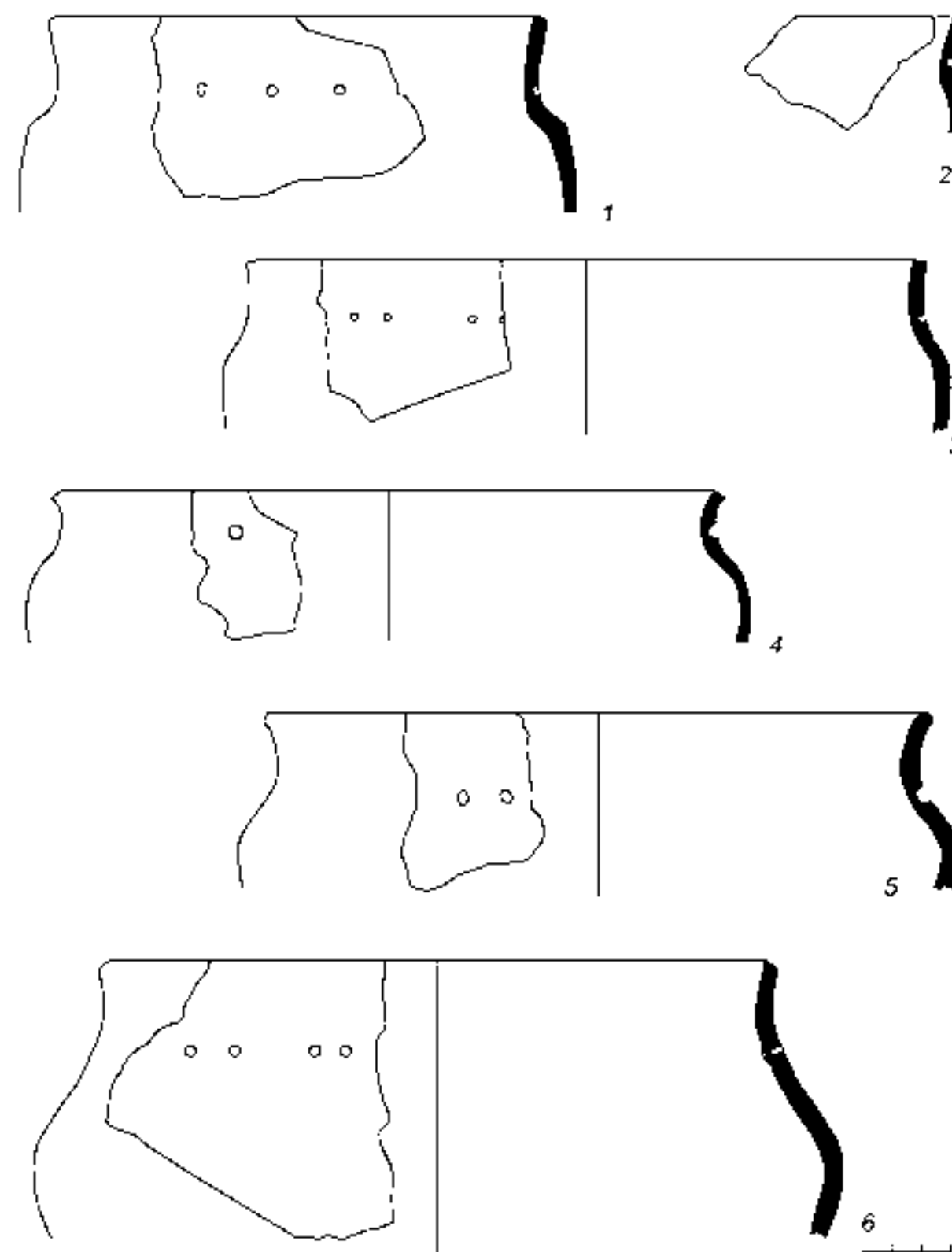

Табл. 6. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

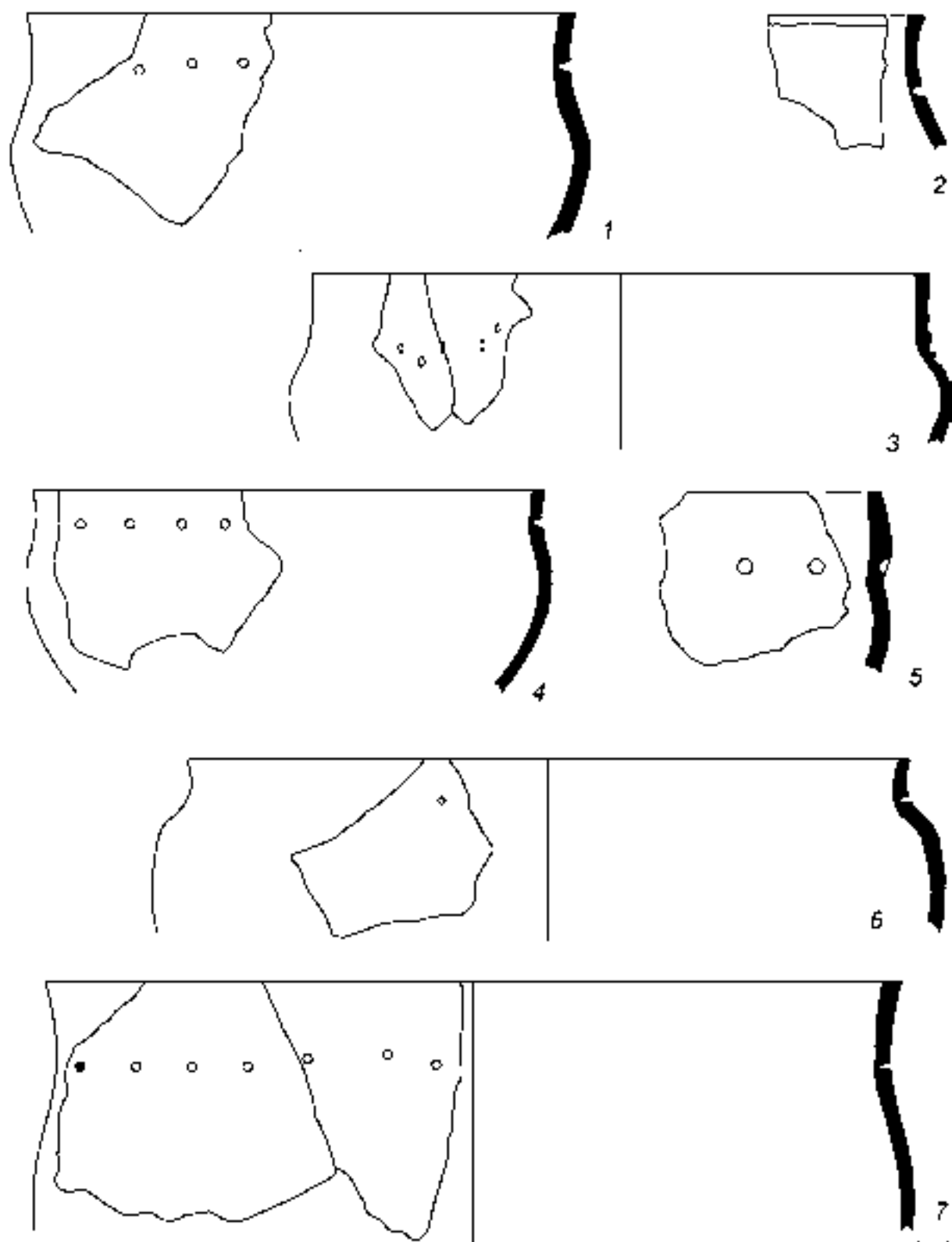

Табл. 7. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

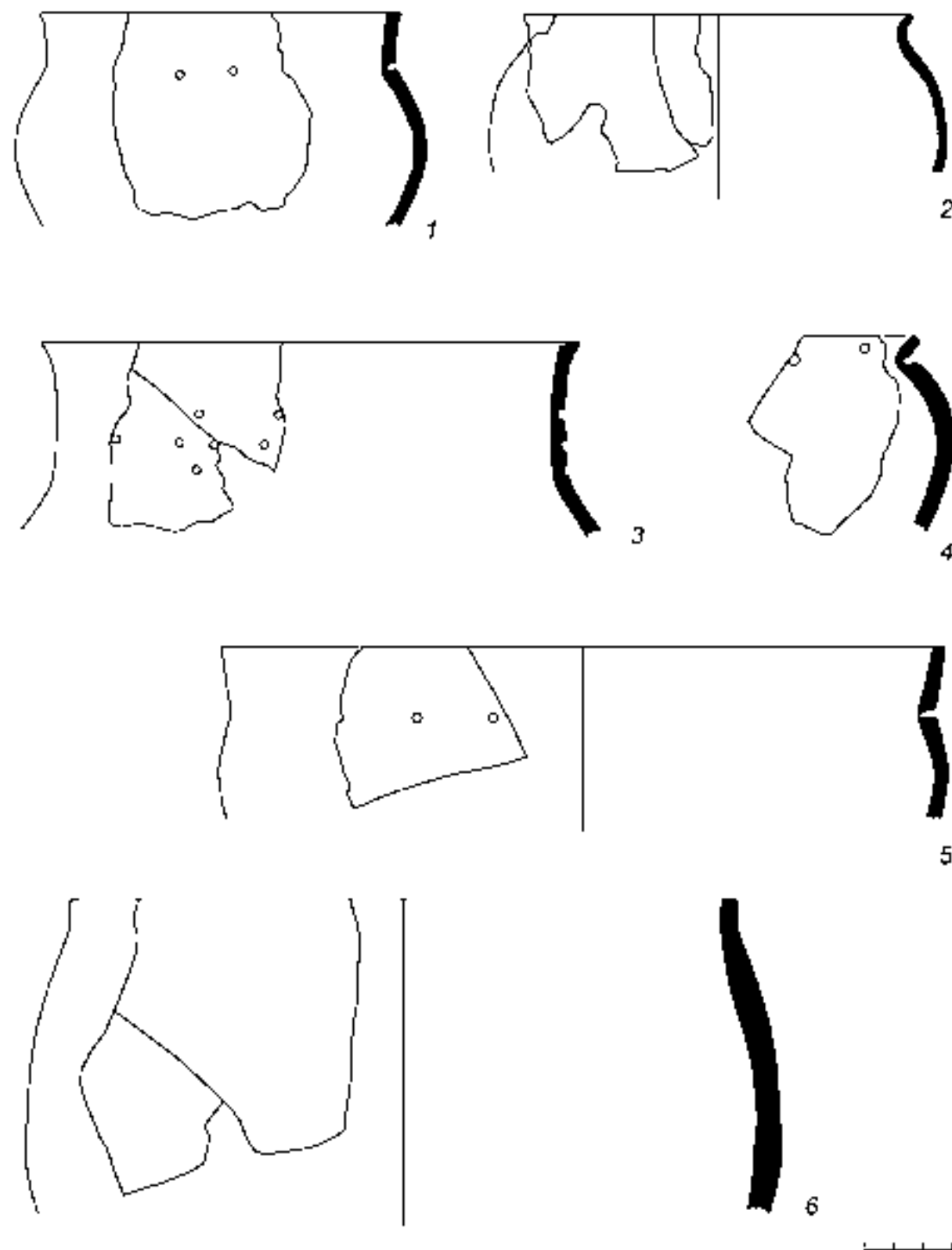

Табл. 8. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

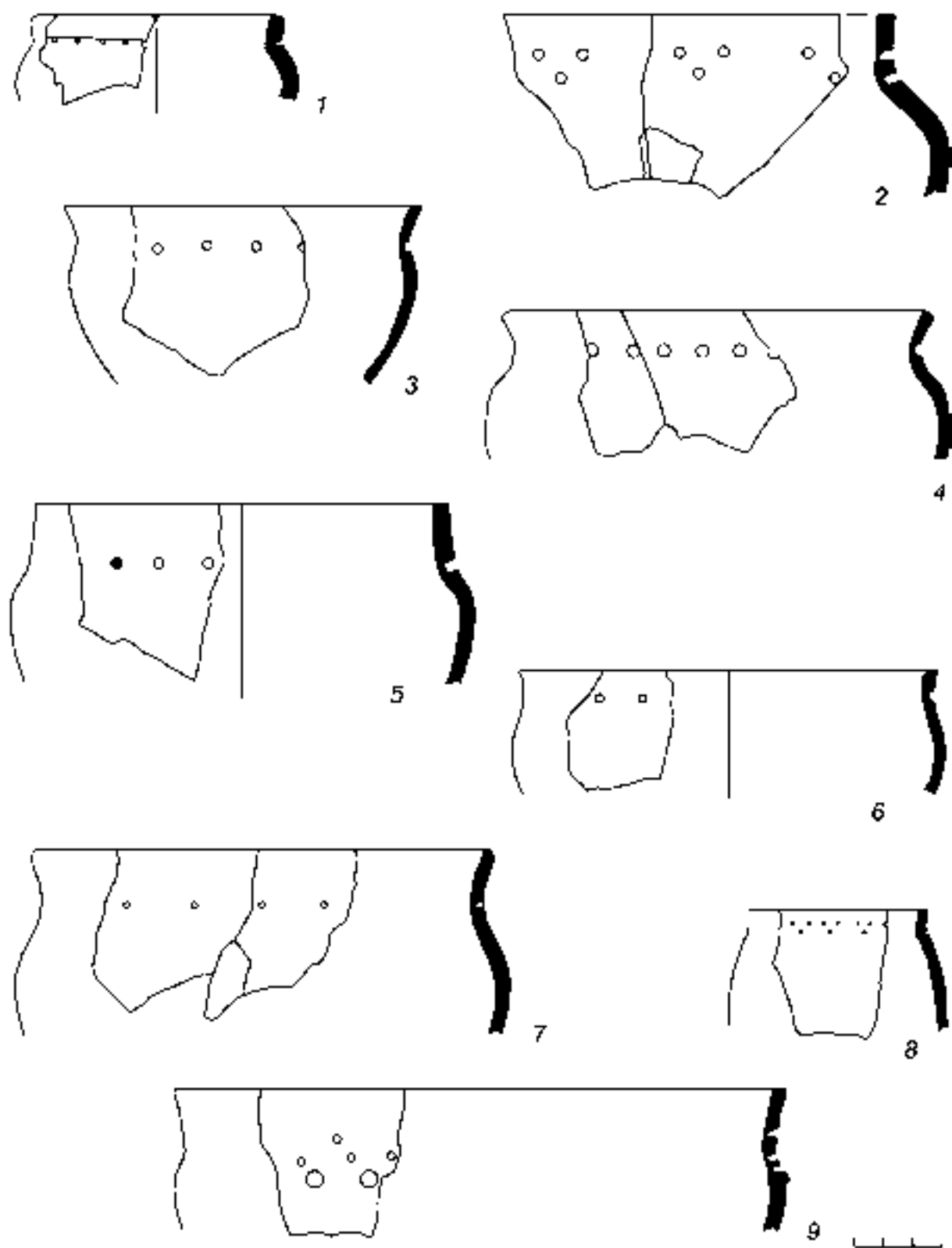

Табл. 9. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

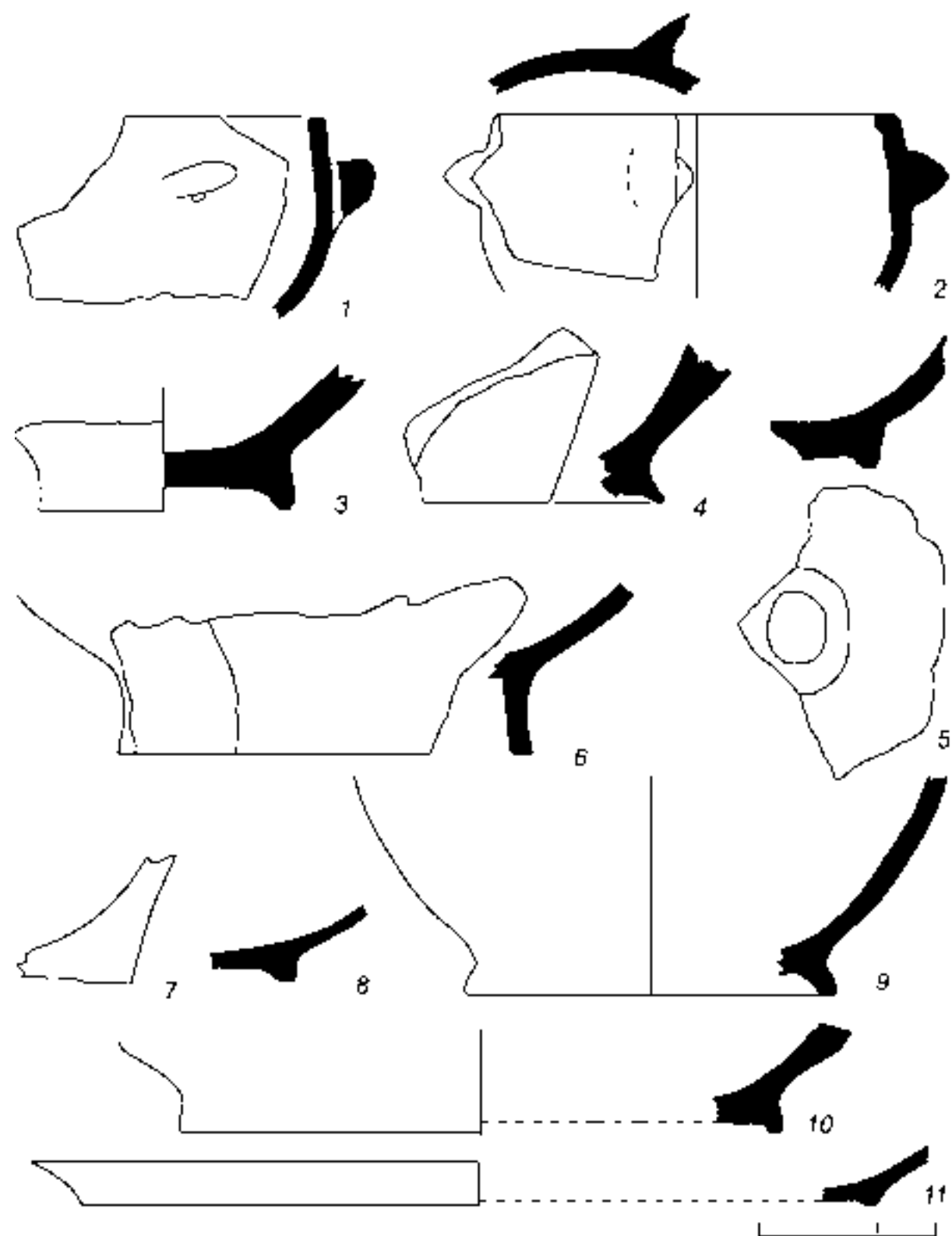

Табл. 10+. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

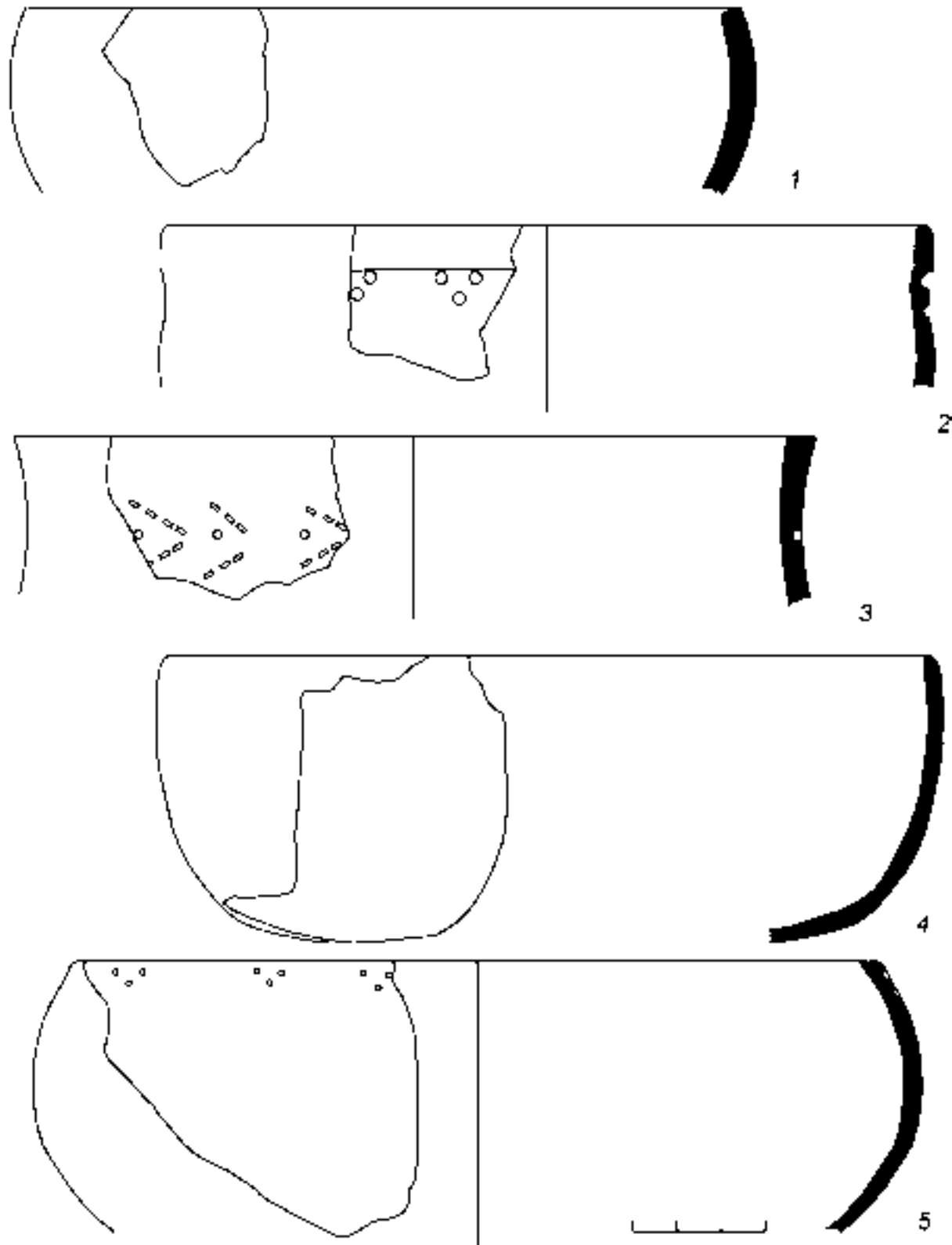

Табл. 11. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

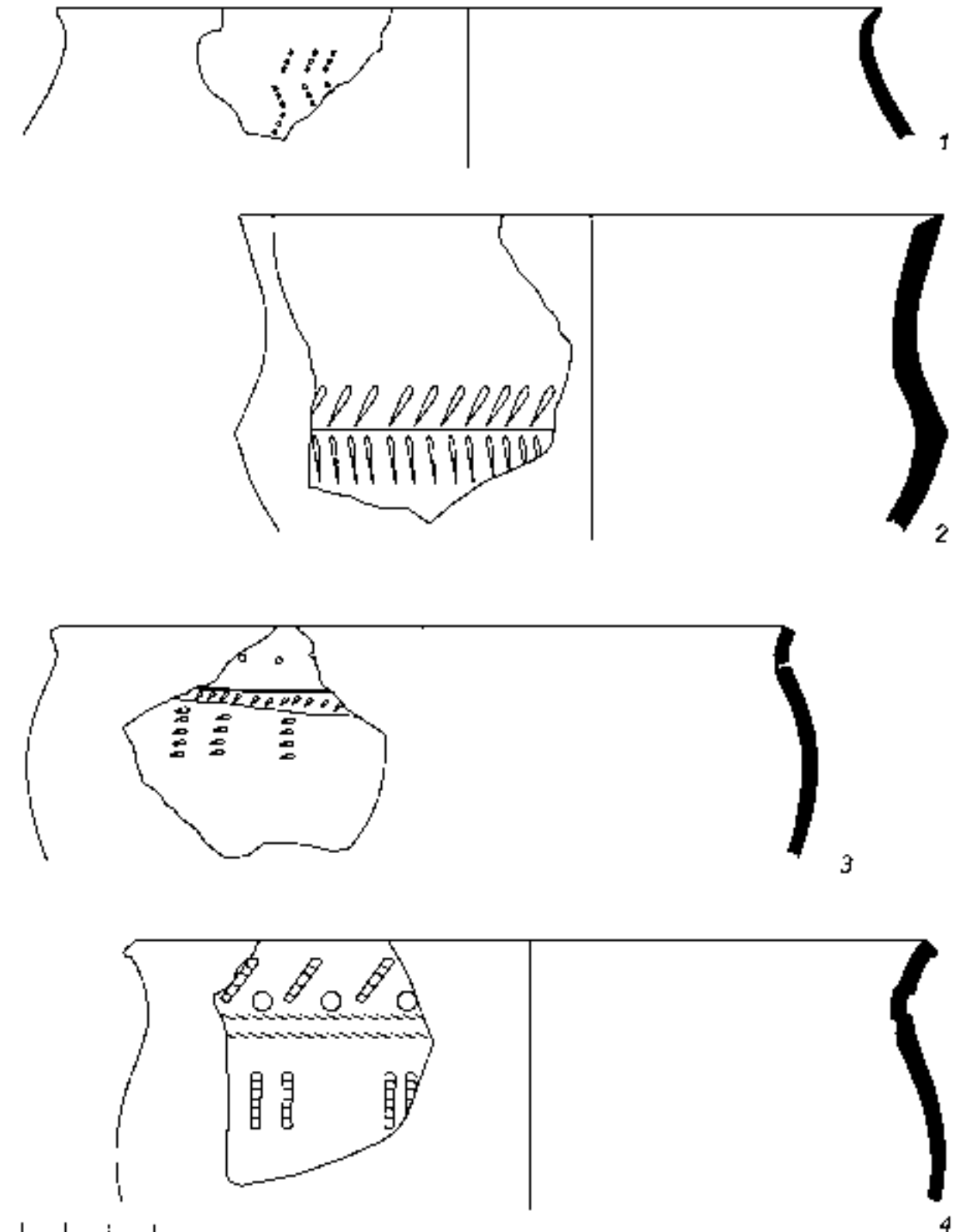

Табл. 12. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

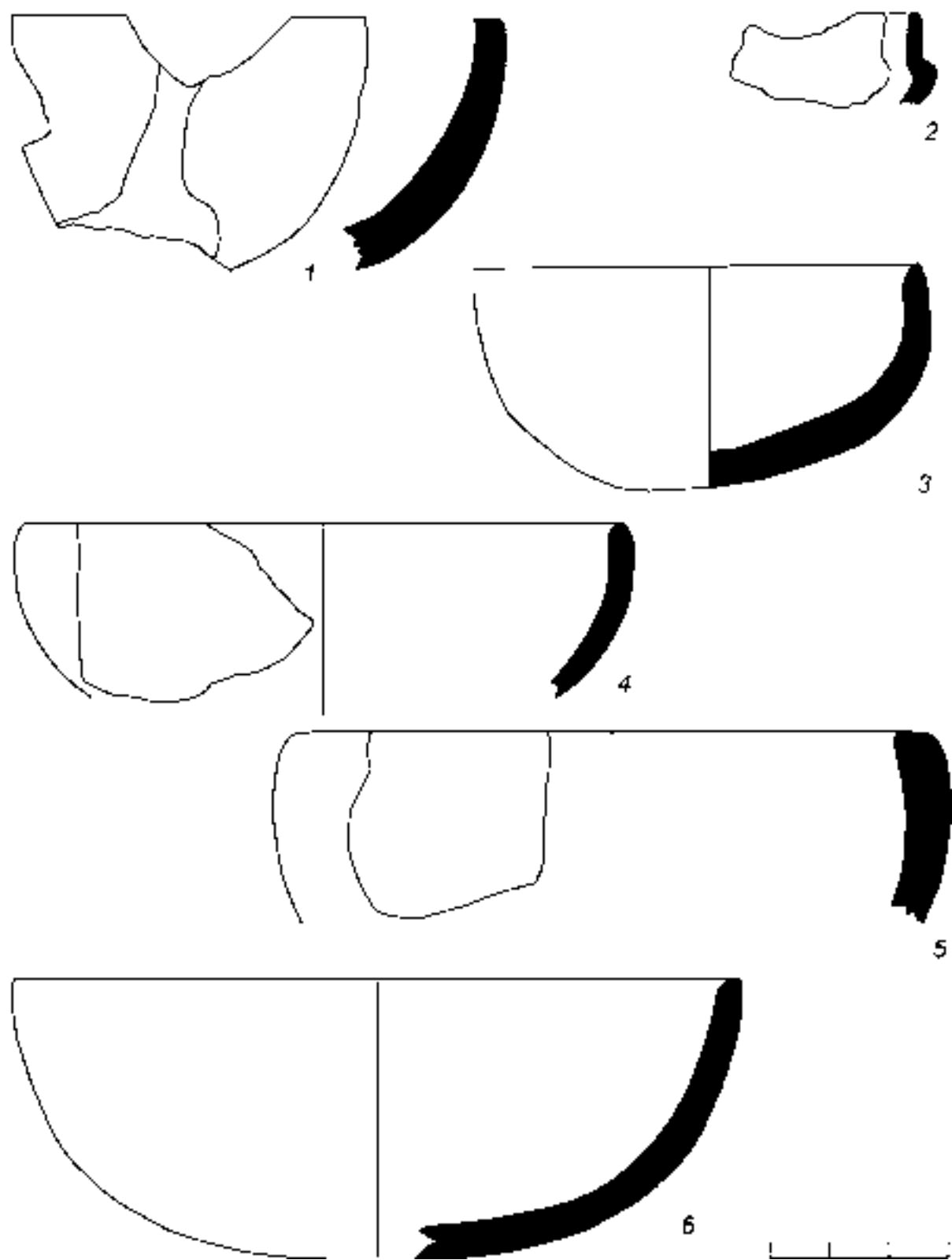

Табл. 13. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

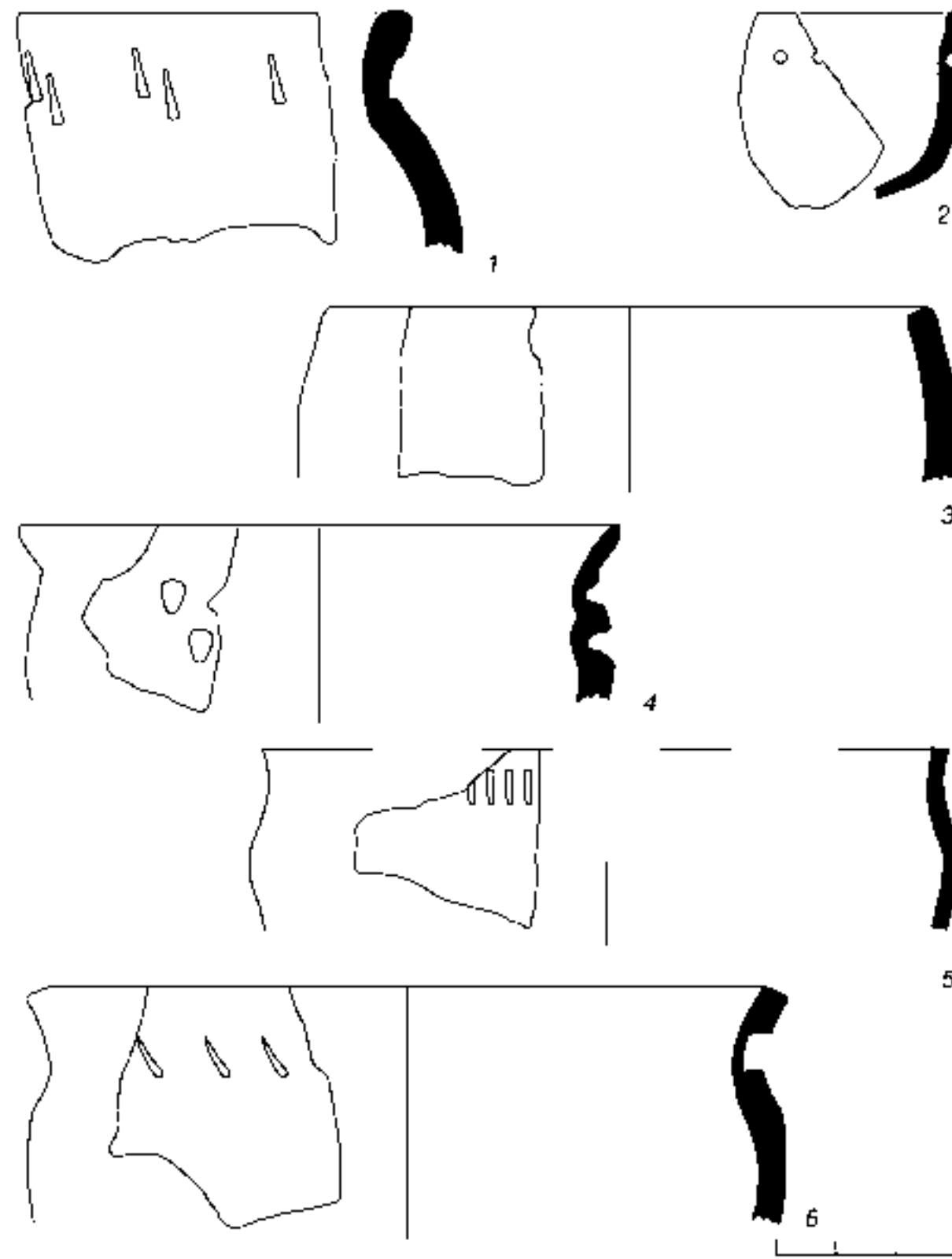

Табл. 14. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

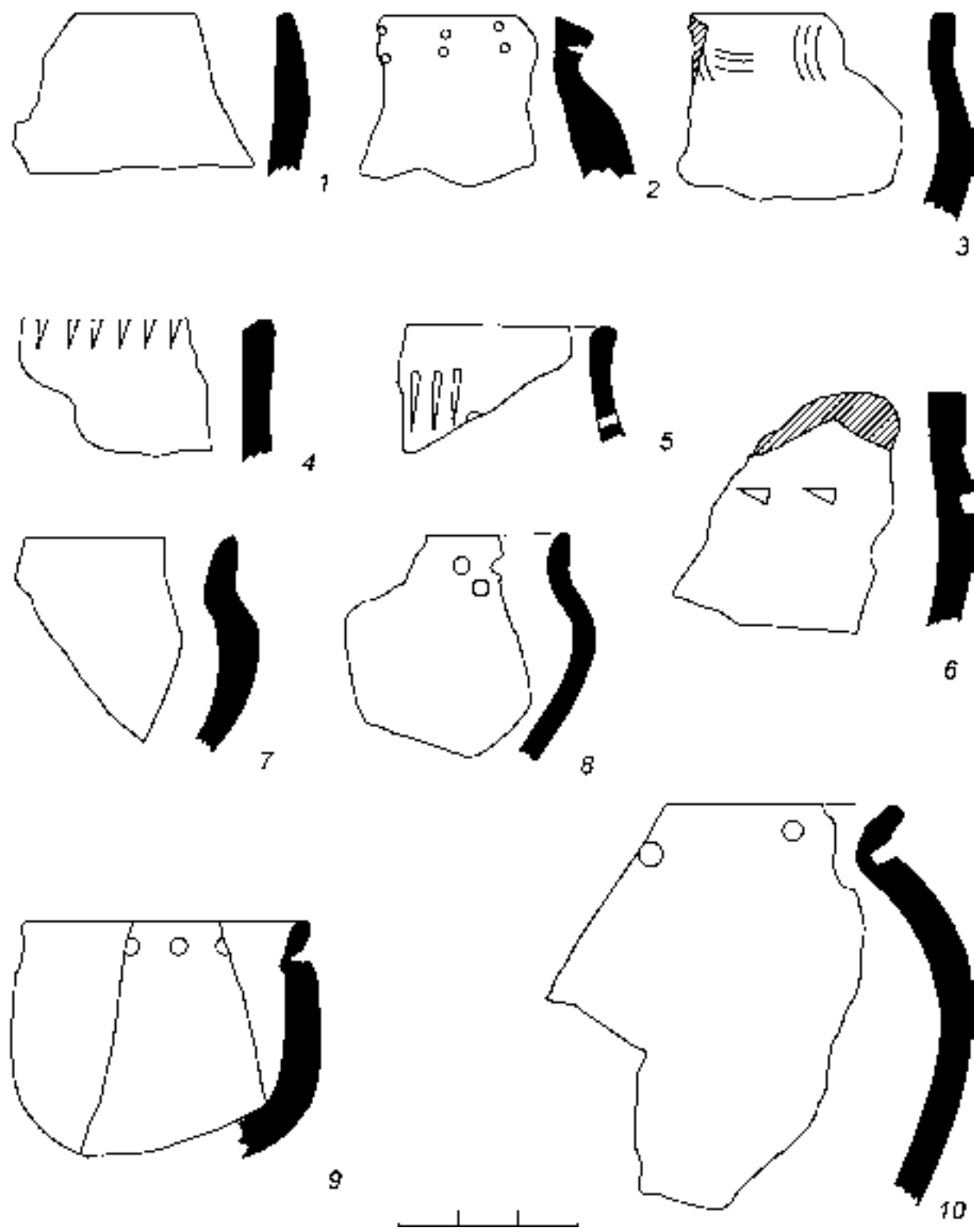

Табл. 15. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

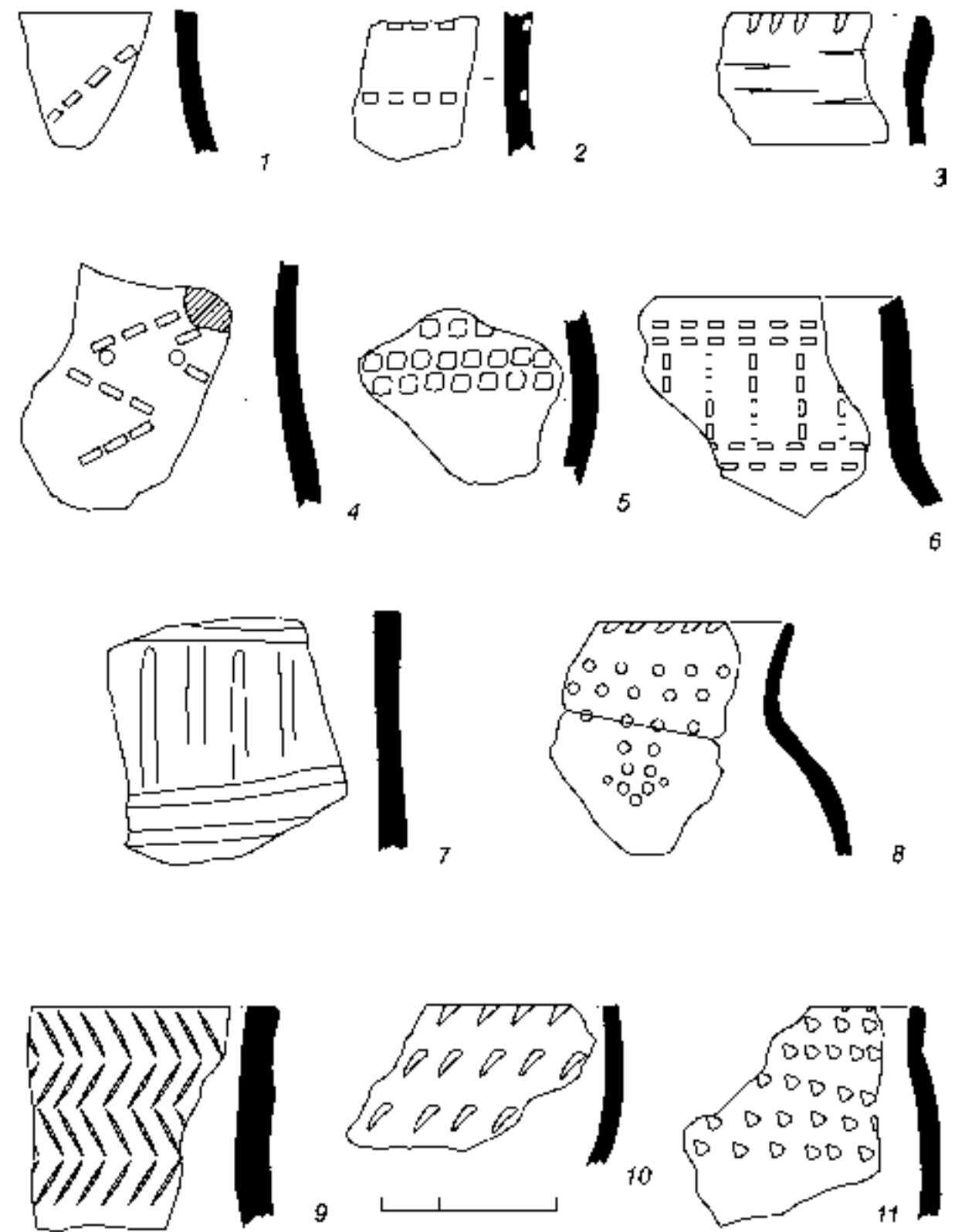

Табл. 16. Тарасовское святилище. Глиняная посуда

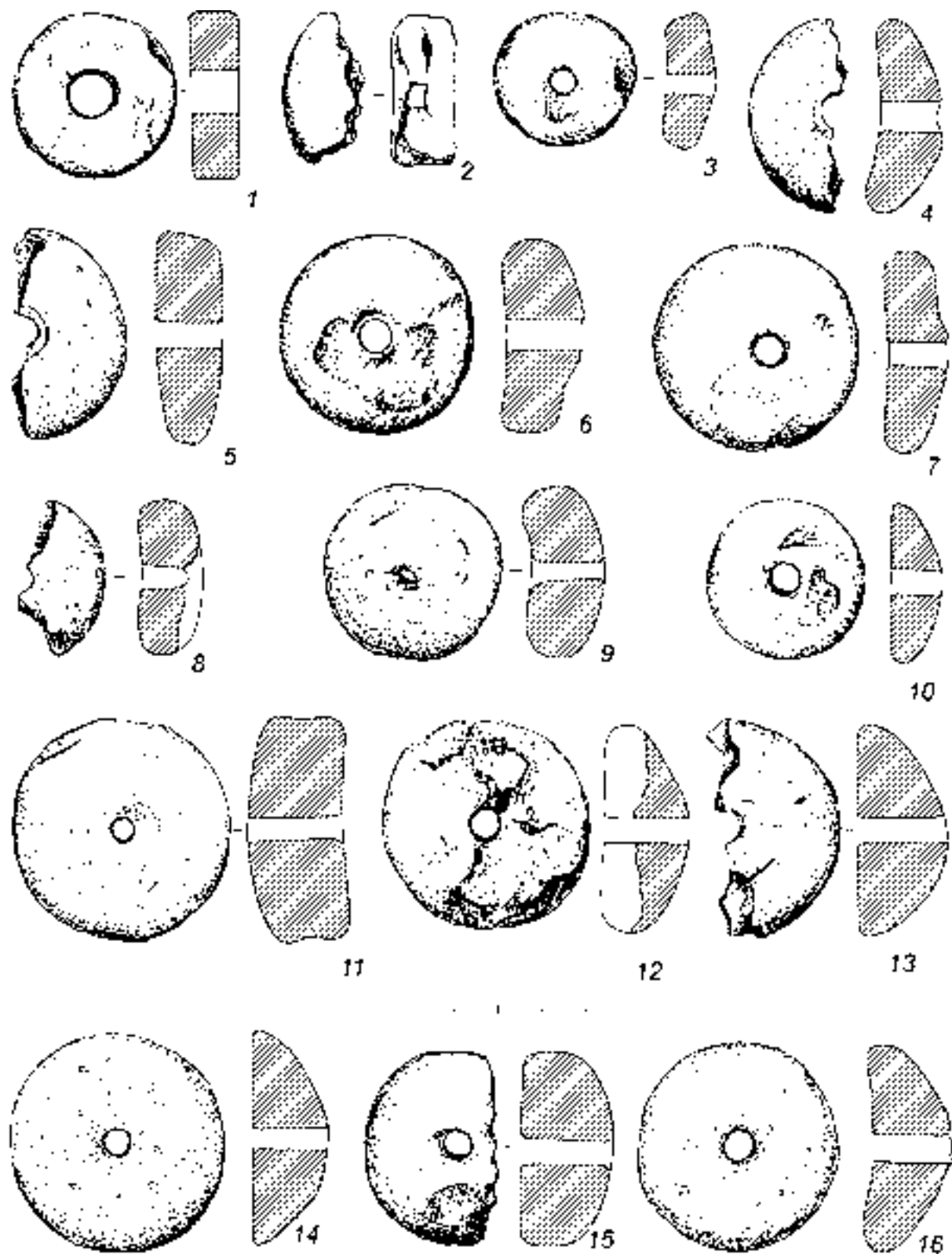

Табл. 17. Тарасовское святилище. 1-16 – пряслица. 1-16 – глина

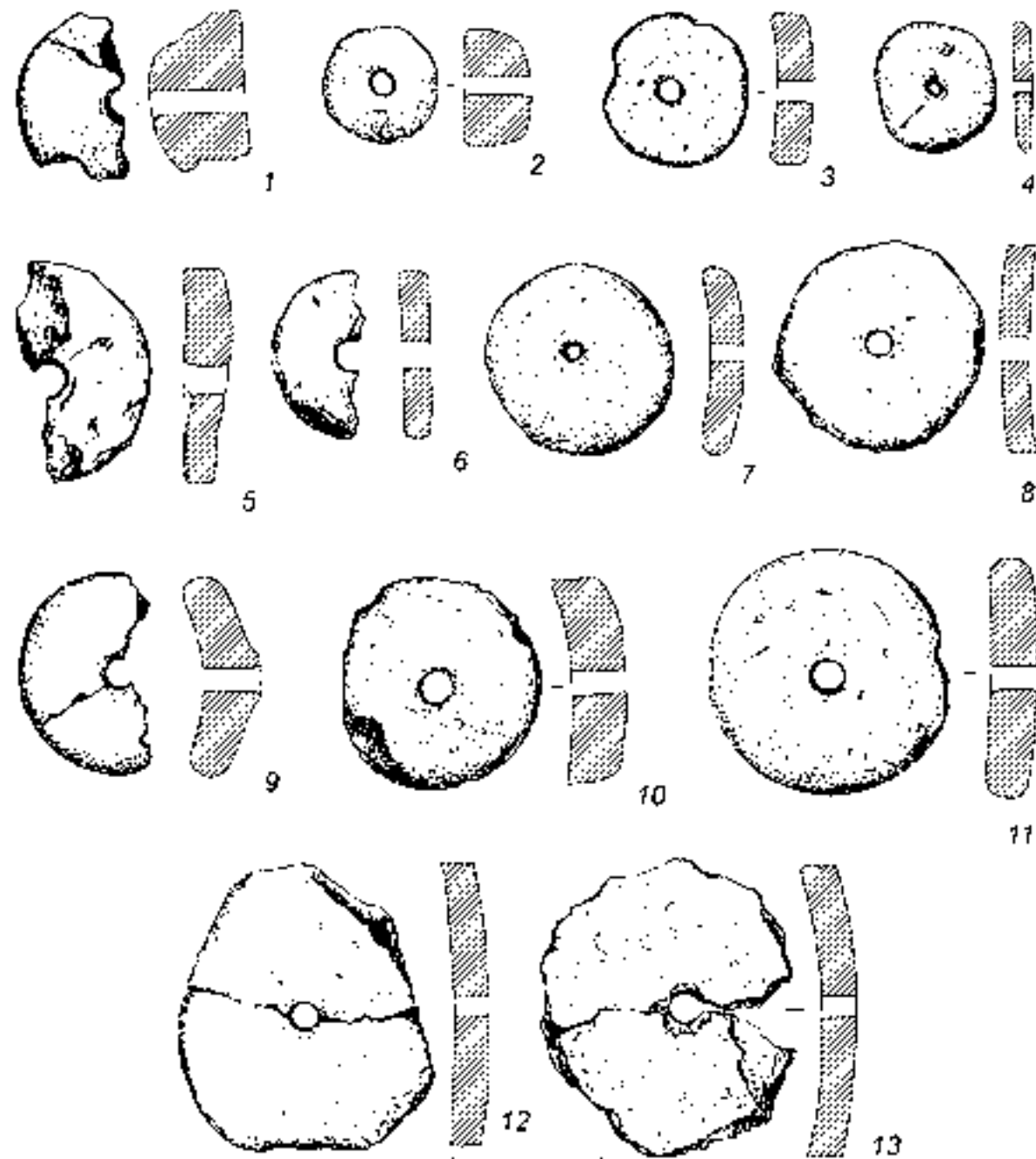

Табл. 18. Тарасовское святилище. 1-13 – пряслица. 1-13 – глина

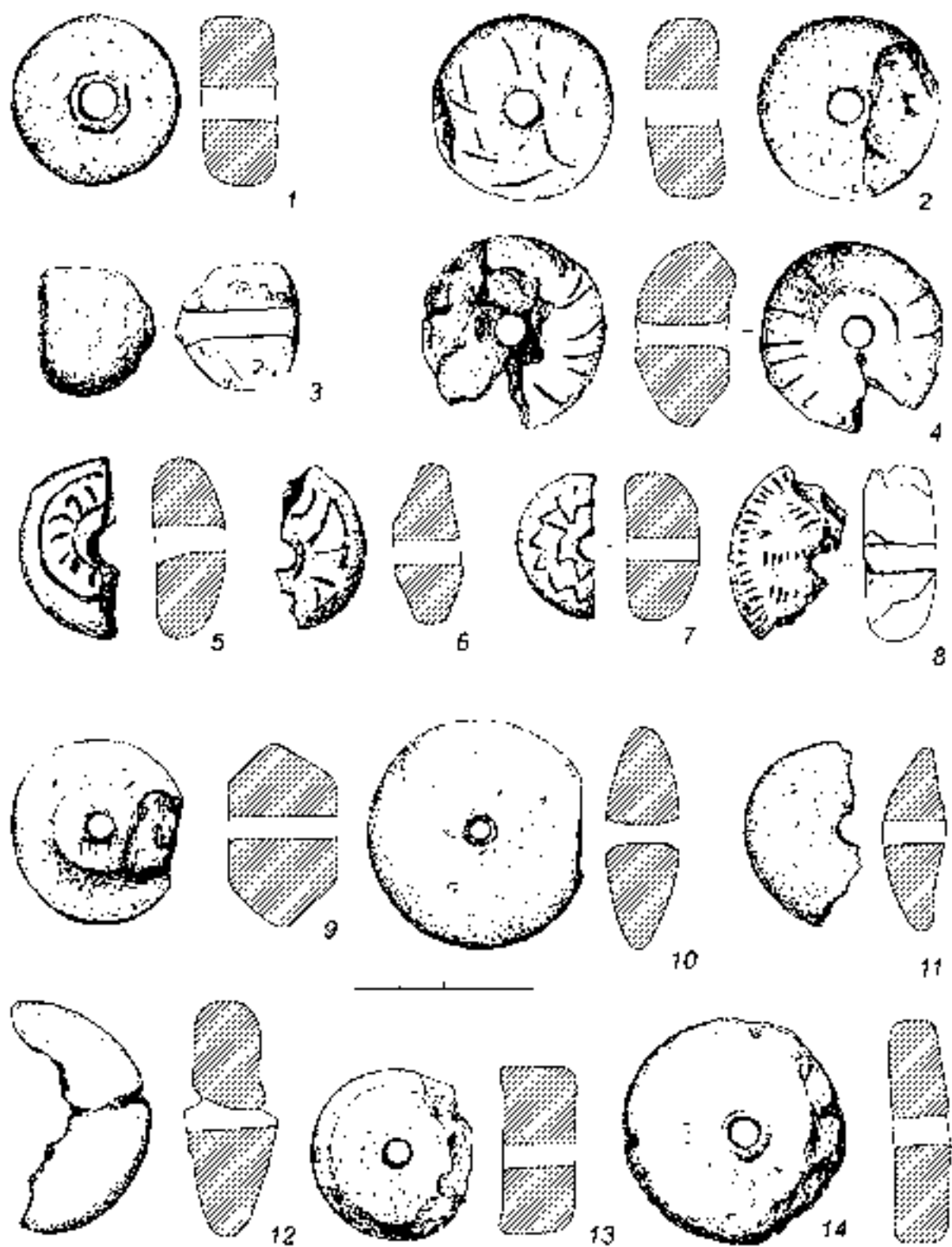

Табл. 19. Тарасовское святилище. 1-14 – пряслица. 1-14 – глина

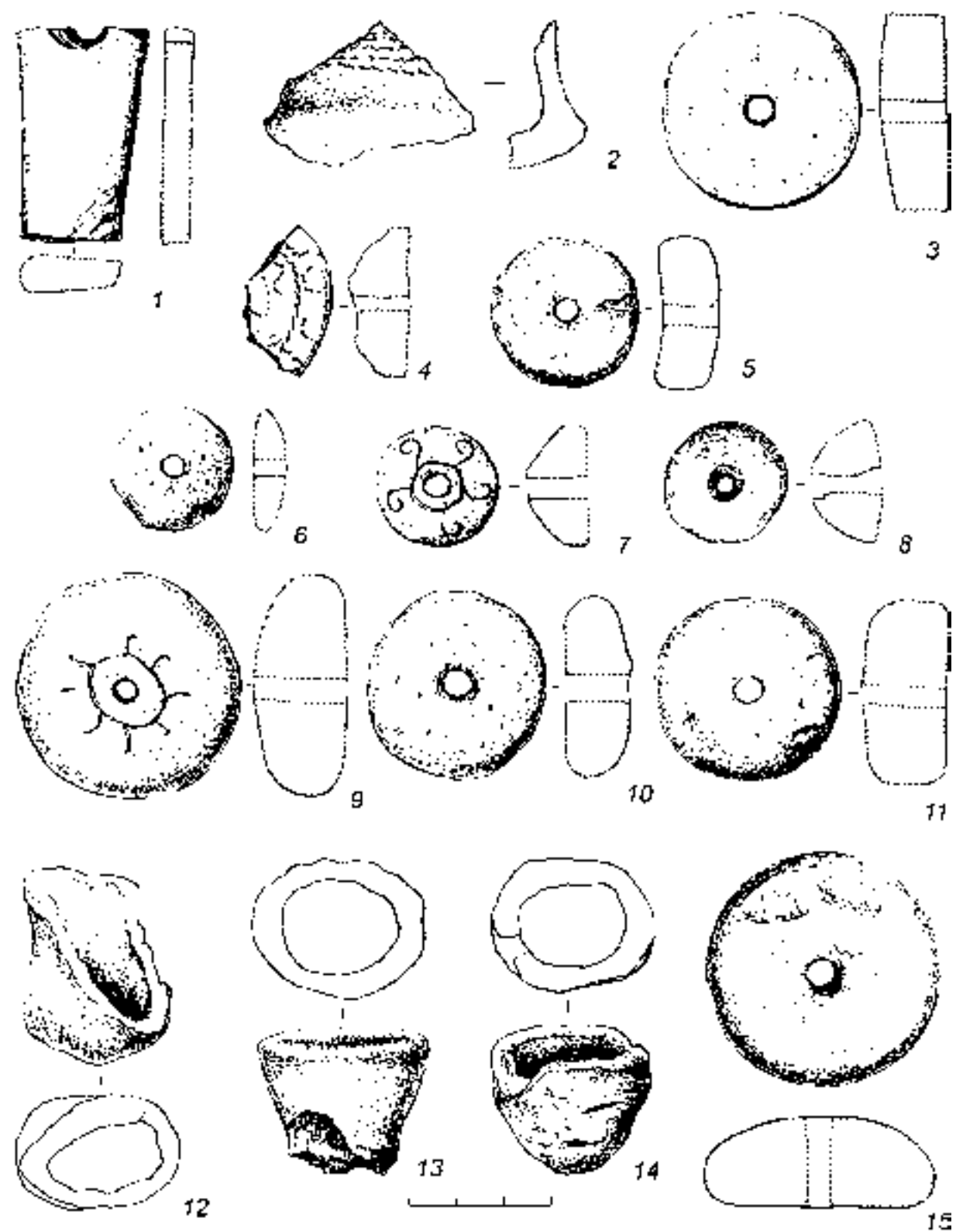

Табл. 20. Тарасовское святилище. 1 – точило; 2 – фрагмент сосуда; 3-11, 15 – пряслица; 12-14 – тигли. 1 – камень; 2-15 – глина

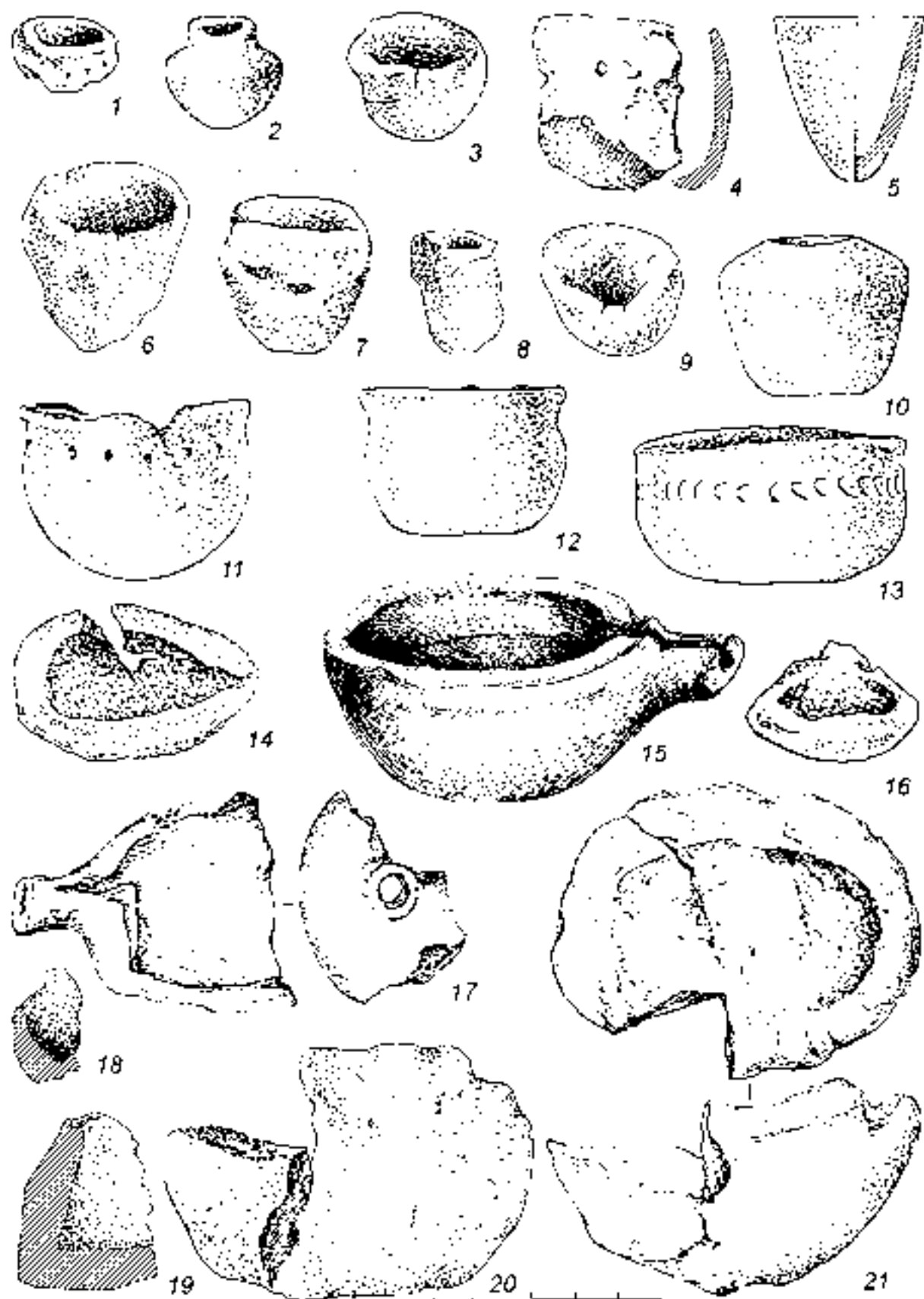

Табл. 21. Тарасовское святилище. 1-10, 14, 16, 18-21 – тигли и их обломки; 11-13 – сосуды; 15, 17 – льячки. 1-21 – глина

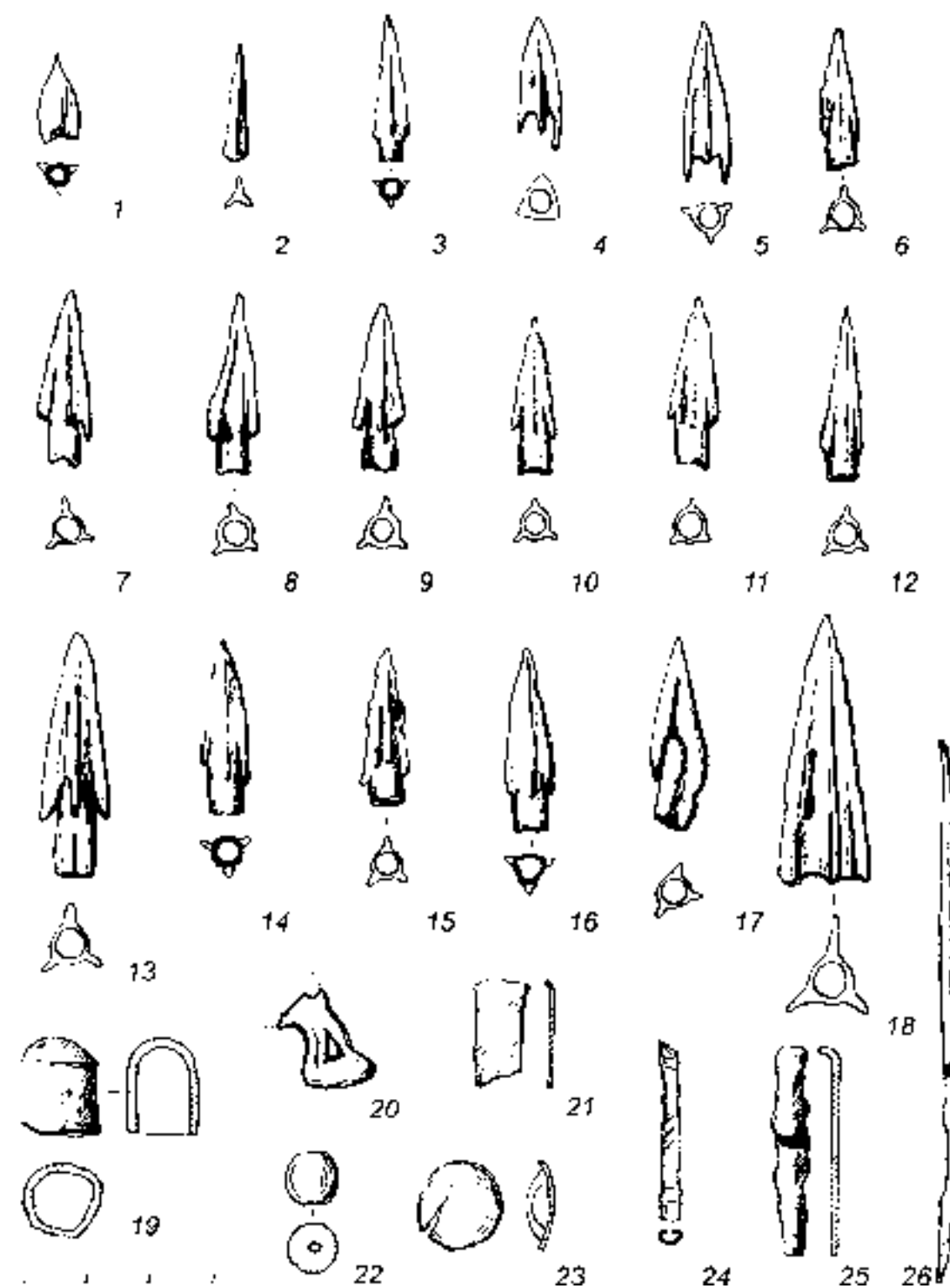

Табл. 22. Тарасовское святилище. 1-18 – наконечники стрел; 19-21, 25 – предметы и их обломки; 22 – бусина; 23 – бляшка; 24 – пронизка; 26 – игла(?). 1-21, 23-26 – бронза; 22 – стекло

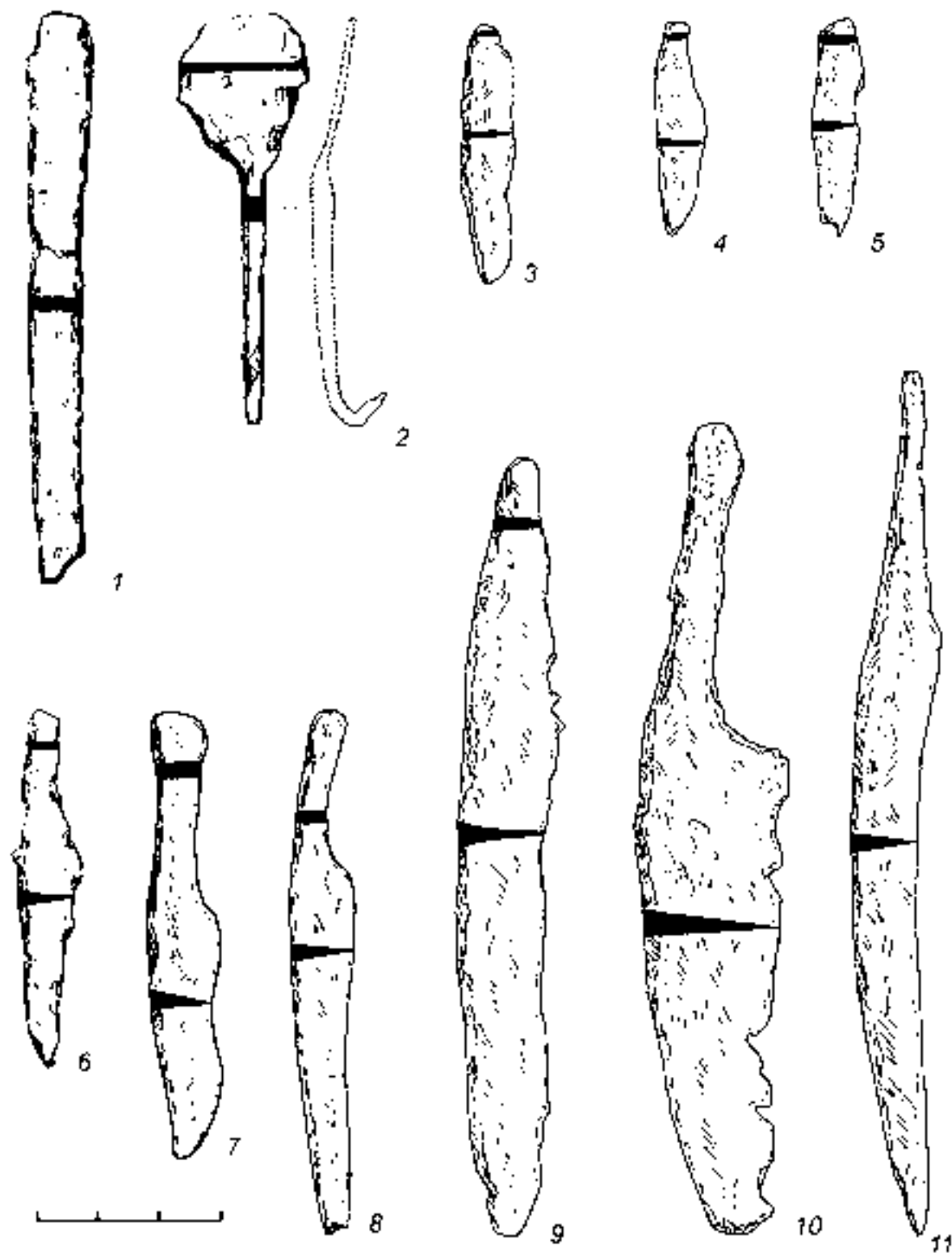

Табл. 23. Тарасовское святилище. 1 – стержень; 2 – рыболовный крючок; 3-11 – ножи.
1-11 – железо

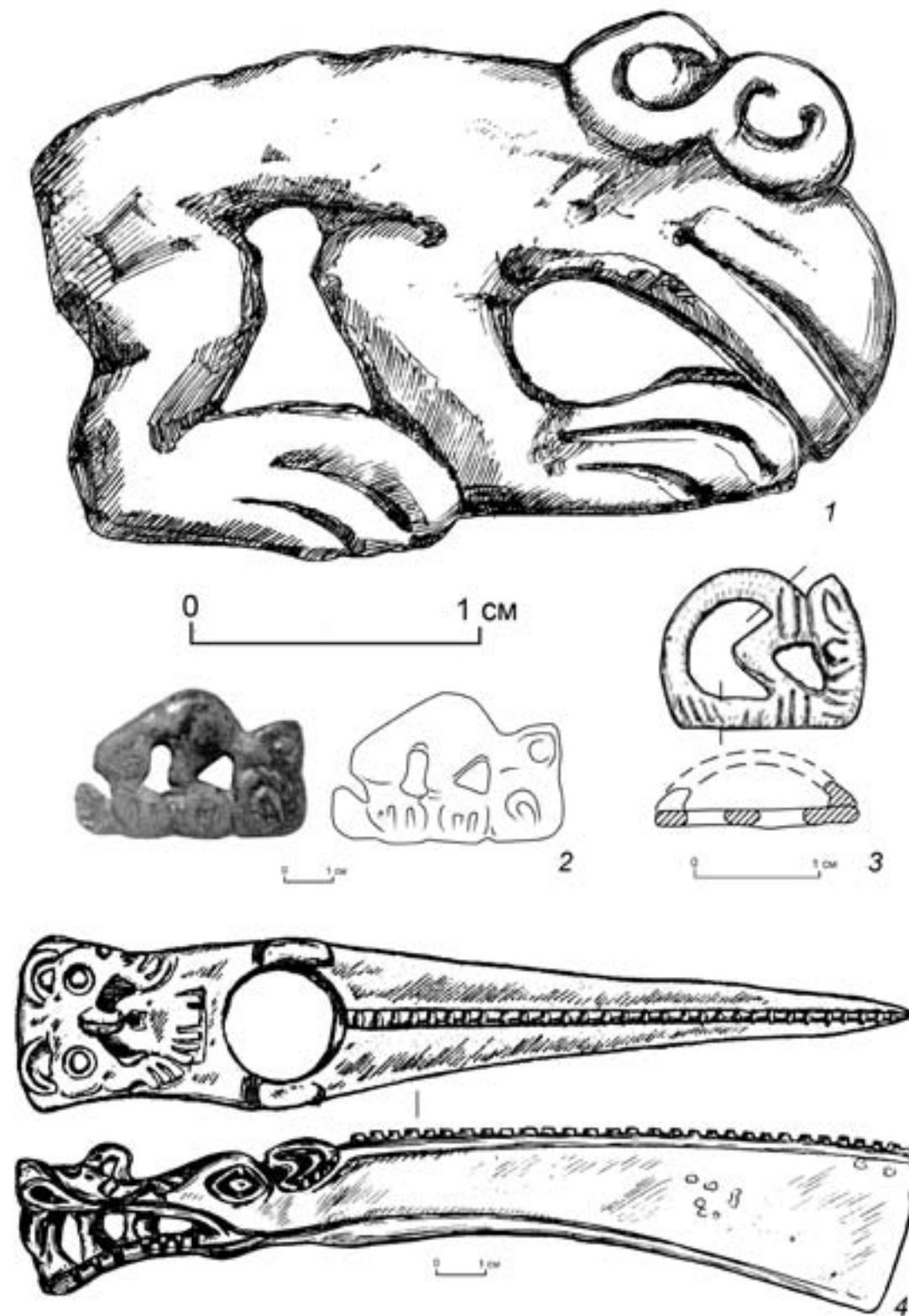

Табл. 24. 1 – зооморфная накладка с изображением лягушки. Бронза, литьё, 1,8х3,0 см, Тарасовское святилище; 2 – накладка с изображением медведя, Уфимское городище (по С.А. Васильеву, 2002, с.202, №45); 3 – накладка с изображением зайца, Галкинское городище (там же, №47); 4 – секира с двойным зооморфным изображением: сверху – сова (филин), сбоку – волк, с. Галаново, случайная находка

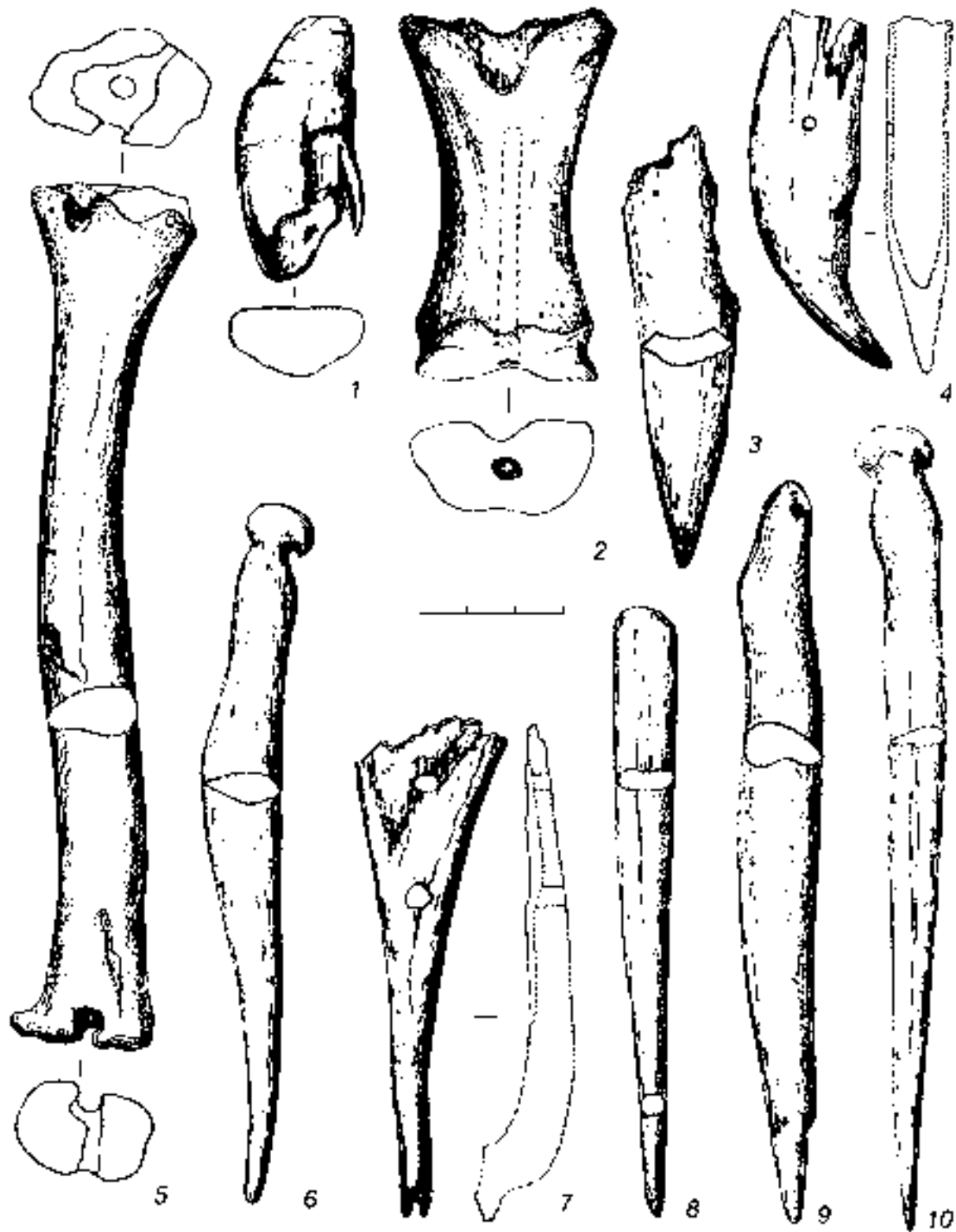

Табл. 25. Тарасовское святилище. 1, 4 – подвески из клыков медведя; 2 – бабка лошади; 3, 5 – заготовки; 6, 8-10 – острия; 7 – обломок крючка. 1-10 – кость

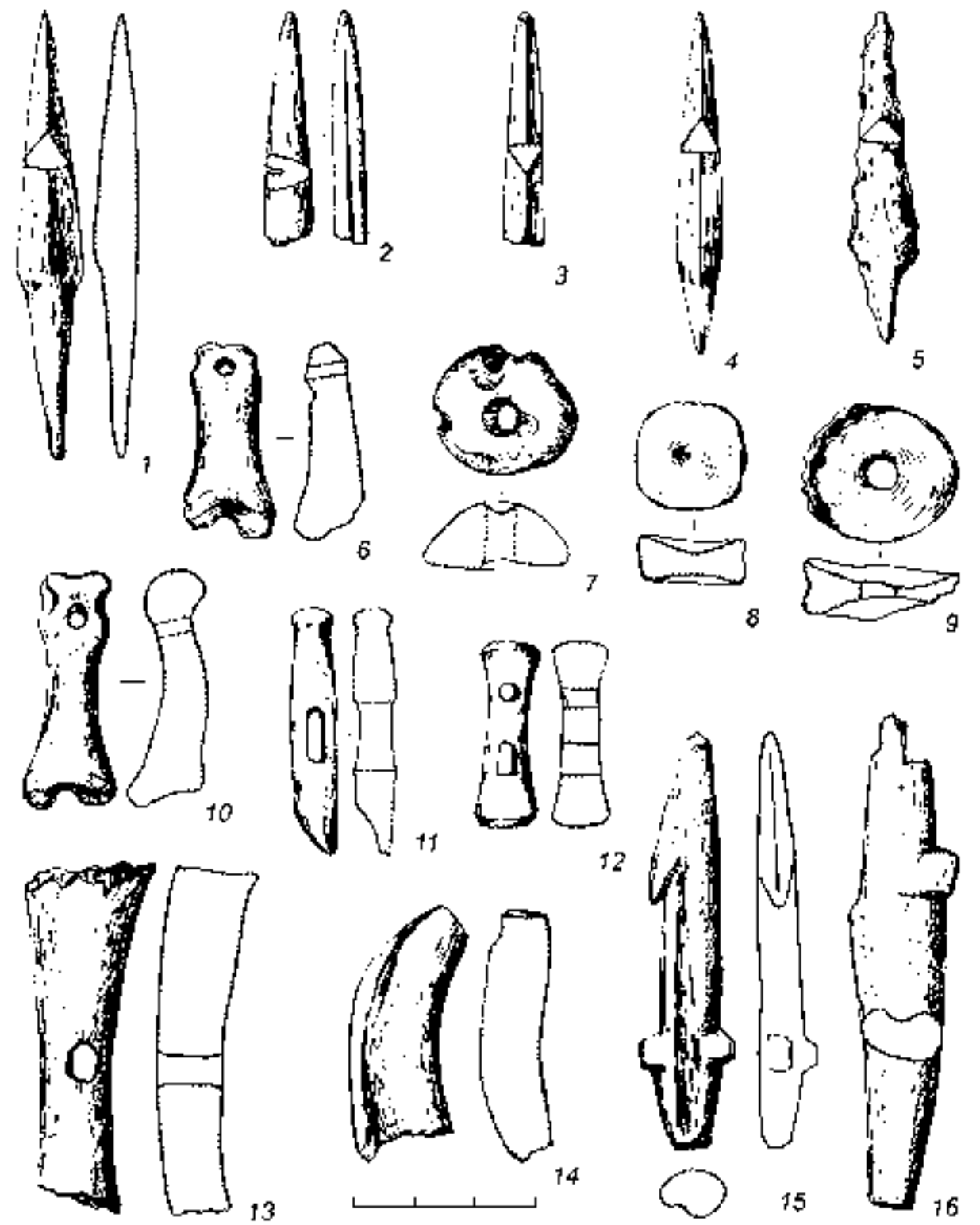

Табл. 26. Тарасовское святилище. 1-5 – наконечники стрел; 6, 10 – подвески из фаланг животных; 7 – пряслице(?); 8, 9 – амулеты из рыбьих позвонков; 11, 12 – псаши; 13, 14, 16 – заготовки; 15 – гарпун. 1-16 – кость

Табл. 27. Тарасовское святилище. Глиняные изделия

Табл. 28. Тарасовское святилище. Глиняные изделия

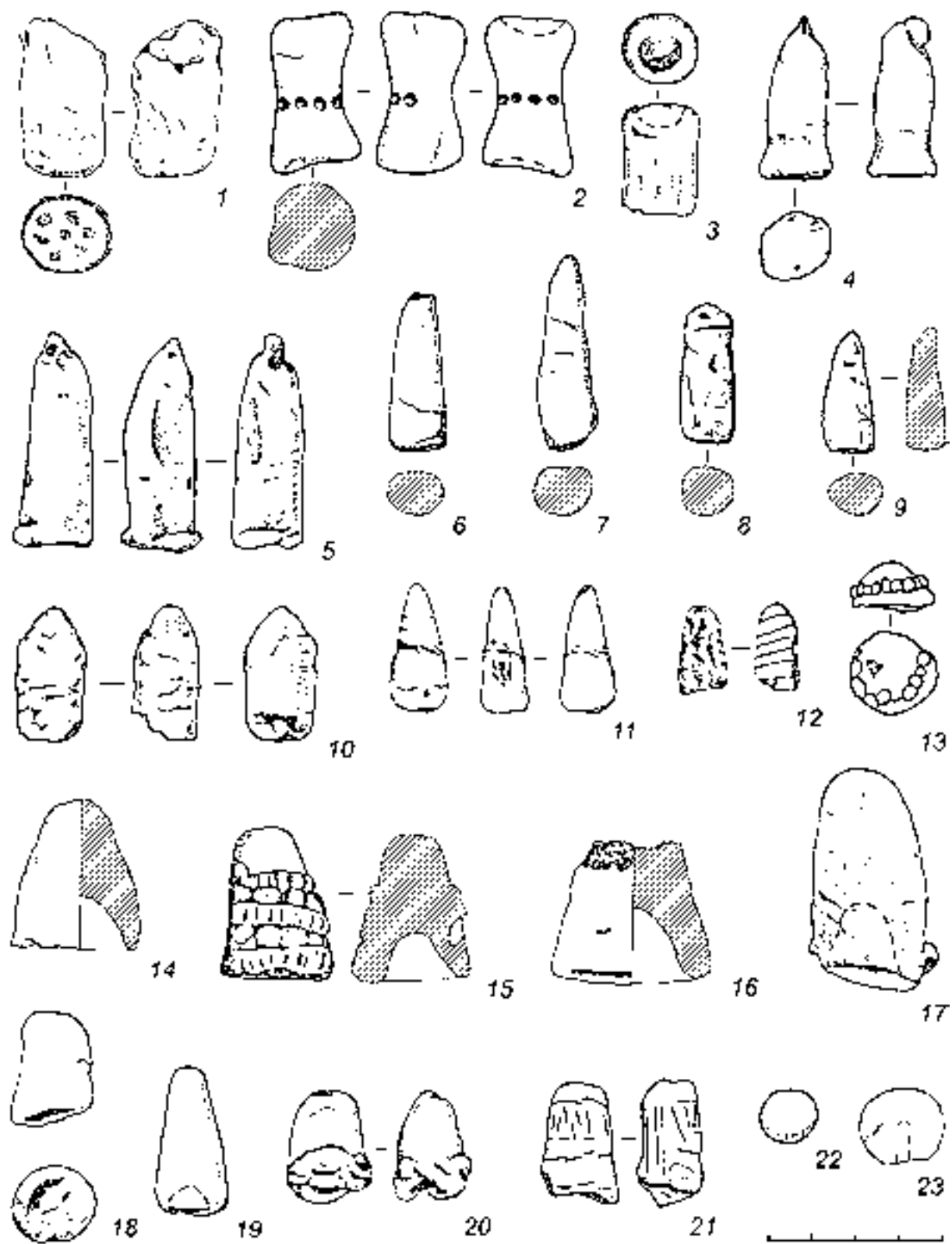

Табл. 29. Тарасовское святилище. Глиняные изделия

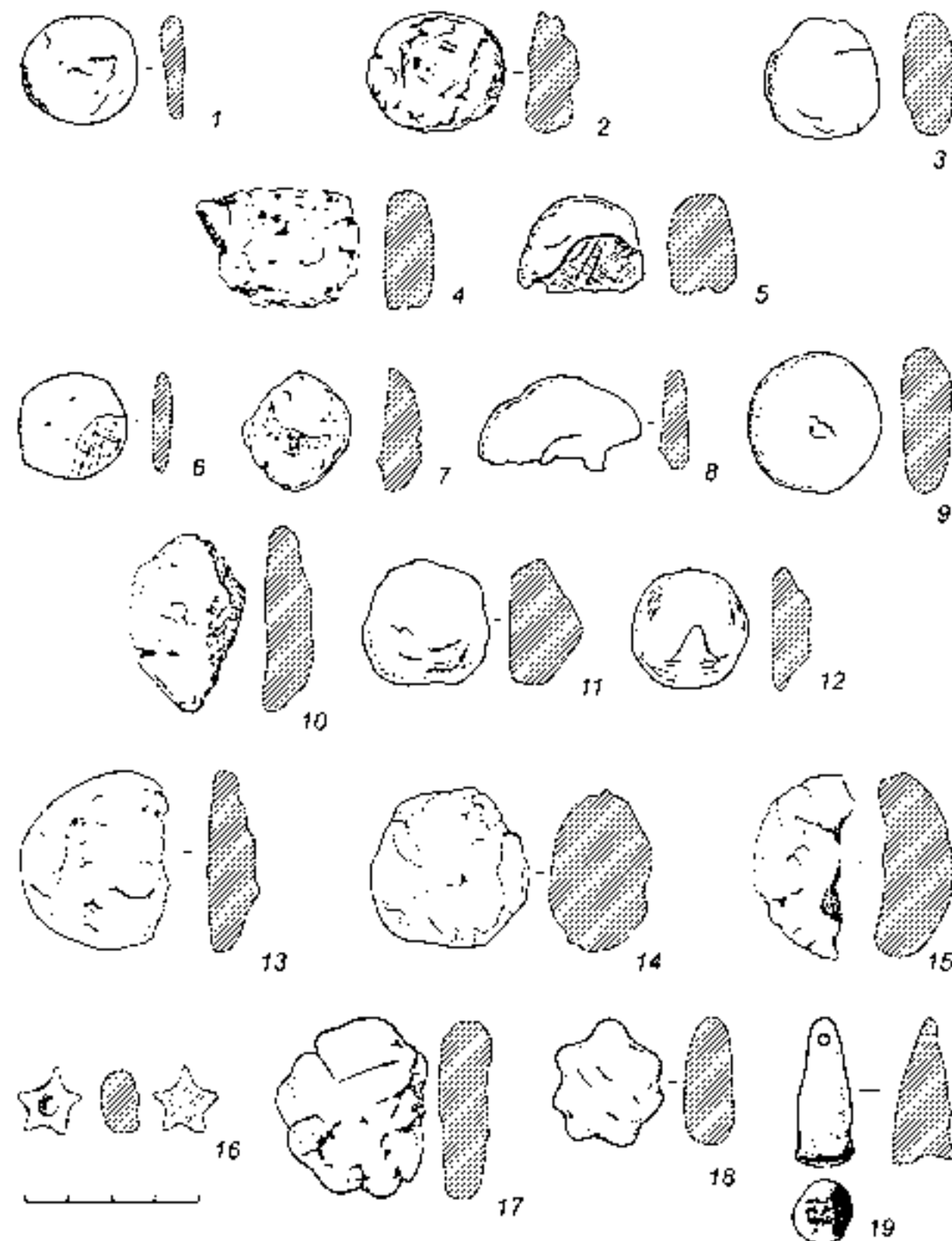

Табл. 30. Тарасовское святилище. Глиняные изделия

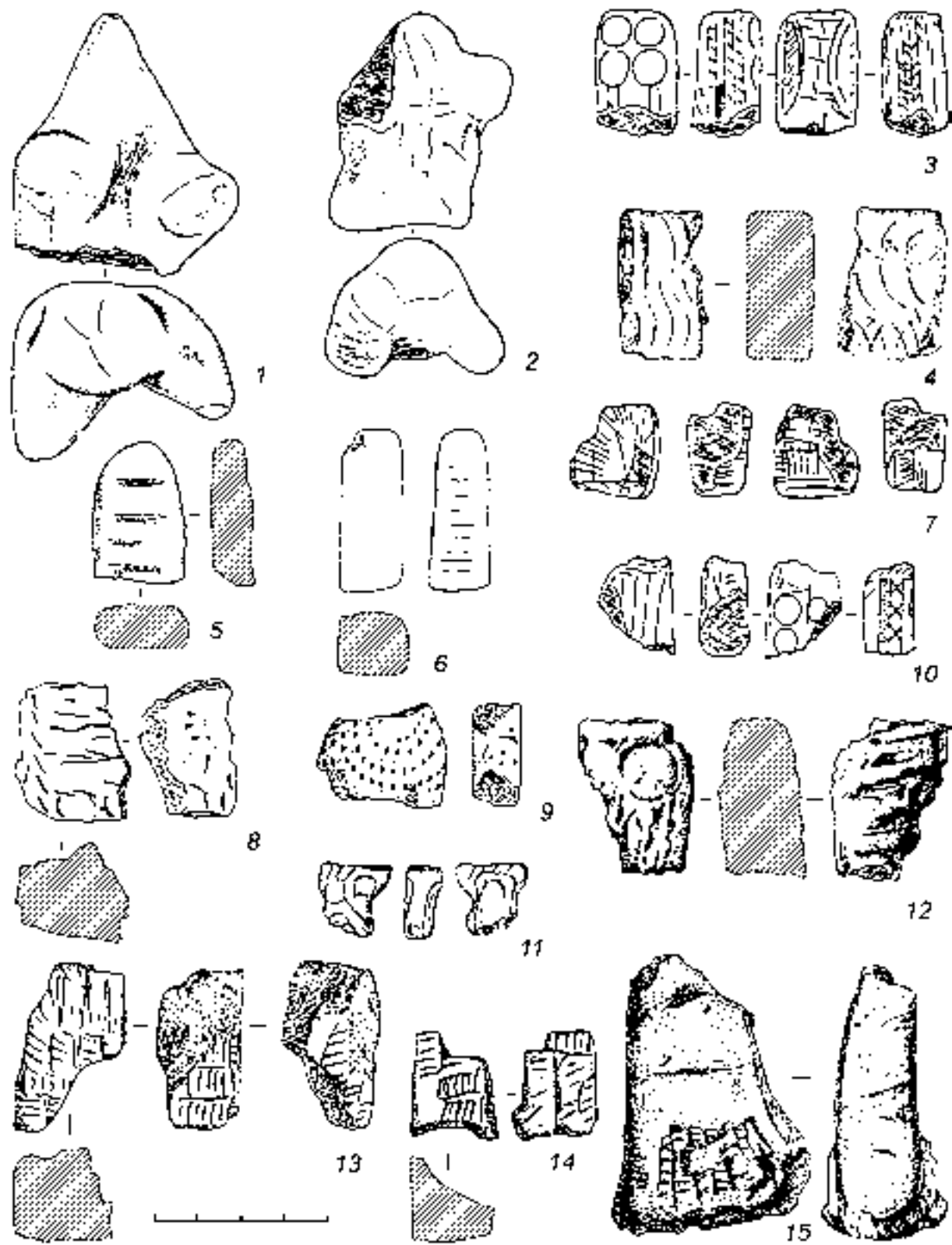

Табл. 31. Зувовключевское I городище. Глиняные изделия

Табл. 32. Зувовключевское I городище. Глиняные изделия

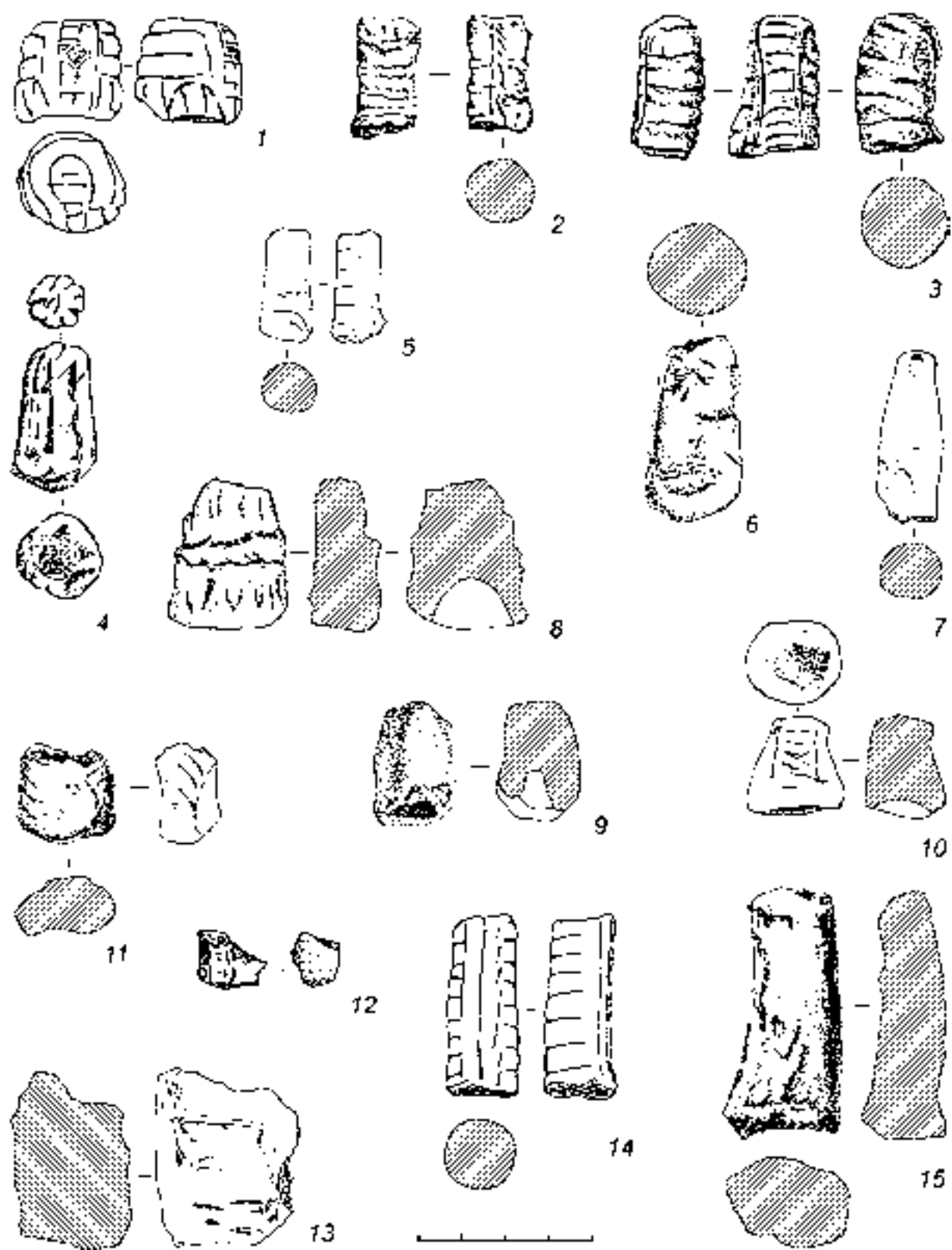

Табл. 33. Зувовключевское I городище. Глиняные изделия

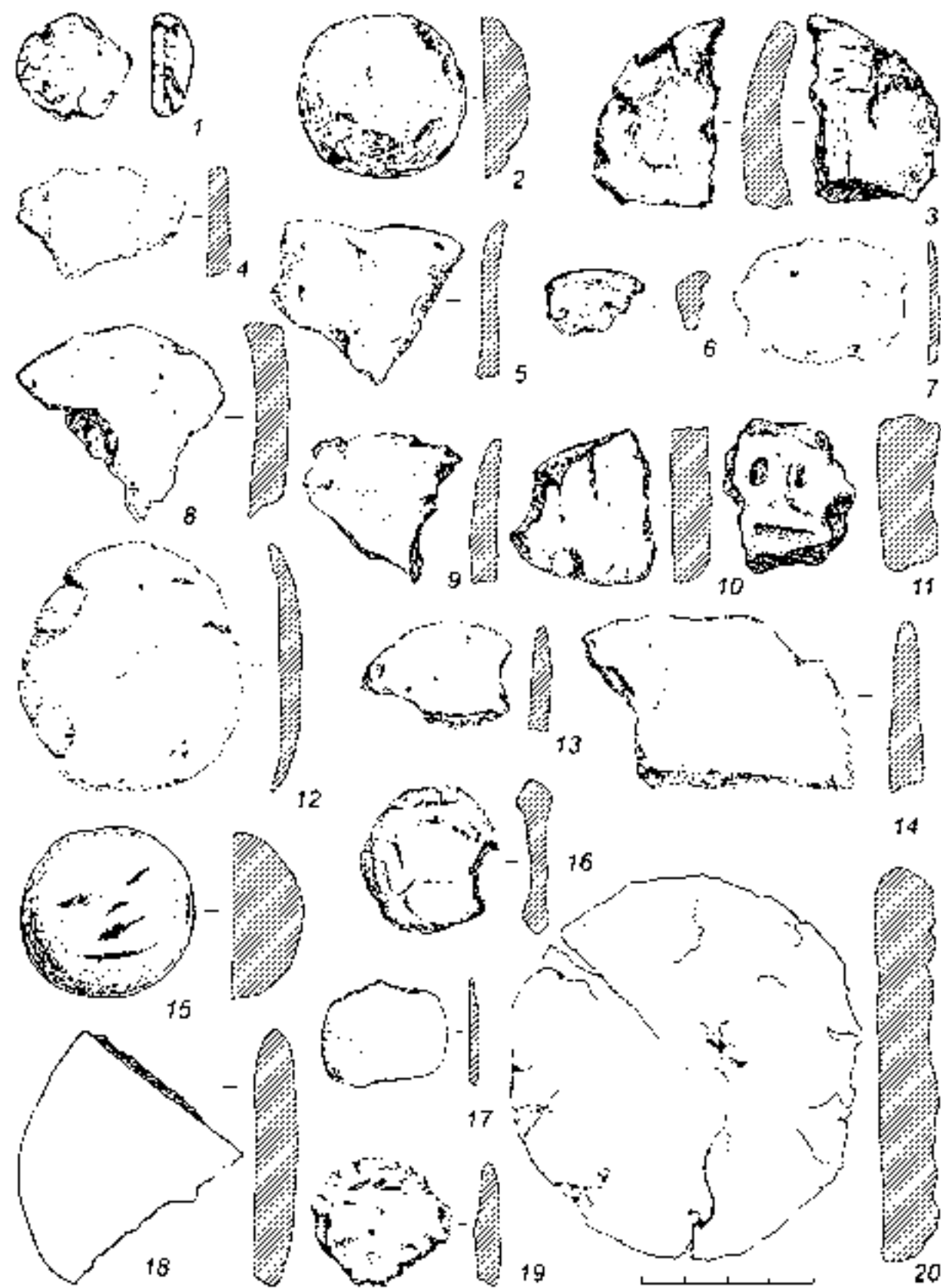

Табл. 34. Зувовключевское I городище. Глиняные изделия

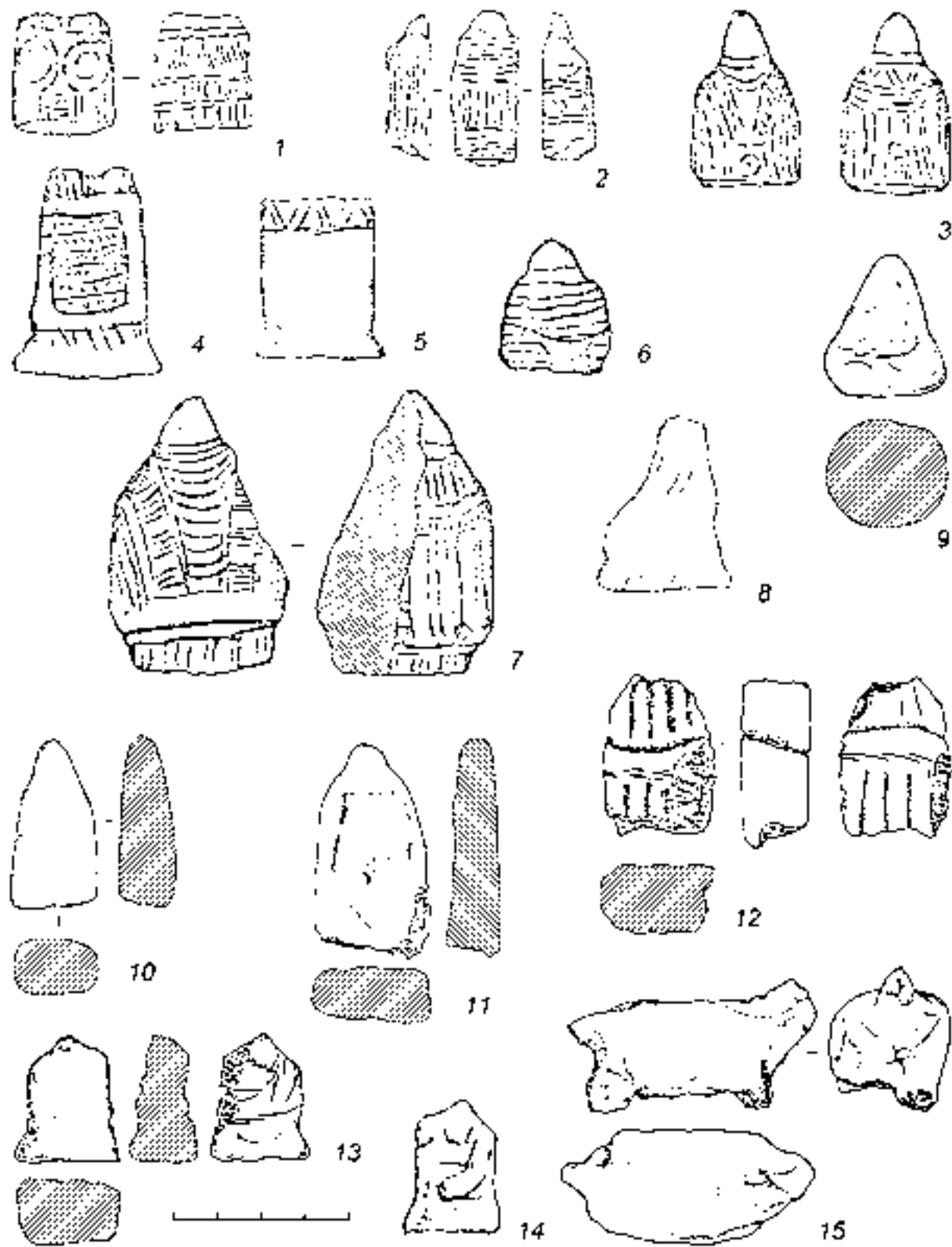

Табл. 35. Глиняные изделия. 1-7 – Аначевское городище; 8 – городище Уяндык;
9-15 – городище Чеганда I

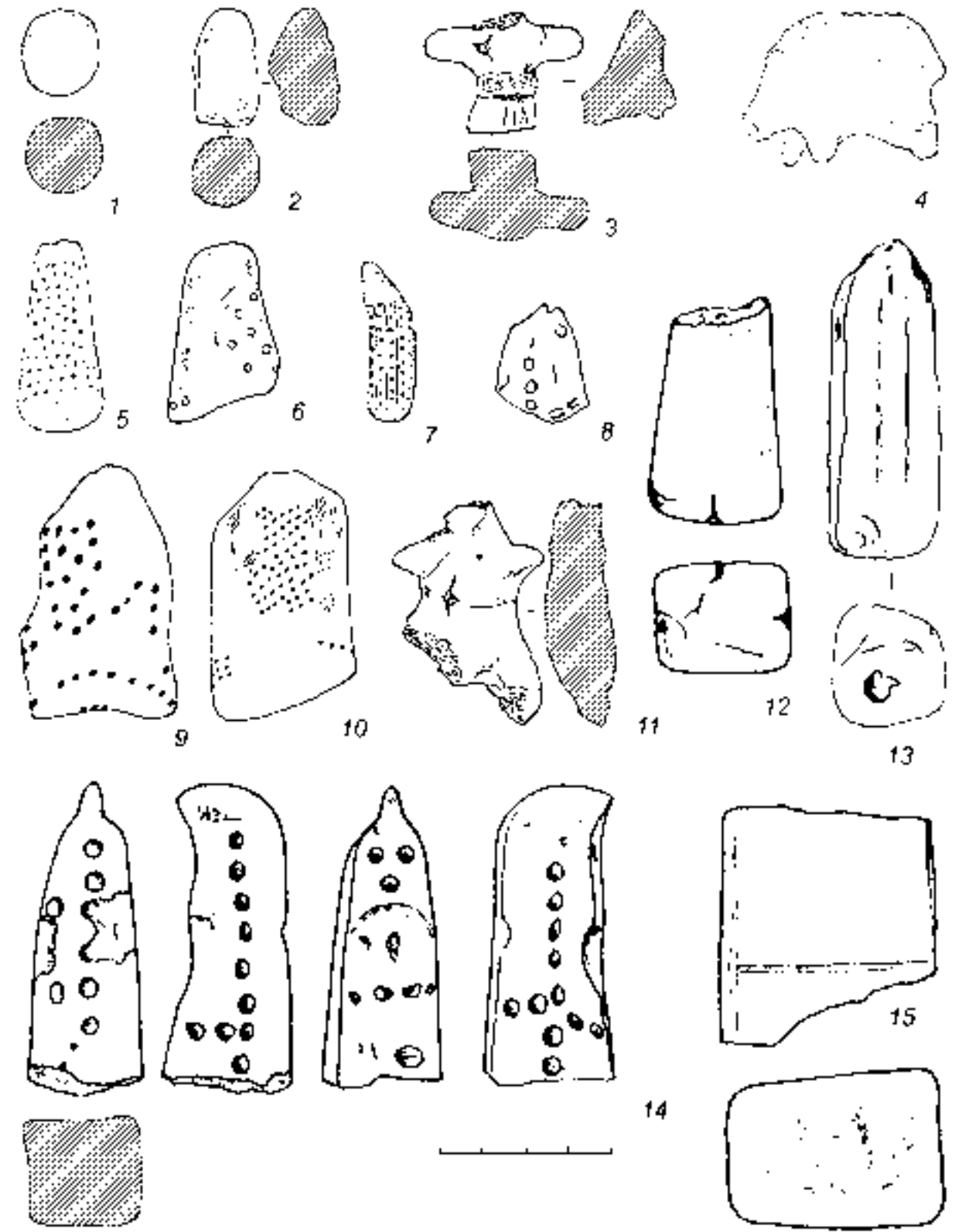

Табл. 36. Глиняные изделия. 1 – селище Скородум; 2, 3 – Березовское поселение; 4-10 – Назаровское
городище; 11 – Васюковское II поселение; 12-15 – городище Аюшкар

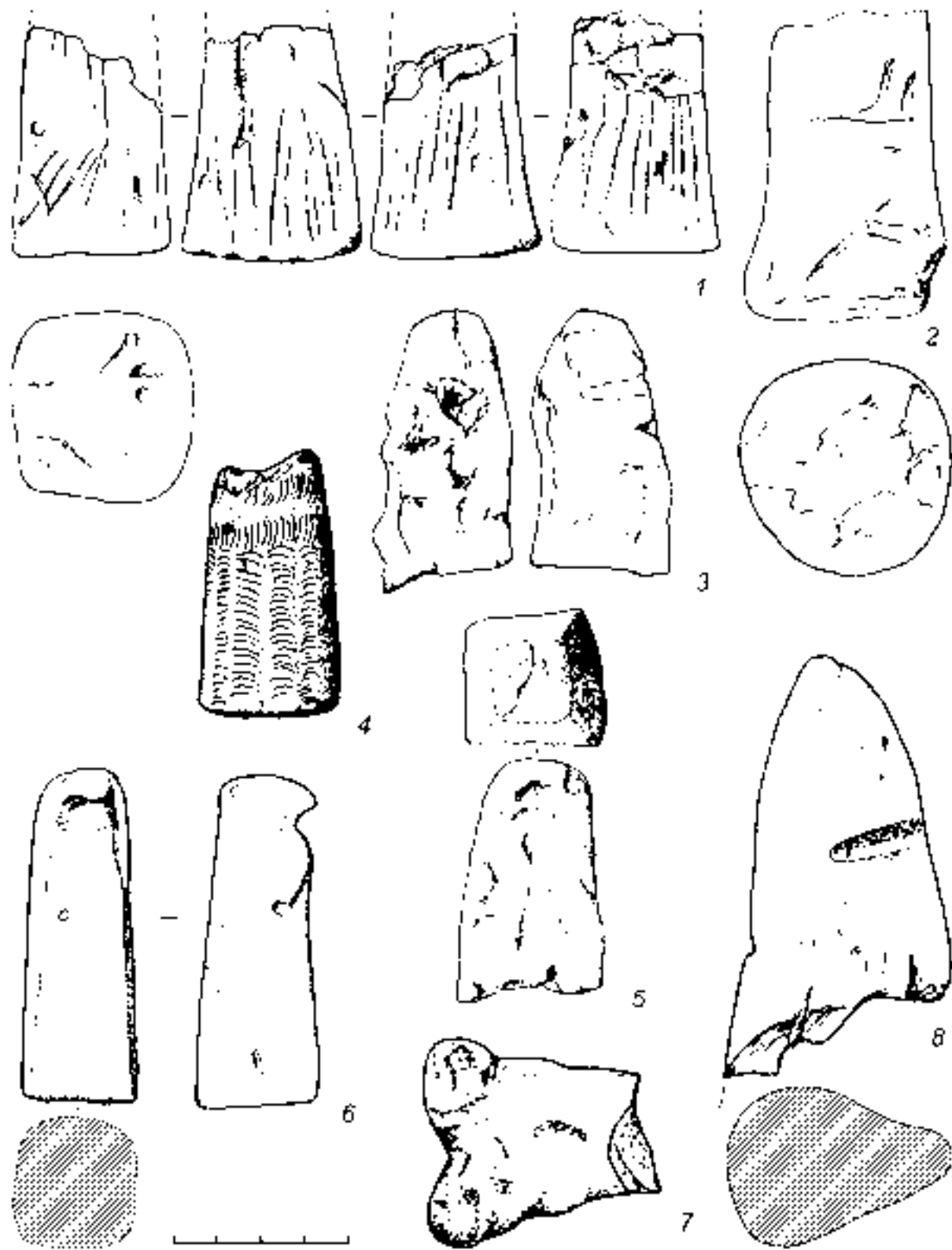

Табл. 37. Глиняные изделия. 1, 3-8 – Рождественское городище; 2 – Чашкинское II селище

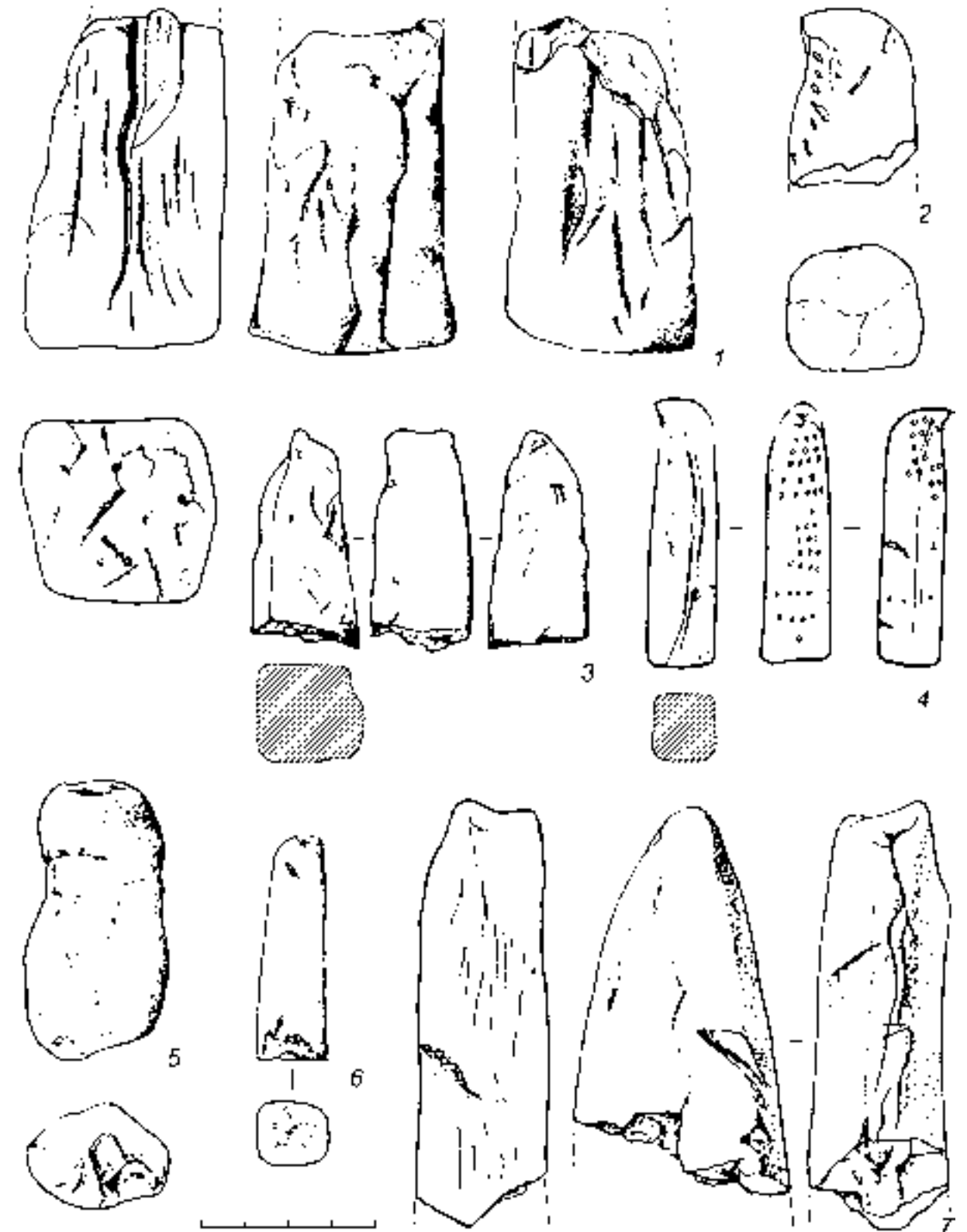

Табл. 38. Глиняные изделия. Рождественское городище

Табл. 39. Глиняные изделия. 1, 4-6, 8 – Рождественское городище; 2, 3, 7 – городище Аношкар

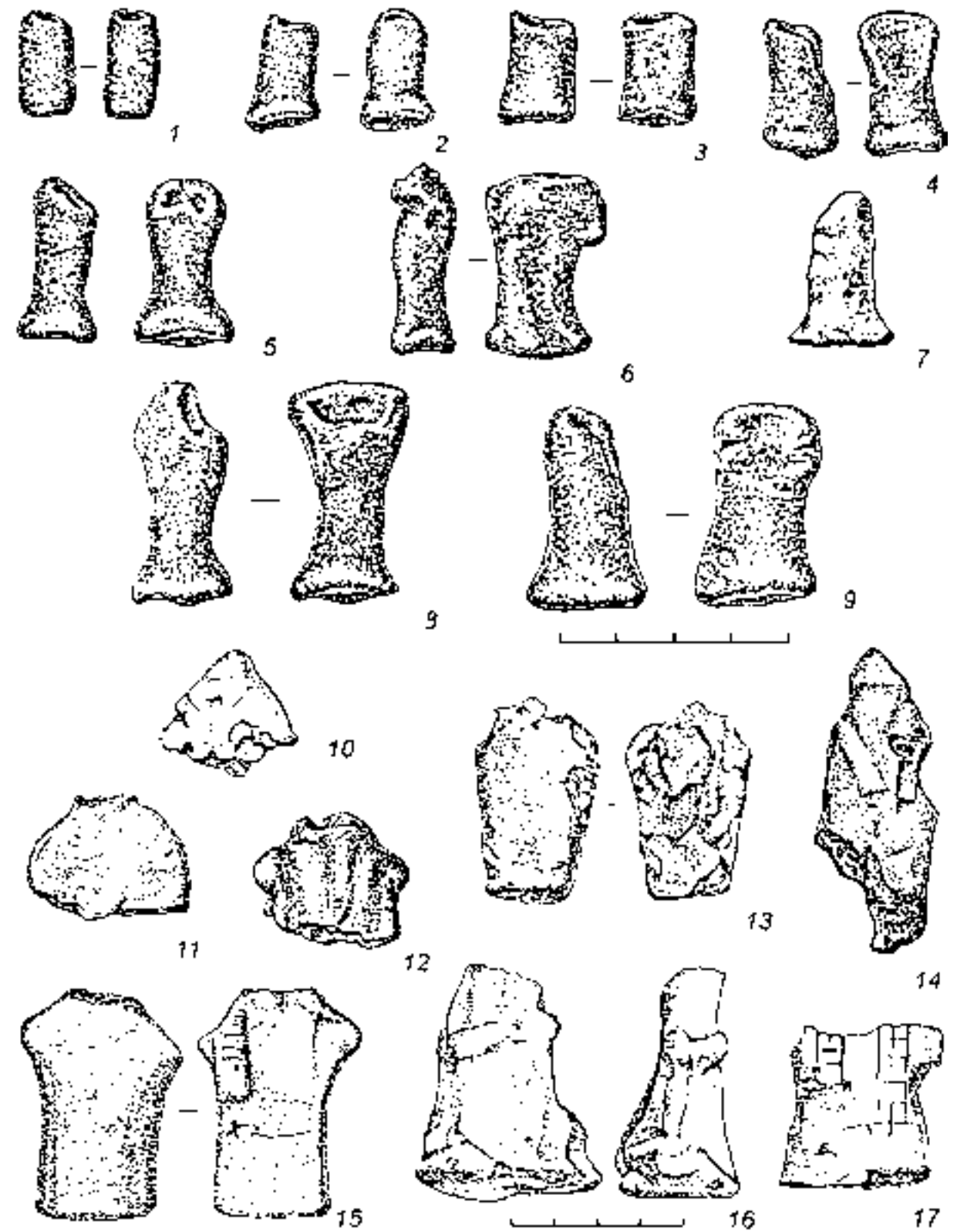

Табл. 40. Глиняные изделия. Конецгорское селище

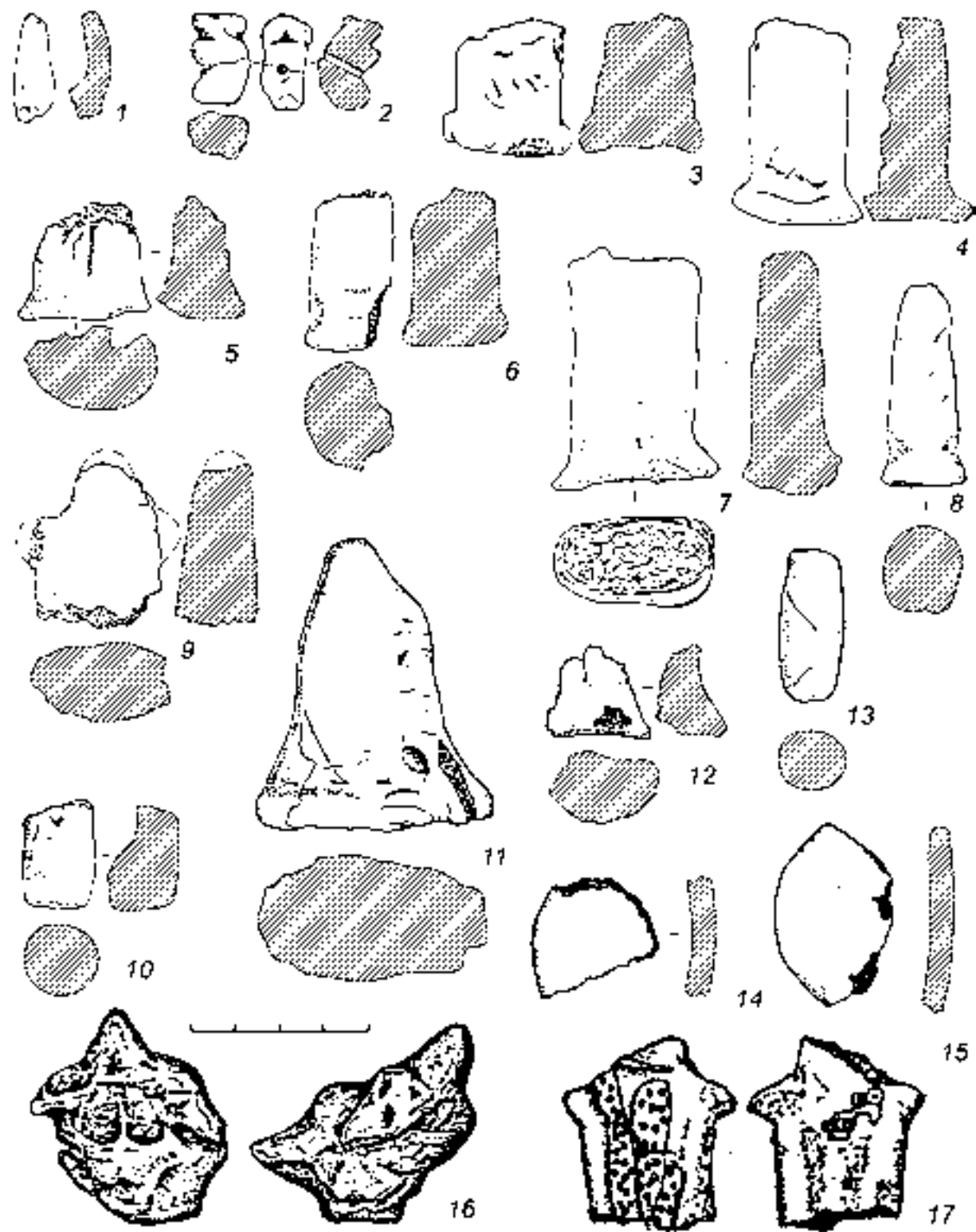

Табл. 41. Глиняные изделия. 1-6 – Мокинское селище; 7 – Мало-Никольское I городище; 8 – Калиновское городище; 9 – Югокамское костище; 10-15 – Заюрчимское I поселение; 16 – Баш-култаевское городище; 17 – городище Алтен-Тау

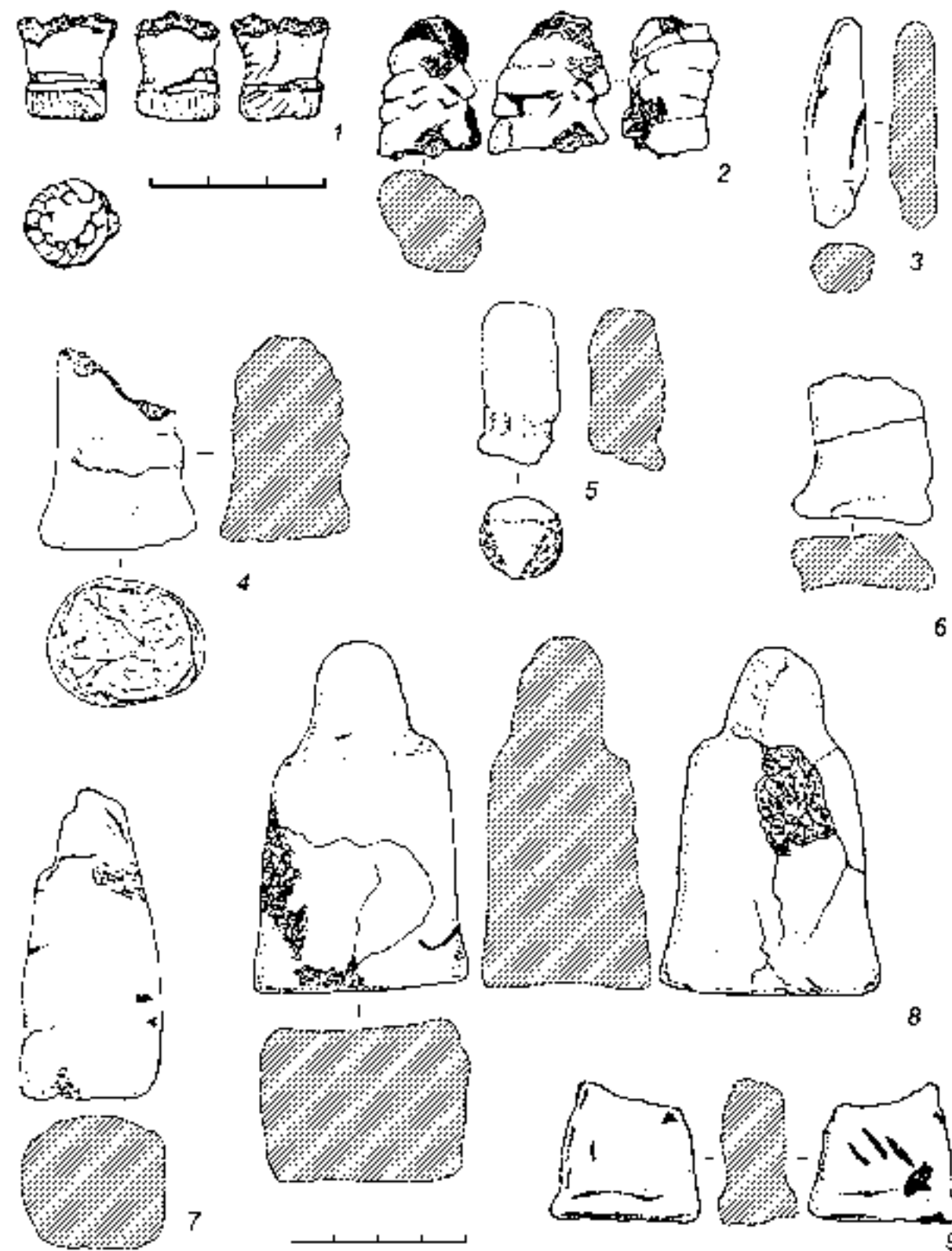

Табл. 42. Глиняные изделия. 1, 5-7 – Половинное I поселение; 2, 8, 9 – Гляденовское городище; 3 – Петровское I селище; 4 – Субботинское I городище

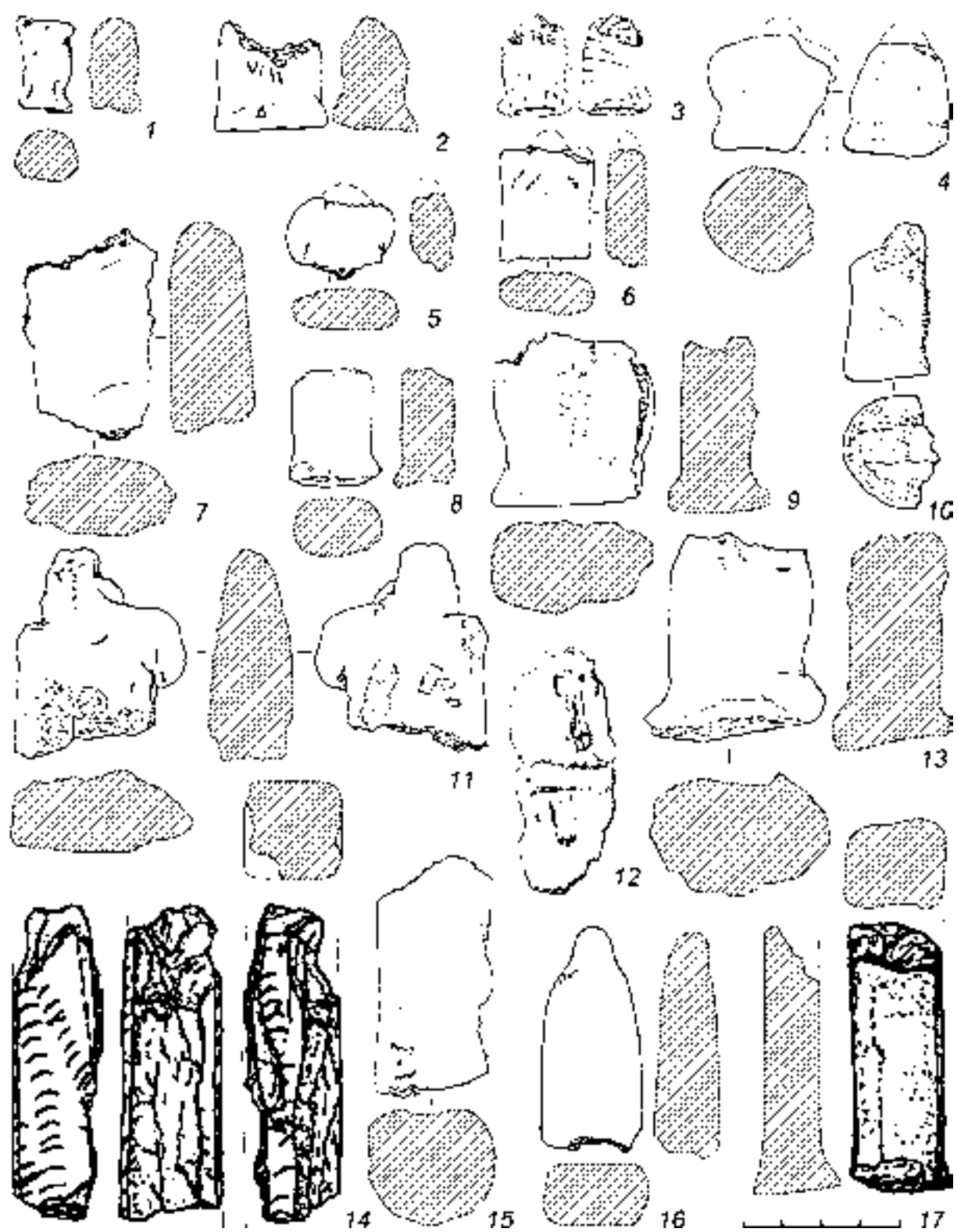

Табл. 43. Глиняные изделия. 1-11, 15, 16 – Гремячанское I поселение и святилище;
12, 14, 17 – городище Алтен-Тау

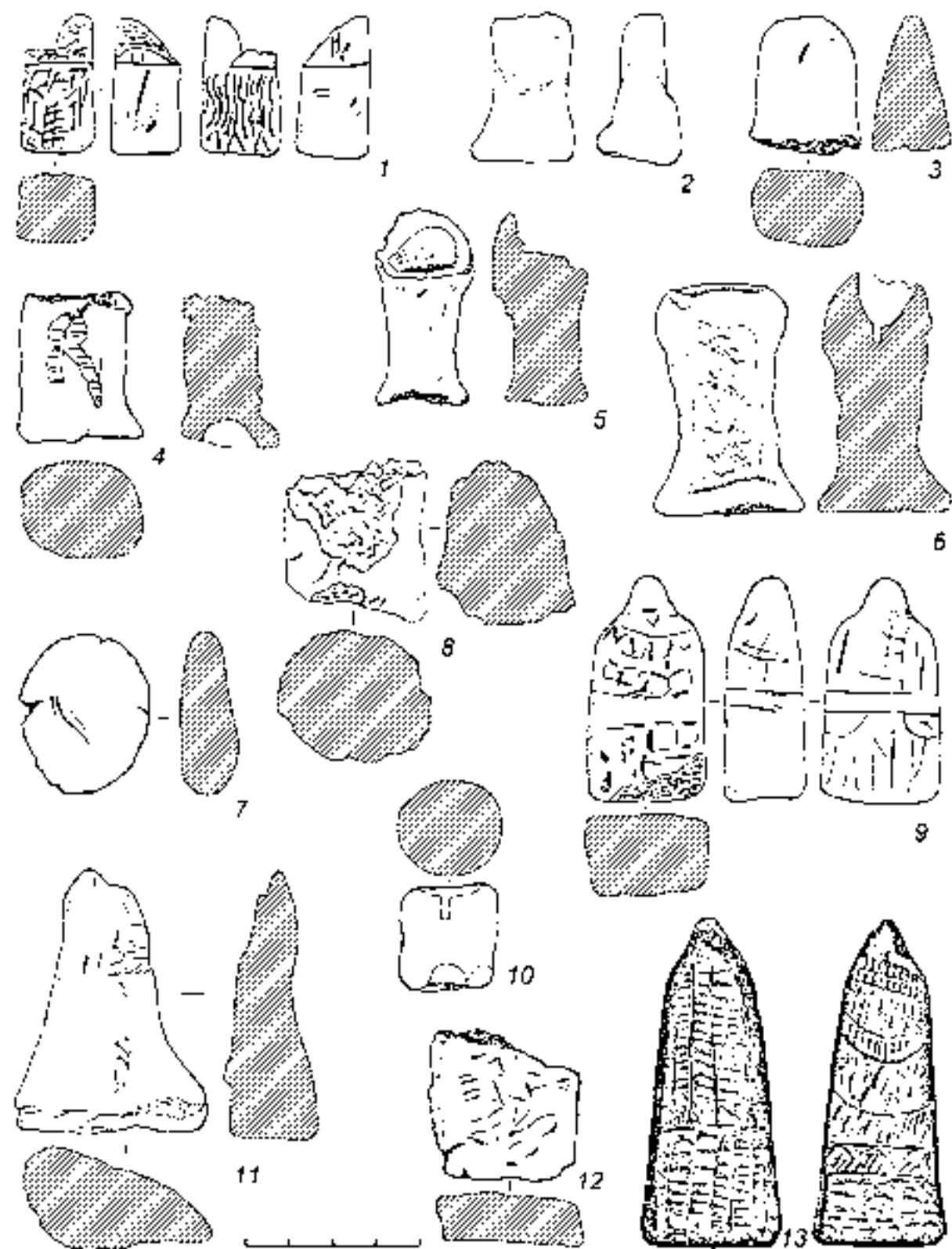

Табл. 44. Глиняные изделия. 1, 2, 9, 11, 13 – Усть-Нечкинское городище;
3-8, 10, 12 – Гремячанское I поселение и святилище

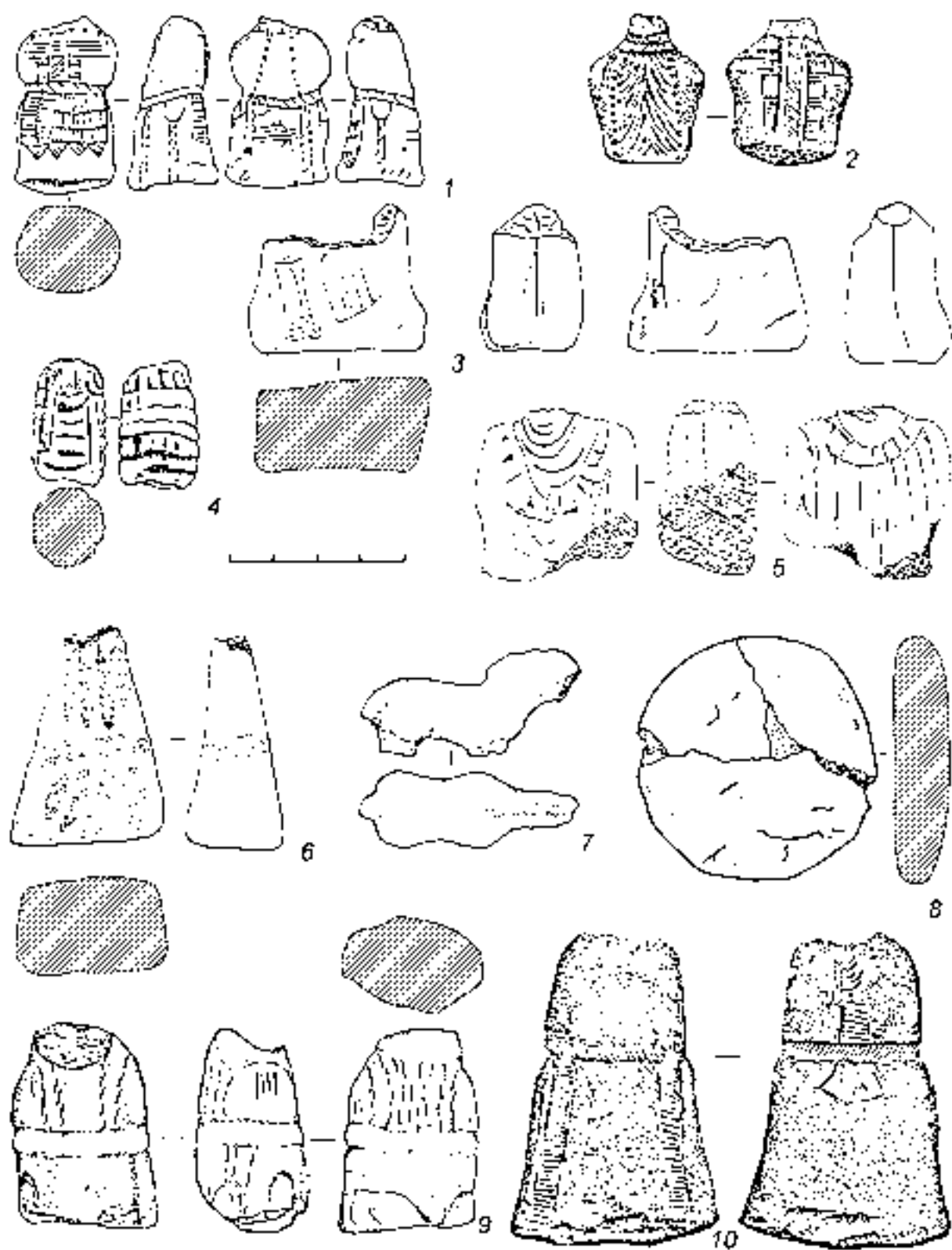

Табл. 45. Глиняные изделия. 1, 2, 4, 7, 10 – Юшковское городище; 3, 6, 8 – Усть-Нечкинское городище; 5 – Усть-Сарапульское городище; 9 – Яромасское городище

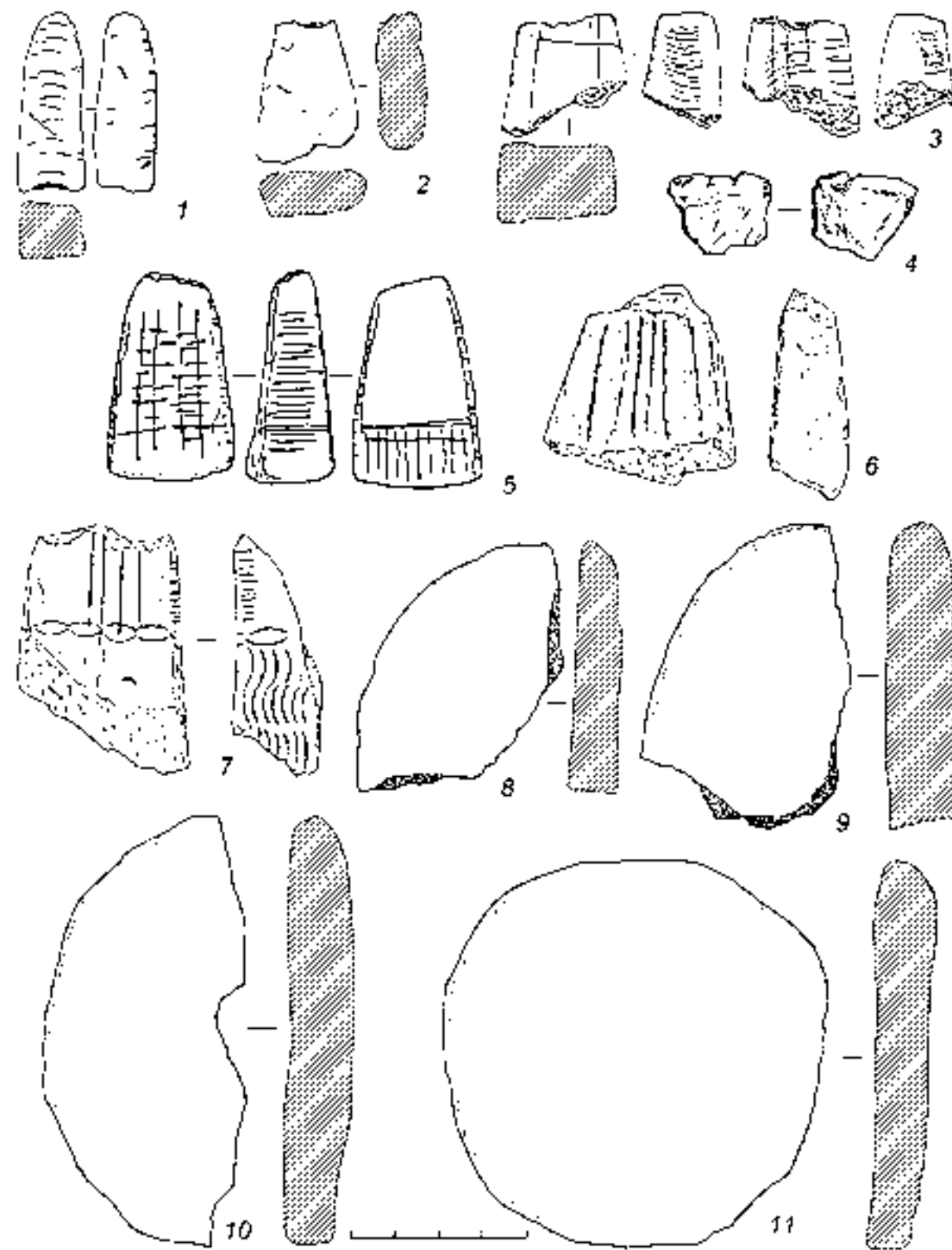

Табл. 46. Глиняные изделия. Момылёвское городище

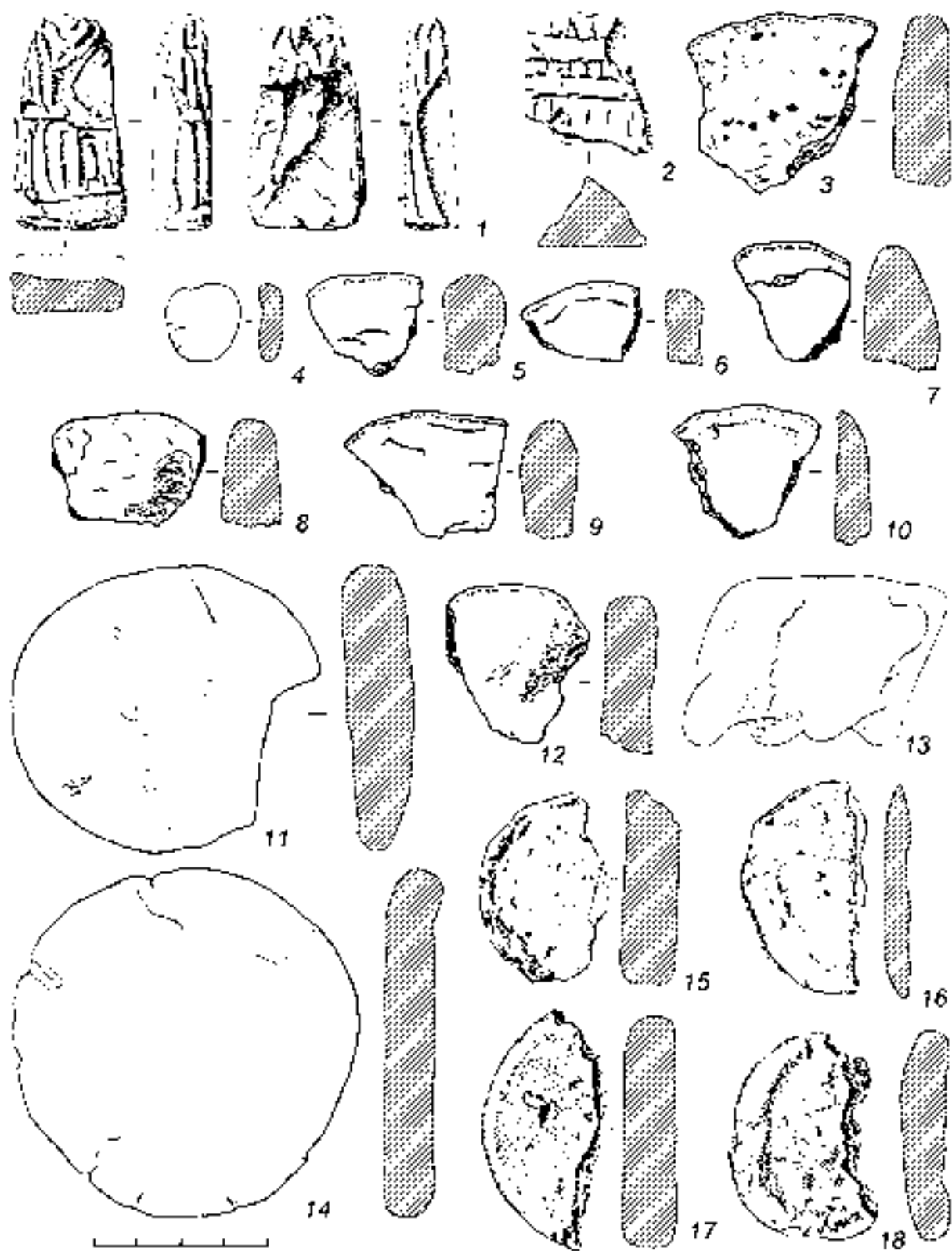

Табл. 47. Глиняные изделия. 1, 2 – Быргындинское II городище; 3-14 – Быргындинское IV поселение; 15-18 – Быргындинское V поселение

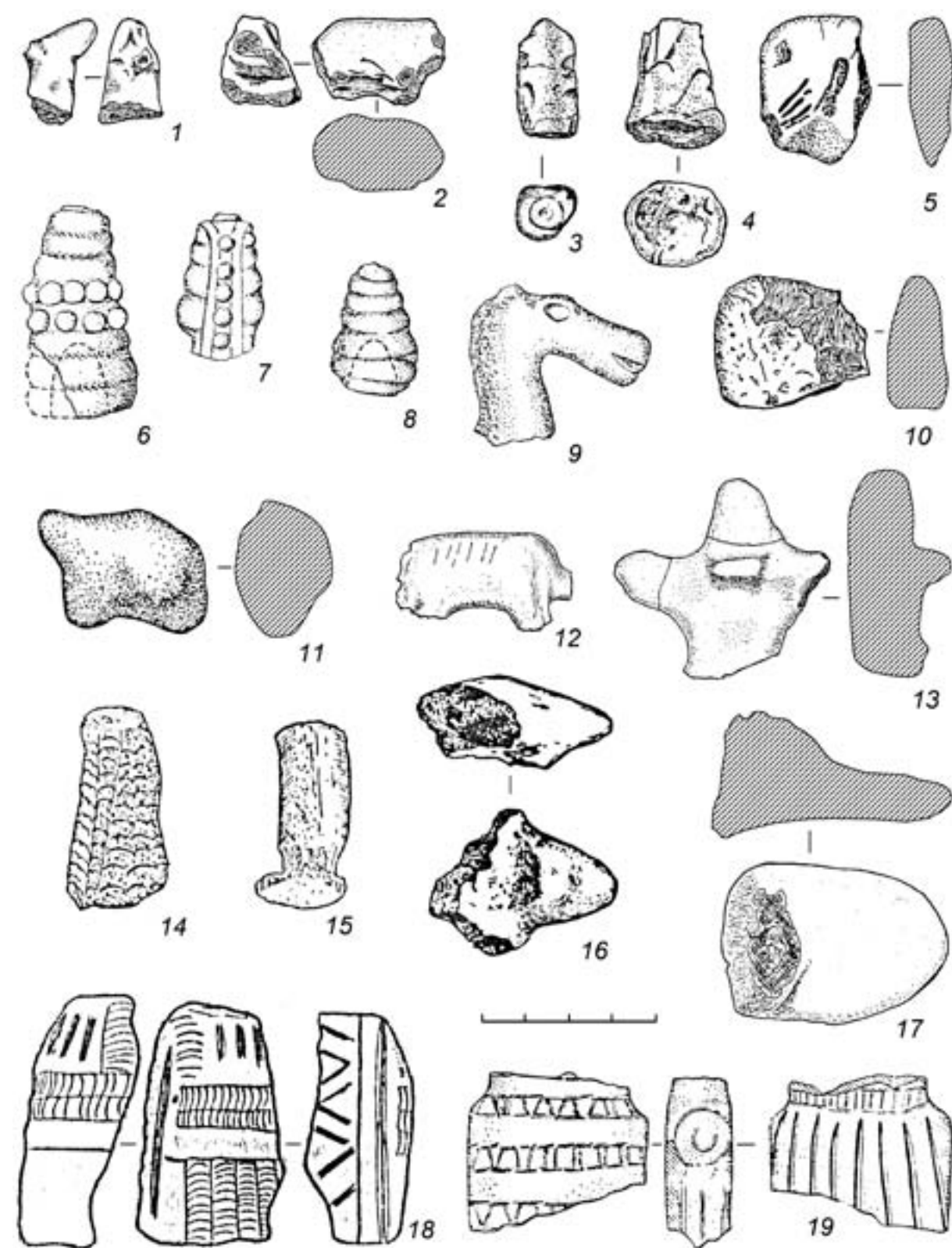

Табл. 48. Глиняные изделия. 1, 2 – поселение Среднее Шадбегово; 3-5, 10 – Аргыжское городище; 6-9, 19 – Серенькино городище; 11 – поселение Усть-Курья; 12, 14, 15 – селище Уяндык I; 13, 16, 17 – Кочуровское IV поселение; 18 – Подгорно-Байларское III селище

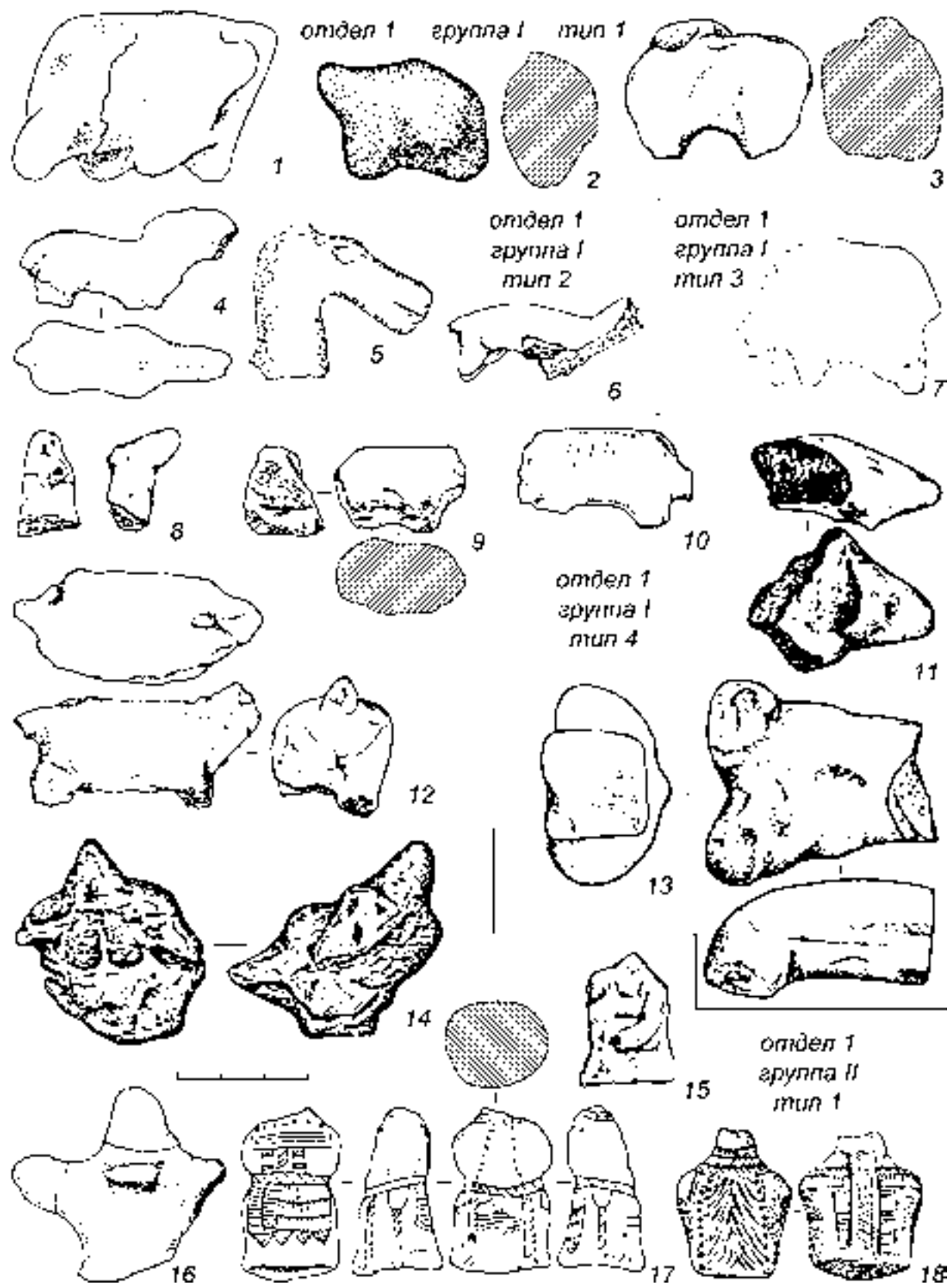

Табл. 49. Глиняные изделия. Отдел I группа I типы 1-4; отдел I группа II тип 1

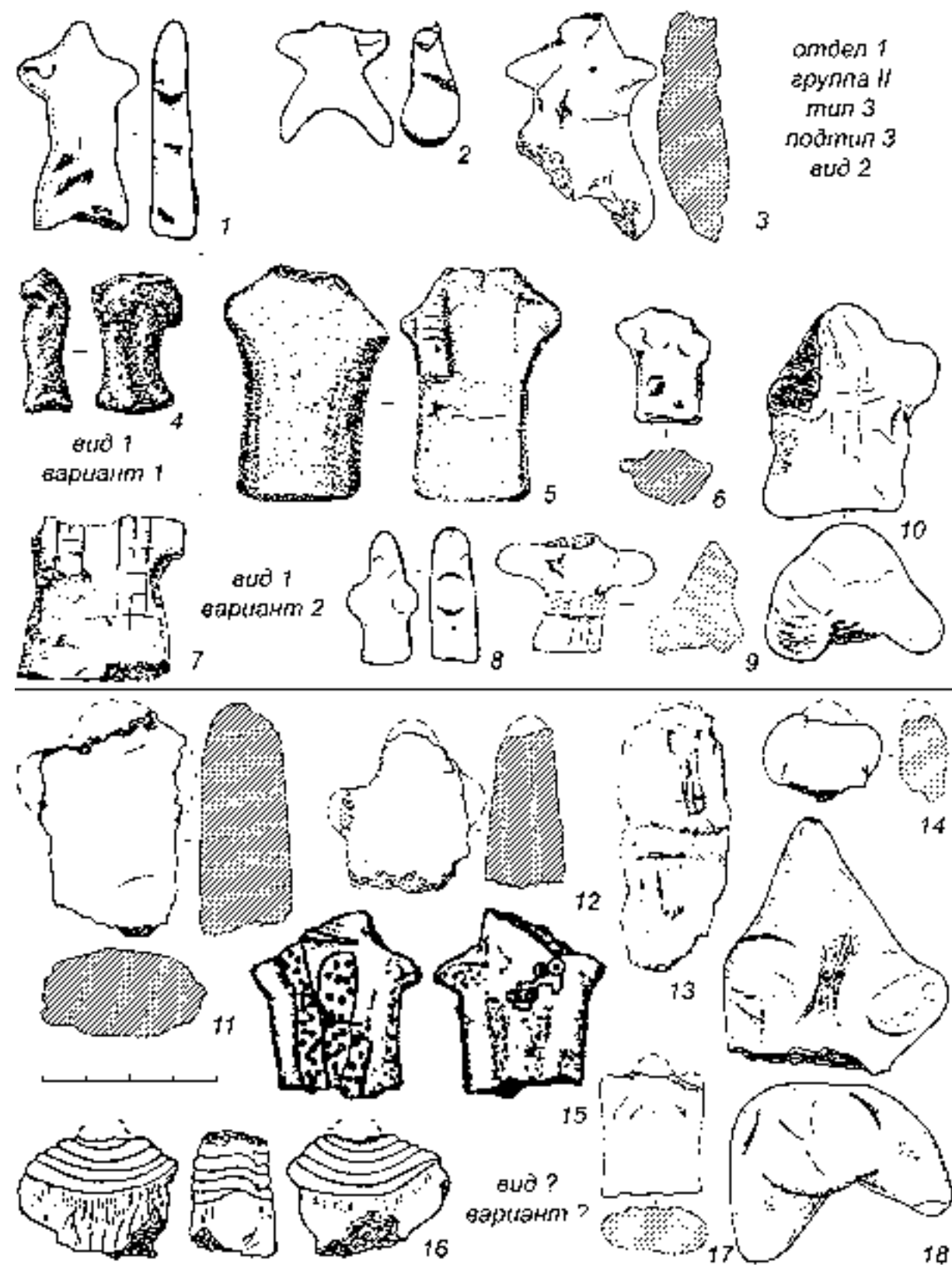

Табл. 50. Глиняные изделия. Отдел I группа II тип 3 подтип 3

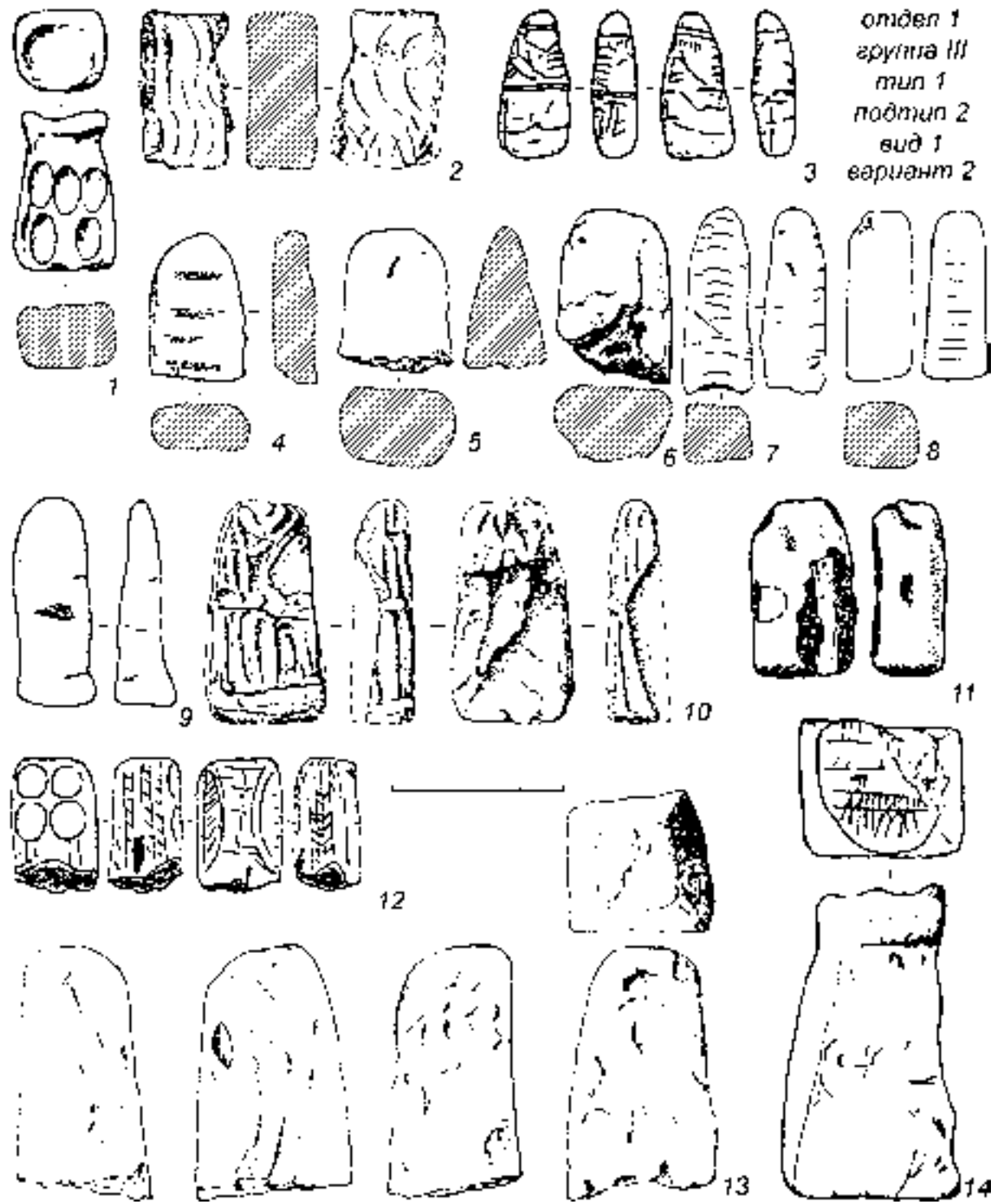

Табл. 51. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 2 вид 1 вариант 2

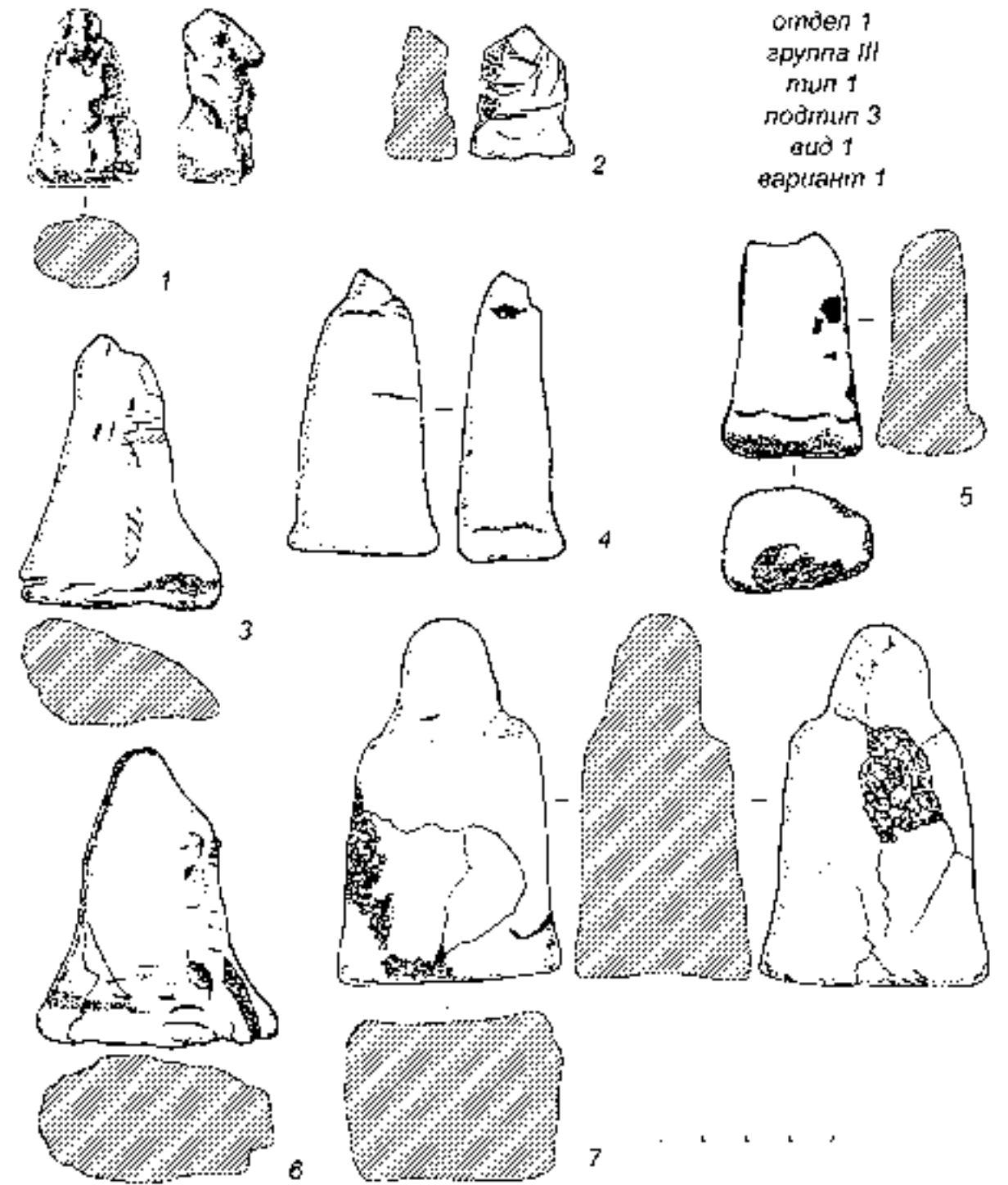

Табл. 52. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 3 вид 1 вариант 1

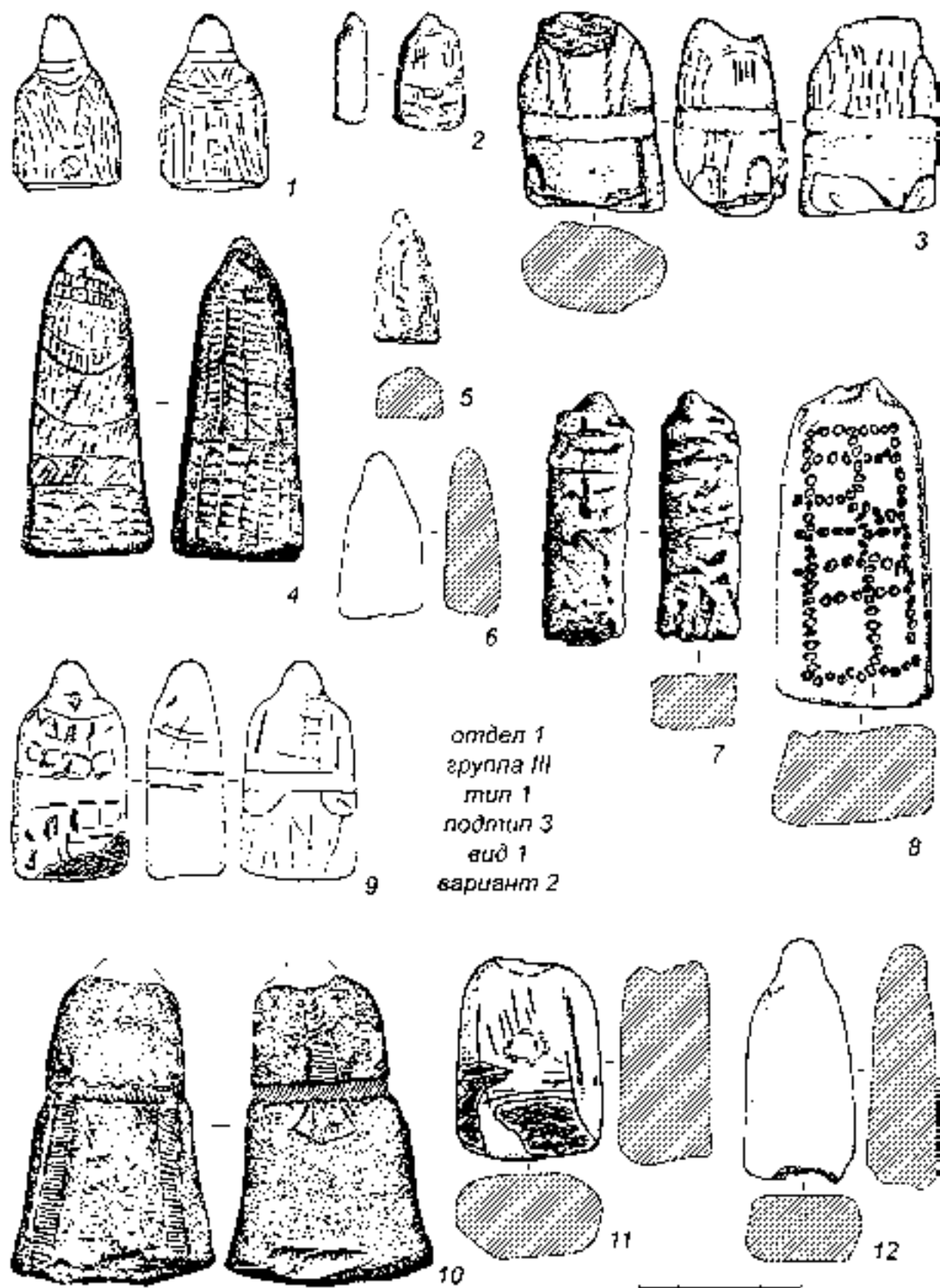

Табл. 53. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 3 вид 1 вариант 2

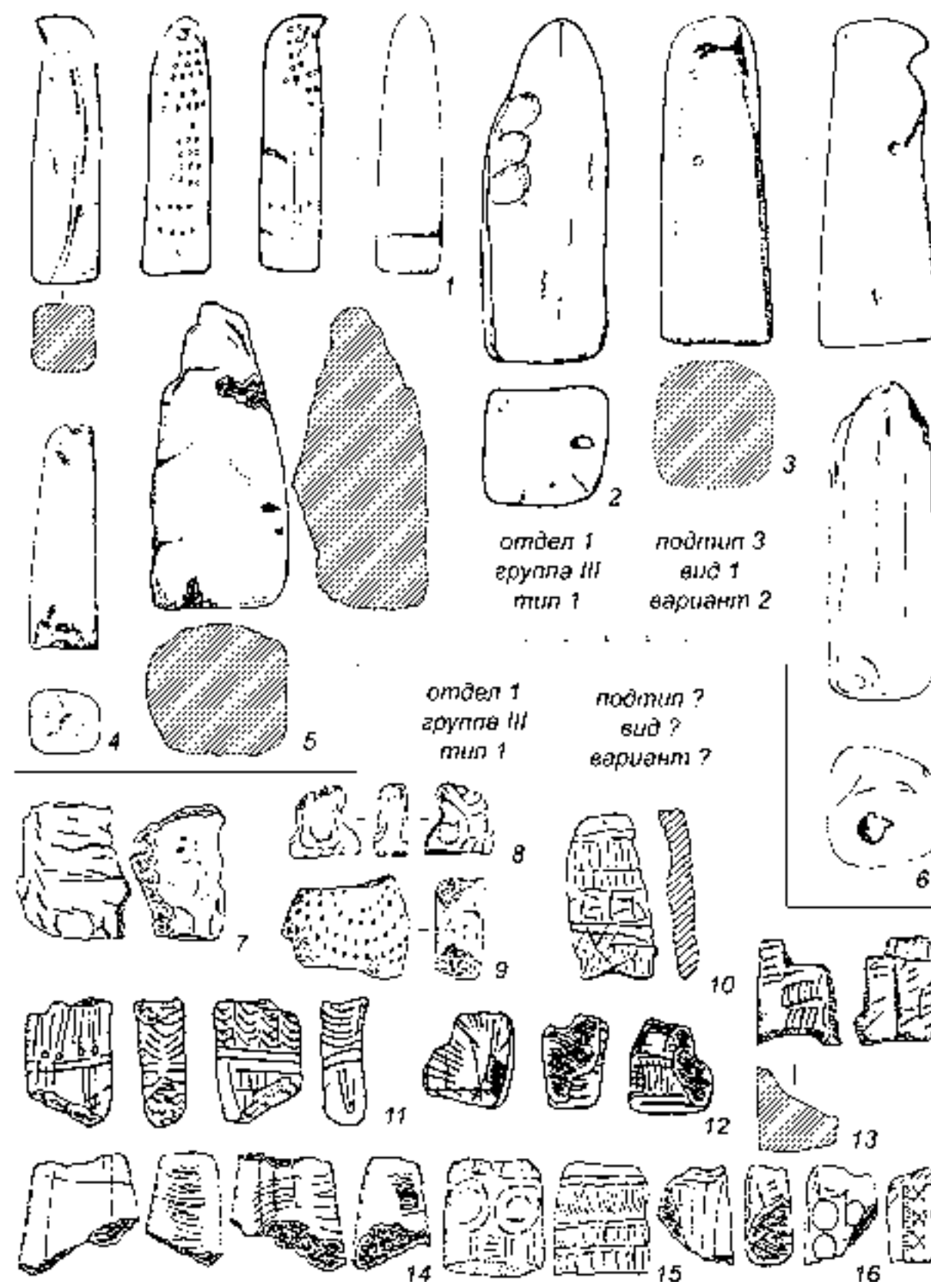

Табл. 54. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 3 вид 1 вариант 2; отдел 1 группа III тип 1 подтип, вид, вариант ?

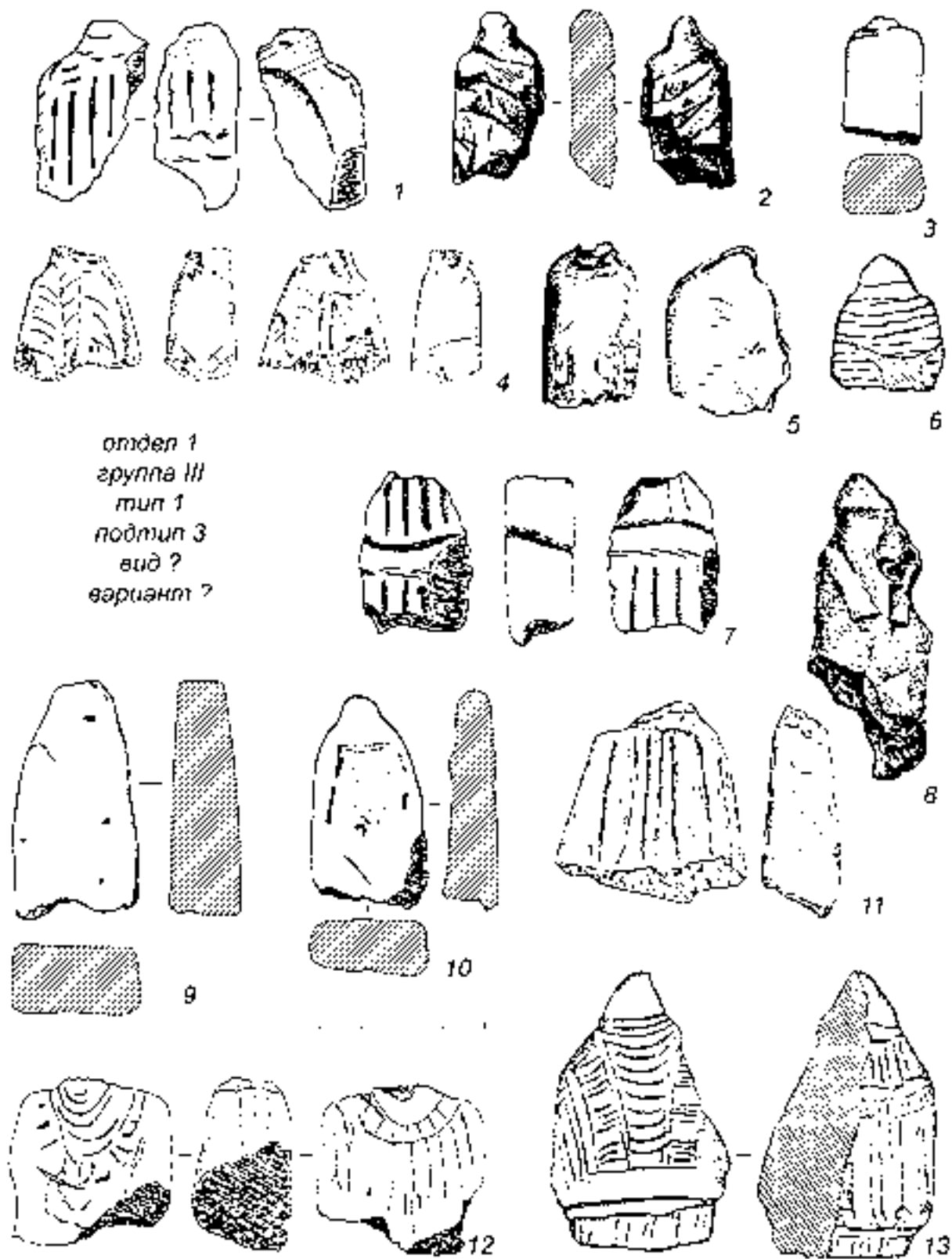

Табл. 55. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 3 вид, вариант ?

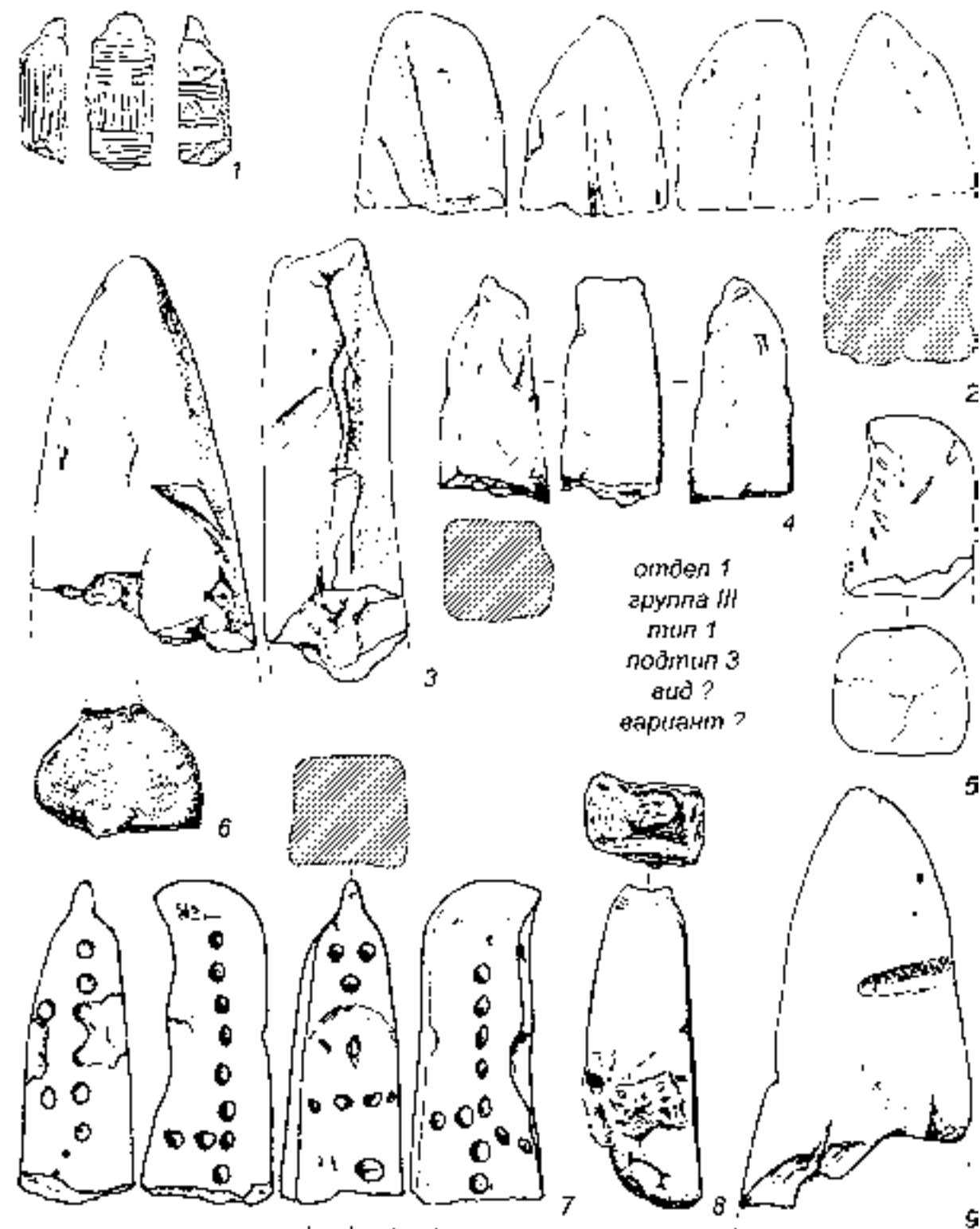

Табл. 56. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип 3 вид, вариант ?

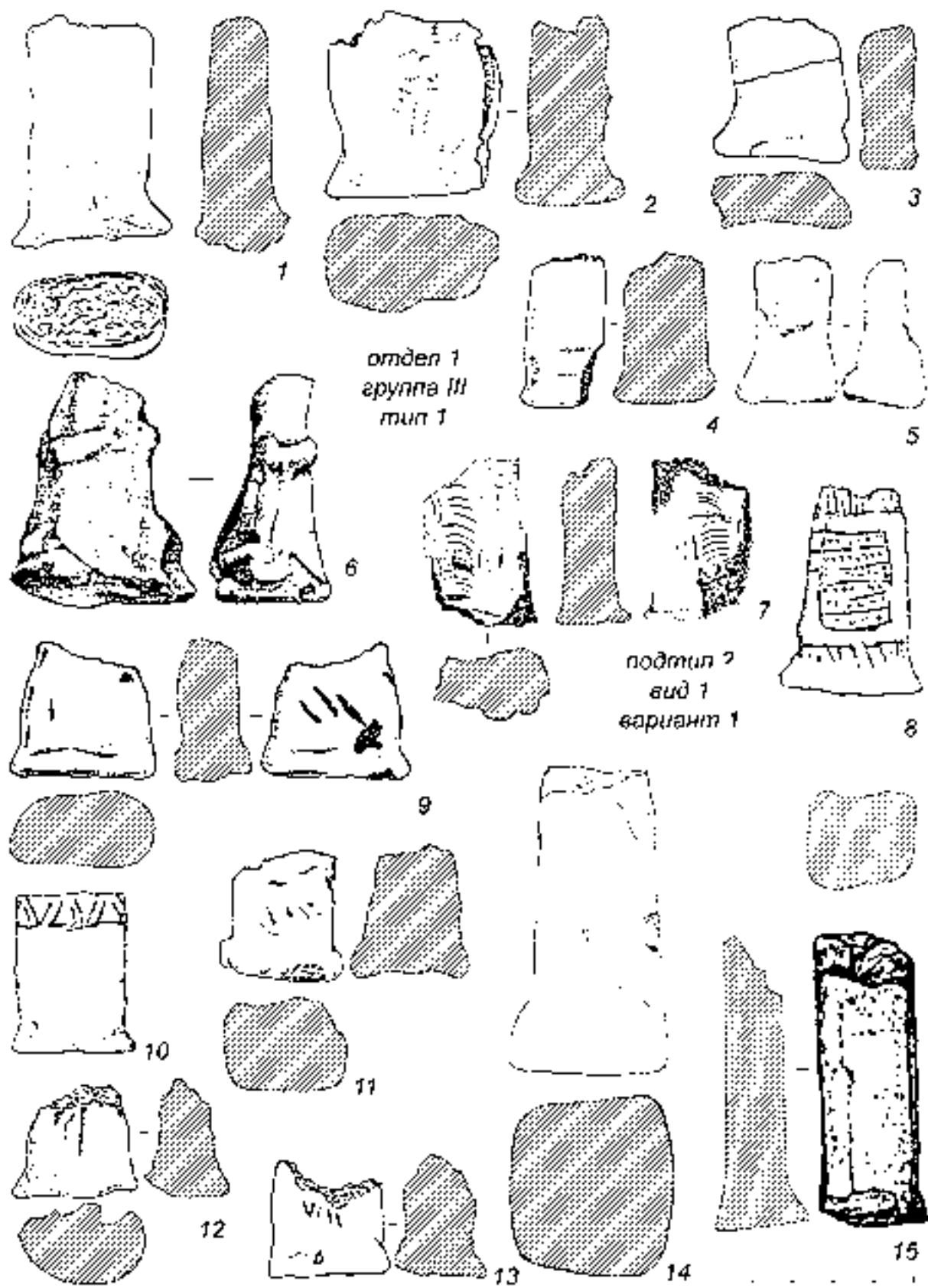

Табл. 57. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип ? вид 1 вариант 1

Табл. 58. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип ? вид 1 вариант 1; отдел 1 группа III тип 1 подтип ? вид 1 вариант 2

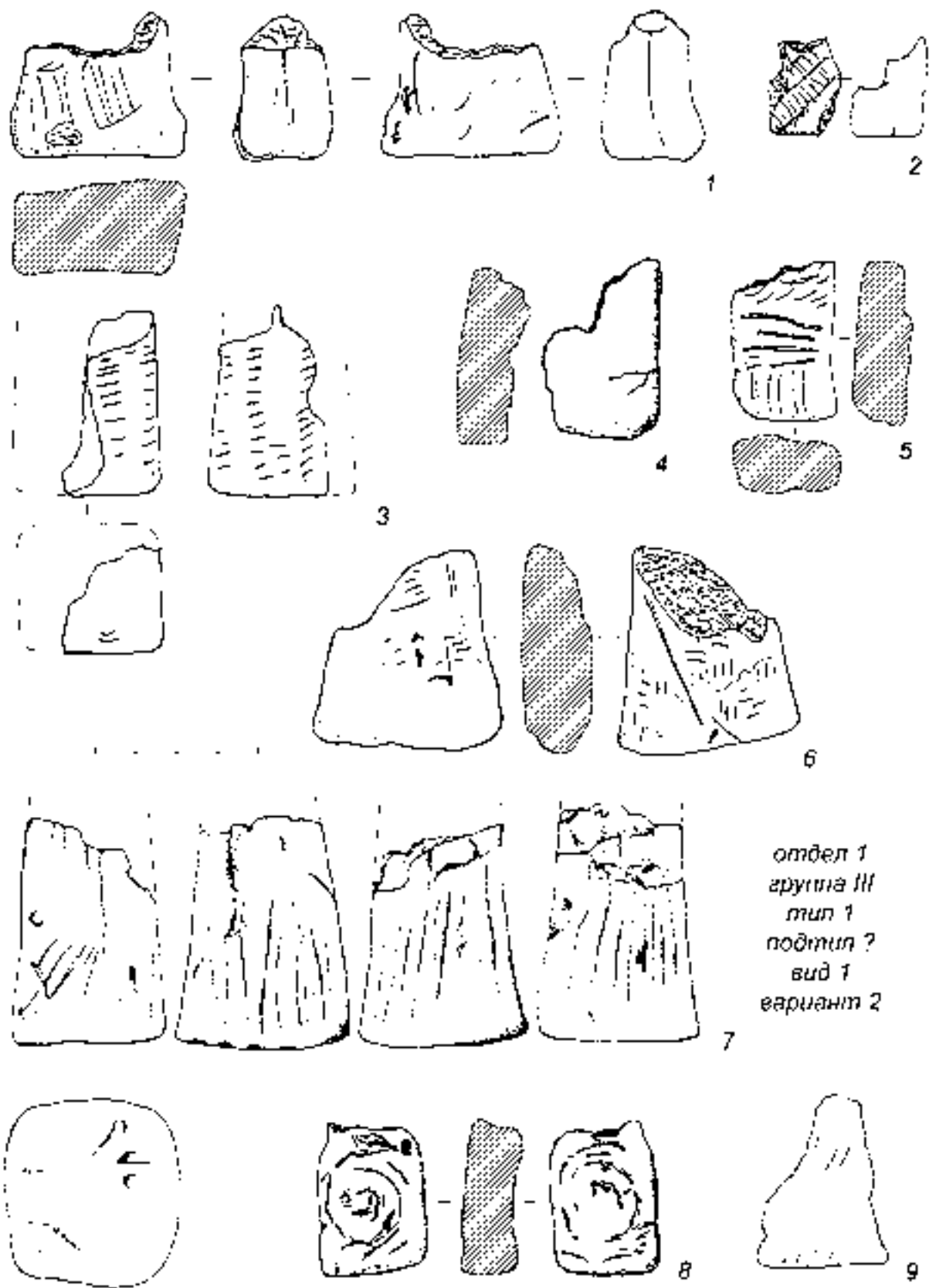

Табл. 59. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип ? вид 1 вариант 2

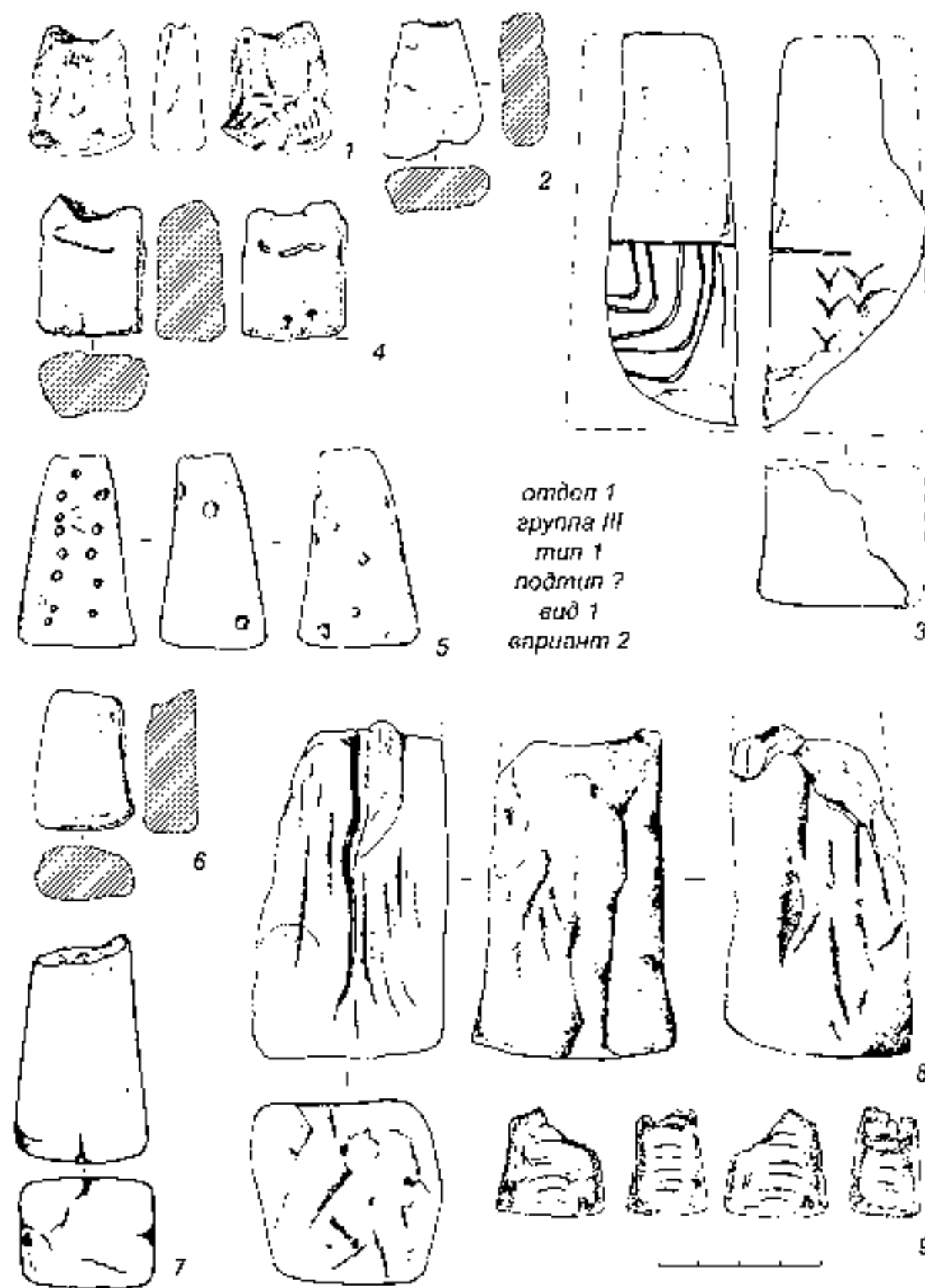

Табл. 60. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип ? вид 1 вариант 2

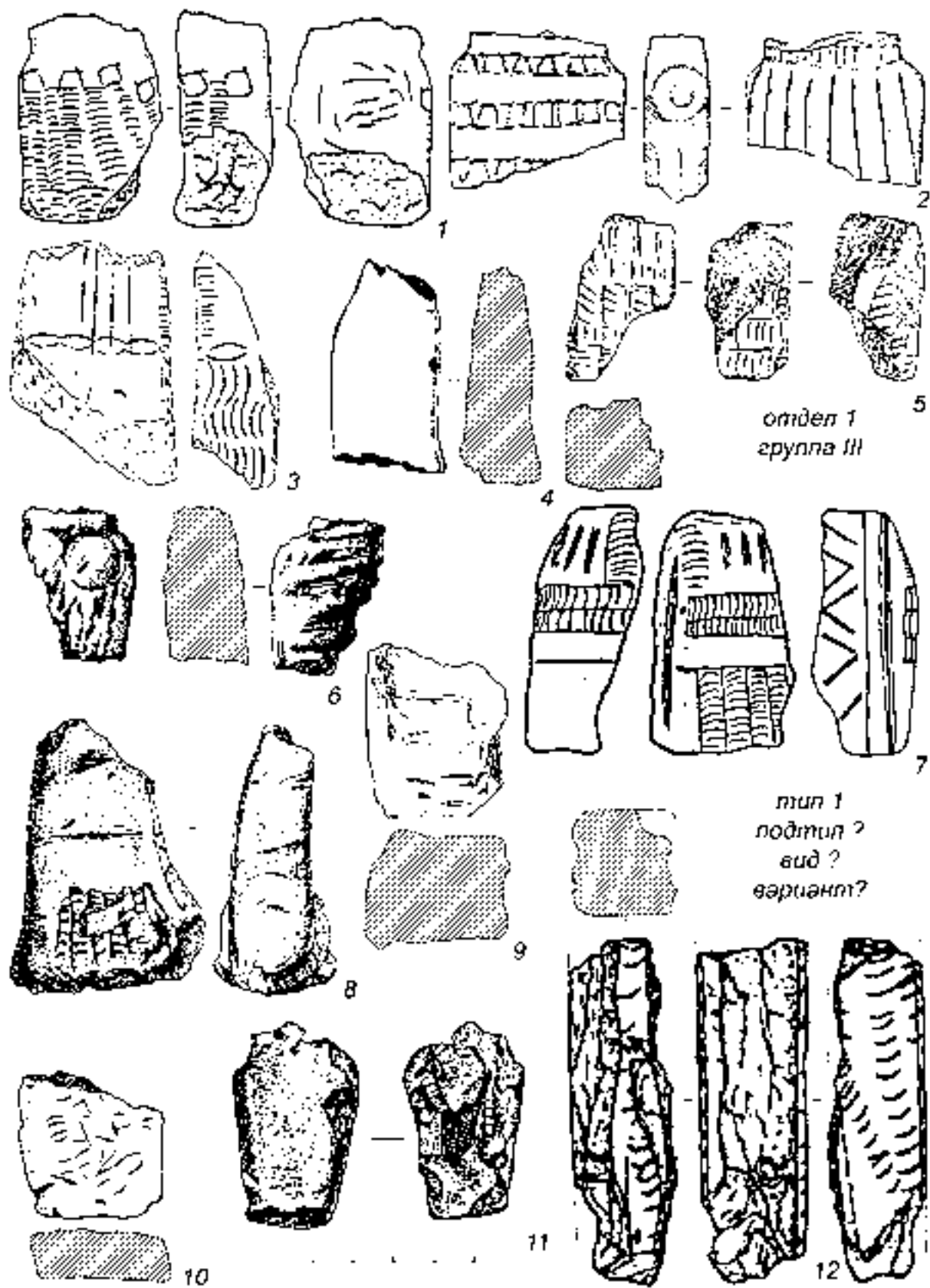

Табл. 61. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 1 подтип, вид, вариант ?

Табл. 62. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 2 подтип 1 вид 1 вариант 2; отдел 1 группа III тип 2 подтип 4 вид 1 вариант 1; отдел 1 группа III тип 2 подтип, вид, вариант ?

Табл. 63. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 3 подтип 2 вид 3 вариант 2; отдел 1 группа III тип 3 подтип, вид, вариант ?

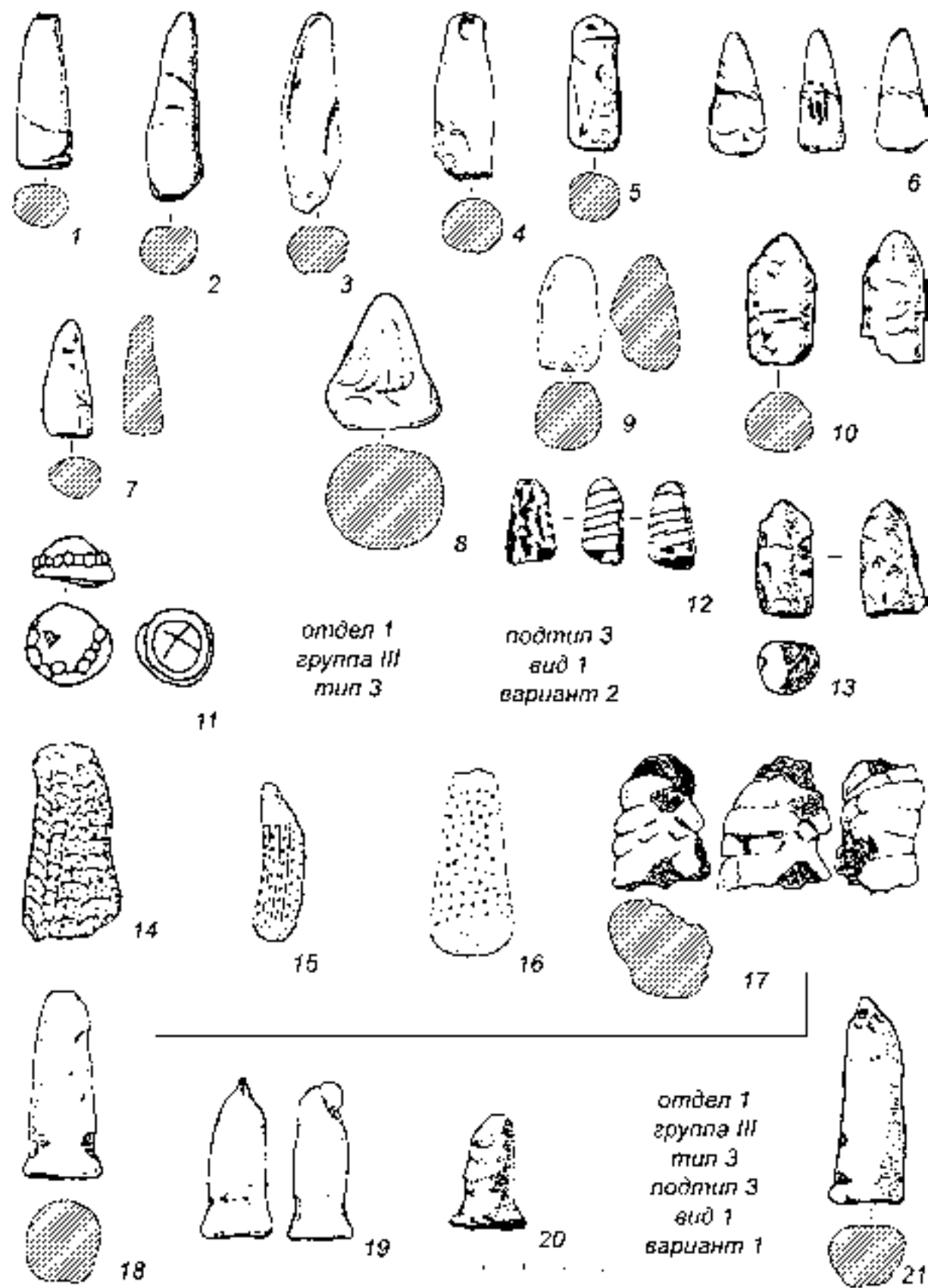

Табл. 64. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 3 подтип 3 вид 1 вариант 2; отдел 1 группа III тип 3 подтип 3 вид 1 вариант 1

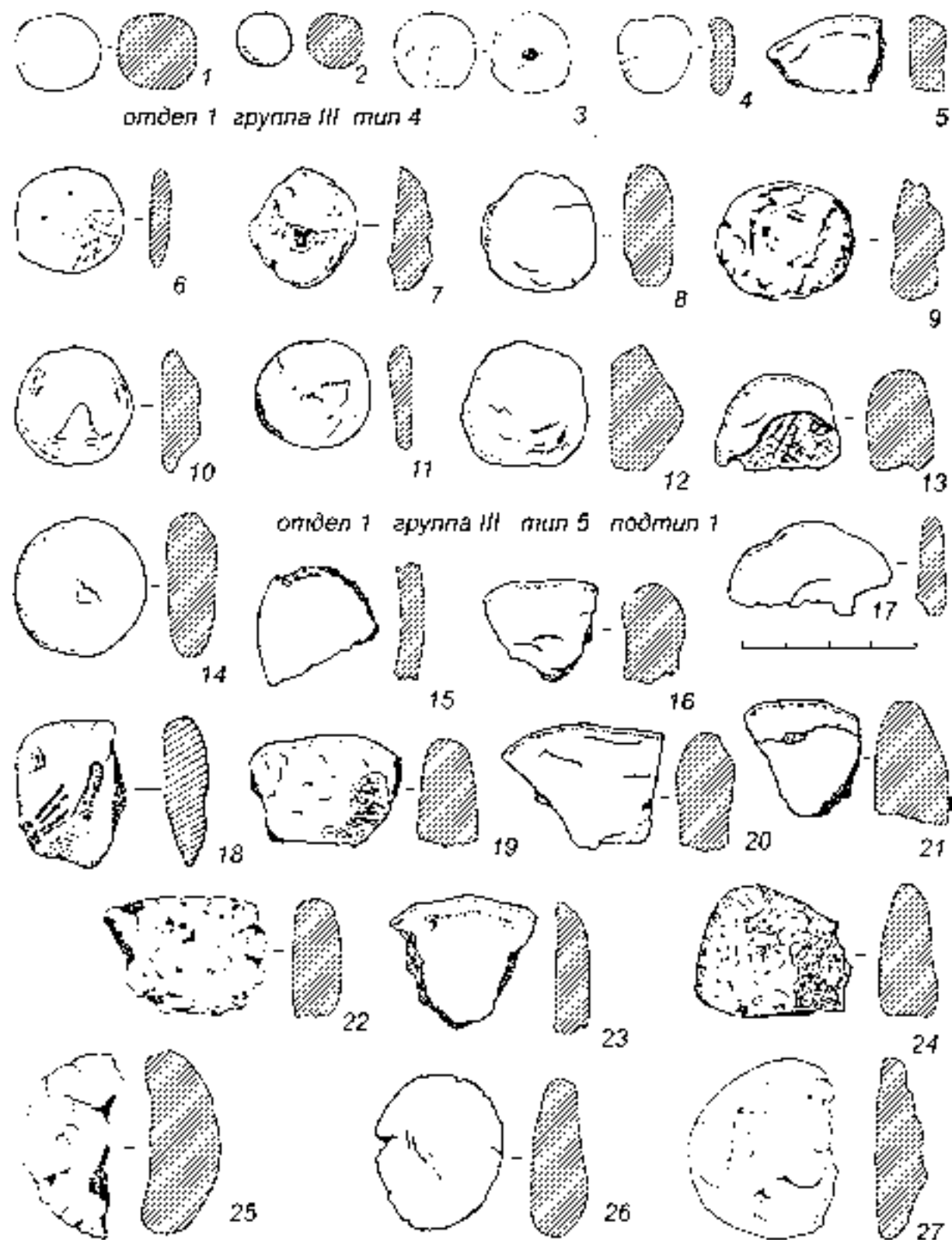

Табл. 65. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 4; отдел 1 группа III тип 5 подтип 1

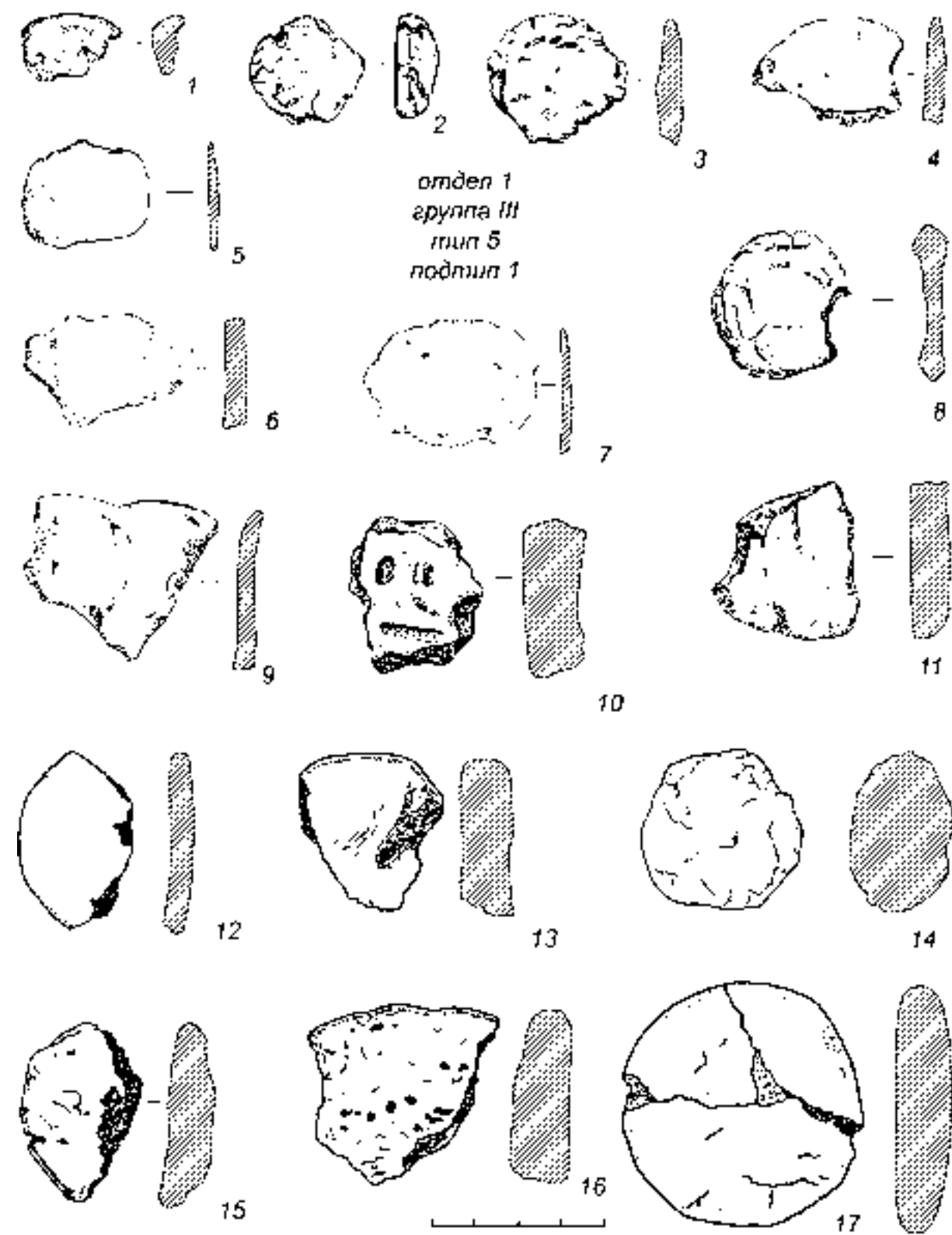

Табл. 66. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 5 подтип 1

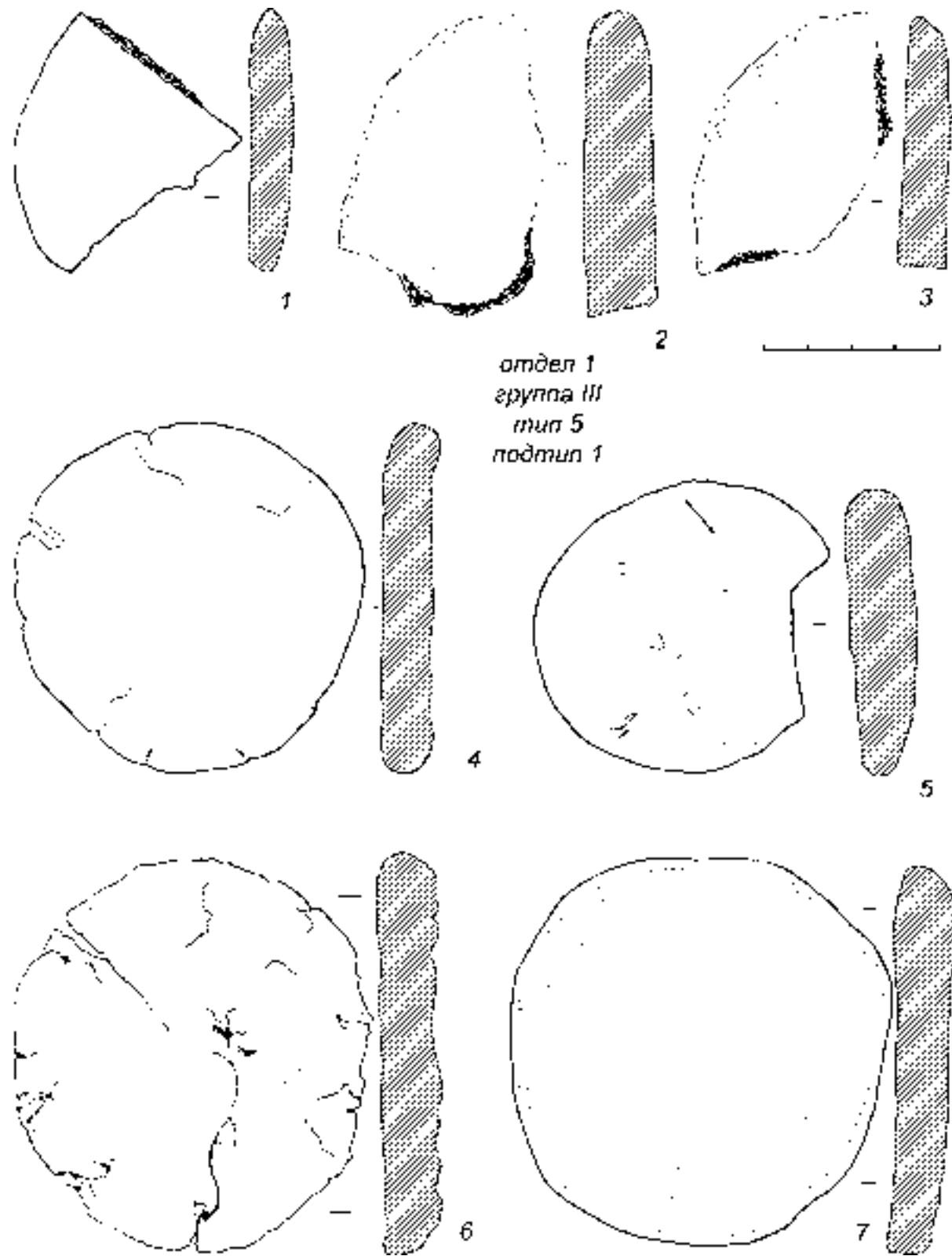

Табл. 67. Глиняные изделия. Отдел 1 группа III тип 5 подтип 1

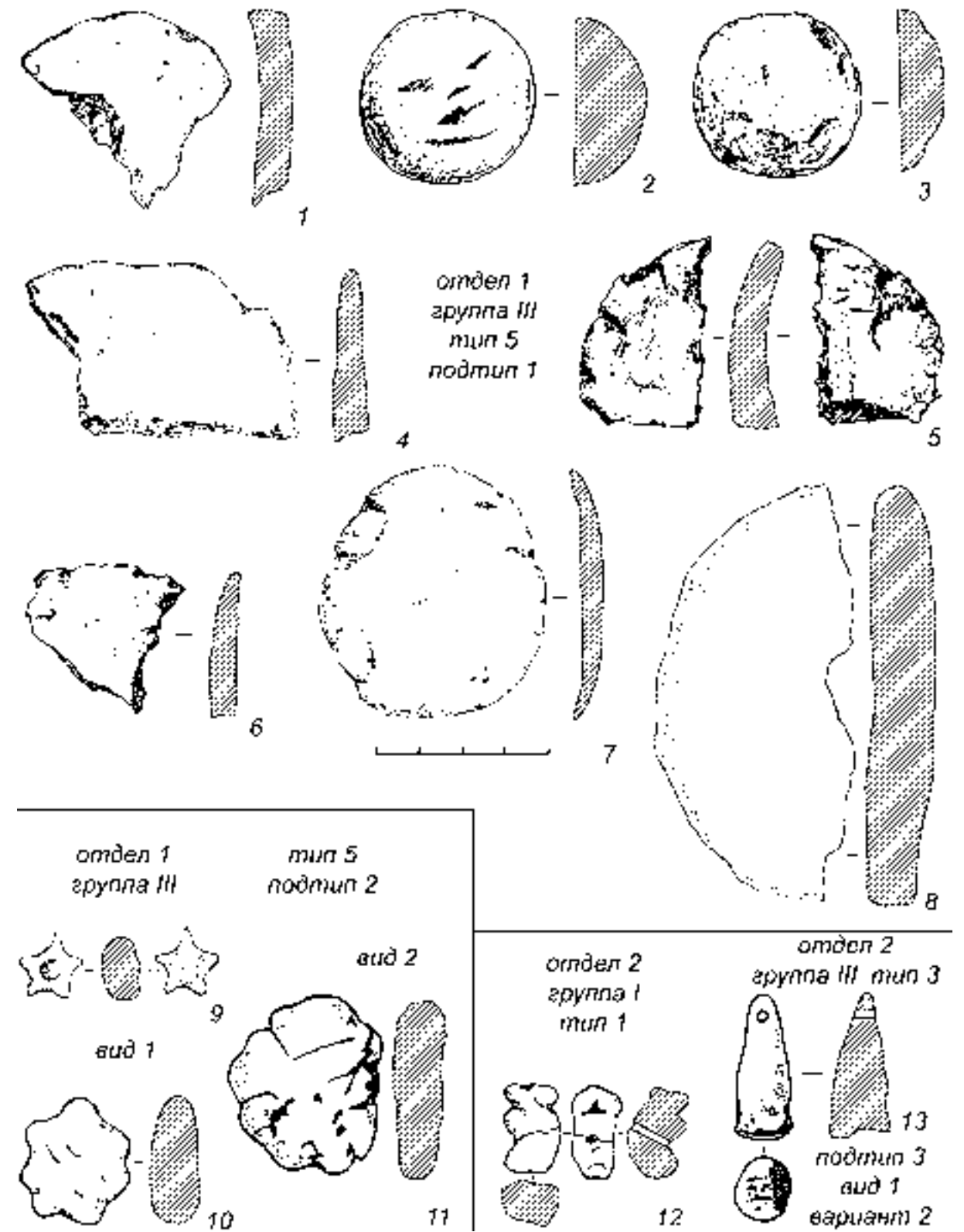

Табл. 68. Глиняные изделия. отдел 1 группа III тип 5 подтип 1; отдел 1 группа III тип 5 подтип 2 вид 1 и 2; отдел 2 группа I тип 1; отдел 2 группа III тип 3 подтип 3 вид 1 вариант 2

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

- Борзунов В.А. Отчет за 1983 г. Отчет о раскопках Баш-Култаевского (Кола-Уры) городища в Пермском районе Пермской области в 1983 г. // Архив КА ПГУ. Свердловск, 1984.
- Водолаго Н.В. Отчет за 1983 г. Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР в 1983 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.175. Ижевск, 1984.
- Воронкова Н.А. Отчет за 1963 г. Отчет о разведке в Верхне-Муллинском районе Пермской области в 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д.3958. М.
- Генинг В.Ф. Отчет за 1952 г. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом БАЭ в 1952 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.714. М.
- Генинг В.Ф. Отчет за 1953 г. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом БАЭ в 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.758. М.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1983 г. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1983 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.173. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1984 г. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1984 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.174. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1985 г. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1985 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.225а. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1986 г. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1986 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.235. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1987 г. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1987 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.261. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1988 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском и Слободском районах Пермской области и Кильмезском районе Кировской области в 1988 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.273. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1989 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском и Слободском районах Пермской области и Кильмезском районе Кировской области в 1989 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.273. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1990 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики и Березовском районе Пермской области в 1990 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.291. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1991 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1991 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.310. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1992 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1992 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.311. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1993 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1993 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.316. Ижевск.
- Голдина Р.Д. Отчет за 1994 г. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1994 г. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.317. Ижевск.
- Девятова Н.П. Отчет за 1988 г. Отчет об исследованиях в Котельничском и Малмыжском районах Кировской области летом 1988 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.283. Ижевск.
- Денисов В.П. Отчет за 1960 г. Отчет о раскопках в Пермской области, проведенных в 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.2206. М.
- Денисов В.П. Отчет за 1965 г. Отчет о раскопках в Пермской области в 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.3103. М.
- Коренюк С.Н. Отчет за 1987 г. Отчет о работах в зоне мелиоративного строительства Пермского и Оханского районов Пермской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.11663. М.
- Коренюк С.Н. Отчет за 1991 г. Отчет о работах в Среднем Прикамье в 1991 г. // Архив КА ПГУ.
- Краева Л.А., 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э. / Дисс. ... канд. ист. наук. М. Рукопись. 299 с.
- Красноперов А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.) / Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06 // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.86. Ижевск.

- Ленц Г.Т. Отчет за 1982 г. Отчет об археологических исследованиях в Пермской области в 1982 г. // Архив КА ПГУ.
- Мельничук А.Ф. Отчеты за 1979 г. Отчет о работе Березниковского отряда КАЭ в 1979 г. // Архив КА ПГУ.
- Мельничук А.Ф. Отчет за 1980 г. Отчет о работе Березниковского отряда КАЭ в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.8011. М.
- Мельничук А.Ф. Отчет за 1981 г. Отчет о полевых исследованиях в Пермском районе и в бассейне р. Сылва в 1981 г. // Архив КА ПГУ.
- Мельничук А.Ф. Отчеты за 1983 г. Отчет о полевых исследованиях в Среднем Прикамье в 1983 г. // Архив КА ПГУ.
- Мельничук А.Ф. Отчет за 1990 г. Отчет о полевых исследованиях в Пермском районе Пермской области в 1990 г. // Архив КА ПГУ.
- Мокрушин В.П. Отчет за 1986 г. Отчет о полевых исследованиях с Пермской области в 1986 г. // Архив КА ПГУ.
- Наговицын Л.А. Отчет за 1984 г. Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1984 г. Ижевск. 1984.
- Оборин В.А. Отчет за 1958 г. Отчет о работе Верхнекамского отряда БАЭ Молотовского университета в июле-сентябре 1958 г. // Архив КА ПГУ.
- Оборин В.А. Отчет за 1959 г. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1959 г. // Архив КА ПГУ.
- Оборин В.А. Отчет за 1960 г. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.2091. М.
- Оборин В.А. Отчет за 1961 г. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1960 г. // Архив КА ПГУ.
- Оборин В.А. Отчет за 1987 г. Отчет об исследовании Мокинского могильника в Пермском районе Пермской области в 1987 г. // Архив КА ПГУ.
- Оборин В.А. Отчет за 1988 г. Раскопки на восточном склоне Гремячанского поселения-святилища в Осинском районе Пермской области в 1988 г. // Архив КА ПГУ. Пермь, 1989.
- Пастушенко И.Ю. Отчет за 1996 г. Отчет об исследовании Момылевского городища в Сарапульском районе Удмуртской Республики в 1996 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.350. Ижевск. 1997.
- Пастушенко И.Ю. Отчет за 1999 г. Отчет об исследовании Момылевского городища в Сарапульском районе Удмуртской Республики в 1999 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.368. Ижевск.
- Поляков Ю.А. Отчет за 1964 г. Отчет о раскопках Юго-Камского костища в 1964 г. // Архив КА ПГУ.
- Поляков Ю.А. Отчет за 1979 г. Отчет о раскопках Назаровского городища в Ильинском районе Пермской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.7632. М.
- Решетников Н.Л. Отчет за 1985 г. Отчет о раскопках Момылевского городища в Сарапульском районе Удмуртской АССР, разведочном обследовании Икского могильника в Елабужском районе ТАССР, проведенных в 1985 г. // Архив Сарапульского Музея истории и культуры Среднего Прикамья.
- Решетников Н.Л. Отчет за 1987 г. Отчет о раскопках Момылевского городища в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Дербешкинского поселения в Актанышском районе БАССР и разведочных работах в Каракулинском районе Удмуртской АССР в 1987 г. // Архив Сарапульского Музея истории и культуры Среднего Прикамья.
- Тищенко И.Г., 2005. Орнаментированные пряслица как исторический источник (по материалам ананьинских городищ р.Вятки) / Дипломная работа // Архив ИИКНП УдГУ. Ф.1. Д.813. Ижевск.
- Черных Е.М. Отчет за 1998 г. Отчет об археологических исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1998 г. Ижевск. 1999. Т.1 // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.344. Ижевск.
- Черных Е.М. Отчет за 1999 г. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1999 г. Т.II (Зуево-Ключевское I городище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.355. Ижевск, 2000.
- Черных Е.М. Отчет за 2001 г. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 2001 г. Т.I // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.392. Ижевск, 2002.

Черных Е.М. Отчет за 2002 г. Отчет об археологических исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 2002 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.401. Ижевск, 2002.

Черных Е.М. Отчет за 2003 г. Отчет об археологических исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2003 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.423. Ижевск, 2004.

Список литературы

Абрамова З.А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. Вып.А4-3. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 84 с.

Абрамова З.А., 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.: Наука.

Андреева Е.Г., 1967. Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников // УЗ ПГУ. №148. Пермь. С.171-186.

Андреева Е.Г., 1982. Домашние и дикие животные из раскопок памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.

Антонова Е.В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука. 151 с.

Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука. 261 с.

Антонова Е.В., 1987. К исследованию семантики антропоморфных статуэток первобытных земледельцев (На материале анауской культуры) // ВДИ. №4. С.49-69.

Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука. 287 с.

Археология Республики Коми, 1997. М. 758 с.

Ашихмина Л.И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров. Ижевск. С.139-166.

Ашихмина Л.И., 1980. Исследования на реках Вятке и Печоре // АО 1979 г. М. С.132-133.

Ашихмина Л.И., 1992. Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа // Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. Вып.298. 32 с.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 г. М. С.155-156.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971 г. М. С.182-183.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск. 219 с.

Балабина В.И., 1998. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М. 270 с.

Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988. Зооморфные изображения из Чичиркозовского поселения // КСИА. Вып.193. С.81-87.

Балакин Ю.В., 1998. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале [Электронный ресурс] / Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. 288 с. Режим доступа: <http://www.perm-animal-style.ru/science/ritual/>

Белавин А.М., 1984. Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье // АО 1983 г. М. С.137-138.

Белавин А.М., 1985. Раскопки в окрестностях г. Березники // АО 1984 г. М. С.137-138.

Белавин А.М., 1989. Раскопки памятников эпохи средневековья в Пермском Приуралье в 1987-1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР. С.43-45.

Белавин А.М., Мельничук А.Ф., 1984. Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Белавин А.М., Мельничук А.Ф., 1985. Археологические памятники окрестностей г. Березники Пермской области. Березники.

Белицер В.Н., 1951. Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во АН СССР.

Береснева Н.А. Береснев А.Г., 2004. К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всероссийской науч. конф. Омск. С.202-204.

Беркутов Л.А., 1914. Разведки и раскопки, произведенные Беркутовым по поручению Сарапульского земского музея в 1910, 1912, 1913 гг. // Известия Сарапульского земского музея. Вып.IV. М.

Берлин А.В., 2010. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск. С.150-162.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. №38.

Бобринский А.А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та. С.5-21.

Богатырев П.Г., 1971. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство. 544 с.

Богданов Е.С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) // Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.

Боковенко Н.А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. №4. С.228-235.

Борзунов В.А., 1997. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА. №1. М. С.163-180.

Борзунов В.А., 1997а. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // РА. №2. М. С.197-210.

Бушкевич С.П., 1999. Жертва // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2. М. С.208-215.

Васильев С.А., 2002. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (источники формирования). Дисс. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / СПб. 530 с. Режим доступа: <https://www.academia.edu/3711235/>

Вечтомов А.Д., 1962. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. Вып.2. Свердловск. С.85-89.

Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. №148. Пермь. С.133-155.

Вечтомов А.Д., 1980. Раскопки Пермского отряда // АО 1979 г. М. С.137.

Вечтомов А.Д., 1983. Раскопки Гляденовского городища // АО 1981 г. М. С.140.

Вечтомов А.Д., 1985. Новые исследования Гляденовского костяка // АО 1983 г. М. С.140.

Вечтомов А.Д., Соболева Н.В., 1987. Раскопки Половинного I поселения // АО 1985 г. М. С.170-171.

Виноградов С.Н., 1973. Удмуртские народные узоры и значение их названий // Об удмуртском фольклоре и литературе. Сб. статей. Вып.I. Ижевск. С.26-40.

Владыкин В.Е., 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия. 383 с.

Генинг В.Ф., 1967. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып.7. Свердловск-Ижевск. С.141-163.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.10. Свердловск, Ижевск. 224 с.

Генинг В.Ф., 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.2. Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.11. Свердловск, Ижевск.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. №1. С.114-135.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история западного Приуралья на рубеже нашей эры. М. 240 с.

Герд К., 1993. Человек и его рождение у восточных финнов // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Vol.217. Helsinki. S.1-97.

Голдина Р.Д., 1976. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С.75-83.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.

Голдина Р.Д., 1987. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск. С.84-106.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет. 464 с.

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т.П. Ижевск. 721 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. 340 с.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск. 168 с.

Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 607 с.

Гура А.В., 1999. Заяц // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2. М. С.284-288.

Гура А.В., 2004. Лягушка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.3. М. С.162-164.

Гусенцова Т.М., 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск. С.70-92.

Гущин А.С., 1937. Происхождение искусства. М.-Л.: Искусство. 114 с.

Даркевич В.П., 1960. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. №4. С.56-67.

Древняя история Южного Зауралья, 2000. Т.П. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ. С.207–430.

Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище (Древнее поселение в Подмосковье) // МИА. №156.

Ефименко П.П., 1931а. Женские статуэтки ориньякско-солотвейской эпохи // Сообщения ГАИМК. №7. С.4-5.

Ефименко П.П., 1931б. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Т.ХI. Вып.3-4. Л.

Ефименко П.П., 1931в. Костенки I (Из итогов экспедиции 1931 г.) // Сообщения ГАИМК. Т.11/12. Вып.3-4. С.58-60.

Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев: Изд-во АН УССР.

Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 453 с.

Замятнин С.Н., 1935. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Известия ГАИМК. Вып.118. Палеолит СССР. М.-Л. С.26-77.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. М. 326 с.

Иванов В.А., 1976. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. №3. С.308-312.

Иванов В.А., 1980. Раскопки памятников пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // АО 1979 г. М. С.145-146.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М. 87 с.

Иванова М.Г., 1983. Металлические украшения северных удмуртов в начале II тысячелетия н.э. // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов Удмуртской АССР. Ижевск. С.113-125.

Иванова М.Г., 1991. Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Сб. научных трудов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР. С.35-55.

Исаева Т.А., 2007. Кукла в игре и сакральном пространстве (по материалам исследований традиционной культуры ханты) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут. С.186-196.

Искусство каменного века..., 1992. Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). М.: Наука. 136 с.

Казанцева О.А., 1987. Исследования Яромасского городища в бассейне р. Камы // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С.135-144.

Калинина И.В., 2007. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут. С.106-124.

Кашина Е.А., 2004. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. №3. С.20-32.

Кернер В.Ф., 2002. «Укрощение строптивой»: образ женщины в пластике Северной Евразии // Северный конгресс. Екатеринбург, Ханты-Мансийск. С.122-137.

Клепиков В.М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ. 216 с.

Климов К.М., 1988. Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия. 199 с.

Климов К.М., 2000. Удмуртский текстильный орнамент как диалог культур. Ижевск: Удмуртский университет. 60 с.

Клюева Г.Н., 1984. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. Вып.2. С.20-34.

Колобова Т.А., 2006. Глиняная пластика Прикамья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. 27 с.

Коренюк С.Н., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1994. Исследования культовых памятников раннего железного века в Среднем Приуралье // АОУП. Йошкар-Ола. С.67-70.

Корепанов К.И., 1990. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.

Корепанов К.И., 1995. Символы воспроизводства и эротический мотив в древних культурах Урала и Прикамья // Мир духовного: религиозно-культурные параллели. Ижевск. С.50-53.

Корепанов К.И., 1996. Новые аспекты в изучении семантики искусства финно-угров Среднего Поволжья и Прикамья эпохи железа (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.) // VIII Международный конгресс финно-угроведов. Ювяскюля.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 240 с.

Крис Х.И., 1995. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. №4. С.56-67.

Кричевский Е.Ю., 1949. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // УЗ ЛГУ. №85. С.54-110.

Крыласова Н.Б., 1992. Костюм средневекового населения Прикамья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар. С.136-142.

Крыласова Н.Б., 2004. Керамические «статуэтки» со средневековых поселений пермского Предуралья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга: Сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С.321-330.

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь. 352 с.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Монография. М.: Наука. 258 с.

Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та. 192 с.

Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 64 с.

Курганы левобережного Илека, 1996. Курганы левобережного Илека. Вып.4. М.: ИА РАН. 152 с.

Лепихин А.Н., 2007. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники. 224 с.

Марков А.Н., 1987. Городище Гремячий Ключ // АЭМК. Вып.13. С.102-130.

Маслова Г.С., 1951. Народный орнамент верхневолжских карел. М.: Изд-во АН СССР. 137 с.

Маслова Г.С., 1978. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука. 205 с.

Маслова Г.С., 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука. 213 с.

Матвеева Н.П., 1985. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера // СА. №2. С.223-224.

Матвеева Н.П., 1990. Глиняная пластика саргатской культуры // Семантика древних образов. Новосибирск. С.114-117.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР. С.75-78.

Мифология Коми, 1999. М.-Сыктывкар.

Мифы народов мира, 1997. Энциклопедия. Т.1. М.

Мокрушин В.П., 1992. Раннегладеновское поселение у д. Севастьяны близ г. Перми // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар. С.106-111.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 392 с

Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука.

Напольских В.В., Белых С.К., 1993. Удмуртский Кылдысин – мансийская Калтась: Истоки параллелизма // Культурно-генетические процессы в западной Сибири. Томск.

Новокрещенных Н.Н., 1914. Гладеновское костыще // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т.11. Пермь.

Оборин В.А., 1972. Субботинские городища // Отчеты НКАЭ. Вып.1. М.

Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Книжное изд-во. 190 с.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И., 2001. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья: эпоха каменного века – середина II тыс. н.э. Уфа: Юрика. 235 с.

Окладников А.П., 1941. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.) // МИА. №2. С.104-108.

Окладников А.П., 1967. Утро искусства. Л.: Искусство. 135 с.

Останина Т.И., 1991. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Сб. научных трудов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР. С.76-91.

Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск. 327 с.

Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. Памятники истории и культуры Пермской области. Т.1. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Арабеск. 299 с.

Патрушев В.С., 1986. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола. 123 с.

Патрушев В.С., 2011. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань.

Петренко А.Г., 2009. Взаимовлияния природно-климатических и антропогенных факторов на изменение типов ведения хозяйства в эпоху поздней бронзы – раннего железа у населения Среднего Поволжья и Предуралья // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга. С.169-184.

Пиотровский Б.Б., 1932. Первобытное искусство // Первобытное общество. Сб. статей. М. С.144-154.

Плетнева С.А., 1994. О домашних оберегах в Саркеле-Белой Веже // РА. №1. С.166-172.

Погожева А.П., 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука. 145 с.

Поляков Ю.А., 1981. Раскопки Чашкинского II селища // АО 1980 г. М. С.151-152.

Попова Е.В., 1998. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е гг. XX в.). Ижевск.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1996. О культовых памятниках Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы // Святилище и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь. С.70-73.

Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа. С.59-104.

Пшеничнюк А.Х., 1973. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. Т.5. Уфа.

Розенфельдт И.Г., 1967. Итоги раскопок Щербинского городища // КСИА. Вып.112. С.90-98.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.

Савельев Н.С., 2010. Происхождение керамических импортов кара-абызской культуры лесостепи Южного Приуралья (IV–III вв. до н.э.) // Вестник Челябинского госуниверситета. №15. Вып.40. Челябинск. С.5-13.

Сарианиди В.И., 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч.IV // САИ. Вып.Б3-8.

Семенов В.А., 1983. Истоки некоторых элементов удмуртского женского наряда по данным археологии // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов Удмуртской АССР. Сб. статей. Ижевск. С.126-141.

Сериков Ю.Б., 2005. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : УрГУ. С.93-101.

Сериков Ю.Б., 2012. Древние святилища Шайтанского озера // Археология Арктики. Екатеринбург. С.91-97.

Сериков Ю.Б., 2013. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил. 408 с.

Скриленко А., 1903. Глиняные статуэтки домикенской культуры в Среднем Приднепровье // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т.1.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во СГУ. 300 с.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. №28.

Смирнов К.А., 1975. О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ // КСИА. Вып.142. С.106-108.

Смирнов К.А., 1992. Общие элементы в духовной культуре населения Урала и Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар. С.41-47.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып.Д1-32. М.

Фомин И.И., 1912. Искусство палеолитического периода в Европе. М. 40 с.

Формозов А.А., 1969. «Волшебные фигурки» первобытного человека // ВИ. №4. С.218-220.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М. 176 с.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // САИ. Вып.В1-24. 129 с.

Хвойко В.В., 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев. 103 с.

Хлопин И.Н., 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. Вып. Б3-8.

Чагин Г.Н., 1996. Летние моления и жертвоприношения марийцев Среднего Урала в XIX – начале XX века. // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь. С.82-85.

Черных Е.М., 1996. Культовый комплекс Аргыжского городища на реке Вятке // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь. С.91-93.

Черных Е.М., 2004. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: Некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга: Сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С.113-131.

Черных Е.М., 2007. Ананьинская историко-культурная общность (VIII–III вв. до н.э.) // История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. Ижевск. С.125-165.

Черных Е.М., 2009. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга. С.76-97.

Черных Е.М., 2012. Сакральная топография ананьинских поселений Прикамья (на примере Зуевоключевского I городища) // Археология Арктики. Материалы междунар. научно-практ. конф., посв. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Салехард, Екатеринбург. С.109-115.

Черных Е.М., 2013. Позднеананьинское святилище на Зуевоключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. №1. Казань. С.153-165.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргыжское городище на реке Вятке. М. 188 с.

- Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. №4. М. С.145-151.
- Шарапов В.Э., 2002. Акань. Мифология Коми [Электронный ресурс] / М., Сыктывкар. Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/108.htm>
- Шрамко Б.А., 1999. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. №3. С.35-49.
- Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск.
- Шутова Н.И., 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 304 с.
- Шутова Н.И., 2004. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С.5-35.
- Щапова Ю.Л., 1994. Можно ли построить общую классификацию древнего вещного мира? // История и эволюция древних вещей. М. С.43-49.
- Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев.
- Napolskich W, 2000. "Heidentum", "vorchristliche Religionsglauben" oder Volksreligion? Das permische Beispiel // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. Tartu. Pars III. S.387–388.
- Tallgren A.M., 1937. The Arctic Bronze in Europe // EsA. XI. P.1-12.
- Ucko P.J., 1968. Anthropomorphic Figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with Comparative Material from the Prehistoric Near East and Mainland Greece. London.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный Исторический Музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии Наук
ИИКНП	– Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы
КА ПГУ	– Кабинет археологии Пермского государственного университета
КАЭ	– Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КВАЭ	– Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ АН СССР	– Казанский филиал Академии Наук СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии
НАА	– Народы Азии и Африки
НКАЭ	– Нижнекамская археологическая экспедиция
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	– Советская этнография
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УЗ ЛГУ	– Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗ ПГУ	– Ученые записки Пермского государственного университета
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук
УрГУ	– Уральский государственный университет

ГОНЧАРСТВО НАСЕЛЕНИЯ ТАРАСОВСКОГО СВЯТИЛИЩА

Тарасовское святилище – объект ананьинского времени (IV–III вв. до н.э.), располагалось на месте известного в Приуралье памятника – Тарасовского могильника I–V вв. н.э., культурная принадлежность которого определена автором раскопок как чегандинский вариант пьяноборской этнической общности (Голдина Р.Д., 2003; она же, 2004). Коллекция глиняной посуды из погребений Тарасовского могильника была изучена автором статьи, а результаты исследования опубликованы (Казанцева О.А., 1996а; она же, 2011, с.55-62).

Целью настоящей работы является уникальная возможность сравнить культурные традиции древних гончаров, как части ананьинского и чегандинского населения, на примере керамики археологических памятников – Тарасовского святилища и могильника.

Задачи исследования заключаются в общей характеристике керамики, морфологическом и технико-технологическом изучении фрагментов глиняной посуды Тарасовского святилища. Следует отметить разные информативные возможности коллекций керамики святилища и могильника, хотя основная масса лепной посуды сопоставима по приспособительным навыкам труда (отбор исходного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхностей сосудов).

Общая характеристика выборки керамики

Древние лепные сосуды представлены в основном фрагментами от верхних частей (рис.2), фрагменты стенок керамики единичны (рис.1–3). Целых глиняных сосудов нет. По толщине стенок посуду можно разделить на тонкостенную, толщиной – 0,2-0,4 см (рис.1–1,3,4; 2–6; 4–2,4,5) и толстостенную, толщина в пределах 0,6-0,8 см* (рис.1–7,9; 2–5; 3–8; 4–7,8). Все находки керамики происходят из юго-западной части площадки святилища (уч.К-Н/43-48).

Методика и методы работы

Керамика Тарасовского святилища исследовалась в рамках историко-культурного подхода к изучению древней посуды (Бобринский А.А., 1978). В работе было использовано 32 образца, происходящих от 32 лепных глиняных сосудов. Кроме того, для сравнения результатов изучения была привлечена керамика Тарасовского могильника: 40 образцов с технико-технологическими определениями. Общее количество образцов для исследования составило 72 экземпляра.

При изучении керамики применялся метод бинокулярной микроскопии, который заключается в определении признаков состояния глины (естественные и искусственные примеси к ней), состава формовочной массы, способов обработки поверхностей сосуда. Для определения степени ожелезненности глины образцы нагревались вторично до температуры 850° в муфельной печи в условиях окислительной атмосферы и сравнивались с эталонной шкалой, полученной в ходе изучения керамики могильников Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (Казанцева О.А., 1996; она же, 1996а), а также с эталонами, хранящимися в лаборатории «История керамики» сектора теории и методики Института археологии РАН (г.Москва).

Важным методическим элементом работы являлся сбор данных о признаках раковины в составе глиняного теста исследуемой керамики. На качественные и количественные особенности раковины обращала внимание Н.П. Салугина, исследуя керамику с раковинной в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Салугина Н.П., 1994, с.148). В керамике Тарасовского святилища фиксируются следующие признаки проявления пресноводных раковин: расщепление по горизонтальным слоям, наличие большого числа «чешуек», разнообразие размерности включений, сохранение перламутрового блеска пластинок раковины.

Включения птичьего помета в исследуемой керамике имели характерные пустоты с округлыми очертаниями, которые присутствовали в большой концентрации, а также отпечатки от травянистых включений. Признаком использования птичьего помета во влажном состоянии были пустоты щелевидной формы.

Для определения степени обжига керамики были проведены экспериментальные испытания 32 образцов керамики из коллекции святилища.

* Рисунки керамики выполнены автором статьи

Характеристика морфологических особенностей посуды святилища будет рассмотрена по форме и орнаменту сосудов.

Форма. Судя по керамике, можно выделить чаши с закрытым устьем (рис.1–6; 3–2,3) и сосуды с прямой шейкой (рис.1–7,8; 2–5; 3–4,6,7). Диаметр сосудов по горлу у большинства сосудов не определяется в силу фрагментарности исследуемой керамики. Диаметр (18 см) был определен у одного сосуда (образец №43; рис.3–8).

Орнамент. Статистический анализ керамики позволяет сделать вывод о том, что большинство сосудов орнаментировано (22 образца, 68,75%), меньшая часть (10 образцов, 31,25%) без орнамента (рис.1–2,5–7,10; 3–1–3,4,6; 4–3). Гончары, изготовившие керамику святилища применяли два элемента узора для оформления верхней части посуды: ямочный (рис.1–1,4,6,8–10; 2–2–6; 3–5,7,8; 4–2,4,5–8) и веревочный, иногда в сочетании (рис.1–1; 4–1). Круглыми ямками орнаментированы 19 фрагментов, что составляет 59,3% от сосудов выборки коллекции. Узор располагался на шейке сосуда в виде одного ряда (рис.1–8,9; 2–4–6; 3–5,7,8; 4–2,5,6,7), в одном случае встречены два парных ряда (рис.1–4). Оттиски шнура являются одним из популярных элементов оформления ананьинской керамики и располагаются горизонтально. Полный орнамент присутствует на обломках в виде сочетания оттисков шнура и ямок (рис.1–1) и ряда горизонтально расположенных ямок (рис.2–6; 3–8; 4–2,5).

Вероятно, в качестве инструментов для нанесения орнамента использовались палочки разного диаметра (от 2 до 5 мм) и шнур, длина «ячейки» которого составляла 3 мм.

Технологическая информация, полученная в результате наблюдений, соответствует структуре гончарного производства (Бобринский А.А., 1999, с.9–11).

Технико-технологическое изучение керамики святилища

Сведения по образцам лепных фрагментов представлены в таблице (табл.1). Итоги исследования керамики даны согласно ступеням развития древнего гончарства.

Исходное сырье. В качестве исходного сырья мастера использовали красную природную глину. По пластичности преобладает глина высокой пластичности (29 образцов, 90,62%), глина средней пластичности составляет 9,38% (3 образца). Естественными включениями глины высокой пластичности являются речной окатанный песок и бурый железняк оолитовой формы, которые отмечены в 14 образцах (43,75%). Бурый железняк встречен в составе глины высокой пластичности в 10 случаях (31,25%). Речной песок являлся компонентом глин высокой пластичности в 4 случаях (14,2%). В одном случае естественных включений нет (3,8%).

В качестве непластичного исходного сырья, мастера использовали органические материалы: птичий помет, обломки раковин пресноводных моллюсков. В составе птичьего помета обнаружены два компонента: обломки раковин пресноводных моллюсков и растительность. В 20 образцах (62,5%) одним из компонентов птичьего помета являлась сухая глина, размерностью в пределах 2-3 мм (концентрация от 1:4 до 1:6).

Сравнительный анализ физических свойств глин показал, что исходное сырье для посуды из погребений Тарасовского могильника и фрагментов керамики с территории святилища практически не различается. В коллекциях керамики обоих памятников преобладает ожелезненная, высшей пластичности глина с естественными компонентами речного песка и бурого железняка оолитовой формы. Различия можно отметить в использовании ожелезненной глины высшей пластичности, в которой фиксируются включения окатанного речного песка. В исходном сырье керамики из погребений подобная глина найдена в 11 образцах (34,37%) в посуде святилища такая глина обнаружена лишь в трех образцах. Обратная «картина» прослежена в использовании ожелезненной глины высшей пластичности с примесью бурого железняка. Данная глина преобладает в исходном сырье посуды святилища (11 случаев, 34,37%). В материалах керамики, происходящей из погребений могильника, зафиксировано только два случая применения этой глины.

Итак, на стадии отбора сырья отмечается однородность среды гончаров, а именно, использование ожелезненной природной глины. Мастера, изготовившие керамику святилища и могильника, работали с красными природными глинами, из чего следует вывод о том, что их представления о сырье были одинаковыми.

В приемах подготовки исходного сырья отмечены традиции добавки органики к глине: птичий помет, обломки раковин пресноводных моллюсков, которые перед вводом в глину предваритель-

но обрабатывались, измельчались. Включения птичьего помета имеют крупную и среднюю размерность, концентрация его сосредоточена в диапазоне от 1:1 до 1:5, преобладает пропорция 1:4.

Отмечены следующие простые *рецепты составления формовочных масс*: «глина+птичий помет» (28 образца, 87,5%), «глина+раковина» (2 образца, 6,2%), «глина+органика неясная» (2 образца, 6,2%). Количественное преобладание в материалах святилища рецепта с птичьим пометом объясняется местной традицией прикамских мастеров. Керамика, в формовочных массах которой содержится органика неясного вида, выделена из общей массы посуды ввиду нечетких признаков определения растительности.

Зависимость определенного исходного сырья и состава формовочных масс сосудов довольно четко фиксирует применение в рецептах «глина+птичий помет», «глина+раковина» ожелезненной глины высшей пластичности. И только в рецепте «глина+органика неясная» отмечена ожелезненная глина средней пластичности с естественной примесью речного окатанного песка.

При более детальном анализе обнаружено некоторое отличие в применении исходного сырья керамики святилища и могильника. А именно, в формовочных массах посуды из погребений некрополя использованы ожелезненные глины высшей и средней пластичности. В керамике же святилища преобладают ожелезненные глины высшей пластичности.

Сведения о навыках формообразования сосудов святилища оказались невозможны по изготовлению начина, так как в коллекции имеются лишь верхние части сосудов. В результате технико-технологического анализа было выяснено, что основным способом создания полого тела сосудов было выдавливание – 25 образцов, что составляет 78,2% (образцы №№1-3,5,8,10,11,14,18-25,30; табл.1), в 7 случаях (21,8%) выдавливание сочеталось с лоскутным наделом (образцы №№4,6,7,13,15,29; табл.1). В двух образцах (№№12,32; табл.1) отмечен только лоскутный надел.

Механическая обработка поверхности сосудов. По материалам исследуемой керамики было выделено два способа обработки внешней поверхности: лощение по подсушенной основе (20 образцов, 62,5%) и ручное простое заглаживание (12 сосудов, 37,5%). На стадии обработки поверхности керамики отмечается некоторая разница между глиняной посудой святилища и могильника. Возможно, это объясняется не только хронологическими рамками бытования керамики (посуда могильника позже), но и функциональным назначением сосудов: бытовая и/или ритуальная керамика происходит с площади святилища, а только ритуальная – из могильника. Для керамики святилища типично лощение сосудов, а поверхность глиняной посуды из могильника обработана простым ручным заглаживанием. Диагностирующим признаком лощения по подсушенной основе в керамике Тарасовского святилища являлись блестящие полоски (канавки) на поверхности фрагментов сосудов. Функции лощения заключались в технологическом плане в уплотнении поверхности керамики, а в техническом плане этот прием использовался для декорирования изделий.

Обжиг керамики. Неравномерная цветовая гамма, в основном серого с оттенками цвета, внешней поверхности сосудов, различная степень прокаленности фрагментов керамики – достаточное основание для предположения об использовании костра при обжиге изучаемой посуды. О низкой температуре обжига свидетельствует и окраска излома керамики. При сером цвете посуды сердцевина излома имеет более темный фон. В образце №29 (рис.4–6) в центральной части излома сохраняются включения птичьего помета в виде полоски с беловатыми вкраплениями. По краям излома эти включения отсутствуют. Подобные факты были отмечены и в керамике, содержащей органические включения – обломки створок раковин пресноводных моллюсков.

Для определения степени обжига керамики был проведен эксперимент, в ходе которого фрагменты от сосудов опускались в воду и выдерживались в течение 24 часов (Бобринский А.А., 1999, с.90). Затем проводился визуальный осмотр черепков. При этом вокруг изучаемого фрагмента отмечался небольшой осадок из глинистых частиц (ободок) – один из признаков остаточной пластичности, но распада черепка не наблюдалось, что свидетельствовало о том, что одно из свойств глины – пластичность было утрачено, так как температурное воздействие было непродолжительным, а температура каления глины выше 450°, но ниже 650°-700° (Бобринский А.А., 1999, с.93). Большая часть фрагментов керамики в местах излома имела черную окраску, что обусловлено наличием органических веществ, которые обуглились до углерода, но не выгорели полностью, вероятно, оттого, что температура была недостаточно высокая. Данные признаки свидетельствуют о несформированном состоянии представлений мастеров о термической обработке керамики. Интересно, что другая,

меньшая часть фрагментов керамики Тарасовского святилища имела светлые тона поверхности. У образцов не обнаружено признаков остаточной пластичности, керамика осталась такой же прочной как и до эксперимента. Средний слой черепка остался темного цвета, то есть не был прокален.

Задача придания керамическим сосудам святилища прочности и водонепроницаемости достигалась путем введения большого количества органики (птичьего помета, обломков раковин пресноводных моллюсков) в глину.

Функциональное назначение посуды

Ассортимент посуды святилища отражает использование керамики, вероятно, в разных целях: хозяйственных и культовых. Косвенным признаком применения сосудов в быту или при определенных ритуальных действиях являются следы нагара, зафиксированные на внутренней поверхности двух фрагментов сосудов (образцы №№43,69; рис.3–8; 4–5) (Казанцева О.А., 1996а).

Выводы

Итак, на основе морфологии и технико-технологического анализа лепной керамики Тарасовского святилища, функционирующего в IV–III вв. до н.э., можно сделать следующие выводы о гончарной технологии древнего населения.

1. Основным сырьем мастеров, изготовившим керамику для Тарасовского святилища, как и для гончаров территории Среднего Прикамья, служила природная красная глина с естественными включениями бурого железняка и речного песка, которая была широко распространена и доступна древнему населению. Наличие местной сырьевой базы обусловлено геоморфологическим строением прикамского региона и, в частности, территория на которой расположены Тарасовское святилище и могильник, тоже богата красной глиной.

2. На стадии обработки исходного сырья применялась ожелезненная глина, которая была предварительно искусственно обогащена органическими включениями: обломки раковин пресноводных моллюсков, растительность. Указанные органические добавки непосредственно перед введением в формовочные массы измельчались.

3. Общекультурной традицией составления формовочных масс (в рамках пьяноборской этнической общности в Среднем Прикамье) является рецепт с добавлением в глину птичьего помета (Казанцева О.А., 2011, с.57). Эта культурная традиция отмечена и в материалах Тарасовского святилища, что позволяет предполагать, что эта традиция преобладала и у гончаров ананьинского общества. По мнению Ю.Б. Цетлина, рецепты формовочных масс с пометом птиц характерны для населения с присваивающим типом хозяйства (Цетлин Ю.Б., 1996, с.305–312). В данном случае, учитывая комплексный характер хозяйства ананьинского населения, можно говорить об одном из занятий населения святилища – охоте.

Простые рецепты формовочных масс, отмеченные в материалах Тарасовского святилища, позволяют предполагать однородный состав населения, частью которого являлись местные гончары. Традиции отбора одинаковой глины и составления формовочных масс являются свидетельством единого в культурном отношении населения. Можно предположить, что древнее население Тарасовского святилища не имело интенсивных контактов с носителями иных гончарных традиций и создавало посуду в местах своего обитания.

4. У мастеров, изготовивших керамику Тарасовского святилища преобладает своеобразный прием обработки внешней поверхности сосудов – лощение по подсушенной основе (84,3%), который придает керамике особый эстетический вид и одновременно является маркером ананьинской керамики. Кроме лощения по подсушенной основе, значительно реже встречен прием ручного простого заглаживания поверхности керамики. Ручное простое заглаживание преобладает в керамике Тарасовского могильника. Возможно, керамика святилища использовалась в быту, а посуду могильника делали специально для ритуала погребения, поэтому она отличается не только формой, технологией, но и функцией, которую она выполняла при обрядовых действиях.

5. Сравнительный анализ культурных традиций мастеров, изготовивших посуду святилища и могильника, позволяет определить особенности каждой. Посуда Тарасовского святилища отличается от керамики могильника не только деталями технологии, например, пластичностью исходного сырья, но и морфологией. Керамика могильника, в большинстве своем, имеет целые формы, миниатюрная по размерам. Максимальная высота лишь двух сосудов достигает 18 см, остальная посуда имеет высоту в пределах 12 см. В материалах святилища изученные фрагменты происходят

от сосудов, диаметр по горлу которых определить невозможно, только у одного сосуда – 18 см. Возможно, разница в размерах керамики объясняется функциональным назначением посуды: только ритуальной для могильника и хозяйственно-культовой для святилища. Определенная преемственность культурных традиций гончаров (древнего населения святилища и могильника) прослеживается на стадии приспособительных навыков труда: отбор природной красной глины, составление формовочных масс, обработке поверхностей сосудов (Бобринский А.А., 1978). Сравнение приспособительных навыков труда мастеров, изготовивших керамику святилища и могильника позволяют говорить о том, что гончарные традиции претерпели изменения, что вполне естественно, произошла смена нескольких поколений мастеров и представления гончаров, например, об обработке поверхностей изменились. Прием обработки поверхности сосудов – лощение по подсушенной основе столь популярный среди мастеров святилища, стал позднее не характерен для гончаров, оставивших, в частности, керамику Тарасовского могильника.

6. Уровень гончарства населения, зафиксированный по материалам Тарасовского святилища, является простым, состоящим из 10 обязательных ступеней и одной дополнительной ступени – орнаментация керамики (Бобринский А.А., 1999, с.9,10).

7. Морфология керамики Тарасовских святилища и могильника. Сравнение фрагментов верхних частей сосудов святилища и посуды могильника позволяет отметить наплывы края сосуда во внешнюю сторону на двух образцах керамики святилища (рис.2–6, 4–4). Визуальный анализ черепков подтверждает сходство тонкостенной керамики святилища с верхней частью некоторых сосудов из погребений Тарасовского могильника.

Изучение морфологии глиняной посуды Тарасовского могильника по хронологическим группам, признаками выделения которых были половозрастные характеристики погребенных, датирующие предметы в могилах с керамикой, позволяет отметить, что в хронологическом интервале с I по V вв. н.э. зафиксировано 3 формы сосудов: горшки, миски, подражания горшкам и мискам, среди которых преобладают сосуды-подражания характерные для этого времени, независимо от пола и возраста умершего (Казанцева О.А., 2011, с.56).

Анализ орнамента на верхних частях керамики, проведенный для поиска закономерностей элементов орнамента, показал следующее. В Тарасовском могильнике орнаментальные традиции керамики группы I–III вв. н.э. представлены узором, состоящим из овальных вдавлений, расположенных горизонтально в один ряд по краю и в одном случае в п.1710 – в три ряда вертикально размещенных по шейке сосуда (Казанцева О.А., 2011, с.59, рис.1–7). Основная масса керамики с орнаментом относится к позднему периоду существования могильника – IV–V вв. н.э.

На изученной керамике Тарасовского святилища отмечены два элемента узора для оформления: ямочный и веревочный в сочетании с ямками, среди которых преобладает ямочный. На керамике узор располагался по шейке сосуда в виде одного ряда (12 фрагментов, 37,5%), в одном случае встречены два парных ряда (рис.1–4). Сравнение орнамента на сосудах из коллекций памятников позволяет говорить о характерной для них традиции в орнаменте – нанесение круглых ямочных вдавлений по шейке сосуда.

Таким образом, исследуя культурные традиции древних гончаров на примере материалов Тарасовских святилища и могильника, прослеживается сходство приспособительных навыков труда мастеров ананьинского и чегандинского времени в выборе исходного сырья – природной красной глины, преобладающем рецепте составления формовочных масс с птичьим пометом, орнаментации глиняных сосудов в виде ямок. На этом основании характер гончарного производства определен как местный. Следовательно, данные, полученные с помощью технико-технологического анализа, по гончарству населения, оставившего керамику Тарасовских святилища и могильника, подтверждают преемственность приспособительных навыков труда мастеров.

Анализ керамики позволяет отметить некоторые сюжеты истории древнего населения святилища и могильника. Группы людей, которым принадлежит керамика, родственны. Но население, оставившее керамику на святилище не было изолировано, а имело разного рода контакты с жителями соседних территорий. Возможно, на территорию святилища керамику приносили для обрядовых действий с соседних селищ и укрепленных поселений.

Технико-технологический анализ керамики позволяет проследить динамику приспособительных культурных традиций древних гончаров в исходном сырье, формовочных массах, обработке

поверхностей сосудов. Керамика с лощеной внешней поверхностью, доминирующая на святилище, практически исчезает к I в. н.э. и с этого времени начинает преобладать прием ручного простого заглаживания. Значительно уменьшилось количество орнаментированной керамики к I в. н.э., а следующий всплеск сосудов с орнаментом характерен для IV–V вв. н.э., что фиксируется по материалам Тарасовского могильника.

Список литературы

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ. С.5-109.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме: монография. Ижевск. Т. II, иллюстрации. 721 с.
- Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме: монография. Ижевск. Т. I. 319 с.
- Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей): Автореф. дисс. ... к.и.н. Ижевск. 21 с.
- Казанцева О.А., 1996а. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей): Спец. 07.00.06 - Ист. науки. Археология: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / О.А. Казанцева. Ижевск. 262 с.
- Казанцева О.А., 2011. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 1. С.55-62. Библиогр.: с.61 (19 назв.). Ил.: 1 рис.
- Салугина Н.П., 1994. Раковина в составе древней керамики // Материалы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. С.148.
- Цетлин Ю.Б., 1996. Культурные традиции в гончарстве как источник по древнейшей истории производящего хозяйства и его носителей // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М. С.305-312.

Таблица 1. Тарасовское святилище. Результаты технико-технологического исследования керамики

Шифр памятника 1549

№ п/п	шифр пред-мета	Исходное сырье		Формовочные массы	Начин		Полое тело	Формо-образование	Обработка поверхности	
		ожелезнен-ность	естественные примеси		пластич-ность	программа конструиро-вания				способ конструиро-вания
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	1605	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:6)	-	-	Вд	-	Лщ
2	1608	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
3	1604	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
4	1609	0	П	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
5	1612	0	П	С	Г+Пт3(1:4,5)	-	-	Вд	-	3
6	1617	0	П,БЖ	В	Г+Орг(?)I(1:9,10)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
7	1618	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:1)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
8	1822	0	П	С	Г+Пт3(1:2)	-	-	Вд	-	3
9	1412	0	П,БЖ	В	Г+Орг(?)	-	-	-	-	Лщ
10	1413	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:5)	-	-	Вд	-	Лщ
11	1406	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:2,3)	-	-	Вд	-	3
12	1407	0	БЖ	В	Г+Рк3(1:1)	-	-	Л	-	Лщ
13	1404	0	-	В	Г+Пт3(1:2)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
14	633	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:1)	-	-	Вд	-	Лщ
15	631	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
16	1953	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
17	1954	0	П,БЖ	В	Г+Пт2(1:2)	-	-	-	-	-
18	1955	0	П	В	Г+Пт2(1:4)	-	-	Вд	-	-
19	1900	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
20	1901	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
21	1902	0	П,БЖ	В	Г+Пт2(1:8)	-	-	Вд	-	Лщ
22	1903	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
23	1904	0	П	В	Г+Пт3(1:1)	-	-	Вд	-	Лщ
24	1905	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
25	1737	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд	-	Лщ
26	1734	0	П	В	Г+Пт3(1:2)	-	-	-	-	Лщ

27	1736	0	БЖ	В	Г+Пт2(1:4)	-	-	-	-	Лщ
28	1735	0	БЖ	С	Г+Пт2(1:1)	-	-	-	-	Лщ
29	1738	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Вд,Л	-	Лщ
30	1713	0	БЖ	В	Г+Рк3(1:3)	-	-	Вд	-	Лщ
31	632	0	П,БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	-	-	Лщ
32	1718	0	БЖ	В	Г+Пт3(1:4)	-	-	Л	-	Лщ

Условные обозначения:

Исходное сырье:

о – ожезлененная глина

степень пластичности глины: В–высокопластичная, С–среднепластичная

Естественные примеси к глине: БЖ–бурый железняк; П–песок речной

Искусственные примеси: Пт–пгичий помет; Рк–обломки раковин пресноводных моллюсков

Способ конструирования: Вд–выдавливание; Л–лоскутный

Обработка поверхности: 3–заглаживание; Лщ–лощение по подсушенной основе

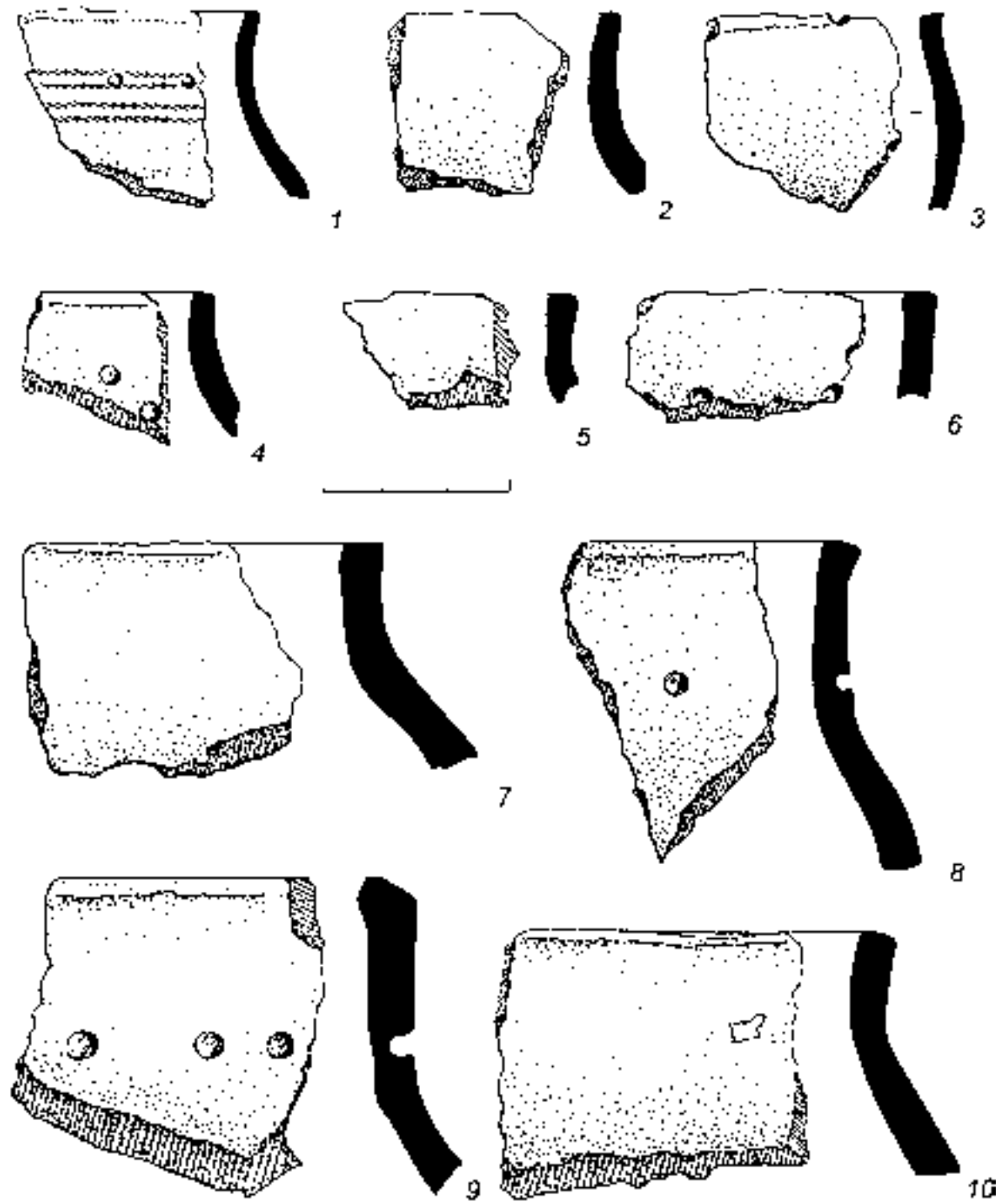

Рис. 1. Тарасовское святилище. Керамика. 1-3, 8, 9 – уч.КЛ/43-44; 4, 5, 7 – уч.КЛ/43-44; 6, 10 – уч.Л/43-44

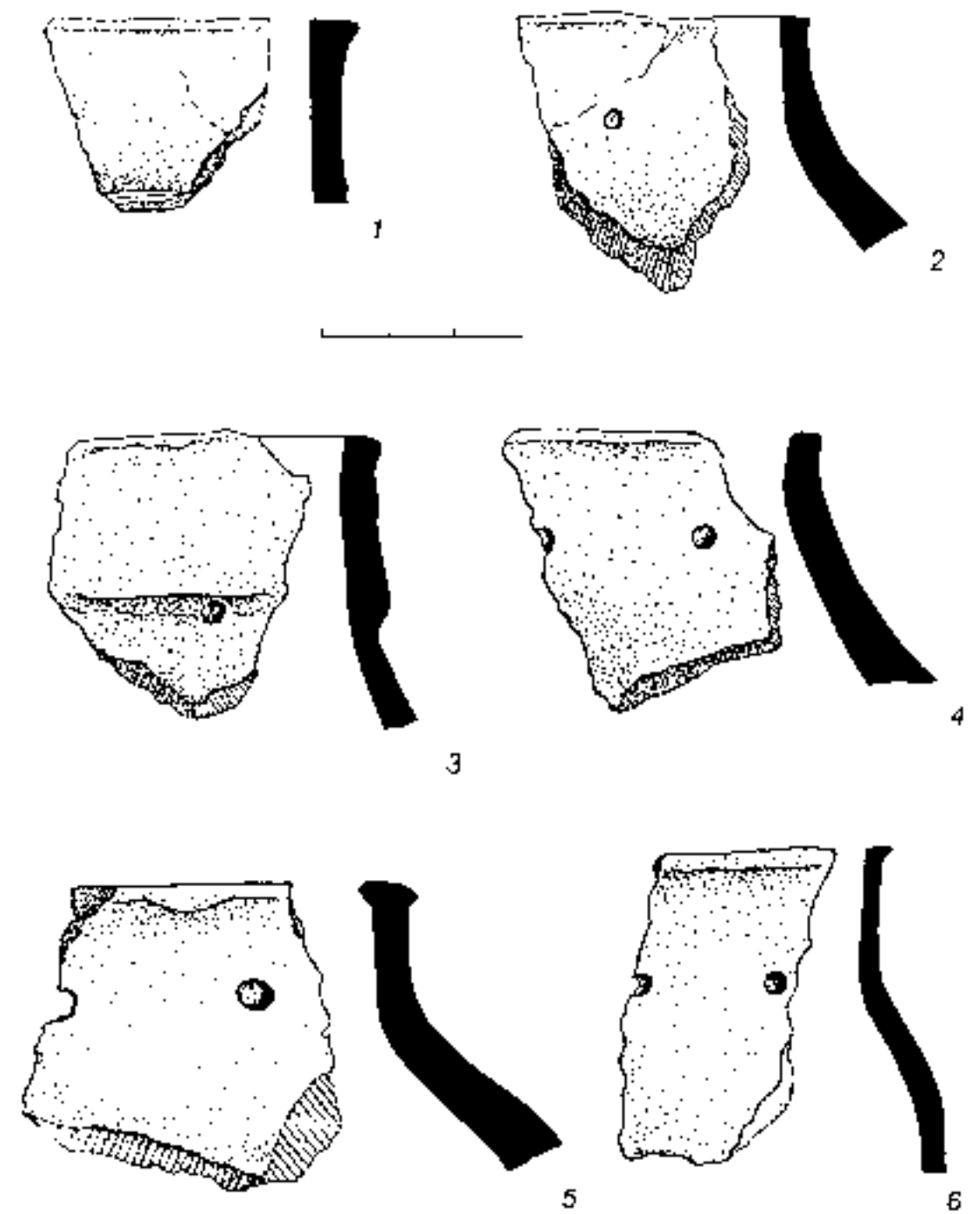

Рис. 2. Тарасовское святилище. Керамика, уч.М/43-44

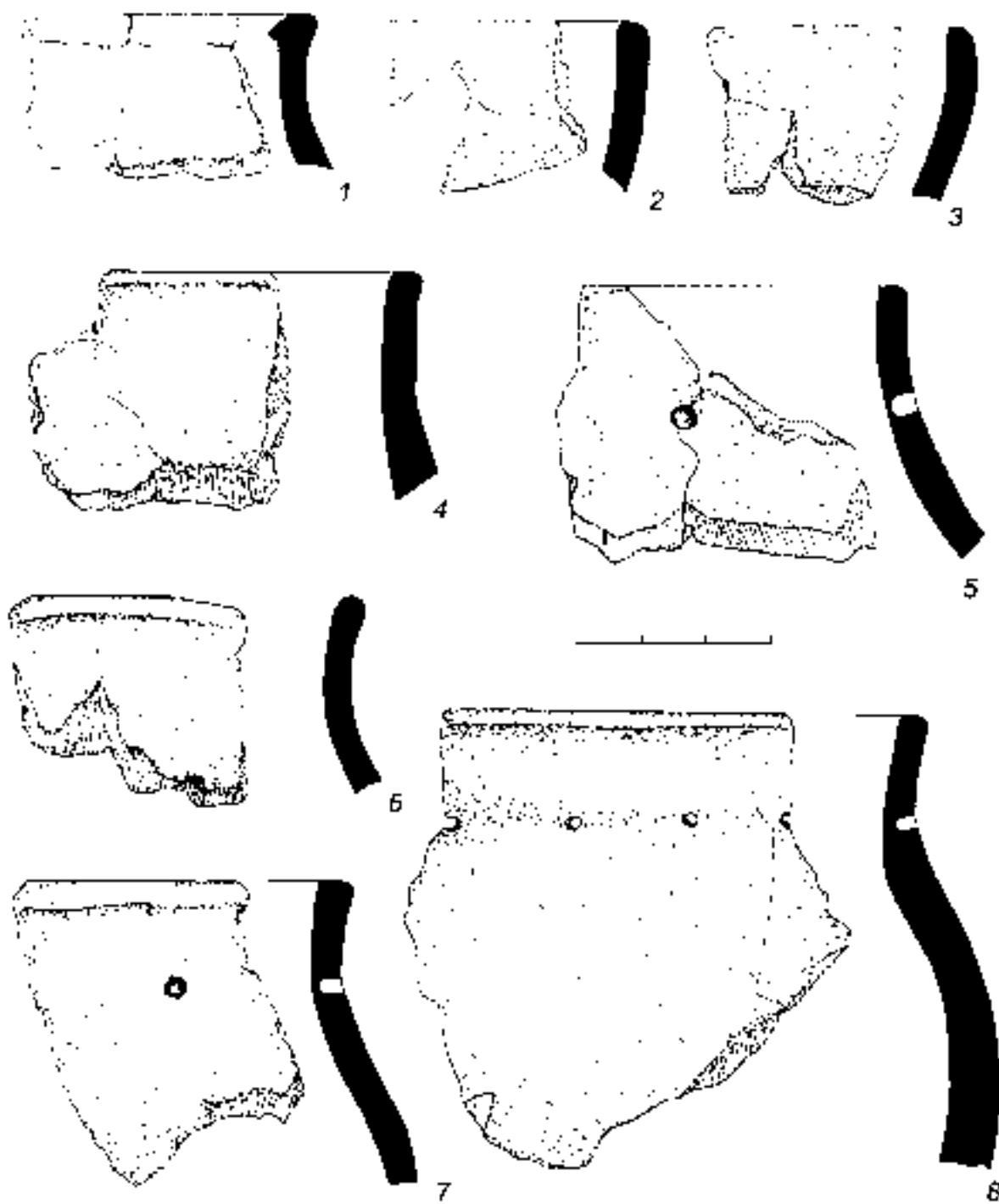

Рис. 3. Тарасовское святилище. Керамика. 1, 3-8 – уч.Л/44-46; 2 – уч.Н/47-48

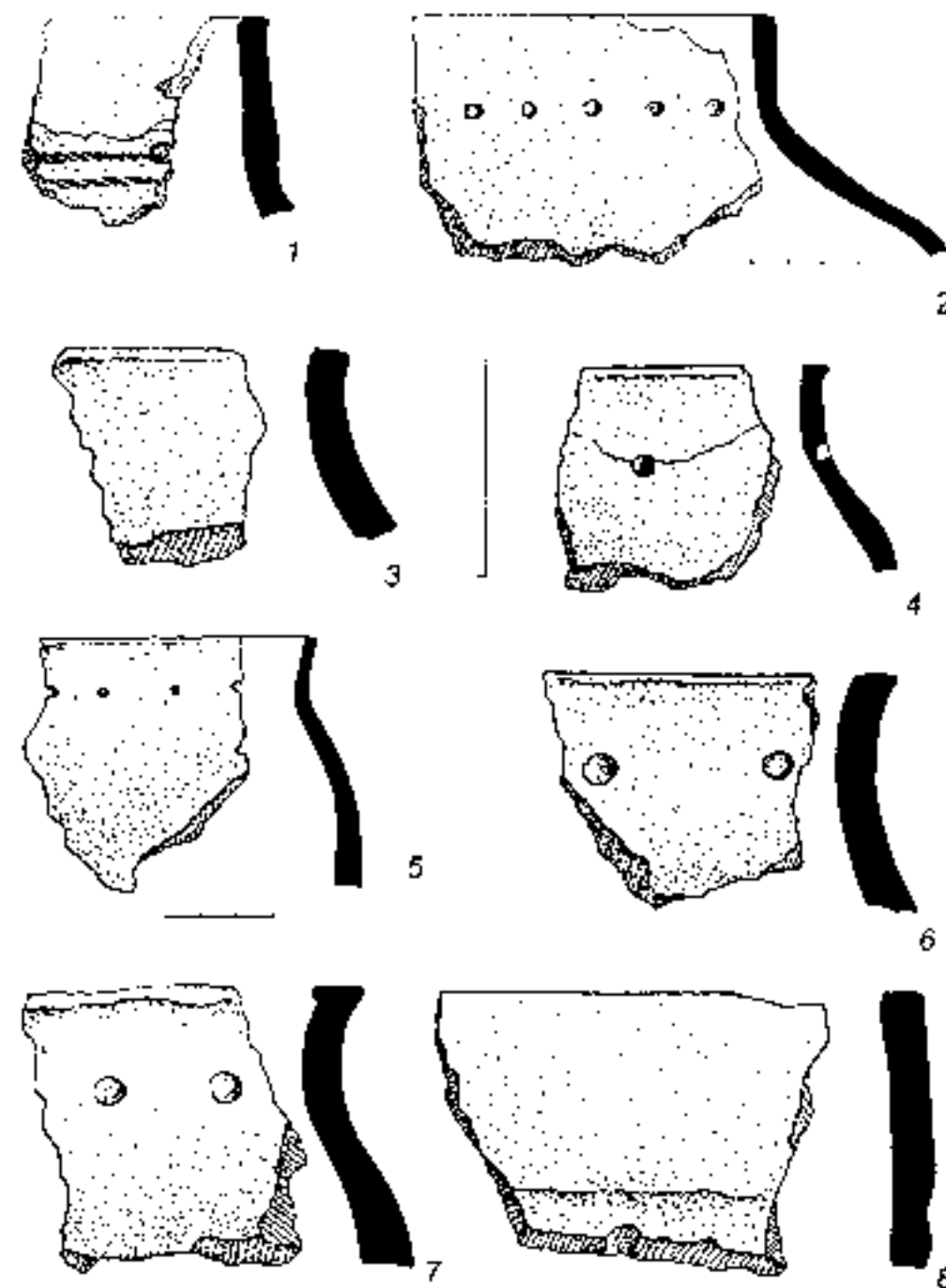

Рис. 4. Тарасовское святилище. Керамика. 1, 3, 4, 6, 8 – уч.ЛМ/46-47; 2, 5 – уч.М/45-46; 7 – уч.Л/43-44

Голдина Римма Дмитриевна

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии и истории первобытного общества, директор Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, начальник Камско-Вятской археологической экспедиции (с 1973 г.), заслуженный деятель науки Удмуртской Республики (1991 г.), почетный работник высшего образования России (1996 г.), лауреат премии Городской Думы г. Ижевска, лауреат Государственной премии УР (2001 г.), заслуженный работник высшей школы РФ (2002 г.), председатель диссертационного совета по защите докторских диссертаций в области отечественной истории, археологии и этнологии УдГУ, автор около

300 научных работ, из них 14 монографий. Монография Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (г. Ижевск, 2004) получила диплом конкурса «Лучшая научная книга России 2004 года». Иллюстративно-тематическое издание «Наследие народов Прикамья» было отмечено Национальной премией РФ (2006 г.) в области охраны археологического наследия России «Достояние поколений» Фонда содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие» в номинации «За большой вклад в популяризацию археологического наследия».

Область научных интересов – древняя и средневековая история народов Приуралья: проблемы хронологии, духовной и материальной культуры, этногенеза, взаимодействие этносов и культур. Р.Д. Голдина – постоянный член финно-угорского научного общества (г. Хельсинки), почетный член научного общества «Регули» (г. Будапешт)

Колобова Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-методической работе Лицея №41 г. Ижевска, учитель истории. Область научных интересов – история культуры народов Приуралья, педагогика и методика обучения (современные педагогические технологии), популяризация естественнонаучного образования, в том числе нанотехнологий. Участник КВАЭ (1992-1998 гг.) (Удмуртская Республика, Пермский край). Автор 15 публикаций (из них 5 – по археологии, 10 – по педагогике).

Казанцева Ольга Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ (2013 г.).

Область научных интересов - история раннесредневекового населения Прикамья, древнее гончарство, краеведение, музееология. Более 30 лет руководит археологическими отрядами КВАЭ (Удмуртская Республика, Пермский край), 20 лет исследует археологические объекты Бардымского района Пермского края, занимается популяризацией и экспозиционно-выставочной деятельностью в области историко-культурного наследия народов Прикамья.

Автор более 100 научных работ, среди которых 4 монографии.

Митряков Александр Евгеньевич

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник археологического музея Удмуртского государственного университета. Сфера научных интересов - эпоха палеометалла и раннего железа лесной полосы Приуралья, гончарство, формально-статистические методы обработки массового материала. Участник КВАЭ (с 2000 г. по настоящее время). Автор более 20 публикаций, посвященным различным аспектам истории Прикамья в эпоху бронзы и раннего железа

Шаталов Василий Анатольевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, специалист в области истории и археологии раннего железного века Приуралья, автор около 20 опубликованных работ, в том числе двух монографий: «Аргыжское городище на реке Вятке», М., 2002, в соавторстве с Е.М. Черных и В.В. Ванчиковым, а также «Вятский край на пороге раннего железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.)», Ижевск, 2006, в соавторстве с Л.И. Ашихминой и Е.М. Черных.

Научное издание

**Голдина Римма Дмитриевна,
Колобова Татьяна Анатольевна
Казанцева Ольга Алексеевна
Митряков Александр Евгеньевич
Шаталов Василий Анатольевич**

Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье

Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
Том 26

Художественное и графическое оформление:
Т.Р. Сабиров, И.Г. Соловьева, Н.Ф. Шишкина
Компьютерный набор и верстка: В.Г. Базанова
Дизайн обложки И.Г. Соловьева

Сдано в печать
Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Усл.печ.л. . Заказ .
Тираж 300 экз.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в МУП г.Сарапула «Сарапульская типография»
г.Сарапул, ул.Раскольникова, 152